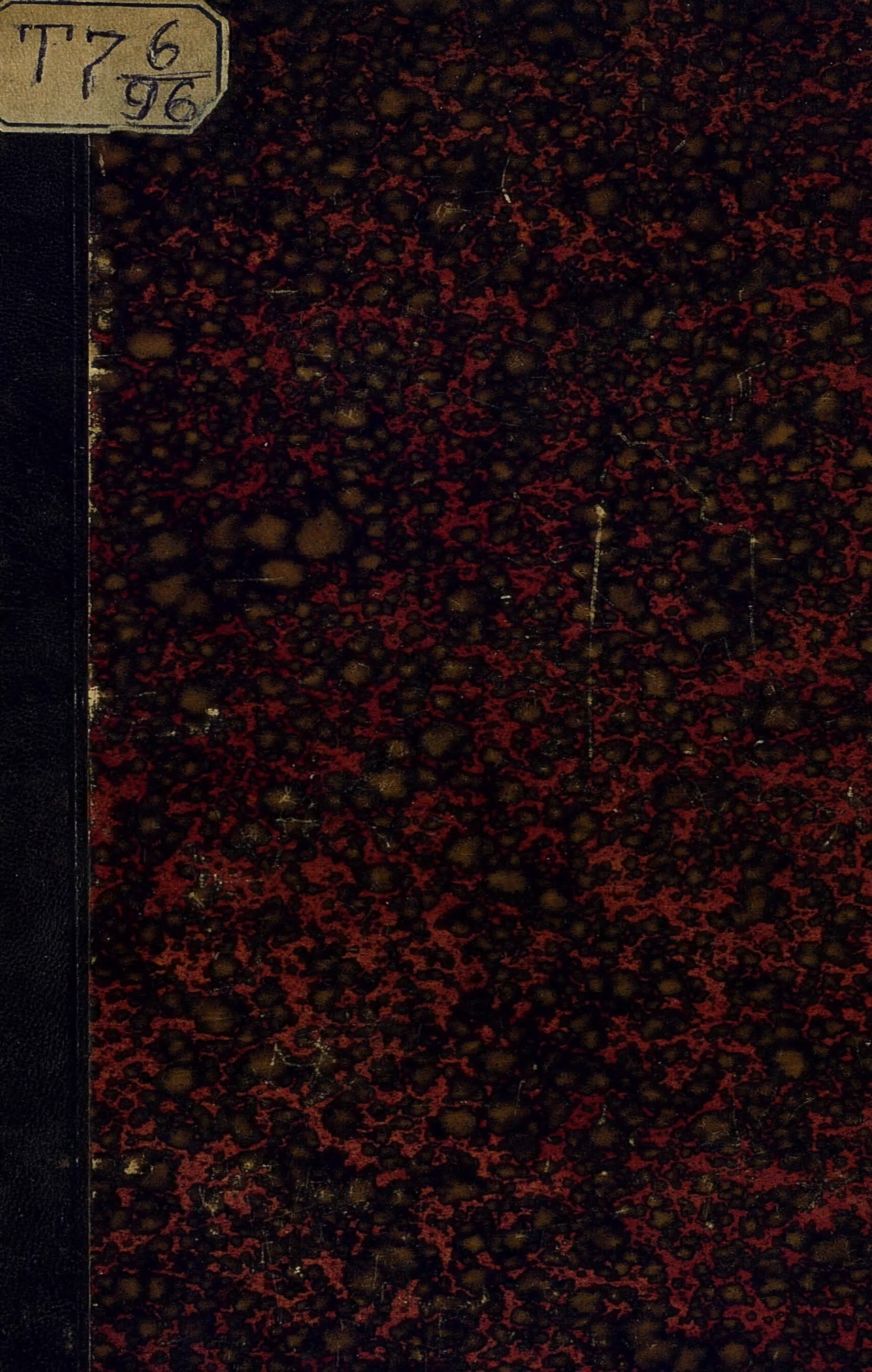

БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

СЕНАТОРОВЪ

ПО МАТЕРІАЛАМЪ, СОБРАННЫМЪ П. И. БАРАНОВЫМЪ.

П. Н. Семенова

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ 1886 г. кн. 1-я.

ПЛАТОНЪ ИВАНОВИЧЪ БАРАНОВЪ

НЕКРОЛОГЪ.

Родился 20 октября 1827 г., скончался 24 декабря 1884 г.

24 декабря прошлаго 1884 года скончался въ С.-Петербургѣ одинъ изъ замѣчательныхъ и полезнѣйшихъ тружениковъ въ области отечественной исторической біографіи, изслѣдователь драгоцѣннѣйшаго хранилища историческихъ документовъ Сенатскаго Архива, членъ консультаціи Министерства Юстиціи и завѣдывавшій упомянутымъ архивомъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Платонъ Ивановичъ Барановъ. Онъ происходилъ отъ древняго дворянскаго рода Барановыхъ, былъ сыномъ отставнаго генералъ-маіора Ивана Николаевича, участвовавшаго въ походахъ 1812 и 1813 г. (род. 28 мая 1794 г., скон. 13 іюня 1872 г., въ Висбаденѣ, гдѣ и похороненъ) и Елисаветы Платоновны, рожденной Языковой (род. въ 1805 г., скон. 26 авг. 1844 г.) и внукъ Николая ~~Платоновича~~ Ивановича, сенатора и почетнаго опекуна Московскаго Воспитательнаго Дома (род. 27 янв. 1757 г. и ум. въ 1824 г., похороненнаго въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ). Сестра Ивана Николаевича, Прасковья Николаевна (за кам.-юнкер. Павломъ Сергѣевичемъ Шишкинымъ) была фрейлиной двухъ императрицъ Маріи Ѳеодоровны и Елисаветы Алексѣевны (род. 17 марта 1792, скон. 4 іюня

1880 г.). Ея сынъ Николай Павловичъ Шишкинъ состоитъ нынѣ посланникомъ при шведскомъ дворѣ. Платонъ Ивановичъ былъ женатъ на княжнѣ Маріи Борисовнѣ Солнцевой-Засѣкиной; братъ его Александръ Ивановичъ генералъ отъ артиллеріи, былъ Московскимъ губернаторомъ.

Окончивъ курсъ въ училищѣ Правовѣдѣнія въ 1847 г., Платонъ Ивановичъ былъ опредѣленъ на службу въ Москвѣ, въ канцелярію 8 Департамента Сената. Служебная дѣятельность его распадается на два періода. Въ теченіе 18 лѣтъ онъ прошелъ многія должности въ канцеляріяхъ 6, 7 и 8 Департаментахъ Сената, въ 1858 году былъ назначенъ прокуромъ Межевой Канцеляріи, а 16 января 1864 года за оберъ-прокурорскій столъ въ 8-й Департаментъ.

Съ 18 августа 1865 г. Платонъ Ивановичъ вступилъ въ завѣдываніе С.-Петербургскимъ Сенатскимъ Архивомъ и разборнымъ архивомъ Департамента Герольдіи. Этому учрежденію онъ посвящалъ все свое время, силы и способности до конца жизни, болѣе 19 лѣтъ. Горячо принялся онъ за разработку громаднаго матеріала, хранившагося въ архивѣ, привелъ его въ порядокъ и началъ составлять описи важнѣйшихъ документовъ Высочайшихъ указовъ и повелѣній *).

---

*) Чтобы составить себѣ понятіе о количествѣ хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ документовъ, приведемъ нѣсколько цифръ за 1883 годъ: Именныхъ Выс. Указ. съ 1704 по 1881 годъ—136,477 (въ 938 книгахъ и болѣе 300 связкахъ) и почти столько же копій; 1,180,308 разныхъ документовъ; 1,495,717 дѣлъ; 143,124 журнала; 1,203,750 опредѣленій Сената; 227,000 формуляровъ и т. д., всего до 4.550.000 нумеровъ. Въ числѣ Выс. Указ. и повелѣній, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ, имѣются многія, данныя нѣкоторымъ упраздненнымъ въ теченіе XVIII вѣка учрежденіямъ, каковы: 1) Бергъ-Коллегіи, 2) Камеръ-Коллегіи, 3) Юстицъ-Коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ за 1740—1802 года, 4) Конторы Экономіи, 5) Юстицъ-Конторы, 6) Статсъ-Конторы, 7) Ревизіонъ-Конторы, 8) Мануфактуръ-Канцеляріи, 9) Монетной Канцеляріи и С.-Петербургской Монетной Экспедиціи, 10) Таможенной Канцеляріи, 11) Ямской Канцеляріи, 12) Канцеляріи Опекунства иностранныхъ переселенцевъ, 13) Главной Полицеймейстерской Канцеляріи, 14) Коммиссіи о построеніи С.-Петербурга и городовъ Имперіи, 15) Коммиссіи о Коммерціи и 16) Коммиссіи о дорогахъ въ государствѣ. Кромѣ того драгоцѣнны въ историческомъ отношеніи хранящіяся въ Архивѣ 2937 протоколовъ и журналовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта за 1726—1730 годы, а также распоряженія Кабинетъ Министровъ императрицы Анны Іоанновны и Конференціи императрицы Елисаветы Петровны.

Съ Высочайшаго разрѣшенія П. И. Барановъ началъ въ 1872 году изданіе описей указовъ и повелѣній, и имъ было выпущено въ свѣтъ три тома до царствованія Екатерины Великой *). Къ этимъ тремъ томамъ въ 1875 и 1878 году имъ были изданы указатели предметный и личныхъ именъ въ двухъ томахъ. Всякій, занимавшійся историческими розысканіями за время съ 1704—1762 годъ, безъ сомнѣнія не можетъ обойтись безъ этой книги и не оцѣнить ее по достоинству. Лестный отзывъ объ этомъ капитальномъ трудѣ былъ сдѣланъ въ мартовской книжкѣ „Русской Старины“ за 1879 годъ. Этотъ отзывъ вызвалъ со стороны П. И. Баранова возраженія или точнѣе, разъясненіе, напечатанное отдѣльною брошюрою, представляющею значительный интересъ какъ голосъ опытнаго практика, и какъ матеріалъ для исторіи Сенатскаго Архива. Единственный упрекъ, который былъ сдѣланъ рецензентомъ П. И. Баранову выраженъ такъ: „пусть трудъ описи Сенатскаго Архива будетъ не простою описью, а дѣйствительнымъ описаніемъ этого хранилища актовъ правительственной власти, хотя бы только за одинъ XVIII вѣкъ“. Дѣло въ томъ, что опись П. И. Баранова представляетъ перечень заголовковъ указовъ и повелѣній, съ указаніемъ гдѣ всякое повелѣніе можетъ быть разыскано въ Архивѣ, и такимъ образомъ историку обойтись безъ справки съ подлиннымъ документомъ невозможно. Объ этомъ и сожалѣетъ рецензентъ. Намъ же кажется желательнымъ не составленіе описаній и извлеченій изъ Высочайшихъ указовъ и повелѣній (какъ указываетъ рецензентъ и что, какъ ниже видно, не выдерживаетъ критики), а такой описи, которая вмѣстѣ съ полнымъ собраніемъ законовъ по возможности исчерпывала бы воспроизведенные въ подлинникѣ всѣ акты нашей верховной власти. Такому пожеланію нельзя не сочувствовать, потому что въ III томъ описей, напримѣръ, за время съ 1740—1762 годъ [illegible] заголовковъ Высочайшихъ указовъ, повелѣній и Высочайше утвержденныхъ опредѣленій Сената, оказавшихся въ числѣ документовъ Сенатскаго Архива,

---

* Въ I Томъ Описей вошли указы и повелѣнія съ 1704 до 1725 года; во II томъ-съ 1725—1740 г. и въ III томъ-съ 1740 г. по 1762 г.

внесено 4280, изъ нихъ помѣщено въ полномъ собраніи законовъ только 558, а 3742 акта, несомнѣнно имѣющихъ отношеніе ко всѣмъ сторонамъ жизни и развитія нашего отечества за помянутое время, оставалось и остается необнародованнымъ. Но отъ пожеланія, даже самаго искренняго, до исполненія далеко. Это желаніе, какъ намъ извѣстно, раздѣлялъ и самъ составитель описей и къ своему сожалѣнію онъ принужденъ былъ остаться только при желаніи. Трудъ, имъ предпринятый, не подъ силу одному человѣку; между тѣмъ онъ начатъ имъ однимъ и былъ доведенъ до Екатерины Великой и имѣетъ уже то огромное значеніе, что приведено въ извѣстность, какіе и какое число указовъ и повелѣній необнародованы и гдѣ ихъ отыскать. Когда явится сознаніе необходимости ихъ обнародованія, останется только взять описи Баранова и по нимъ отыскать въ Архивѣ подлинные акты, списать ихъ и отпечатать. Такое изданіе по своему громадному объему не можетъ быть предметомъ предпринимателя. Вотъ какъ возражалъ П. И. Барановъ рецензенту: „По объявленному мною въ I томѣ описи плану, установленному по убѣжденію въ необходимости скорѣйшаго представленія краткихъ указаній о существующихъ въ Сенатскомъ Архивѣ историческихъ документахъ—трудъ, требующій и меньше времени, и менѣе затратъ, я добровольно вызвался только составить первоначальный каталогъ или „опись" наличному. Но, находя это весьма и весьма полезнымъ, рецензентъ все-таки считаетъ гораздо болѣе полезнымъ, еслибы я составлялъ не опись, а подробныя описанія, т.-е. онъ вызываетъ меня на трудъ многотомный, болѣе продолжительный и требующій огромныхъ затратъ по извлеченію такихъ подробностей изъ документовъ, которыя кажутся наиболѣе важными. Вопервыхъ, опредѣленіе важнаго или неважнаго зависитъ вполнѣ отъ личнаго взгляда каждаго изъ насъ, смотря по наклонностямъ, а слѣдовательно есть понятіе крайне относительное, могущее вызвать еще большее разногласіе между извлекателемъ и критиками чужихъ убѣжденій. Вовторыхъ, можетъ ли болѣе широкое описаніе документовъ вполнѣ удовлетворить людей, спеціально изучающихъ какой-либо отдѣльный вопросъ изъ жизни

государственной? Могутъ ли извлеченія наиболѣе важныхъ подробностей избавить ихъ, по неимѣнію полнаго текста, отъ необходимости обращаться къ подлиннымъ источникамъ?... Всеобщее стремленіе къ всестороннему изученію исторіи государства и потребности современной правительственной администраціи, уже отмѣнившей систему таинственности архивовъ вообще, ясно указываетъ на то, что первая и главнѣйшая обязанность всякаго начальника архива заключается въ томъ, чтобы прежде всего быть въ состояніи, безъ потери времени, съ точностію указать, что̀ именно хранится во ввѣренной ему части. Для этого необходимо прежде всего неотложное составленіе каталоговъ и алфавитовъ; если этотъ первый шагъ, къ которому побуждаетъ ихъ прямая обязанность, еще не выполненъ, то удлиненіе каталоговъ и всякія извлеченія отдѣльныхъ, хотя бы и очень интересныхъ, подробностей, будутъ преждевремёнными, а траты на нихъ казенныхъ денегъ—неумѣстными".

Мы потому подробно остановились на вопросѣ объ изданіи описей указовъ, что имѣемъ въ нашемъ распоряженіи, доставшіяся намъ по духовному завѣщанію отъ П. И. Баранова, составленныя имъ описи въ рукописяхъ за царствованіе императрицы Екатерины Великой и Павла Петровича (восемь объемистыхъ рукописныхъ томовъ). Этотъ громадный и драгоцѣнный трудъ не можетъ быть предметомъ изданія частнаго лица, тѣмъ болѣе, если выполнить выраженную выше задачу обнародованія въ описи всѣхъ указовъ и повелѣній, которые не помѣщены въ полное собраніе законовъ, куда большинство ихъ не вошло потому, что это собраніе представляетъ по преимуществу хранилище законовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ отличіе отъ административныхъ распоряженій (ordonnances). Никто не станетъ оспаривать большаго интереса и важнаго значенія въ историческомъ и юридическомъ отношеніи продолженія изданія описей даже въ томъ видѣ, какъ онѣ составлены П. И. Барановымъ, съ нѣкоторыми только улучшеніями, тѣмъ болѣе что онѣ относятся къ такой эпохѣ какъ царствованіе Великой Екатерины. Если же помѣщать въ описи и подлинные указы и повелѣнія необнародованные, то все же

сдѣланный трудъ П. И. Барановымъ неоцѣненъ, какъ канва, съ вышитымъ уже фономъ, по которому придется только нашивать добавленія, и все дѣло сводится единственно къ вопросу финансовому. Кромѣ издержекъ по добавленіямъ составленныхъ въ рукописи описей, перепискѣ подлинныхъ актовъ для набора въ печать и печатанію ихъ, необходимы еще затраты по составленію и напечатанію указателей, безъ которыхъ описи не имѣютъ цѣны. Надо надѣяться, что правительство наше не оставитъ своею помощію начатой съ Высочайшаго соизволенія и удостоенный 31 января 1879 года монаршаго благоволенія трудъ П. И. Баранова.

Посвятивъ всю свою службу Правительствующему Сенату, П. И. Барановъ изучилъ организацію и исторію этого высшаго административнаго учрежденія, заканчивающаго двухвѣковое свое существованіе и изъ гражданскихъ учрежденій единственное уцѣлѣвшее, хотя уже не въ полной чистотѣ, отъ Петровскихъ временъ. 22 февраля будущаго 1886 года минетъ 175 лѣтъ со времени его учрежденія; черезъ 26 лѣтъ, въ 1911 году, къ 200-лѣтнему его юбилею, онъ, къ сожалѣнію, со введеніемъ во всей Россіи Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, вѣроятно покончитъ свое существованіе, какъ высшая правительствующая судебная инстанція и останется только развѣ въ видѣ обломка Петровскаго и Екатериненскаго Сената, въ одной только административной своей части. Исторіи Сената, къ сожалѣнію, до недавняго времени не было посвящено ни одного полнаго сочиненія въ нашей литературѣ, кромѣ прекраснаго труда С. Петровскаго: „О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго“. Но этотъ трудъ обнимаетъ небольшой періодъ и затѣмъ дальнѣйшая его исторія составляетъ пока еще предметъ будущихъ изслѣдованій. Между тѣмъ изученіе этого учрежденія, столь прочнаго и столь долго благотворно вліявшаго на жизнь нашего государства, представляется въ высшей степени назидательнымъ не только для историка, но и для законодателей и особенно во времена борьбы единоличнаго начала власти въ управленіи съ коллегіальнымъ, какимъ по идеѣ Петра былъ учрежденъ Сенатъ и затѣмъ развитъ Екатериной Великой и отличавшій-

ся потому вѣковымъ твердымъ и постояннымъ характеромъ своей дѣятельности. Роль и значеніе всякаго учрежденія стоитъ въ зависимости не только отъ идей, положенныхъ въ основаніе ихъ устройства, но и отъ дѣятельности лицъ, его составляющихъ, которыми и созидается то, что называется духомъ учрежденія; а духъ этотъ живетъ и передается по преданіямъ. Имѣя подъ руками богатый матеріалъ архива для исторіи Сената, П. И. Барановъ задумалъ положить фундаментъ для осуществленія ея и кромѣ описей предпринялъ трудъ собиранія біографическихъ данныхъ о всѣхъ россійскихъ сенаторахъ. Сначала намѣревался онъ составить и издать полный списокъ со свѣдѣніями объ ихъ служебной дѣятельности, но долженъ былъ, къ сожалѣнію, отказаться отъ осуществленія этого изданія, за невозможностью скоро собрать формулярные списки всѣхъ сенаторовъ. Тѣмъ не менѣе имъ собранъ весьма богатый матеріалъ для ихъ біографій и даже были нѣсколько обработаны имъ біографическіе очерки нѣкоторыхъ, преимущественно за прошлое столѣтіе. Напечатана была имъ отдѣльнымъ изданіемъ только одна біографія сенатора Мих. Андр. Балугьянскаго, сотрудника гр. Сперанскаго по составленію Свода Законовъ (М. А. Балугьянскій, П. Баранова, 1882, бол. 8°, 44, съ портрет.), въ которой сообщено много интересныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ необнародованныхъ бумагъ, хранящихся у потомковъ Балугьянскаго.

Къ 1 августа 1884 года всѣхъ сенаторовъ состояло 1082 чел., съ основанія Сената въ 1711 г. До 700 формулярныхъ списковъ было собрано П. И. Барановымъ, стоившихъ ему значительныхъ затратъ по перепискѣ. Кромѣ того о каждомъ изъ нихъ на карточкахъ отмѣчены многіе источники, гдѣ объ нихъ въ печати можно найти свѣдѣнія. Особенно богатъ матеріалъ для біографій сенаторовъ Петровскаго времени, Елисаветы Петровны, Екатерины Великой и Александра I *). Большинство выдающихся дѣятелей и сподвиж-

*) Вотъ имена сихъ сенаторовъ: *Петра I*—1) гр. П. М. Апраксинъ, 2) гр. Ѳ. М. Апраксинъ, 3) гр. Я. А. Брюсъ, 4) А. А. Вейде, 5) кн. Д. К. Кантемиръ, 6) кн.

никовъ означенныхъ государей, особенно въ прошлое столѣтіе, были сенаторами, а потому біографіи этихъ лицъ представляютъ большой интересъ для историка. Такъ, напримѣръ, всѣ первые министры, кромѣ морскаго гр. Н. С. Мордвинова, были сенаторами *). Кн. А. А. Чарторыскій, гр. Н. Н. Новосильцевъ, гр. П. А. Строгоновъ, составлявшіе тріумвиратъ Александра I, были также сенаторами. Также и первые московскіе главнокомандующіе и генералъ-губернаторы **),

А. И. Репнинъ, 7) гр. П. А. Толстой, 8) кн. Гр. Д. Юсуповъ, 9) гр. П. И. Ягушинскій, 10) И. И. Неплюевъ, 11) гр. А. А. Матвѣевъ, 12) гр. И. А. Мусинъ-Пушкинъ, 13) кн. Г. Ѳ. Долгорукой, 14) Т. Н. Стрешневъ, 15) Г. П. Чернышевъ, и др. *Елисаветы*—1) гр. Бестужевъ-Рюминъ, 2) гр. Мих. Илар. Воронцовъ, 3) и 4) гр. А. И. и П. И. Шуваловы, 5) Н. А. Бекетовъ, 6) кн. Я. П. Шаховской, 7) гр. Ал. Бутурлинъ, 8) кн. М. М. Голицынъ младшій, 9) В. Я. Левашевъ, 10) гр. П. П. Ласси, 11) Ѳ. И. Соймоновъ, 12) П. С. Сумарковъ, 13) кн. Н. Ю. Трубецкой, 14) гр. В. В. Ферморъ, 15) кн. Б. Гр. Юсуповъ, 16) кн. И. А. Щербатовъ, 17) гр. Н. Ѳ. Головинъ и др. *Екатерины II*—1) В. Е. Ададуровъ, 2) гр. Я. А. Брюсъ, 3) Д. В. Волковъ, 4) кн. М. Н. Волконскій, 5) П. Д. Еропкинъ, 6) П. А. Заборовскій, 7) И. В. Лопухинъ, 8) кн. А. А. Прозоровскій, 9) гр. И. С. Салтыковъ, 10) Г. Н. Тепловъ, 11) гр. Анд. П. Шуваловъ, 12) гр. И. В. Гудовичъ, 13) гр. Ѳ. А. Остерманъ, 14) кн. Н. Б. Юсуповъ, 15) П. И. Фонъ-Визинъ, 16) И. П. Балле, 17 и 18) гр. И. Г. и З. Г. Чернышевъ, 19) П. Б. Пассекъ, 20) М. М. Измайловъ и др. *Александра I*—1) гр. И. А. Безбородко, 2) В. П. Дезинъ, 3) И. И. Дмитріевъ, 4) гр. П. В. Завадовскій, 5) П. А. Кикинъ, 6) В. П. Кочубей, 7) кн. П. В. Лопухинъ, 8) Д. Б. Мертваго, 9) Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, 10) кн. А. Б. Куракинъ, 1 и 2; 11) И. С. Тимирязевъ, 12) гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ, 13) гр. Ѳ. В. Растопчинъ, 14) кн. Н. И. Салтыковъ, 15) кн. Г. С. Волконскій, 16) Д. Н. Сенявинъ, 17) Д. П. Трощинскій, 18) кн. В. С. Трубецкой, 19) кн. Н. Б. Юсуповъ, 20) кн. Н. Н Хованскій, 21) П. И. Нейдгардтъ, 22) Н. А. Тейльсъ, 23) гр. П. А. Строгоновъ, 24) гр. Н. Н. Новосильцовъ, 25) кн. А. А. Чарторыскій, 26) П. А. Тучковъ, 27) П. В. Чичаговъ, 28) И. С. Руничъ, 29) гр. С. К. Вязмитиновъ и др.

*) Первыми Министрами были: военный—гр. С. К. Вязмитиновъ, иностран. дѣлъ—гр. А. Р. Воронцовъ, юстиціи—Г. Р. Державинъ, внутр. дѣлъ—кн. В. П. Кочубей, финансовъ - гр. А. И. Васильевъ, госуд. казн.—О. А. Голубцовъ, коммерціи—гр. Н. П. Румянцовъ, народ. просв.—П. В. Завадовскій.

**) Первыми Московскими Генералъ-Губернаторами были: 1) гр. А. Б. Бутурлинъ 1762—1763 г., 2) гр. П. С. Салтыковъ, 1763—1771 г., 3) кн. М. Н. Волконскій, 1771—1780 г., 4) кн. В. М. Долгорукой-Крымскій, 1780—1782 г. 5) гр. З. Г. Чернышевъ 1782—1784 г., 6) гр. Я. А. Брюсъ, 1784—1786 г. 7) П. Д. Еропкинъ, 1786—1790 г., 8) кн. А. А. Прозоровскій, 1790—1796 г., 9) М. М. Измайловъ, 1795—1797 г., 10) гр. И. П. Салтыковъ, 1797—1804 г., 11) А. А. Беклешовъ, 1804—1806 г., 12) Т. И. Тутолминъ, 1806—1809 г., 13) гр. И. В. Гудовичъ, 1809—1812 г., 14) гр. Ѳ. В. Ростопчинъ, 1812—1814 г.

многіе изъ генераловъ, портреты коихъ составляютъ Военную Галлерею Зимняго Дворца въ Петербургѣ *) и многіе адмиралы **). Имѣя намѣреніе подготовлять мало-по-малу къ печати біографическіе очерки сенаторовъ, по матеріаламъ, собраннымъ П. И. Барановымъ, мы позволили себѣ привести имена многихъ изъ нихъ, въ надеждѣ вызвать лицъ, имѣющихъ какія-либо письма и бумаги о сенаторахъ, къ обнародованію этихъ документовъ.

Изъ нашего краткаго очерка трудовъ П. И. Баранова видно, до какой степени онъ былъ преданъ архивному дѣлу; ему съ полнымъ самоотверженіемъ отдавалъ онъ, въ теченіе 19 лѣтъ, все свое время, средства и здоровье, и нельзя не преклониться передъ его необыкновеннымъ трудолюбіемъ.

Въ предисловіи къ первому тому своей „Описи" П. И. Барановъ высказалъ слѣдующій взглядъ на обязанность начальника архива, которымъ онъ, казалось, былъ созданъ: „Было бы непростительно со стороны непосредственныхъ хранителей письменныхъ памятниковъ оставаться въ бездѣйстіи и отказаться отъ попытки открыть занимающимся путь къ пользованію архивными документами". Такого просвѣщеннаго взгляда онъ всегда держался, и многіе, занимавшіеся историческими розысканіями, встрѣчали всегда самое искреннее радушіе Платона Ивановича въ архивѣ и готовность всячески содѣйствовать ихъ изслѣдованіямъ. Платонъ Ивановичъ, какъ человѣкъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ за эти качества и за свою рѣдкую доброту и прямой характеръ и преждевременная его кончина составляетъ большую потерю для отечественной исторической науки.

---

*) Изъ Военной Галлереи Зимняго Дворца сенаторами были: гр. П. А. Строгоновъ, Зах. Дм. Олсуфьевъ, А. А. Бибиковъ, К. Ѳ. де-Ламбертъ, В. С. Трубецкой, М. Ѳ. Ставицкій, Д. М. Мордвиновъ, Б. Я. Княжнинъ, П. А. Тучковъ, Н. Н. Хованскій, А. А. Закревскій, Н. В. Кретовъ, П. И. Нейдгардтъ.

** Изъ адмираловъ были сенаторами: гр. Ѳ. М. Апраксинъ, П. П. Балле, кн. М. М. Голицынъ, младшій, гр. Н. Ѳ. Головинъ, В. П. Дезинъ, П. К. Карцовъ, Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ, Ѳ. С. Милославскій, Г. П. Платеръ, С. А. Пустошкинъ, П. И. Пущинъ, А. А. Сарычевъ, Д. Н. Сенявинъ, Е. Е. Тетъ, П. Г. Чернышевъ, П. В. Чичаговъ.

Съ 26 августа 1866 года, т.-е. болѣе 18 лѣтъ, Платонъ Ивановичъ состоялъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и ему не суждено было попасть въ число сенаторовъ, которымъ онъ посвятилъ столько трудовъ.

С.-Петербургъ,
23 марта 1885 года.

П. Н. Семеновъ.

ОСТЕРМАНЪ,

Графъ ѲЕОДОРЪ АНДРЕЕВИЧЪ *)

Старшій сынъ извѣстнаго генералъ-адмирала, наставника Петра II и правителя при Петрѣ II, Аннѣ Іоанновнѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ, графа Андрея Ивановича [1] и Мароы Ивановны, [2] рожденной Стрешневой, графъ Ѳеодоръ Андреевичъ Остерманъ родился 21 марта 1723 г. Воспріемницей его отъ купели была Цесаревна Анна Петровна 1 апр. 1723 года.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны графъ Ѳеодоръ Андреевичъ былъ зачисленъ на службу лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ, гдѣ и служилъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, графомъ Иваномъ Андреевичемъ [3]. Будучи уже на 19 году отъ рожденія капитаномъ гвардіи, Ѳеодоръ Андреевичъ былъ пожалованъ, во время празднованія мира съ Турціей, 15 апр. 1740 г., орденомъ св. Благовѣрнаго Великаго князя Александра Невскаго, во вниманіе къ заслугамъ его отца. На дѣйствительную службу онъ вступилъ въ Преображенскій полкъ съ чиномъ капитана 1 янв. 1741 г., когда правительницею Россіи была Принцесса

---

*) *Источники:* 1) Его формуляръ военнаго министерства; 2) Дѣла Сенатскаго Архива; Высочайшіе указы; 4) Словарь Бантышъ-Каменскаго, изд. Ширяева, т. IV, 92; 5) Его же, списки кавалеровъ, стр. 128, 187, 219, 301; 6) Россійская Родословная кн. Долгорукова, т. II, стр. 142; 7) Капище моего сердца кн. Ив. Мих. Долгорукова. Москва 1874 г., стр. 64.

[1] Графъ Андрей Ивановичъ родился въ Германіи, въ Маркскомъ графствѣ, отъ Бокумскаго пастора Іоанна Конрада Остермана 9 іюня 1686 г. и скончался въ Березовѣ въ 1747 г.

[2] Мароа Ивановна была статсъ-дамой при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ; род. въ 1698 г. и умерла 24 февр. 1781 г.

[3] Иванъ Андреевичъ былъ полномочнымъ министромъ при Стокгольмскомъ дворѣ и потомъ канцлеромъ съ 1783 - 1797 г., род. 23 апр. 1725 г., умеръ 18 апр. 1811 г.

Анна Леопольдовна. Когда графъ Андрей Ивановичъ, послѣ переворота въ ночь съ 24 на 25 ноября 1721 г. и вступленія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, въ первый же день ея воцаренія, 25 ноября, былъ арестованъ по обвиненію въ политическомъ преступленіи и затѣмъ сосланъ въ Березовъ. У графа Θеодора Андреевича былъ отобранъ орденъ Александра Невскаго, а самъ онъ, по повелѣнію Императрицы, 1 янв. 1742 г., былъ зачисленъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, въ армейскій полкъ съ прежнимъ капитанскимъ чиномъ. 14 февр. 1742 г. однако повелѣно было Императрицею отдать ему, съ братомъ его Иваномъ и сестрою Екатериною, деревни, принадлежавшія ихъ отцу въ Коломенскомъ, Рязанскомъ и Московскомъ уѣздахъ [1]. Въ 1748 и 1749 году графъ Θеодоръ Андреевичъ впервые принялъ участіе въ походѣ, находясь во вспомогательномъ корпусѣ, высланномъ въ Цесарію Императрицѣ Маріи-Терезіи и 25 апр. 1751 г. былъ произведенъ въ секундъ-маіоры, а 25 дек. 1755 г. въ подполковники. Когда открылась война съ Пруссіей, графъ принялъ во все ея продолженіе дѣятельное участіе въ знаменитыхъ подвигахъ соотечественниковъ и за оказанное въ разныхъ битвахъ мужество былъ произведенъ 1 іюня 1758 г. въ полковники. Онъ участвовалъ въ битвахъ 19 авг. 1757 г. при Гросъ-Эгерсдорфѣ, 12 іюля 1759 г. въ сраженіи при Пальцигѣ и 1 авг. того же года подъ Франкфуртомъ, гдѣ былъ тяжело раненъ.

По окончаніи семилѣтней войны, уже въ царствованіе Императора Петра III, 2 апр. 1762 г графъ Θеодоръ Андреевичъ былъ пожалованъ въ генералъ-маіоры, а 22 сент. 1762 г., въ день коронованія Императрицы Екатерины II, назначенъ шефомъ Нарвскаго пѣхотнаго полка и пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Въ 1764 г. гр. Θеодоръ Андреевичъ командовалъ Московской дивизіей и присутствовалъ въ Московской конторѣ военной коллегіи. Въ 1768 г. 17 янв. онъ былъ вторично награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго, полученнымъ имъ въ первый разъ за 29 лѣтъ прежде. 1 янв. 1771 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики и съ 1771—1773 г. присутствовалъ въ Московской конторѣ военной коллегіи. 22 сент. 1773 г. онъ былъ назначенъ Московскимъ губернаторомъ. По Высочайшему повелѣнію, 7 сент. 1776 г. былъ учрежденъ особый департаментъ для скорѣйшаго окончанія нерѣшенныхъ дѣлъ Московской губерн-

[1] Высоч. указы Сенатскаго Архива, кн. 66, л. 163.

ской канцеляріи подъ особымъ наблюденіемъ графа Θеодора Андреевича Остермана. Высочайшимъ указомъ 24 ноября 1780 г. повелѣно ему было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ и 27 ноября того же года онъ былъ назначенъ къ присутствованію въ Москвѣ, въ 5-мъ департаментѣ Сената. 28 іюня 1782 г. онъ былъ пожалованъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; 2 сент. 1793 г. награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, а 3 марта 1803 г. вслѣдствіе его ходатайства, послѣдовалъ Высочайшій указъ, съ изъявленіемъ ему признательности за заслуги, усердіе, ревность и безпорочную 62 лѣтнюю службу, объ увольненіи его, согласно прошенію, отъ всѣхъ дѣлъ и съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія.

Графъ Θеодоръ Андреевичъ получилъ отличное по своему времени образованіе, любилъ науки и зналъ латинскій языкъ, на которомъ переписывался съ митрополитомъ Платономъ, у котораго на старости лѣтъ учился богословію. Графъ былъ извѣстенъ своимъ современникамъ необыкновенною разсѣянностью, ставившею его часто въ комическія положенія. Такъ, напр., садясь въ кресло, онъ кричалъ, чтобы его везли въ Сенатъ; за обѣденнымъ столомъ чесалъ иногда ногу сосѣда вмѣсто своей; подбиралъ къ себѣ на колѣни край бѣлаго платья или юбку сидящей подлѣ него за столомъ дамы, воображая, что поднимаетъ свою салфетку; выходилъ на улицу изъ кареты и болѣе часа неподвижно стоялъ подлѣ какого-нибудь дома, увѣряя слугу, что онъ не кончилъ еще своего занятія, между тѣмъ какъ шелъ дождь и капало на него съ крыши; вступалъ въ интересный разговоръ съ кѣмъ-нибудь и внезапно прерывалъ его и уходилъ, или являлся въ гости съ разстегнутымъ платьемъ и т. п.

Находясь въ отставкѣ, графъ Θеодоръ Андреевичъ умеръ въ Москвѣ 10 ноября 1804 г., на 81 году своей жизни. Онъ былъ женатъ на Аннѣ Васильевнѣ Толстой (род. 15 февр. 1732 г., † 23 мая 1809 г.), но дѣтей не имѣлъ. По соглашенію съ братомъ своимъ, Иваномъ Андреевичемъ, онъ просилъ Императрицу Екатерину Великую передать имя, титулъ и гербъ графовъ Остермановъ двоюродному внуку ихъ Александру Ивановичу Толстому, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе, объявленное указомъ 27 окт. 1796 г. По Сенату графъ Θеодоръ Андреевичъ значится присутствующимъ съ 1780—1803 г. въ Московскомъ 5 Департаментѣ.

МАТВѢЕВЪ,

графъ (Римской Имперіи съ 20 февраля 1715 г.)

АНДРЕЙ АРТАМОНОВИЧЪ *).

По свидѣтельству составителя Россійской родословной книги, предокъ Матвѣевыхъ, Кириллъ Ивановичъ былъ воеводою при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ.

Изъ потомковъ его, сынъ ближняго боярина и царскія печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегателя, Артамона Сергѣевича Матвѣева, отъ брака съ Евдокіею Григорьевною Гамильтонъ, [1] Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ родился 15 августа 1666 года.

Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ былъ первымъ совѣтникомъ и другомъ Царя Алексѣя Михайловича, который, во второе супружество свое, взялъ изъ дома его, живущую у него родственницу и воспитанницу, дочь бѣднаго дворянина, Наталію Кирилловну Нарышкину.

Въ видѣ особаго Царскаго благорасположенія къ Артамону Сергѣевичу, 26 августа 1674 года, въ день тезоименитства Царицы Наталіи Кирилловны, осьмилѣтній его сынъ, Андрей былъ

---

*) *Источники:* 1) Высочайшіе указы Сенатскаго Архива; 2) Росс. родословная книга, изд. Русской Старины, 1873 г., т. I, стр. 56; 3) Русская Старина, 1876 г. т. II, стр. 200; Н. Н. Новиковъ—Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева, изд. 1776 г.; 5) Бантышъ Каменскій—словарь достопамятныхъ людей русской земли, изд. 1836 г., т. III, стр. 287; 6) Словарь митрополита Евгенія, изд. 1845 г., т. II, стр. 52; 7) Пекарскій—Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, изд. 1862 г., стр. 101, 145, 154—155, 159.

[1] Евдокія Григорьевна была дочь шотландца Гамильтона, переселившагося въ Россію въ началѣ XVII вѣка. Она скончалась 24 августа 1672 года.

пожалованъ прямо въ комнатные стольники и взятъ ко двору царскому.[2]

Рано началъ свое образованіе Андрей Матвѣевъ, пожеланію умнаго родителя. Будучи еще десяти лѣтъ, онъ учился уже языкамъ греческому и латинскому подъ руководствомъ переводчика посольскаго приказа Спафарія и Артамонъ Сергѣевичъ нерѣдко присутствовалъ при урокахъ сына[3].

Съ кончиною Царя Алексѣя Михайловича, послѣдовавшей 29 января 1676 года, миновали счастливые дни для А. С. Матвѣева. Происками Милославскихъ и Волынскихъ, вліявшихъ, вмѣстѣ съ царевною Софіею Алексѣевною, на болѣзненнаго Царя Θедора Алексѣевича, Матвѣевъ, чрезъ полгода по его воцареніи, былъ удаленъ отъ двора и опредѣленъ воеводою въ сибирскій городъ Верхотурье. Едва только Артамонъ Сергѣевичъ выѣхалъ изъ Москвы къ мѣсту назначенія, какъ враги обвинили его предъ Царемъ въ общеніи съ злыми духами, въ противузаконномъ обогащеніи и даже въ посягательствѣ на жизнь государя посредствомъ бывшей въ его вѣдѣніи аптекарской палаты. Въ Лапшевѣ нагналъ Матвѣева посланный изъ Москвы дьякъ Гороховъ, который, описавъ все его имущество, объявилъ его лишеннымъ боярскаго званія и осужденнымъ на заточеніе. На берегахъ Ледовитаго моря, Пустозерскій острогъ (Архангельской губерніи) былъ избранъ для опальнаго боярина мѣстомъ ссылки. Единственный сынъ его, Андрей Артамоновичъ, сопровождалъ отца и раздѣлялъ съ нимъ тяжелые дни незаслуженнаго заточенія. Артамонъ Сергѣевичъ нѣсколько разъ писалъ къ Царю и вельможамъ его, доказывалъ свою невинность, требовалъ суда и горько жаловался на свое тяжелое заточеніе. Лѣтъ черезъ пять участь его была облегчена переводомъ изъ Пустозерска въ Мезень, гдѣ онъ по крайней мѣрѣ не могъ умереть съ голода. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, Царь Θеодоръ Алексѣевичъ велѣлъ освободить его изъ ссылки, возвратить ему домъ въ Москвѣ и отобранныя вотчины, оставшіяся нерозданными; сверхъ того, пожаловалъ ему дворцовое село Ландехъ съ деревнями въ 700 дворовъ; но въ столицу ему пріѣхать не дозволилъ, а велѣлъ жить въ городѣ Лухѣ, въ 466 верстахъ отъ Москвы, до указу. Здѣсь и узналъ Матвѣевъ о кончинѣ

---

[2] Новиковъ—стр. 392.

[3] Устряловъ—Исторія Петра Великаго, т. I, стр. 12.

Царя Өеодора.[4] 27 апрѣля 1682 года былъ провозглашенъ Россійскимъ Государемъ юный Царевичъ Петръ Алексѣевичъ. Мать-Государыня, Царица Наталія Кирилловна поспѣшила вызвать Артамона Сергѣевича къ себѣ на помощь и совѣтъ, для одолѣнія честолюбивыхъ замысловъ царевны Софіи и ея приверженныхъ клевретовъ.

11 мая 1682 года въѣхалъ въ Москву бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, котораго преобладающій умъ, непоколебимая твердость и любовь къ нему народная видимо страшили сторонниковъ жаждавшей царственной власти царевны Софіи. Подготовленная ею смута стрѣлецкая, вмѣстѣ со многими жертвами изъ семейства Нарышкиныхъ, унесла и преданнаго престолу Артамона Сергѣевича. Черезъ четыре дня по пріѣздѣ его, 15 мая, въ самый разгаръ бунта, Матвѣевъ былъ сброшенъ разсвирѣпѣвшими опьяненными стрѣльцами съ краснаго крыльца царскихъ палатъ на стрѣлецкія копья и тѣло его изрублено на части противъ Благовѣщенскаго Собора. Осиротѣвшаго сына его, Андрея Артамоновича, едва спасшагося отъ той же участи, Царица Наталія Кирилловна приняла подъ свое особое покровительство, которое продолжалъ оказывать и вѣнчанный сынъ ея, Царь Петръ Алексѣевичъ.

Въ 1691 году А. А. Матвѣевъ, будучи комнатнымъ стольникомъ, получилъ назначеніе въ воеводы двинскіе. Проживая въ Архангельскѣ, онъ дѣятельно принялся за дѣло устроенія сѣвернаго нашего края.

Во вниманіе къ службѣ несчастно погибшаго отца, двинскій воевода Матвѣевъ былъ пожалованъ царемъ, въ 1692 году, въ званіе окольничаго[5].

---

[4] Тамъ же, стр. 16.

[5] Новиковъ, стр. 392. Званіе окольничаго было учреждено въ княженіе Великаго князя Ивана Васильевича I. Находясь постоянно около особы царской главнѣйшая обязанность окольничихъ заключалась въ томъ, что при публичныхъ аудіенціяхъ посламъ и посланникамъ они вводили и представляли таковыхъ государю. Потомъ, окольничіи введены были въ составъ палатъ и думы Государевой, гдѣ пользовались достоинствомъ и мѣстомъ вслѣдъ за боярами. Кромѣ того, окольничіе опредѣлялись къ важнымъ должностямъ военнымъ, гражданскимъ и придворнымъ: въ военное время, они стояли при войскахъ и командовали частями, подъ вѣдѣніемъ бояръ; въ мирное время, они назначались воеводами въ большіе и пограничные города, а также въ государственныхъ приказахъ состояли членами и даже предсѣдательствовали въ нѣкоторыхъ. Въ самомъ придворномъ совѣтѣ, т. е. въ Думѣ государевой, они присутствовали съ первыми боярами и занимали разныя придворныя должности. Хотя Петръ I, еще

Въ свое управленіе сѣвернымъ краемъ, Андрей Артамоновичъ отстроилъ вновь городъ Холмогоры, который впервые посѣтилъ Петръ въ 1693 году. Но эта отдаленная отъ Москвы служба была ему не совсѣмъ пріятна, а потому, пользуясь посѣщеніемъ Царя, онъ испросилъ себѣ увольненія отъ воеводства.

22 августа 1693 года Матвѣевъ, согласно желанію своему, былъ отпущенъ въ Москву, а на его мѣсто въ Архангельскъ опредѣленъ Ѳ. М. Апраксинъ.

Въ 1699 году, Петръ назначилъ Матвѣева чрезвычайнымъ и полномочнымъ министромъ въ Голландію при генеральныхъ штатахъ республики.

Послѣ Нарвской неудачи, постигшей новообученное русское регулярное войско, которому Карлъ XII далъ 19 ноября 1700 года первый урокъ въ боевомъ дѣлѣ, русскіе военачальники, расчитывая на перемиріе, поддались обману и сдѣлались жертвою шведскаго вѣроломства. Когда имъ дозволено было королемъ отступить на другой берегъ Наровы съ оружіемъ и знаменами, то Шведы, пропустивъ часть войска и разрознивъ такимъ образомъ нашу армію, способную еще, въ полномъ составѣ своемъ, постоять за честь оружія, напали на разъединенныя силы и объявили военноплѣнными всѣхъ русскихъ генераловъ, коварно задержанныхъ при этомъ въ шведскомъ лагерѣ [6].

Сообщая о случившемся, Петръ писалъ въ Гагу къ Матвѣеву и поручалъ ему довести до свѣдѣнія генеральныхъ штатовъ тщеславныя и оскорбительныя возвѣщенія Карла XII по отношенію Нарвскаго сраженія, которое хотя и было потеряно русскими войсками, но тѣмъ не менѣе не было такимъ безславнымъ, какъ гласили о томъ королевскія реляціи [7].

Въ 1705 году, государь командировалъ Матвѣева изъ Гаги съ дипломатическимъ порученіемъ въ Парижъ. Ему велѣно было стараться склонить на совершеніе торговаго договора между Россіею и Франціею, но Людовикъ XIV, на предложеніе нашего посла, уклонился отъ окончательныхъ условій до заключенія мира на

въ концѣ XVII столѣтія и не жаловалъ уже никого въ это званіе, однако жъ въ 1705 году окольничихъ было 18 человѣкъ, а въ 1711 году онъ въ послѣдній разъ произвелъ изъ стольниковъ въ окольничіи Алексѣя Александровича Юшкова, съ которымъ и прекратилось это званіе (Голиковъ, т. XIII, стр. 194—197).

[6] Военно-Энциклопед. Лексиконъ, изд. 1855 г., т. IX, стр. 250.

[7] Голиковъ, т. II, стр. 371—373.

сѣверѣ, дозволивъ между тѣмъ нашимъ купеческимъ кораблямъ свободный въѣздъ въ гавани Франціи [8].

Въ 1706 году, Петръ, тяготясь затянувшеюся войною съ сѣвернымъ сосѣдомъ своимъ, въ виду усложненія дѣлъ на западѣ и югѣ, рѣшился обратиться къ посредничеству англійскаго кабинета. 24 сентября того года писано было къ Матвѣеву, что ежели онъ не можетъ скоро покончить дѣла въ Парижѣ, то оставя ихъ спѣшилъ бы пріѣздомъ въ Голландію, откуда ему предлежала новая миссія въ Лондонъ [9].

Въ октябрѣ 1706 года посланы были Матвѣеву полномочная грамота и царскій наказъ для веденія переговоровъ съ англійскимъ дворомъ, относительно союза и содѣйствія къ прекращенію войны со шведами [10].

Въ то же время Государь писалъ Андрею Артамоновичу слѣдующее:

«Господинъ посолъ! Посланъ при семъ къ вамъ указъ и «полномочныя грамоты о нѣкоторыхъ зѣло великихъ и нужныхъ «дѣлахъ, въ чемъ вамъ надлежитъ отъ всей крѣпости своей труды «приложить, и яко вѣрному министру себя показать; и понеже «сіе дѣло великое вручено вамъ, то не малаго и воздаянія уповати «можете, ежели оное, съ помощію Божіею добро управите. Piter» [11].

Въ 1707 году, Матвѣевъ отправился изъ Парижа въ Лондонъ, гдѣ и оставался до слѣдующаго года. 18 іюля 1708 года онъ откланивался въ отпускной аудіенціи у королевы Анны, а 21 числа былъ остановленъ на улицѣ для взятія подъ стражу за долгъ въ 50 фунтовъ стерлинговъ; но находившійся близъ того мѣста народъ услыхавъ крикъ посла, выручилъ его изъ рукъ арестовавшихъ его лицъ. За это оскорбленіе, пишетъ исторіографъ, нанесенное представителю иностранной державы, предложено было Матвѣеву 1000 гиней (сумма, равняющаяся, по настоящимъ расчетамъ, почти 7/т. руб. серебр.); но Андрей Артамоновичъ отказался отъ такого вознагражденія и 30 іюля выѣхалъ изъ Лондона, не

---

[8] Бантышъ-Каменскій, т. III, стр. 287—288; Пекарскій, т. I, стр. 145, 154, 159; Современникъ, 1856 г. статья «графъ Матвѣевъ въ Парижѣ въ 1707 году», стр. 39—66.

[9] Голиковъ, т. II, стр. 245 и т. XIV, стр. 421.

[10] Тамъ же, т. II, стр. 248—252, т. XIV, стр. 294—304. Въ грамотѣ (стр. 294). А. А. Матвѣевъ наименованъ ближнимъ окольничимъ и намѣстникомъ Ярославскимъ.

[11] Тамъ же, т. II, стр. 260 и т. XIV, стр. 435.

принявъ грамоты королевской, обыкновеннаго подарка и предоставленной ему на переѣздъ яхты. Англійская королева, въ письмѣ своемъ къ Петру, отъ 19 сентября 1708 года, изъявила крайнее сожалѣніе о случившемся съ посломъ его прискорбномъ происшествіи [12].

Продолжавшіеся по этому предмету переговоры, окончились 5/16 февраля 1710 года, на аудіенціи у Петра, данной англійскому чрезвычайному послу и полномочному комисару Карлу Витворту, который публично засвидѣтельствовалъ государю соболѣзнованіе королевскаго двора, съ извиненіемъ на счетъ происшедшаго. Петръ, получивъ таковое удовлетвореніе, простилъ виновныхъ и даже поручилъ послу ходатайствовать о полномъ помилованіи ихъ [13].

Между тѣмъ, Андрей Артамоновичъ продолжалъ свою службу русскимъ представителемъ въ Голландіи. Въ 1711 году ему поручено было стараться о поддержаніи дружественныхъ отношеній съ генеральными штатами и озаботиться заключеніемъ торговаго договора къ пользѣ обѣихъ державъ; при этомъ велѣно было ему уклоняться отъ участія въ посредничествѣ Франціи и Англіи, по отношенію примиренія королей датскаго и польскаго съ шведскимъ правительствомъ [14].

Въ концѣ 1712 года, Матвѣевъ былъ отозванъ изъ Гаги. Прибывъ 11 ноября въ Дрезденъ, гдѣ находился тогда съ войсками своими Петръ I, А. А. Матвѣевъ былъ пожалованъ 13 ноября изъ окольничихъ въ тайные совѣтники [15] и назначенъ полномочнымъ министромъ при цесарскомъ дворѣ. Онъ пріѣхалъ въ Вѣну 4 декабря 1712 года и 9 числа былъ принятъ въ аудіенціи у императора Карла VI [16].

Будучи въ Вѣнѣ, Матвѣевъ, по порученію государя, прилагалъ стараніе на склоненіе цесарскихъ министровъ къ оборонительному союзу противъ Турокъ. Въ 1713 году онъ находился на Брауншвейгскомъ конгрессѣ, который не имѣлъ успѣха, по случаю упорства шведскаго короля Карла XII. Въ 1714 году Матвѣевъ увѣдомилъ государя о желаніи императора Карла VI заключить оборо-

---

[12] Бантышъ-Каменскій, т. III, стр. 288.

[13] Бантышъ-Каменскій, стр. 288—289; Голиковъ, т. IV, стр. 112, 403, 405, 483, Пекарскій-Наука и Литература при Петрѣ, 1862 г., т. I, 101.

[14] Голиковъ, т. XV, стр. 292—295.

[15] Новиковъ, стр. 392—393.

[16] Бантышъ-Каменскій, стр. 289.

нительный союзъ съ Россіею противъ наступательныхъ дѣйствій которой либо изъ европейскихъ державъ; но Петръ отклонилъ это предложеніе, которое могло стѣснять только въ будущемъ свободный образъ дѣйствій его въ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Вызванный наконецъ въ С.-Петербургъ, А. А. Матвѣевъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Вѣны, съ согласія Петра I, получилъ за собственноручною подписью императора Карла VI отъ *20 февраля 1715 года дипломъ на графское Римской Имперіи достоинство со всею его фамиліею.* [17].

При введеніи Императоромъ Петромъ Великимъ коллегіальнаго устройства въ Россіи, *15 декабря 1717 г*, тайный совѣтникъ графъ А. А. Матвѣевъ получилъ назначеніе въ президенты юстицъ-коллегіи. [18] Новый этотъ постъ обязывалъ его присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ и соединенъ былъ со званіемъ сенатора.

Въ 1718 году, А. А. Матвѣевъ участвовалъ въ верховномъ судѣ, учрежденномъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, смертный приговоръ которому былъ подписанъ и имъ, въ числѣ другихъ, 24 іюня и объявленъ осужденному въ Сенатѣ 25 числа. [19]

23 февраля 1720 года, Матвѣевъ, въ числѣ другихъ мірскихъ и духовныхъ лицъ, подписалъ вновь составленный духовный регламентъ. [20]

Участвуя въ Сенатѣ при разсмотрѣніи дѣла бывшаго сибирскаго губернатора князя Матвѣя Петровича Гагарина, графъ Матвѣевъ, въ числѣ другихъ сенаторовъ, подписалъ 1 марта 1721 года его смертный приговоръ. [21]

Не чуждаясь забавъ, придумываемыхъ Государемъ для развлеченія жителей, во дни отдыха своего, графъ Андрей Артамоновичъ участвовалъ, между прочимъ, въ комическомъ маскарадѣ, бывшемъ въ С.-Петербургѣ въ 1723 году. Маскарадная потѣха царская, начавшаяся 30 августа, продолжалась до 6 сентября. Въ 10-й группѣ костюмированныхъ лицъ шелъ и графъ Матвѣевъ въ одеждѣ аббатской. [22]

---

[17] Росс. родословная книга, ч. I, стр. 56; Бантышъ-Каменскій, т. III, стр. 289; у Новикова упоминается, что этой цесарскою милостію Матвѣевъ былъ почтенъ въ 1714 году (стр. 393), что впрочемъ не отвергаетъ справедливости указанія времени выдачи ему графскаго диплома, по полученіи на то согласія Петра I.

[18] Высоч. указы Сенатскаго Архива, кн. 7, л. 272.

[19] Голиковъ, т. VII, стр. 115.

[20] Высоч. указы, кн. 14, л. 75. Голиковъ, т. VIII, стр. 161.

[21] Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XI, стр. 422—423.

[22] Голиковъ, т. IX, стр. 516.

Владѣя большимъ наслѣдственнымъ достояніемъ, графъ Андрей Артамоновичъ жилъ въ полномъ довольствѣ, пышно поддерживая вполнѣ преданіе о русскомъ хлѣбосольствѣ и гостепріимствѣ. Онъ пользовался постоянно особенною довѣренностію и благоволеніемъ Петра Великаго, который нерѣдко сиживалъ за трапезою его. Принимая живое участіе и въ семейныхъ дѣлахъ Матвѣева, Государь просваталъ даже самъ дочь его графиню Марію за своего любимца Александра Ивановича Румянцова. [23]

Отъѣзжая въ Москву для коронованія супруги своей, Царицы Екатерины Алексѣевны, Императоръ Петръ I, 16 марта 1724 года, поручилъ графу Андрею Артамоновичу заботы объ оставленныхъ въ С.-Петербургѣ царевнѣ Наталіи Петровнѣ, великомъ князѣ Петрѣ Алексѣевичѣ и великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, а также возложилъ на него надзоръ за всѣми коллегіями. [24]

Въ концѣ мая того же 1724 года повелѣно было графу Матвѣеву, по возвращеніи Ихъ Величествъ въ С.-Петербургъ, присутствовать въ Московской сенатской конторѣ и заправлять губернскими дѣлами на одинъ годъ, вмѣсто отозваннаго оттуда сенатора, тайнаго совѣтника, князя Дмитрія Михайловича Голицына. Въ товарищи къ нему, для завѣдыванія губернскими дѣлами, были опредѣлены московскій вице-губернаторъ генералъ-маіоръ Иванъ Лукичъ Воейковъ и полковники: московскій оберъ-камендантъ Иванъ Петровичъ Измайловъ и Григорій Терентьевичъ Ергольскій. [25]

По свидѣтельству собирателя историческихъ свѣдѣній П. Ѳ. Карабанова, графъ Матвѣевъ вступилъ въ завѣдываніе дѣлами гор. Москвы въ іюлѣ 1724 года. [26]

28 января 1725 года опочилъ Императоръ Петръ Великій. Тотчасъ по возвращеніи супруги его, Императрицы Екатерины I, посланъ былъ съ извѣстіемъ о томъ въ Москву, къ графу Матвѣеву, генералъ-маіоръ Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ. Имъ обоимъ было поручено имѣть строгое наблюденіе за недопущеніемъ народа до какихъ-либо волненій и сомнѣній и повелѣвалось принимать всякія предосторожности на случай какого-либо сму-

---

[23] См. біографію графа А. И. Румянцова; см. также Русскую Старину, 1871 г., т. IV, стр. 586—587 (10)—разсказы П. Ѳ. Карабанова.

[24] Новиковъ, стр. 393—394.

[25] Тамъ же, стр. 395.

[26] Списки замѣчательныхъ лицъ русскихъ, составл. П. Ѳ. Карабановымъ, изд. 1860 г., стр. 24.

щенія.[27] Вслѣдствіе чего, графъ А. А. Матвѣевъ приводилъ жителей первопрестольной столицы къ присягѣ нововступившей Государынѣ.

Въ 1725 году, графъ Матвѣевъ былъ замѣненъ въ Москвѣ, по управленію губернскими дѣлами, сенаторомъ графомъ Иваномъ Алексѣевичемъ Мусинъ-Пушкинымъ.[28]

24 ноября 1725 года, въ день тезоименитства Государыни, графъ Андрей Артамоновичъ пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.[29]

8 февраля 1726 года д. т. сов. графу Матвѣеву было поручено произвести ревизію въ московской губерніи. Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ на его имя Императрицею Екатериною, прописано было слѣдующее:[30]

«Понеже блаженныя и высокославныя памяти Его Императорское Величество нашъ любезнѣйшій государь супругъ повелѣлъ «изъ сенатскихъ членовъ одному для лучшей государственной поль«зы и управленія дѣлъ ѣздить по государству погодно и смо«трѣть чтобъ дѣлали правду, того ради мы заблагоразсудили, по «силѣ того Его высокославныя памяти Государя Императора ука«зу отправить васъ въ Москву, куда вамъ прибывъ и разведавъ «гдѣ есть больше въ ближнихъ провинціяхъ Московской губерніи «неисправностей отъ управителей и отъ народа жалобъ, въ тѣ «провинціи напередъ и ѣхать и чинить слѣдующее:

«1. Осмотрѣть за гражданскими управителями, а наипаче въ «провинціальныхъ судахъ, что правдою-ль людей судятъ;

«2. Тако жъ земскіе коммисары и офицеры порядочно-ль по«душныя деньги съ крестьянъ сбираютъ и не чинятъ ли имъ ка«кихъ обидъ и налогъ въ строеніи вѣчныхъ квартиръ, или въ чемъ «въ другомъ, и всѣ-ль во врученныхъ имъ дѣлахъ по указамъ, «также по даннымъ имъ инструкціямъ и плакатамъ поступаютъ;

«3. И ежели что усмотрите въ городѣхъ и въ уѣздахъ за «управителями и земскими коммисарами противное указамъ, то слѣ«довать и чинить рѣшеніе не описываясь, такъ какъ указы и правы «повелѣваютъ, однакожъ о офицерахъ и земскихъ коммисарахъ чи«нить рѣшеніе спесшися съ генералитетомъ и штатомъ, которые въ «тѣхъ провинціяхъ опредѣлены;

[27] Голиковъ, т. X, стр. 140, 168.
[28] Новиковъ, стр. 395; Бантышъ-Каменскій, стр. 289—290.
[29] Новиковъ, стр. 395—396.
[30] Высоч. указы, кн. 29, л. 158, кн. Е, л. 122; Новиковъ, стр. 396.

«4. И которые явятся изъ управителей гражданскихъ и уѣздныхъ или изъ офицеровъ въ важныхъ преступленіяхъ, и тѣхъ «держать за крѣпкимъ карауломъ, а между тѣмъ писать къ намъ «въ кабинетъ прекращенно, а подлиннѣе въ Сенатъ»;

«5. Въ прочемъ, хотя чего здѣсь и не написано, а усмотрите «что нужно будетъ намъ и государственному интересу о томъ о «всемъ развѣдывать и чинить какъ честному и вѣрному человѣку «надлежитъ (и для того повелѣли мы дать вамъ изъ Сената къ «кому потребно послушные указы). А какъ въ ближнихъ провинціяхъ присутствующихъ Московской губерніи о важныхъ дѣлахъ «изслѣдуете, тогда вамъ прислать о всѣмъ обстоятельные репорты «въ Сенатъ, а къ намъ въ кабинетъ перечневыя, ссылаясь на посланныя въ Сенатъ, а самому возвратиться въ Москву и тамъ ожидать нашего указу». [31]

28 октября 1726 года послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій указъ на имя дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Матвѣева:

«Писали вы въ нашъ кабинетъ, отъ 27 числа сентября, что «и кромѣ Московской губерніи, въ другихъ провинціяхъ и уѣздахъ, «какъ вы увѣдомились, есть не безъ обидъ народныхъ. А безъ указу «вступать въ тѣ дѣла опасаетесь, для того, что прежде велѣно «вамъ развѣдывать только въ одной Московской губерніи. Того для «повелѣваемъ вамъ и въ другіе городы ближніе къ Московской губерніи, гдѣ заподлинно развѣдаете о важныхъ преступленіяхъ ѣхать «и разыскивать по силѣ данныхъ вамъ указовъ не упуская времени». [32]

Графъ Андрей Артамоновичъ очень дѣятельно и энергично занимался возложеннымъ на него порученіемъ въ продолженіе одного года и трехъ мѣсяцевъ. Біографъ его пишетъ, что онъ, открывъ въ одномъ изъ городовъ важныя злоупотребленія, повѣсилъ тамъ секретаря воеводской канцеляріи; но поступокъ этотъ, хотя и вызванный строгою справедливостію графа Матвѣева, не былъ одобренъ дворомъ. [33]

Въ наступившее затѣмъ царствованіе Императора Петра II, *13 іюня 1727 года* состоялось распоряженіе Верховнаго Тайнаго Совѣта о передачѣ въ Сенатъ и коллегіи всѣхъ доношеній дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Матвѣева по разнымъ дѣ-

---

[31] Высоч. указы, кн. 29, л. 158, кн. Е, л. 122; Новиковъ, стр. 396.
[32] Тамъ же, кн. I, л. 47.
[33] Бантышъ-Каменскій, т. III, стр. 290.

ламъ и объ увольненіи его самого, согласно прошенію, отъ всѣхъ дѣлъ, съ предоставленіемъ ему жить «гдѣ онъ похочетъ». [34]

Удалившись отъ служебной дѣятельности, графъ Андрей Артамоновичъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и умеръ *16 сентября 1728 года*. Тѣло его погребено рядомъ съ тѣломъ его отца, въ особой гробницѣ, около городскаго храма Св. Николая въ Столпахъ, между Мясницкою и Покровкою.

По отзыву современника его, князя Якова Петровича Шаховскаго, графъ А. А. Матвѣевъ былъ «мужъ достохвальной въ разумѣ и въ дѣлахъ». [35]

По свидѣтельству біографа, митрополита кіевскаго Евгенія Болховитинова, графъ Андрей Артамоновичъ составилъ описаніе стрѣлецкаго бунта, во время котораго былъ убитъ его отецъ; но исторіографъ Татищевъ замѣчаетъ, что это описаніе дышетъ нѣкоторымъ пристрастіемъ. [36]

Графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ былъ женатъ въ 1й разъ на дочери стольника Степана Александровича Аничкова, дѣвицѣ Аннѣ Степановнѣ Аничковой (род. 1666, † 4 октября 1699 года); во второмъ же бракѣ былъ со вдовою Настасьею Ермиловною Аргамаковою (неизвѣстнымъ осталось кто она рожденная), которая была гофмейстериною Царевны, а затѣмъ Императрицы Анны Іоанновны. [37]

От перваго брака у графа Матвѣева были дѣти: 1) сынъ гр. Ѳедоръ, род. 1696, † 3 марта 1734 г. холостымъ, подполковникъ— съ нимъ пресѣкся родъ графовъ Матвѣевыхъ, [38] [illegible] 2) гра-

---

[34] Высоч. указы, кн. Б, л. 434 и кн. О, л. III.

[35] Записки князя Я. П. Шаховскаго, ч. II, стр. 215.

[36] Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія, изд. 1845 г., ч. II, стр. 52.

[37] Въ Высочайшихъ указахъ Сенатскаго Архива встрѣчаемъ слѣдующія о ней распоряженія: а) 22 марта 1716 г. Высочайше повелѣно было отправить въ Курляндію, вмѣстѣ съ царевною Анною Іоанновною и гофмейстерину ея, графиню Матвѣеву, съ назначеніемъ ей жалованья по 1.000 руб. въ годъ (кн. 7, л. 67) и б) Высочайше утвержденный 1 декабря 1732 года докладъ Сената о выдѣлѣ графинѣ Матвѣевой законной части изъ недвижимаго имѣнія покойнаго мужа ея, графа А. А. Матвѣева (кн. 36, л. 257).

[38] О графѣ Ѳедорѣ и его сестрахъ находимъ слѣдующія указанія въ Высочайшихъ указахъ Сенатскаго Архива: а) 13 февраля 1736 г. повелѣно уплатить денежный долгъ умершаго подполковника графа Ѳедора Матвѣева Эрнесту фонъ-Бутлару (кн. 44, л. 77) и б) 25 февраля 1737 г. повелѣно удовлетворить купцовъ прусской компаніи по долговой претензіи ихъ на умершемъ подполковникѣ графѣ

фина Марія, род. 4 апрѣля 1698, † 4 мая 1788 г., въ замужествѣ за графомъ Александромъ Ивановичемъ Румянцовымъ, 3) гр. Наталія, за княземъ Василіемъ Ивановичемъ Мещерскимъ и 4) гр. Екатерина, за генералъ-маіоромъ Амплеемъ Степановичемъ Шепелевымъ. Отъ втораго же брака дѣтей не было.

По Сенату графъ Матвѣевъ значится присутствующимъ съ 1718-го по 1726-й годъ.

Ѳ. Матвѣевъ изъ имѣній, доставшихся его сестрамъ (кн. 47, л, 191). Кромѣ того о графѣ Ѳедорѣ Андреевичѣ упоминается въ запискахъ Манштейна о Россіи, изд. 1875 г. (стр. 25) при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1730 году, въ то время когда Верховный Тайный Совѣтъ задумалъ ограниченіе самодержавной власти въ Россіи, то избранная Императрица Анна Іоанновна, по прибытіи своемъ въ Москву, желала выслушать о томъ мнѣніе народное. Когда собрались въ царскій дворецъ верховники и представители разныхъ сословій, то графъ Ѳ. А. Матвѣевъ, выступая впередъ, сказалъ, что имѣетъ порученіе отъ всего дворянства Имперіи представить Ея Величеству, что депутаты Верховнаго Тайнаго Совѣта ввели ее въ заблужденіе, что такъ какъ Россія въ продолженіе многихъ вѣковъ была управляема царями, а не какимъ-либо совѣтомъ, то все дворянство умоляетъ ее взять въ руки свои бразды правленія; таково желаніе и всего народа, чтобъ домъ Ея Величества царствовалъ надъ нимъ до скончанія вѣковъ. На эту рѣчь Императрица отвѣтила удивленіемъ: «какъ», спросила она, «развѣ не по желанію всего народа я подписала поднесенный мнѣ въ Митавѣ актъ?»—«Нѣтъ», отвѣчало собраніе единодушно, и тогда актъ этотъ былъ ею изорванъ.

ТЕПЛОВЪ

ГРИГОРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ *).

По сказанію исторіографа Гельбига, Г. Н. Тепловъ былъ сыномъ истопника Александро-Невской Лавры и не имѣлъ фамильнаго прозвища. Призрѣвшій мальчика, мѣстный архіепископъ (Ѳеофанъ Прокоповичъ) далъ ему прозваніе «Теплова», въ воспоминаніе его происхожденія и принялъ его подъ свое непосредственное покровительство.

Тепловъ родился 20 ноября 1712 года [1].

Первоначальное образованіе Тепловъ получилъ, по удостовѣреніямъ митрополита Евгенія и Гельбига, сначала въ монастырѣ, а потомъ въ С.-Петербургской семинаріи, бывшей у архіепископа Ѳеофана Прокоповича, на Новгородскомъ Карповскомъ подворьѣ, въ С.-Петербургѣ. По успѣшномъ окончаніи курса наукъ Тепловъ былъ тамъ же учителемъ, а затѣмъ опредѣленъ студентомъ академіи наукъ.

Покровительствуемый Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, Тепловъ послѣ семинаріи, какъ даровитый юноша, при содѣйствіи преосвященнаго, былъ отправленъ для дальнѣйшаго образованія за границу, въ Германію, гдѣ усовершенствовался въ изученіи языковъ

---

*) *Источники*: 1) Высочайшіе указы; 2) Дѣло герольдіи по Орловской губ. № 109; 3) Русская Старина 1870 г., т. II, 194; 4) Словарь Бантышъ-Каменскаго, изд. Ширяева, т. V, 133; 5) Словарь митрополита Евгенія, т. II, 205; 6) Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго, 1870—1873 г. см. Указатель; 7) Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи въ XVIII ст. А. Вейдемейера, I, 28 и 8) Rusische Günstlinge—Gelbig. стр. 313.

[1] У Лонгинова (Русская Старина 1870 г. изд. 3, т. II, стр. 608) показано «около 1720 года»—очевидно по ошибкѣ.

латинскаго, французскаго и нѣмецкаго и пріобрѣлъ обстоятельныя знанія по части ботаники.

По возвращеніи въ отечество, въ 1736 году, Тепловъ по повелѣнію Императрицы Анны Іоанновны, былъ опредѣленъ на службу въ С.-Петербургскую Академію Наукъ, переводчикомъ на россійскій языкъ, единственно для дѣлъ, наукъ касающихся.

Состоя въ академіи онъ, какъ способный и образованный человѣкъ, былъ призываемъ постоянно для занятій при извѣстномъ кабинетъ-министрѣ А. П. Волынскомъ и въ 1740 году чуть не пострадалъ во время сыскнаго дѣла казненнаго министра. Составленная при участіи Теплова родословная, по которой Волынскій выводилъ происхожденіе свое отъ Рюрика и князя Дмитрія Волынца, зятя Дмитрія Донскаго, послужила поводомъ къ привлеченію Теплова къ отвѣтственности. Когда на допросахъ, Волынскій былъ спрошенъ о томъ, кто расписывалъ ему родословное его древо, то несчастный, подъ пытками, наименовалъ студента Теплова. Взятый и представленный въ страшный застѣнокъ, какъ преступникъ государственный, Тепловъ, не теряя присутствія духа, со смѣлостію отвѣчалъ, что онъ былъ только исполнителемъ даннаго ему порученія и не зная ничего, разрисовалъ только родословную по сдѣланному карандашемъ чертежу Еропкина, въ домѣ Волынскаго. Только твердость и смѣлость спасли Теплова отъ гибельныхъ послѣдствій. Бау-интендантъ [2] Петръ Михайловичъ Еропкинъ, на пыткахъ, подтвердилъ слова Теплова и 27 іюня 1740 года подвергся казни, вмѣстѣ съ Волынскимъ, а Тепловъ, признанный невиновнымъ, оправданъ и освобожденъ.

Въ 1741 году, благодаря покровительству академика Шумахера, Тепловъ, по удостоенію всего академическаго собранія, былъ избранъ адъюнктомъ академіи въ классѣ физическомъ и оказалъ особыя отличія по части естественной исторіи.

По вступленіи на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, онъ съумѣлъ понравиться любимцу ея, графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, который, отправляя брата своего Кирилла Григорьевича за границу для образованія, приставилъ къ нему менторомъ Г. Н. Теплова, какъ человѣка умнаго, знающаго языки, науки и отличнаго музыканта.

Тогда, по Высочайшему указу отъ 4 марта 1743 года, адъюнктъ академіи наукъ Григорій Тепловъ былъ командированъ за

---

[2] Главный смотритель надъ зданіями дворцоваго вѣдомства.

границу въ иностранныя академіи, для усовершенствованія его въ наукахъ, при этомъ назначено ему было изъ казны ежегоднаго жалованья по 600 руб. и на проѣздъ 400 рублей.

Съ 1743 по 1746 годъ Тепловъ путешествовалъ въ чужихъ краяхъ съ порученнымъ его попеченіямъ графомъ К. Г. Разумовскимъ.

По возвращеніи въ Россію, молодой питомецъ его 21 мая 1746 года былъ назначенъ президентомъ академіи наукъ, а самъ Тепловъ указомъ 1 іюля того же 1746 года пожалованъ въ ассесоры канцеляріи академіи наукъ съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ.

Состоя при управленіи академическихъ дѣлъ и будучи избранъ почетнымъ членомъ Россійской академіи, Тепловъ былъ назначенъ 28 іюля 1747 года членомъ академическаго собранія, причемъ ему было дано старшинство предъ всѣми академиками, послѣ Шумахера.

Въ 1747 году, Тепловъ составилъ новый регламентъ Императорской академіи наукъ.

5 іюня 1750 года послѣдовала Высочайшая конфирмація на избраніе гр. К. Г. Разумовскаго Малороссійскимъ гетманомъ и предъ отправленіемъ его въ Малороссію, указомъ 1 марта 1751 года, назначенъ состоять при немъ и Тепловъ, съ пожалованіемъ его въ коллежскіе совѣтники.

Со времени заграничной своей поѣздки съ графомъ Разумовскимъ, а слѣдовательно и полнаго сближенія съ нимъ, Тепловъ сталъ пользоваться неограниченнымъ вліяніемъ на молодаго, наскоро обученнаго вельможу и, разумѣется, управлялъ за него сначала академіею, а потомъ и Малороссійскимъ краемъ. Находясь безотлучно при Разумовскомъ, честолюбивый и образованный Тепловъ всевластно руководилъ имъ по той и другой части и завѣдывая всею администраціею, оставлялъ первому представительство и общественныя обязанности по этимъ двумъ должностямъ. Находясь въ Малороссіи, Тепловъ, вслѣдствіе лукаваго, неискренняго и пронырливаго нрава своего, встрѣтилъ тамъ нерасположенную къ нему особу, въ лицѣ матери гетмана. Умная и прозорливая женщина эта, сразу разгадала «искателя фортуны», его хитрый характеръ и своекорыстный образъ дѣйствій, а потому всячески убѣждала сына удалить этого любимца, предрекая послѣдствія, къ которымъ должны были привести нѣкоторые несовсѣмъ благонамѣренные совѣты Теплова. Но Разумовскій, ослѣпленный Тепловымъ, продолжалъ довѣряться послѣднему, не смотря на полезные совѣты своей разумной матери.

Надо впрочемъ полагать, что извѣстное вліяніе подобнаго противника, вызвало наконецъ послѣдовавшій 24 декабря 1758 г. указъ Императрицы о пожалованіи Теплова въ статскіе совѣтники, съ увольненіемъ отъ службы.

Однакоже онъ сохранилъ на столько значенія, что нашелъ возможность внушить Императрицѣ мысль *о прикрѣпленіи къ землѣ крестьянъ* въ Малороссіи для избѣжанія праздношатанія въ народѣ [3].

Проживая послѣ этого въ С.-Петербургѣ, Тепловъ, въ наступившее царствованіе Петра III, навлекъ на себя немилость царскую неосторожными словами на счетъ Государя и былъ арестованъ. Но и на этотъ разъ ему удалось не только счастливо выпутаться изъ постигшаго его непріятнаго положенія, но даже извлечь изъ него для себя нѣкоторую выгоду. По сказанію Гельбига, разгнѣванный Императоръ, къ которому приведенъ былъ Тепловъ, далъ ему, въ пылу, ударъ палкою и отпуская сказалъ: «Ступай, я прощаю тебя, но старайся исправиться». Затѣмъ, Высочайшимъ указомъ Императора Петра III отъ 23 марта 1762 года, Тепловъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ оставленіемъ его, по прежнему внѣ службы.

Совѣтъ Петра объ исправленіи, остался втунѣ. Тепловъ и послѣ данной ему награды, не только не смирился, но даже окончательно присталъ къ враждебной Государю партіи, сблизившись съ Орловыми и другими приверженцами Екатерины, съ которыми содѣйствовалъ государственному перевороту 28 іюня 1762 года.

Г. Н. Тепловъ находился въ Ропшинскомъ дворцѣ 4 іюля 1762 года, вмѣстѣ съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ, Пассекомъ и княземъ Ѳедоромъ Сергѣевичемъ Борятинскимъ, когда произошла тамъ внезапная кончина отрекшагося отъ престола Императора Петра Ѳедоровича [4].

Тогда же составленъ былъ Тепловымъ знаменитый манифестъ 6 іюля 1762 года съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Россійскій Императрицы Ека-

---

[3] Русская Старина, 1870 г. изд. третье, стр. 609. Также см. «Опытъ улучшенія быта крестьянъ» соч. Г. Н. Теплова, 1870 г., стр. 26 и слѣдующія.

[4] По намекамъ исторіографовъ, а также судя по нѣкоторымъ распоряженіямъ, изложенныхъ въ Высочайшихъ указахъ тѣхъ дней, должно полагать, что Петръ III скончался *не 6*, но *4 іюля 1762 года*.

терины II, въ которомъ чрезвычайно рѣзко изложены обвиненія противъ Петра III [5].

Усердіе Григорія Николаевича не осталось безъ награды. Получивъ единовременно 20 тыс. рублей, онъ тогда же опредѣленъ былъ на службу и сдѣлался однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ собственномъ кабинетѣ Императрицы.

29 ноября 1762 года онъ былъ назначенъ членомъ вновь учрежденной коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, бывшей подъ личнымъ вѣдѣніемъ Государыни *).

11 февраля 1763 года учреждена была при Высочайшемъ дворѣ особая коммиссія для разсмотрѣнія акта, которымъ Императоръ Петръ III даровалъ вольность благородному россійскому дворянству и для приведенія его содержанія въ лучшее состояніе. Г. Н. Тепловъ былъ назначенъ въ эту коммиссію для веденія протоколовъ и производства дѣлъ **). Бумаги, касающіяся до переписки этой коммиссіи 1764 года хранятся въ Государственномъ Архивѣ съ надписью рукою Теплова: «Указъ собственноручный Ея Императорскаго Величества, данный учрежденной Коммиссіи о вольности дворянской въ 1763 году февраля 11 дня. Тутъ же и всѣ протоколы той Коммиссіи въ оригиналѣ до окончанія той Коммиссіи, такъ какъ и послѣдній, съ котораго обще обо всемъ поднесенъ всеподданнѣйшій Ея Величеству отъ Коммиссіи докладъ, и другаго доклада, который вслѣдствіе поднесенъ перваго, при семъ находится отпускъ. Оригинальные же оба доклада остались у Ея Величества».

Высочайшимъ указомъ 11 февраля 1763 года возложено было на него главное завѣдываніе дѣломъ по устройству въ Малороссіи новой плантаціи чужестранныхъ табаковъ, а также содѣйствіе къ учрежденію въ Россіи табачныхъ фабрикъ и установленію коммерціи русскимъ табакомъ съ иностранными государствами.

Указомъ 1 апрѣля 1763 года Теплову повелѣно было состоять при собственныхъ дѣлахъ Императрицы, назначеніе соотвѣтствующее нынѣшней должности статсъ-секретаря.

По учрежденіи 8 декабря 1763 г. при Высочайшемъ дворѣ, подъ личнымъ вѣдѣніемъ Императрицы, особой коммиссіи, для раз-

---

[5] См. 1) Высочайшіе указы, кн. 102, л. 22 и 2) Сборникъ «XVIII вѣкъ», т. IV, стр. 216.

*) Высочайшіе указы, кн. 102, л. 372.

**) Полное Собраніе Законовъ, 1763 февр. 11 (11751).

смотрѣнія вопроса о коммерціи Россійскаго государства, того же числа назначены были къ присутствованію въ ней, вмѣстѣ съ дѣйствительными тайными совѣтниками Иваномъ Ивановичемъ Неплюевымъ, княземъ Яковомъ Петровичемъ Шаховскимъ и камергеромъ графомъ Андреемъ Шуваловымъ, также и Г. Н. Тепловъ.

По словамъ того же Гельбига, безумная попытка Мировича, имѣвшая послѣдствіемъ, въ 1764 году, умерщвленіе юнаго узника Іоанна Антоновича, [6] была дѣломъ, устроеннымъ будто бы по мысли Григорія Николаевича Теплова, для того, чтобы, въ видахъ правительства, положить навсегда конецъ всякимъ посягательствамъ на будущее время въ пользу несчастныхъ потомковъ старшаго брата Петра Великаго. Однакоже фактическаго подтвержденія такого рода обвиненію, мы не имѣемъ, и въ сохранившихся документахъ слѣдовъ объ этомъ до сего времени не открыто.

Во вниманіе къ усердной службѣ и трудамъ Теплова, 22 сентября 1765 года ему былъ пожалованъ орденъ Св. Анны 1-й степени.

5 іюня 1766 года Императрицею повелѣно было разсмотрѣть въ Сенатѣ представленный Тепловымъ проектъ о выдачѣ ему привиллегіи на производство въ Малороссіи засѣва табаковъ виргинскаго и аммерсфорскаго и на устройство табачной фабрики; но проектъ этотъ остался безъ послѣдствій.

Въ 1766 году Тепловъ принималъ дѣятельное участіе въ заключенномъ 20 іюня трактатѣ между Россійскою Имперіею и Великобританіею, о мирѣ, дружбѣ, согласіи и взаимной коммерціи на 20 лѣтъ.

Вообще, пользуясь особеннымъ благоволеніемъ Императрицы Екатерины, Григорій Николаевичъ старательно работалъ на глазахъ ея, исполняя самыя разнообразныя порученія. Будучи допускаемъ всегда къ малолѣтнему Великому Князю Павлу Петровичу, Тепловъ часто обѣдалъ у него, привозилъ къ нему для забавъ своего сына Алексѣя и увеселялъ его игрою на скрипкѣ и фортепіано, а потомъ преподавалъ нѣкоторое время царственному отроку политическія науки. Григорій Николаевичъ, сдѣлавшись придворнымъ, сталъ забывать важныя услуги, оказанныя ему графомъ К. Г. Разумовскимъ. Со времени воцаренія Императрицы Екатерины II, онъ сталъ видимо отставать отъ бывшаго своего ми-

---

[6] Убійцами несчастнаго были приставленные къ нему офицеры: *Власьевъ* и *Чекинъ*.

лостивца и сдѣлался вполнѣ покорнымъ слугою братьевъ Орловыхъ. Хотя онъ и продолжалъ давать разные совѣты Разумовскому, но далеко не клонившіеся къ его пользѣ. Такъ, между прочимъ, говорятъ исторіографы,—по внушеніямъ Теплова, графъ К. Г. Разумовскій возмечталъ объ учрежденіи наслѣдственнаго въ своемъ семействѣ достоинства гетмана Малороссіи и сталъ ходатайствовать объ этомъ у Императрицы. Коварный совѣтъ этотъ былъ данъ именно съ намѣреніемъ устроить паденіе гетмана, добродушнаго благодѣтеля Теплова—и онъ достигъ своей цѣли, послуживъ поводомъ къ совершенному упраздненію того званія и должности. Когда графъ Кириллъ Григорьевичъ, 10 ноября 1764 года, былъ уволенъ отъ званія гетмана Малороссіи, то Тепловъ привѣтствовалъ его во дворцѣ, съ распростертыми объятіями. «И лобза, его же предаде», сказалъ тогда вслухъ, при многихъ свидѣтеляхъ, графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, видѣвшій происшедшую встрѣчу. Въ этихъ евангельскихъ словахъ—правдивѣйшая характеристика всей служебной дѣятельности Теплова! Сбылось разумное предсказаніе матери Разумовскаго еще въ началѣ его пребыванія въ Малороссіи.

22 сентября 1767 года Тепловъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники.

Высочайшимъ указомъ 17-го декабря 1767 года повелѣно было заготовить дипломъ на пожалованное тайному совѣтнику Григорію Теплову дворянское Россійской Имперіи достоинство, каковой и былъ подписанъ Императрицею только 3 октября 1776 года. Потомъ онъ былъ опредѣленъ почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго воспитательнаго дома.

Высочайшимъ указомъ *9 іюля 1768 года* онъ былъ назначенъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ 3-мъ департаментѣ.

19 іюля 1768 года Императрицею возложено было на Теплова, въ сотовариществѣ съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Минихомъ, статскими совѣтниками Клингштегомъ и Кольманомъ и членами камеръ-конторы лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, разсмотрѣніе вопросовъ о новомъ измѣреніи финляндскихъ земель, для назначенія согласно таковому обывательскаго оброка.

26 августа 1769 года повелѣно ему также присутствовать и въ Межевой Сената экспедиціи.

Г. Н. Тепловъ участвовалъ въ разработкѣ составленныхъ проектовъ, Высочайше утвержденныхъ:

а) 20 ноября 1772 г.—объ Императорскомъ воспитательномъ домѣ, съ учрежденіемъ вдовьяго отдѣленія, ссудной и сохранной казны (Пол. Собр. Зак., 1772 г. ноября 20 (13909).

б) 6 декабря 1772—объ учрежденіи воспитательнаго училища для обученія коммерціи купеческихъ дѣтей (Полн. Собр. Зак., 1772 дек. 6 (13916).

Вслѣдствіе возлагавшихся на него Государынею разныхъ порученій, 24 апрѣля 1773 г. Тепловъ, между прочимъ, избавленъ былъ отъ присутствованія въ Сенатѣ до августа мѣсяца.

Высочайшимъ указомъ 10 іюля 1773 года пожаловано было ему 1149 десятинъ земли на Выборгской сторонѣ, около С.-Петербурга, въ вѣчное и потомственное владѣніе.

Въ Высочайше утвержденныхъ 15 сентября 1774, 19 октября 1775 и 25 сентября 1777 годовъ росписаніяхъ гг. сенаторовъ Тепловъ оставленъ присутствующимъ въ 3-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената.

Въ награду за службу и труды его, 10 іюля 1775 года, онъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго.

Г. Н. Тепловъ былъ почетнымъ членомъ академіи наукъ и художествъ, а также и ученой Мадридской академіи.

По ходатайству Теплова, 2-го марта 1778 года, онъ былъ уволенъ въ отпускъ на одинъ годъ съ получаемымъ жалованьемъ.

По возвращеніи изъ отпуска въ С.-Петербургъ онъ, состоя на службѣ, умеръ *30 марта 1779 года* и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ. [7]

По отзывамъ его біографовъ, онъ имѣлъ полное право находиться въ числѣ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени. Энциклопедически образованный Тепловъ, отличался самыми разнообразными познаніями. Какъ писатель, онъ заслуживаетъ вниманія потомства, ибо началъ писать одновременно съ возрожденіемъ русской поэзіи въ первыхъ произведеніяхъ Ломоносова. Тепловъ перевелъ русскими стихами съ латинскаго, оду академика Тауберта «на новый 1738 годъ». Затѣмъ перевелъ рѣчи

---

[7] Въ Сенатскомъ архивѣ, между Высоч. указами, въ книгѣ 142, л. 167 и 168 хранится Высочайше утвержденное 23 апрѣля 1779 г. духовное завѣщаніе Г. Н. Теплова о распредѣленіи его имущества между наслѣдниками.

академиковъ, читанныя 29 апрѣля 1742 года; составилъ «регламентъ академіи наукъ и художествъ» (1747 г.), написалъ разсужденіе о философіи (1751 г.) «письмо къ президенту и собранію С.-Петербургской академіи наукъ» и въ 1768 г. «наставленіе сыну», отправлявшемуся въ чужіе края. Въ 1774 году, досадуя на докторовъ безуспѣшно его пользовавшихъ, Тепловъ написалъ цѣлую діатрибу на медицину, подъ заглавіемъ: «Разсужденіе о врачебной наукѣ, которую называютъ докторствомъ». Изъ его сочиненій по части сельскаго хозяйства были въ свое время замѣчательны: «О разведеніи табаковъ въ южной Россіи» (1763 года) и «Птичій дворъ»—1774 г. Оба произведенія указываютъ въ авторѣ много любознательности и наблюдательности. Помимо литературы, онъ много занимался музыкою, хозяйствомъ, садоводствомъ и лѣснымъ хозяйствомъ. Большое имѣніе Теплова, село Молодово, Орловской губерніи, Карачевскаго уѣзда, могло по своему благоустройству назваться образцовымъ; здѣсь послѣ него остался большой каменный домъ съ обширными службами, садомъ, превосходными семейными портретами, старинною утварью, большимъ архивомъ и замѣчательною библіотекою.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть, что Г. Н. Тепловъ былъ приглашенъ въ число преподавателей къ Великому Князю Павлу Петровичу. Гельбигъ говоритъ, что онъ принялся за это дѣло съ предвзятымъ злымъ намѣреніемъ (mit studirter Bosheit). Онъ долженъ былъ преподавать Великому Князю основательныя познанія въ политическихъ и государственныхъ наукахъ, а приносилъ ему огромныя кипы процессовъ, производившихся въ Сенатѣ. Это конечно наводило на Павла Петровича скуку, онъ не хотѣлъ и слышать вскорѣ объ этихъ занятіяхъ. Такимъ образомъ была достигнута цѣль: Павелъ Петровичъ не только ничего не вынесъ изъ этого преподаванія, но и получилъ отвращеніе отъ подобнаго рода занятій. *

Г. Н. Тепловъ былъ женатъ въ 1-й разъ на Елизаветѣ Марковнѣ—родомъ Шведкѣ, фамилія которой неизвѣстна, и во 2-й разъ на Матренѣ Герасимовнѣ Стрешенцовой (двоюродной племянницѣ гетмана Разумовскаго) и имѣлъ дѣтей отъ перваго брака—1) сына *Алексѣя*, сенатора, род. въ 1754, † 1826 году и дочерей—

* Д. С. Кобеко—Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, изд. 1882, стр. 55.

2) *Анну,* въ замужествѣ за сенаторомъ Семеномъ Александровичемъ Неплюевымъ, 3) *Елизавету,* за Иваномъ Ивановичемъ Демидовымъ и отъ втораго брака—дочерей: 4) *Наталію* и 5) *Марію.*

По Сенату значится присутствующимъ 1768—1779 г. въ 3-мъ департаментѣ, а также 1770—1779 г. въ Межевой Сената экспедиціи.

ВОРОНЦОВЪ

Римской имперіи графъ (съ 27 марта 1744 г.),

МИХАИЛЪ ИЛАРІОНОВИЧЪ *).

Потомокъ древней фамиліи, второй сынъ тайнаго совѣтника Иларіона Гавриловича Воронцова, отъ брака его съ Анною Григорьевною Масловою, Михаилъ Иларіоновичъ Воронцовъ родился 12 іюля 1714 года.

Воспитываясь въ домѣ родительскомъ, онъ былъ взятъ въ 1728 году Императоромъ Петромъ II въ придворные пажи и назначенъ состоять при дворѣ Цесаревны Елисаветы Петровны. Михаилъ Воронцовъ былъ пожалованъ въ 1730 году камеръ-пажемъ; въ 1733 году гофъ-юнкеромъ и въ 1735 году камеръ-юнкеромъ Цесаревны.

---

*) *Источники*: 1) Высочайшіе указы Сенатскаго Архива; 2) Россійскій гербовникъ, т. I, № 28; 3) Россійская Родословная книга, князя Долгорукова, т. II, стр. 105, 106; 4) Энциклопедическій Лескиконъ Плюшара, изд. 1838 г., т. XII, стр. 47, 49—51; 5) А. Терещенко—Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, изд. 1837 г., т. II, стр. 101—108; 6) Бантышъ-Каменскій—Словарь достопамятныхъ людей русской земли, изд. Ширяева, 1836 г., т. I, стр. 352—363; 7) Его же Списки кавалеровъ, изд. 1814 г., стр. 101, 158, 193, 289; 8) Списки Карабанова, изд. 1860 г., стр. 5, 10, 22, 43—44; 9) Дѣла Московскаго Архива Министерства Юстиціи; 10) Записки Манштейна о Россіи, изд. 1875 г., стр. 232—233, 243, 245; 11) Полное Собраніе Законовъ; 12) «XVIII вѣкъ» Сборникъ П. И. Бартенева, т. II, стр. 216, 459, 585—589; т. III, стр. 349—350; т. IV, стр. 88, 303, 309; 13) Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр. 264—266 и друг. тома; 14) Пекарскій Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи, изд. 1862 г., стр. 434; 15) Русскій Архивъ; 16) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества; 17) Русская Старина; 18) Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ, изд. Пекарскимъ; 1872 г., въ Сборникѣ Императорской Академіи Наукъ, стр. 460—461.

Находясь постоянно при Елисаветѣ Петровнѣ, онъ привязался къ ней, съ преданностію исполнялъ всѣ ея порученія, былъ ея секретаремъ и служилъ ей своимъ перомъ, которымъ владѣлъ хорошо еще въ ранней молодости [1]. Когда же затѣмъ наступили для Цесаревны тяжкіе дни, то М. Воронцовъ сдѣлался, вмѣстѣ съ лейбъ-медикомъ Лестокомъ, повѣреннымъ ея тайнъ и участникомъ въ переворотѣ, происшедшемъ въ ночь съ 24 на 25 ноября 1741 г.

Въ запискахъ адъютанта генералъ-фельдмаршала графа Миниха, Христофора Германа Манштейна и въ другихъ историческихъ изданіяхъ, это событіе описано слѣдующимъ образомъ:

Послѣ выраженнаго, 23 ноября 1741 года, правительницею Анною Леопольдовною Цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ подозрѣнія на счетъ ея тайныхъ будто бы совѣщаній съ французскимъ посломъ маркизомъ де-ла-Шетарди, подозрѣнія, которое было искусно отклонено Цесаревною, она поспѣшила извѣстить своего лейбъ-медика Лестока о происшедшемъ разговорѣ. Этотъ наперстникъ, тайно подготовлявшій уже дѣло возведенія на престолъ Елисаветы Петровны, желалъ въ ту же ночь предупредить опасность, грозившую Цесаревнѣ и ему самому; но такъ какъ всѣ, принимавшіе участіе въ давно составленномъ заговорѣ, были разсѣяны въ городѣ по своимъ квартирамъ и не были предупреждены, то приходилось отложить исполненіе задуманнаго до слѣдующей ночи.

Утромъ 24 ноября, когда Лестокъ, по обыкновенію, явился къ Цесаревнѣ, у которой въ это время находился ея камеръ-юнкеръ Воронцовъ, лейбъ-медикъ подалъ ей, нарисованную имъ карандашемъ на небольшомъ клочкѣ папки, аллегорическую картинку, гдѣ съ одной стороны она была изображена съ царскимъ вѣнцомъ на головѣ, а на другой—въ покрывалѣ монахини, окруженной орудіями пытки и висѣлицами. «Избирайте, Ваше Высочество, сами любое, сказалъ онъ ей, быть ли вамъ Императрицею, или отправиться въ монастырское заточеніе и видѣть какъ ваши слуги гибнуть въ казни!» [2] Слушая выраженную ей въ упоръ необходимость рѣшиться и дѣйствовать, Елисавета Петровна, желавшая всегда избѣжать всякаго насилія, отвѣтила на это только нерѣшительнымъ вздохомъ. Изумленные ея неожиданною робостію, Лестокъ и Воронцовъ, не теряя присутствія духа, стали убѣждать ее и умолять немедлить въ рѣшеніи. Елисавета колебалась. Они настаивали,

---

[1] Русскій Архивъ, 1879 г., т. I, стр. 58, 59.

[2] Пекарскій—Маркизъ де-ла-Шетарди, стр. 434.

говоря, что надобно только быть смѣлою и при этомъ увѣряли, что уже весь народъ преданъ и желаетъ видѣть ее на тронѣ. Цесаревна упала тогда на колѣна передъ образомъ Божіей Матери—пишетъ исторіографъ, и послѣ горячей молитвы, со слезами на глазахъ, объявила имъ свое согласіе приступить къ дѣлу. Рѣшено было дѣйствовать съ наступленіемъ ночи и Лестокъ поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ всѣхъ соучастниковъ своихъ въ задуманномъ переворотѣ.

Наступилъ вечеръ 24 ноября 1741 года и всѣ приверженцы Цесаревны находились въ нетерпѣливомъ, трепетномъ ожиданіи исхода предпринятаго намѣренія. Въ 11 часовъ ночи Елисавета Петровна, возложивъ на себя орденъ Св. Екатерины, выѣхала изъ своего дворца въ санкахъ, имѣя на запяткахъ камеръ-юнкера М. Воронцова, и направилась къ казармамъ преданныхъ ей гренадеръ Преображенскаго полка, дворъ которыхъ находился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ соборъ Спаса Преображенія. 30 человѣкъ этой роты, бывшіе въ заговорѣ, быстро собрали до 300 унтеръ-офицеровъ и солдатъ. Цесаревна объявила имъ въ краткихъ рѣчахъ о своемъ намѣреніи и требовала дружной помощи съ ихъ стороны. Воодушевленная ея словами, эта горсть подготовленныхъ приверженцевъ, отвѣтивъ восторженнымъ согласіемъ жертвовать собою и готовностію умереть за дочь Великаго Петра, тотчасъ присягнула Цесаревнѣ на подданство. Принявъ сама начальство надъ ними, Елисавета повела этотъ отрядъ прямо къ Зимнему дворцу, гдѣ все безмятежно спало. Цесаревна вошла безъ малѣйшаго сопротивленія съ частію сопровождавшихъ ее лицъ въ залы, занятыя дворцовымъ карауломъ и съ твердостію объявила офицерамъ настоящую причину своего появленія. Импонируя своею популярною личностію, она, не встрѣчая противодѣйствія, заняла тотчасъ всѣ дворцовые покои и овладѣла мѣстностію Царскаго жилища. У всѣхъ дверей, входовъ и выходовъ поспѣшно стали часовыми прибывшіе гренадеры и въ короткое время все оказалось въ ихъ власти. Неожиданность, самоувѣренная быстрота и спокойно данныя приказанія, съ которыми все было совершено, озадачивъ, парализовали защиту со стороны военныхъ постовъ. Въ это время Лестокъ и камеръ-юнкеръ Воронцовъ, не теряя времени, вошли съ отрядомъ въ покои правительницы Анны Леопольдовны и поспѣшно арестовали ее съ супругомъ, дѣтьми и жившею въ сосѣдней комнатѣ любимицею ея, фрейлиною Юліаною Менгденъ.

Лишь только произведено было первоначально съ успѣхомъ

это важное овладѣніе семействомъ правительницы, часть гренадеръ была немедленно откомандирована для задержанія фельдмаршала графа Миниха, сына его, оберъ-гофмейстера великой княгини, графа М. Г. Головкина, оберъ-гофмаршала графа Левенвольда, барона Менгдена и нѣкоторыхъ другихъ менѣе значительныхъ лицъ. Исполнявшіе это распоряженіе гренадеры вскорѣ доставили всѣхъ арестованныхъ во дворецъ Цесаревны.

На разсвѣтѣ, туда же были выведены всѣ войска, которыя, по объявленіи имъ о совершившемся уже воцареніи Императрицы Елисаветы Петровны, безропотно присягнули ей на вѣрноподданство. Къ утру Сенатъ и всѣ знатныя лица Имперіи съѣхались въ Императорскій дворецъ, гдѣ составленъ былъ канцлеромъ княземъ А. М. Черкасскимъ, съ княземъ Н. Ю. Трубецкимъ и камеръ-юнкеромъ М. И. Воронцовымъ, Высочайшій манифестъ о принятіи самодержавнаго правленія Государствомъ Императрицею Елисаветою. По выслушаніи обнародованнаго затѣмъ акта этого, всѣми присутствующими сановниками и начальствующими всѣхъ вѣдомствъ была принесена также съ покорностію и безмолвіемъ присяга на вѣрность новой государынѣ. Такимъ образомъ закончилось событіе быстро происшедшаго переворота [3].

Въ первый день своего воцаренія, 25 ноября 1741 г., Императрица Елисавета Петровна, награждая своихъ приверженцевъ, пожаловала и своего камеръ-юнкера М. Воронцова въ дѣйствительные камергеры [4].

Въ ознаменованіе же того, что гренадерская рота Преображенскаго полка была первою, которая признала Елисавету Императрицею и наиболѣе содѣйствовала къ возведенію ея на престолъ, 31 декабря 1741 года учрежденъ былъ изъ нея особый отрядъ, наименованный: «*Лейбъ-компанія*» и всѣмъ служившимъ въ этой ротѣ даровано потомственное дворянское достоинство съ офицерскими чинами [5]. При этомъ, Государыня приняла на себя званіе капитана лейбъ-компаніи и подчинила ее своему непосредственному

---

[3] Записки Манштейна, стр. 231—235; Полн. Собр. Зак., 1751 ноябрь 25 (8473) манифестъ; Реляція о восшествіи на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны—Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 1169—1181; Терещенко, стр. 103; Бантышъ-Каменскій, т. III, стр. 175—177; XVIII вѣкъ—Бартенева, т. IV, стр. 309; Русскій Архивъ, 1879 г., т. I, стр. 58, 59; Записки ювелира Позье—Русская Старина, 1870 г., т. I, стр. 86—89.

[4] Высочайшіе указы Сенат. Архива, кн. 66, л. 86.

[5] Полн. Собр. Законовъ, 1741 дек. 31 (8491) Имен. ук.

вѣдѣнію. По штату лейбъ-компаніи, ранги въ оной были приравнены: капитанъ-поручика—чину полнаго генерала арміи, поручика—чину генералъ-лейтенанта и подпоручика—генералъ-маіора. Тогда же, капитанъ-поручикомъ былъ назначенъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій, поручиками—А. Г. Разумовскій и М. И. Воронцовъ, съ чинами генералъ-лейтенантовъ, и подпоручиками—братья А. И. и П. И. Шуваловы [6]. Вообще было роздано въ то время много наградъ и отличій лицамъ, окружавшимъ новый престолъ.

Удостоившемуся почетныхъ пожалованій М. И. Воронцову выпало на долю еще новое счастливое стеченіе обстоятельствъ. Съ согласія Императрицы Елисаветы, онъ вступилъ 31 января 1742 года въ бракъ съ ея двоюродною сестрою, графинею Анною Карловною Скавронскою, и тѣмъ еще болѣе упрочилъ свое положеніе въ высшей придворной средѣ [7].

16 февраля 1742 года прибылъ въ С.-Петербургъ родной племянникъ Императрицы, Шлезвигъ-Голштинскій герцогъ Карлъ-Петръ-Ульрихъ, который, вызванный Елисаветою Петровною, былъ провозглашенъ 7 ноября того же года Наслѣдникомъ Россійскаго престола. На другой день его пріѣзда, 17 февраля, происходило представленіе ему всѣхъ высшихъ русскихъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ. Удостоивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ пожалованія учежденнымъ отцомъ его орденомъ Св. Анны, герцогъ украсилъ таковымъ въ тотъ день и камергера М. И. Воронцова [8].

25 апрѣля 1742 года, въ день священнаго коронованія Императрицы Елисаветы, Воронцовъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Благовѣрнаго Великаго князя Александра Невскаго [9].

Близость родства Михаила Илларіоновича, по женѣ, съ Государынею и особенное благоволеніе ея къ нему, обратили на себя

---

[6] См. Елизаветинскіе Лейбъ-компанейцы—Русс. Архивъ, 1880 г., т. II, стр. 1—146; Записки Манштейна, стр. 242—243.

[7] Дочь роднаго брата Императрицы Екатерины I—графа Карла Самуиловича Скавронскаго—графиня А. К. Скавронская род. 7 декабря 1723 г., была пожалована въ статсъ-дамы Императ. двора—25 апрѣля 1742 г.; оберъ-гофмейстериною—29 іюня 1760 г.; орденомъ Св. Великомученицы Екатерины—9 февр. 1762 г. и умерла 31 дек. 1775 года (Россійская родословная книга, изд. Русской Старины, т. I, стр. 62—63; Бантышъ-Каменскаго—Списки кавалеровъ, стр. 158; Списки Карабанова, стр. 43—44; Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр. 265).

[8] Сборникъ Рус. Истор. Общества, т. VI, стр. 413; Списки кавалеровъ, Бантышъ-Каменскаго, стр. 289.

[9] Высоч. указы Сенат. Архива, кн. 66, л. 272; XVIII вѣкъ, т. II, стр. 216.

въ то время вниманіе трехъ царствующихъ въ Европѣ лицъ, которыя съ дипломатическою любезностію поспѣшили также выразить ему и свои благосклонныя чувства.

13 ноября 1742 года онъ получилъ отъ Прусскаго короля Фридриха II орденъ Чернаго Орла [10].

Польскій король Августъ III прислалъ ему въ 1743 году орденъ Бѣлаго Орла.

Германскій же Императоръ Карлъ VII, *дипломомъ отъ 27 марта 1744 года, представилъ М. И. Воронцову званіе потомственнаго графа Римской имперіи*, на принятіе таковаго титула *24 іюля 1744 года послѣдовало разрѣшеніе Императрицы Елисаветы* [11].

Между тѣмъ, въ іюлѣ 1743 года Императрица пожаловала Михаилу Илларіоновичу, въ вѣчное и потомственное владѣніе, въ Финляндіи, Кексгольмскомъ уѣздѣ, погосты Якимварскій и Кайцалакъ съ 790 гейматами [12].

18 августа 1743 года дѣйствительный камергеръ М. Воронцовъ былъ назначенъ къ присутствованію въ генеральномъ судѣ, учрежденномъ по дѣлу Государственныхъ преступниковъ Лопухиныхъ, графини Анны Гавриловны Бестужевой-Рюминой и другихъ, по которому 29 августа послѣдовалъ Высочайше утвержденный приговоръ [13].

25 іюня 1744 года лейбъ-компаніи поручикъ и дѣйствительный камергеръ М. Воронцовъ былъ опредѣленъ въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ, на мѣсто умершаго тайнаго совѣтника и бывшаго президента академіи наукъ Карла Бреверна († 3 января 1744 г.) [14].

По смерти канцлера князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго († 4 ноября 1742 г.), Иностранною Коллегіею управлялъ совер-

---

[10] Сборн. Рус. Историч. Общества, т. VI, стр. 454.

[11] Терещенко, стр. 104; Бантышъ-Каменскій, стр. 353; Высоч. указы, кн. 72, л. 135. *Примѣчаніе.* 5 апрѣля 1797 года, въ день коронованія Императора Павла I, повелѣно было зачислить въ графскіе роды Россійской Имперіи, въ числѣ другихъ фамилій, и римскихъ графовъ Воронцовыхъ (Высочайшіе указы Сенатскаго Архива, кн. 191, л. 38).

[12] Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ, изд Пекарскаго, 1872 года,—Сборникъ Императорской Академіи Наукъ, стр. 460—461.

[13] Высочайшіе указы Сенатскаго Архива, кн. 71, л. 223; Русскій Архивъ, 1874 г., т. I, стр. 41, 192; См. также Русскую Старину, 1874 г. III, Дѣло Н. Ѳ. Лопухиной и другихъ.

[14] Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр. 112—113.

шенно самостоятельно графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, преобладающее вліяніе котораго на весь государственный строй вполнѣ установилось. 15 іюля 1744 года онъ былъ пожалованъ въ канцлеры, а къ нему въ товарищи назначенъ, съ званіемъ вице-канцлера, М. И. Воронцовъ, произведенный въ дѣйствительные тайные совѣтники [15].

9 ноября 1744 года опредѣлено было графу Воронцову вице-канцлерскаго жалованья по 6 тыс. руб. въ годъ [16].

Не смотря на лестное, само по себѣ, служебное возвышеніе, графъ Михаилъ Илларіоновичъ не только не пріобрѣлъ вліяющаго на политическія дѣла значенія, какъ помощникъ канцлера, но даже очутился въ весьма щекотливомъ и тягостномъ положеніи. Причиною сему было то, что графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, не терпѣвшій по характеру своему какого-либо совмѣстничества, держалъ въ однихъ своихъ мощныхъ рукахъ все управленіе внѣшними и внутренними дѣлами государства. Поэтому, графъ Воронцовъ сдѣлался только номинальнымъ сотрудникомъ этого самолюбиваго и честолюбиваго дѣятеля, съ которымъ по его обширному уму, тягаться было мало кому по силамъ. Понимая свое положеніе, онъ, какъ осторожный человѣкъ, уклонялся всегда, на сколько возможно, отъ всякаго рода служебныхъ соприкосновеній къ графу Бестужеву-Рюмину и, подъ предлогомъ поправленія здоровья, испросилъ себѣ въ 1745 году заграничный отпускъ. Отпуская графа Воронцова въ продолжительное путешествіе, внимательная Государыня подарила ему передъ отъѣздомъ, соболей на 700 рублей [17].

Выѣхавъ 3 сентября 1745 года изъ С.-Петербурга, графъ Михаилъ Илларіоновичъ странствовалъ до исхода 1746 года по Германіи, Италіи, Франціи и Голландіи. Всюду онъ былъ принимаемъ при иностранныхъ дворахъ съ необыкновенною любезностію и предупредительнымъ вниманіемъ, какъ русскій сановникъ, состоящій въ извѣстномъ родствѣ съ Императорскимъ домомъ; во Франціи же его встрѣчали по этому случаю даже съ особыми почестями [18].

Въ отсутствіе его, 26 января 1746 года было прислано ему и канцлеру графу Бестужеву въ подарокъ отъ Шведскаго двора,

---

[15] Высоч. указы Сенат. Архива, кн. 72, л. 146.
[16] Тамъ же, кн. 72, л. 308.
[17] Архивъ князя Воронцова, т. I. стр. 118.
[18] Тамъ же, т. I, стр. 69 и 154.

каждому по 9 тыс. руб., за установленный въ 1745 году союзный трактатъ между обоими кабинетами [19].

Дороговизна путешествія и недостаточность личныхъ денежныхъ средствъ, заставили графа Михаила Илларіоновича отложить дальнѣйшія поѣздки; покоряясь обстоятельствамъ, онъ вернулся въ Петербургъ, въ августѣ 1746 года, и вступилъ опять въ отправленіе своей пассивной вице-канцлерскойдолжности [20].

17 декабря 1746 года Высочайше повелѣно было отпускать графу Воронцову, кромѣ получаемаго имъ жалованья, еще по 1500 рублей въ годъ камергерскаго жалованья [21].

Указомъ 29 мая 1747 года Императрица пожаловала вице-канцлеру графу Воронцову, въ вѣчное и потомственное владѣніе, изъ конфискованныхъ земель барона Менгдена въ Лифляндіи 30½ гаковъ въ мызѣ Нейгофъ, Вендерскаго уѣзда [22].

Одновременно съ Царскими милостями, ему подготовлялись втайнѣ большія непріятности, цѣлію которыхъ было поколебать расположеніе къ нему Государыни и стараться удалить его отъ двора. Канцлеръ, графъ Бестужевъ-Рюминъ, виновникъ этого, навлекъ на графа Воронцова подозрѣніе въ сношеніяхъ его, будто бы, во время бытности еще за границею, съ королевскимъ прусскимъ тайнымъ совѣтникомъ Іоганномъ Константиновичемъ Ферберомъ, который, при измѣнническомъ участіи шведскаго офицера Витинга, былъ обвиненъ въ сообщеніи послѣднему тогдашнихъ политическимъ сношеній между Россіею и Пруссіею и арестованъ по этому дѣлу въ Берлинѣ 4 октября 1746 года. Канцлеръ доложилъ о своемъ подозрѣніи Императрицѣ и съ тѣхъ поръ дѣйствительно произошло охлажденіе ея къ графу Михаилу Илларіоновичу [23].

Кромѣ того, въ 1748 году, подъ руководствомъ того же графа Бестужева-Рюмина разыгралось политическое дѣло лейбъ-медика графа Лестока, который, какъ обвиненный въ измѣнѣ, подвергся опалѣ и ссылкѣ. [24] Въ это время недоброжелатели графа Михаила Илларіоновича хотѣли приписать и ему участіе въ дѣлѣ Лестока по мнимому заговору. Несмотря на неосновательность подобныхъ зло-

---

[19] Тамъ же, т. II, стр. 137, 143.

[20] Архивъ князя Воронцова, т. I, стр. 158.

[21] Высоч. указы Сенат. Архива, кн. 89, л. 42.

[22] Тамъ же, кн. 75, л. 30.

[23] Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр. 177—183.

[24] См. по этому предмету неизданную біографію графа А. П. Бестужева-Рюмина.

стныхъ нареканій и извѣтовъ, графу Воронцову удалось оправдаться совершенно только въ 1750 году предъ Государынею, которая съ тѣхъ поръ начала опять относиться къ нему довѣрчиво и съ благоволеніемъ.[25]

Первымъ признакомъ возвращенія Монаршихъ милостей было то, что когда графъ Михаилъ Илларіоновичъ, обремененный долгами, въ которые онъ былъ вовлеченъ расходами по служебному своему положенію, сталъ просить Государыню о ссудѣ ему денегъ, то 11 мая 1750 года Высочайше повелѣно было выдать графу Воронцову изъ казны заимообразно 20 т. рублей.[26]

Съ тѣхъ поръ опять упрочилось положеніе при дворѣ графа Михаила Илларіоновича и поддерживалось, кромѣ близкихъ связей его супруги съ Государынею, еще пріязненными отношеніями его съ графами Разумовскими и въ особенности съ графами Александромъ и Петромъ Ивановичами Шуваловыми, явно входившими тогда въ силу, при помощи царскаго любимца Ивана Ивановича Шувалова. Изъ нихъ графы Шуваловы были всегда враждебными противниками канцлера графа Бестужева-Рюмина, который все-таки умѣлъ искусно разрушать интриги ихъ въ стремленіи къ власти.[27]

5 сентября 1752 года, въ день тезоименитства Императрицы, графъ Воронцовъ удостоился награды высшимъ русскимъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго.[28]

Высочайшимъ указомъ 18 декабря 1753 года пожалованы были вице-канцлеру графу Воронцову и его супругѣ, въ вѣчное и потомственное владѣніе, мызы Маріенбургъ и Калнемойзъ съ 51 гаками земли, въ Рижскомъ уѣздѣ.[29]

16 декабря 1756 года опредѣлено было ему, кромѣ окладовъ по должности, еще по 6 т. рублей въ годъ столовыхъ денегъ.[30]

По случаю заключенія 31 декабря 1756 года дружественной конвенціи между петербургскимъ и версальскимъ кабине-

---

[25] См. оправдательное письмо графа М. И. Воронцова къ Императрицѣ Елизаветѣ отъ 18 декабря 1749 года по клеветамъ, взведеннымъ на него злостно и вымышленно. Архивъ князя Воронцова, т. II, ст. 612—616.

[26] Высоч. указы Сен. Архива, кн. 89, л. 26; Архивъ князя Воронцова, т. II, стр. 620—621.

[27] Сборникъ «XVIII Вѣкъ», т. II, стр. 498, 499, 516, 517, 523.

[28] Списки кавалеровъ, Бантышъ-Каменскаго, стр. 101; Русскій Архивъ 1883 г., т. II, стр. 315.

[29] Высоч. указы Сен. Архива, кн. 82, л. 271.

[30] Высоч. указы, кн. 90, л. 71.

тами, король Людовикъ XV, въ знакъ особеннаго благоволенія къ вице-канцлеру, 27 іюня 1757 года прислалъ ему въ подарокъ 150 золотыхъ медалей съ изображеніемъ важныхъ историческихъ событій какъ своего царствованія, такъ и Людовика XIV; къ этому король присоединилъ также роскошную табакерку, съ которою цѣнность всего подарка составляла отъ 30 до 35 тысячъ ливровъ (2500 червонныхъ) [31]

Запутанность личныхъ дѣлъ графа Михаила Илларіоновича и возраставшіе долги вынудили его примкнуть къ сообществу пріятелей своихъ графа Петра Ивановича Шувалова и генерала Александра Ивановича Глѣбова (въ послѣдствіи генералъ-прокурора), которые вступили въ разныя торговыя предпріятія и хлѣбныя операціи за границею. При содѣйствіи И. И. Шувалова, ими испрашивались даже разныя льготныя разрѣшенія Императрицы Елизаветы. Такъ, 30 іюня, 22 августа и 20 ноября 1757 года Высочайше разрѣшено было вице-канцлеру графу Воронцову, вмѣстѣ съ Глѣбовымъ и графомъ Шуваловымъ, вывозить хлѣбъ въ Швецію на особо льготныхъ основаніяхъ. [32]

14 февраля 1758 года разразилась внезапная гроза надъ головою канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, который былъ обвиненъ въ постыдномъ отступленіи фельдмаршала С. Ѳ. Апраксина послѣ знаменитой побѣды его надъ Прусаками подъ Гросъ-Эгерсдорфомъ. Канцлеръ былъ арестованъ, лишенъ чиновъ и званій, съ преданіемъ суду особой коммиссіи. [33]

Съ паденіемъ графа А. П. Бестужева-Рюмина, графъ М. И. Воронцовъ вступилъ въ самостоятельное управленіе дѣлами Государственной иностранной коллегіи и всею внѣшнею политикою. По историческимъ документамъ, между прочимъ, видно, что графъ Михаилъ Илларіоновичъ, несмотря на свою сдержанность съ канцлеромъ графомъ Бестужевымъ-Рюминымъ, велъ съ нимъ глухую борьбу при помощи любимца Государыни—И. И. Шувалова, который одинъ только имѣлъ постоянно безпрепятственный входъ въ покои Императрицы Елизаветы, даже во время ея эпилептическихъ припадковъ; въ то время, при выздоровленіи ея, онъ дѣлалъ ей

---

[31] Архивъ князя Воронцова, т. II, стр. 371; т. III, стр. 210—211, т. VI, стр. 265.

[32] «XVIII-й Вѣкъ»—Бартенева, т. II, стр. 526; Высоч. указы Сен. Архива, кн. 90, л. 339, 355, 390.

[33] См. Біографію графа А. П. Бестужева-Рюмина.

личные доклады по всѣмъ доставлявшимся къ нему дѣламъ и бумагамъ. Близость графа Воронцова къ И. И. Шуваловыму[34] дала ему возможность, при случаѣ, одолѣть наконецъ канцлера и занять его мѣсто.

Высочайшимъ указомъ *23 ноября 1758 года* вице-канцлеръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ М. Воронцовъ удостоился пожалованія въ государственные канцлеры и назначенъ къ присутствованію въ Прав. Сенатѣ. [35]

При этомъ было дано ему въ подарокъ отъ Императрицы 50 т. рублей. [36]

Въ слѣдующемъ году, милости къ нему Императрицы Елизаветы Петровны выразились болѣе крупнымъ матеріальнымъ дарованіемъ. 9 ноября 1759 года повелѣно было отдать канцлеру графу Воронцову въ содержаніе, Пермской губерніи, Егошихинскій, Мотовилихинскій, Висимскій и Пыскорскій казенные мѣдные заводы, съ рудниками, лѣсами, всѣми припасами и матеріалами, рабочими людьми и крестьянами, за которые онъ обязывался дѣлать платежи въ казну на основаніи существующихъ о томъ указовъ, однакоже съ тѣмъ, чтобы подлежащій въ казну платежъ началъ поступать только чрезъ 12 лѣтъ. [37]

Не имѣя мужскаго потомства, графъ Михаилъ Илларіоновичъ пользуясь своимъ положеніемъ, исходатайствовалъ у Германскаго императора Франца I дипломы отъ 19 января 1760 года на потомственное графское Римской имперіи достоинство роднымъ братьямъ своимъ Роману и Ивану Илларіоновичамъ Воронцовымъ, 14 февраля 1760 года Императрица Елизавета дала разрѣшеніе на принятіе ими таковаго титула. [38]

26 апрѣля 1760 года графъ Михаилъ Илларіоновичъ обратился къ Государынѣ съ письменною просьбою объ увольненіи его отъ

---

[34] См. переписку графа М. И. Воронцова съ П. И. Шуваловымъ за время съ 10 января 1755-го по 12 февраля 1766 года—Русскій Архивъ, 1864 г., стр. 336—400.

[35] Высоч. указы Сен. Архива, кн. 93, л. 11; Русскій Архивъ, 1874 г., т. I, стр. 1016.

[36] Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр, 265—266.

[37] Высоч. указы Сен. Архива, кн. 93, л. 65, *Примѣчаніе.* Въ 1763 году графъ Воронцовъ возвратилъ въ казну означенные заводы, Архивъ князя Воронцова, т. VII, стр. 608.

[38] Высоч. указы Сен. Архива, кн. 99. л. 19.

службы, ссылаясь на болѣзненное свое состояніе, [39] но это ходатайство осталось безъ послѣдствій.

Продолжавшая пользоваться неизмѣннымъ благорасположеніемъ Государыни, жена его, графиня Анна Карловна Воронцова, была возведена 29 іюня 1760 года въ оберъ-гофмейстрины Императорскаго двора. [40]

Такъ какъ послѣ замѣщенія графа А. П. Бестужева-Рюмина графомъ Воронцовымъ, т. е. съ 1758 года, вице-канцлера не было избрано, то послѣдній, ссылаясь на слабое здоровье, просилъ въ сентябрѣ 1761 года Императрицу о назначеніи ему въ помощь вице-канцлеромъ чрезвычайнаго посланника нашего въ Лондонѣ, камергера князя Александра Михаиловича Голицына, [41] который былъ уже опредѣленъ на эту должность только въ послѣдующее царствованіе—9 іюня 1762 года. [42]

25 декабря 1761 года скончалась Императрица Елизавета Петровна и воцарившійся Императоръ Петръ III съ первыхъ дней выказалъ свое расположеніе къ канцлеру графу М. И. Воронцову и желаніе удержать его на занимаемомъ посту. [43] Во все время своего непродолжительнаго царствованія, новый Государь съ особеннымъ благоволеніемъ относился къ графу Михаилу Илларіоновичу, несмотря на то, что этотъ никогда не былъ партизаномъ за сближеніе съ Пруссіей и постоянно удерживалъ отъ таковаго самого Императора. Графъ Воронцовъ явно выказывалъ нежеланіе быть орудіемъ въ дѣлахъ, возникавшихъ тогда безъ его участія, и уклонялся отъ дѣятельности по нимъ; онъ рѣшительно препятствовалъ голштинскому предпріятію, задуманному Императоромъ Петромъ III, который отстранилъ его даже отъ переговоровъ по Шлезвигъ-голштинскому вопросу. [44]

Въ числѣ объявленныхъ въ то время канцлеромъ графомъ Воронцовымъ Прав. Сенату Высочайшихъ повелѣній достойно вниманія таковое отъ 20 января 1762 года, которымъ приказано было сдѣлать распоряженіе о выступленіи находящемуся въ Австріи корпусу генералъ-поручика графа З. Г. Чернышева въ Польшу на

---

[39] Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр. 259—261.
[40] Высоч. указы Сен. Архива, кн. 99, л. 136.
[41] Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр. 261—264.
[42] Высоч. Указы Сен. Архива, кн. 96, л. 322.
[43] Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. XVIII, стр. 33—34.
[44] Сборн. Русск. Истор. Общества, т. XVIII, стр. 125, 152 и 345.

Познань, для соединенія съ собранною тамъ главною русскою арміею, которая предназначалась къ дѣйствіямъ вмѣстѣ съ прусскою противъ бывшей союзницы нашей Австріи. [45]

Совершавшіяся событія и рѣзкій переломъ въ политикѣ русскаго кабинета сильно подѣйствовали на канцлера графа Михаила Илларіоновича, у котораго въ концѣ января 1762 года сдѣлался параличный ударъ; но въ февралѣ мѣсяцѣ онъ оправился настолько, что могъ опять вступить въ отправленіе своихъ служебныхъ обязанностей и продолжать свои временно прерванныя занятія. [46]

Крайне внимательный къ нему Императоръ, въ доказательство своей милости, возложилъ 9 февраля 1762 года на супругу его, графиню Анну Карловну, орденъ Св. Великомученицы Екатерины. [47] Высочайшимъ же указомъ 14 февраля 1762 года пожалованы были оберъ-гофмейстринѣ графинѣ А. К. Воронцовой въ вѣчное и потомственное владѣніе, волость Сомерская, въ Новгородскомъ уѣздѣ, и село Кимры, въ Кашинскомъ уѣздѣ; но вслѣдъ за тѣмъ было повелѣно замѣнить ей волость Сомерскую таковою же Силосарскою. [48]

Съ учрежденіемъ 18 мая 1762 года при Высочайшемъ дворѣ, подъ предсѣдательствомъ самого Императора, особаго собранія изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ, канцлеръ графъ Воронцовъ былъ также избранъ Государемъ къ присутствованію въ немъ. [49]

Между 15 и 20 іюня Императоръ Петръ III собирался ѣхать къ войскамъ нашимъ въ Померанію, для принятія личнаго участія въ экспедиціи противъ Датчанъ, и на время его отсутствія предполагалось ввѣрить управленіе внутренними дѣлами государства шести лицамъ изъ знатнѣйшихъ сановниковъ, въ числѣ которыхъ былъ поименованъ и канцлеръ графъ Воронцовъ. [50]

---

[45] Высоч. указы Сен. Архива, кн. 113, л. 144.

[46] Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. XVIII, стр. 70.

[47] Списки кавалеровъ, Бантышъ-Каменскаго, стр. 158.

[48] Высоч. указы Сен. Архива, кн. 96, л. 85 и 130.

[49] Тамъ же, кн. 96, л. 293. *Примѣчаніе.* Членами упоминаемаго собранія кромѣ графа М. И. Воронцова, были назначены: 1) герцогъ Георгій-Людвигъ Шлезвигъ-Голштинскій (принцъ Жоржъ), 2) принцъ Петръ-Августъ-Фридрихъ Голштейнбекскій; 3) генералъ-фельдмаршалъ графъ Минихъ, 4) генералъ-фельдмаршалъ князь Н. Ю. Трубецкой; 5) генералъ-фельдцейхмейстеръ А. Н. Вильбоа, генералъ-поручикъ; 6) князь М. Н. Волконскій; 7) А. И. Мельгуновъ и 8) тайный секретарь Императора, д. ст. сов. Д. В. Волковъ.

[50] По свидѣтельству австрійскаго посла при петербургскомъ дворѣ графа Мерси, трое были уже намѣчены заранѣе Императоромъ Петромъ III, а именно: канцлеръ графъ М. И. Воронцовъ, генералъ-фельдмаршалъ князь Н. Ю. Трубец-

Поѣздка Императора Петра III не осуществилась, и 28 іюня 1762 года совершился государственный переворотъ, при которомъ бразды правленія приняла на себя супруга его, Императрица Екатерина Алексѣевна.

Во время всѣхъ подготовленій къ этому событію, графъ Михаилъ Илларіоновичъ, по долгу присяги остававшійся вѣрнымъ царствующему Императору, находился и въ тотъ день при немъ въ Ораніенбаумѣ. Когда же дошла туда положительная вѣсть о совершенномъ въ С.-Петербургѣ провозглашеніи на царство Императрицы Екатерины Алексѣевны, то Петръ III послалъ канцлера графа Воронцова для вразумленія своей супруги. Прибывъ въ тотъ же день вечеромъ въ столицу, онъ немедленно явился во дворецъ и, несмотря на то, что былъ принятъ довольно хорошо Императрицей, обѣщавшею ему свое покровительство, онъ все-таки первоначально сталъ уговаривать ее не возставать противъ законнаго Государя. Но Екатерина Алексѣевна возразила ему коротко и повелительно по отношенію неизмѣнности ея положенія, такъ что ему пришлось покориться обстоятельствамъ. Графъ Воронцовъ не вернулся уже болѣе въ Ораніенбаумъ, а отправился въ свой домъ, гдѣ къ нему былъ приставленъ, на нѣсколько дней, караулъ изъ двухъ офицеровъ, для надзора за нимъ. [51]

Приводимъ здѣсь, по этому предмету, свѣдѣнія имѣющіяся въ историческихъ изданіяхъ нашихъ:

«Предъ выходомъ войскъ изъ С.-Петербурга въ Петергофъ, прибывшій изъ Ораніенбаума канцлеръ графъ Воронцовъ представился Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, которая спросила его, «затѣмъ ли онъ явился, чтобы присягнуть ей?

— «Въ настоящую минуту не могу, отвѣчалъ канцлеръ,—потому что присланъ отъ Императора изъ Ораніенбаума узнать, что происходитъ».

— «Въ такомъ случаѣ вы не прогнѣвайтесь, если я васъ по«сажу подъ домашній арестъ сказала ему Императрица;—я съ «этою цѣлію сейчасъ же назначу двухъ гвардейскихъ офицеровъ, которые отправятся съ вами; впрочемъ можете быть спокойны за «себя».

кой и оберъ-гофмаршалъ Александръ Александровичъ Нарышкинъ (Сборн. Русск. Истор. Общества, т. XVIII, стр. 376.

[51] Сборникъ Русскаго Истор. Общества, т. XII, стр. 8; Архивъ князя Воронцова, т. VIII, стр. 7—8.

— «Будьте увѣрены, вполнѣ хладнокровно возразилъ графъ Воронцовъ, что я никогда не присягну ни словомъ, ни дѣломъ вашему правленію; а чтобы увѣриться въ справедливости моего обѣта, поставте одного изъ вашихъ преданныхъ офицеровъ стражемъ у моихъ дверей; я никогда не измѣню присягѣ, данной настоящему Императору, пока онъ существуетъ».

Воронцовъ поклонился и отправился домой съ двумя офицерами, которые сѣли съ нимъ въ карету. [52]

По свидѣтельству графа С. Р. Воронцова, дядя его, канцлеръ графъ Михаилъ Илларіоновичъ съ благородною твердостію велъ себя во время означеннаго событія, онъ отказывался отъ присяги Екатеринѣ Алексѣевнѣ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалось извѣстнымъ о смерти Императора Петра III и тогда только присягнулъ и вступилъ по желанію новой Государыни въ отправленіе своихъ обязанностей. [53]

Исторіографъ Кастера писалъ, что графъ Воронцовъ присягнувъ, попросилъ только, чтобы къ нему приставили офицера въ видѣ стражи, чтобы не оставалось сомнѣнія въ его дѣйствіяхъ, что и было исполнено; такимъ образомъ, говоритъ историкъ, канцлеръ одновременно снискалъ довѣріе Екатерины и обезопасилъ себя на случай ея неудачи, такъ какъ могъ выставить себя предъ Петромъ III за арестованнаго сторонника его. Кастера и Рюльеръ утверждаютъ, что княгиня Екатерина Романовна Дашкова испросила 29 іюня канцлеру, въ числѣ прочихъ членовъ своего семейства, прощеніе и графъ М. И. Воронцовъ, оставшись на своемъ посту, былъ потомъ въ милости при дворѣ. [54]

Лишь только получено было въ Петербургѣ извѣстіе о кончинѣ Петра III, графъ М. И. Воронцовъ, вступившій уже въ отправленіе своей канцлерской должности, 7 іюля 1762 года оповѣстилъ всѣхъ иностранныхъ пословъ и министровъ, въ столицѣ находившихся, о томъ, *что бывшій Императоръ скончался 6-го числа отъ сильнаго припадка колики, слѣдствія гемороя, которому онъ бывалъ часто подверженъ*, что обнародовано было и въ Высочайшемъ Манифестѣ того же числа. [55]

---

[52] Русск. Старина, 1870 г., т. I. стр. 222, 1873 г. т. I, стр. 699; Русскій Архивъ. 1876 г., т. I, стр. 38; Записки кн. Е. Р. Дашковой, изд. 1859 г., стр. 60—61.

[53] Русскій Архивъ, 1879 г., т. I, стр. 65.

[54] Сборникъ П. И. Бартенева, XVIII-й Вѣкъ, т. III, стр. 349—350.

[55] Сборникъ Русск. Историч. Общества, т. XII, стр. 24—25; Полн. Собр. Зак., 1762 іюля. 7 (11599) Манифестъ о кончинѣ Императора Петра III.

Манифестомъ отъ 7 іюля 1762 года объявивъ о намѣреніи своемъ короноваться въ Москвѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Императрица Екатерина сдѣлала по этому случаю распоряженія о переѣздѣ туда разныхъ частей, пересмотрѣла сама всѣ списки сенаторовъ и высшихъ сановниковъ и собственноручно намѣтила всѣхъ лицъ, которыя должны были отправиться въ Москву или же оставаться въ Петербургѣ. Изъ числа таковыхъ канцлеръ графъ М. И. Воронцовъ былъ намѣченъ ею къ переѣзду въ Москву, для присутствованія при священномъ обрядѣ Императорскаго коронованія. [56] Коронація происходила 22 сентября 1762 года и Государыня оставалась въ Москвѣ до іюня 1763 года, удерживая при себѣ и графа Михаила Илларіоновича.

Указомъ 11 февраля 1763 года канцлеръ графъ Воронцовъ былъ назначенъ къ присутствованію въ учрежденной при Высочайшемъ дворѣ коммиссіи, для пересмотра распоряженія Императора Петра III о дарованіи россійскому дворянству особыхъ правъ и преимуществъ. Засѣданія этой коммиссіи начались 15 февраля; 5 марта обсуждались въ ней пункты, составленные по этому вопросу канцлеромъ, а 18 марта было рѣшено уже поднести Императрицѣ докладъ съ окончательнымъ заключеніемъ коммиссіи. [57]

Вотъ подлинный текстъ его:

«Объявляемъ чрезъ сіе всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ. Въ седьмый день послѣ принятія Нашего Престола Всероссійскаго, получили мы извѣстіе, что бывшій Императоръ Петръ третій, обыкновеннымъ и прежде часто случавшимся ему припадкомъ геморроидическимъ впалъ въ прежестокую колику. Чего ради, не презирая долгу Нашего Христіанскаго и заповѣди Святой, которою Мы одолжены къ соблюденію жизни ближняго своего, тотчасъ повелѣли отправить къ нему все, что потребно было къ предупрежденію слѣдствъ изъ того приключенія, опасныхъ въ здравіи Его, и къ скорому вспоможенію врачеваніемъ. Но, къ крайнему Нашему прискорбію и смущенію сердца, вчерашняго вечера получили мы другое, что онъ волею Всевышняго Бога скончался. Чего ради Мы повелѣли тѣло Его привести въ монастырь Невскій, для погребенія въ томъ же монастырѣ. а между тѣмъ всѣхъ вѣрноподданныхъ возбуждаемъ и увѣщеваемъ Нашимъ Императорскимъ и Матернимъ словомъ, дабы безъ злопамятствія всего прешедшаго, съ тѣломъ Его послѣднее учинили прощаніе, и о спасеніи души Его усердныя къ Богу приносили молитвы. Сіе же бы нечаянное въ смерти Его Божіе опредѣленіе принимали за промыслъ Его Божественный, который онъ судьбами своими неисповѣдимыми Намъ Престолу Нашему, и всему Отечеству строитъ путемъ, Его только Святой волѣ извѣстнымъ».

[56] Полн. Собр. Зак. 1762 іюля 7 (11598) манифестъ; Высоч. указы Сен. Архива, кн. 102, л. 35.

[57] Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. VII, стр. 232, 238. Собственноруч-

Въ бытность въ Москвѣ Императорскаго двора, произошелъ тамъ слѣдующій крайне интересный эпизодъ, который мы извлекаемъ изъ печатныхъ историческихъ сборниковъ нашихъ, доставляющихъ намъ постепенно обильный матеріалъ для освѣщенія картины событій нашего все болѣе и болѣе отдаляющагося прошлаго.[58]

Вызванный изъ ссылки немедленно послѣ царственнаго переворота, бывшій канцлеръ графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ поспѣшилъ явиться ко двору Императрицы Екатерины II и получилъ блестящее удовлетвореніе всенароднымъ Монаршимъ оглашеніемъ о его прошлой невиновности. Очистившись такимъ образомъ въ глазахъ русскаго народа отъ взведенныхъ на него обвиненій, онъ, со своими неугасшими еще честолюбивыми замыслами, надѣялся тогда занять у престола Царскаго свое прежнее вліятельное положеніе. Но времена Елизаветинскія прошли для него безвозвратно. Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ нашелъ въ окружающихъ Императрицу лицахъ много новыхъ, вовсе незнакомыхъ и даже не сочувствующихъ ему дѣятелей; канцлерское мѣсто было занято графомъ М. И. Воронцовымъ, котораго удерживала пока на службѣ сама Государыня. Чуткая къ людямъ Екатерина, хотя и пожаловала бывшаго опальнаго старика-сановника въ генералъ-фельдмаршалы, дала ему значительный денежный окладъ, но въ то же время, «во уваженіе преклонныхъ лѣтъ графа Алексѣя Петровича», уволила его отъ всякихъ занятій военныхъ и гражданскихъ.[59]

ный указъ Екатерины II объ учрежденіи при Дворѣ Коммиссіи о русскомъ дворянствѣ 11 февраля 1763 г., распубликованный въ Полн. Собр. Зак., 1763 февр. 11 (11751) о разсмотрѣніи акта, которымъ Императоръ Петръ III далъ вольность благородному Россійскому Дворянству, и о приведеніи его содержанія въ лучшее совершенство. Извѣстная Грамота на право вольности и преимущества благороднаго Россійскаго Дворянства была дана только въ 1785 году 21 апрѣля. Полн. Собр. Зак., № 16187. Рукою Теплова помѣчено на бумагахъ, касающихся до переписки коммиссіи 1764 года, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ: «Указъ собственноручный Ея Императорскаго Величества, данный учрежденной Коммиссіи о вольности дворянской въ 1763 году февраля 11 дня. Тутъ же и всѣ протоколы той Коммиссіи, въ оригиналѣ до окончанія той Коммиссіи такъ какъ и послѣдній, съ котораго обще обо всемъ поднесенъ всеподданнѣйшій Ея Величеству отъ Коммиссіи докладъ, и другаго доклада, который вслѣдствіе поднесенъ перваго, при семъ находится отпускъ. Оригинальные же оба доклада остались у Ея Величества».

[58] Чтенія Общества Исторіи и Древностей, 1863 г., кн. III, Смѣсь, стр. 153—157; П. И. Бартенева, «XVIII-й Вѣкъ», т II, стр. 584—589.

[59] См. Біографію графа А. П. Бестужева-Рюмина.

Осыпая милостями прежнихъ царедворцевъ тетки своей, посѣдѣвшихъ въ придворныхъ сплетняхъ и интригахъ, Императрица Екатерина подбирала себѣ постепенно цѣлый рядъ новыхъ, свѣжихъ сотрудниковъ въ дѣлѣ управленія обширнымъ Россійскимъ государствомъ. Ея широкому, предпріимчивому и всеобъемлющему стремленію—служить примѣромъ для верховныхъ правителей Европы, нужны были чуждые прежняго, здоровые элементы, при помощи которыхъ она могла бы выполнить уже тогда глубоко задуманную великую задачу очищенія прежнихъ язвъ и обновленія страны. По этому, горька должна была показаться старому канцлеру и новопожалованному фельдмаршалу второстепенная роль, которую приходилось занять при новомъ дворѣ. Не примиряясь съ этимъ, онъ всячески изыскивалъ случая войти въ довѣріе Государыни, чтобы только опять попасть въ число первостепенныхъ руководителей судьбами Имперіи и нерѣдко докучалъ ей своими непрошенными совѣтами, или указаніями. Чувствуя это, онъ рѣшился употребить для своихъ цѣлей средство, уже имъ однажды удачно испытанное. Онъ видѣлъ, что съ первыхъ дней новаго царствованія значеніе графа Григорія Григорьевича Орлова все болѣе усиливалось и стало яснымъ для всякаго. Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ поспѣшилъ поэтому сблизиться съ нимъ и въ его старческой головѣ закралась таже мысль, благодаря осуществленію которой въ 1742 году, онъ 16 лѣтъ сряду держалъ въ рукахъ своихъ бразды правленія, такъ искусительно щекотавшія его живучее честолюбіе. Подобно имъ же устроеннымъ брачнымъ узамъ Императрицы Елизаветы Петровны съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, Бестужевъ задумалъ и теперь, для достиженія своихъ цѣлей, женитьбу графа Орлова съ нововѣнчанною Государынею Екатериною Алексѣевною. Мысль свою онъ первоначально сообщилъ 28-лѣтнему любимцу Орлову, который увлекшись такою будущностію, естественно принялъ ее съ восторгомъ. Тогда графъ Алексѣй Петровичъ началъ собирать подписи для поднесенія Императрицѣ формальнаго коллективнаго прошенія о томъ, чтобы она избрала себѣ супруга. По свидѣтельству французскаго посланника барона де-Бретёля, между лицами, подписавшимися подъ этимъ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, главнѣйшую роль игралъ старинный союзникъ графа Бестужева—русское духовенство. Слухъ о готовившейся петиціи, быстро разнесшійся по Москвѣ, вызвалъ цѣлыя партіи сторонниковъ и противниковъ подобнаго плана. Во главѣ послѣднихъ, особенно возстававшихъ про-

тивъ возможности вторичнаго брака Императрицы, были канцлеръ графъ М. И. Воронцовъ, [60] воспитатель наслѣдника престола Н. И. Панинъ и малороссійскій гетманъ графъ К. Г. Разумовскій.

Гетманъ съ первыхъ дней восшествія на престолъ Екатерины, сталъ въ непріязненныя отношенія къ графу Г. Г. Орлову. По преданію, сохранился разсказъ, что въ то время, однажды за обѣдомъ во дворцѣ, отуманенный тщеславіемъ графъ Григорій Григорьевичъ, разговаривая о недавнемъ переворотѣ, расхвастался до того, что приписывалъ успѣхъ всего этого дѣла одному себѣ; разгоряченный винными парами, онъ наконецъ до того увлекся, что началъ увѣрять даже въ томъ, что въ мѣсяцъ времени берется сдѣлать новый переворотъ и низвергнуть Екатерину. »Быть можетъ, возразилъ ему смѣясь графъ К. Г. Разумовскій,—чрезъ мѣсяцъ ты это бы и сдѣлалъ, но мы бы тебя прежде двухъ недѣль повѣсили». [61]

Все происходившее и разносившееся въ толкахъ, безъ сомнѣнія, доходило до свѣдѣнія Императрицы Екатерины, которую, какъ пишутъ современники, вынудили будто бы измѣнить своему намѣренію вступить во вторичный бракъ и приведенный поступокъ графа Разумовскаго и всеобщій ропотъ, возбужденный замыслами графа А. П. Бестужева-Рюмина.

Самъ же графъ Г. Г. Орловъ взлелѣявшій будущую перспективу своего положенія, созидаемаго планами Бестужева, не рѣдко намекалъ Екатеринѣ о тайномъ бракѣ Императрицы Елизаветы Петровны съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ.

По удостовѣренію княгини Е. Р. Дашковой, канцлеръ графъ М. И. Воронцовъ рѣшился въ то время объясниться по этому поводу съ Государынею и лично высказать, что бракъ ея съ Орловымъ произведетъ самое дурное впечатлѣніе на большинство всѣхъ русскихъ. Поблагодаривъ его за вполнѣ оцѣниваемыя ею чистосердечіе и прямоту образа дѣйствій, Екатерина отвѣчала графу Воронцову, «что она никогда не поручала старому интригану заботиться о ея положеніи и составлять подобнаго рода прошенія.» [62]

Старикъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, пріѣхавшій съ дворомъ на коронацію въ Москву, жилъ во все время пребыванія тамъ Государыни въ своемъ домѣ на Покровкѣ, близь церкви Воскресенія въ Барашахъ.

---

[60] Бартенева, XVIII-й «Вѣкъ», т. II, стр. 585—589, 596.

[61] Castèra—Histoire de Catherine II, T. II, page 449; «XVIII-й Вѣкъ», т. II, стр. 585—586.

[62] Memoires of the Princess Dashkow, T. II, p. 124—125.

Однажды, вѣроятно вскорѣ послѣ вышеприведеннаго разговора съ канцлеромъ, Императрица Екатерина пригласила къ себѣ графа Михаила Илларіоновича. «Напишите, сказала она, ему проектъ «указа съ объявленіемъ, что въ память почившей тетки моей, «Императрицы Елисаветы Петровны, я признаю справедливымъ «даровать графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, вѣнчанному «съ покойною Монархинею, титулъ Императорскаго Высочества, «каковую дань признательности и благоговѣнія къ предшественницѣ «моей я заявляю ему и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаю это гласнымъ во «всенародное извѣстіе». Поручивъ канцлеру показать этотъ проектъ графу Разумовскому, Государыня приказала вмѣстѣ съ тѣмъ графу Михаилу Илларіоновичу попросить у него всѣ документы, касавшіеся до его бракосочетанія съ Императрицею Елисаветою Петровною, «дабы изъ нихъ можно было составить актъ и облечь «его въ законную форму».

Воронцовъ стоялъ, пишетъ исторіографъ, какъ громомъ пораженный, выслушивая полученное приказаніе, которое противорѣчило не только словамъ, но и самому тону отвѣта, слышаннаго имъ за нѣсколько дней отъ самой Государыни. Онъ хотѣлъ было возражать, но Екатерина настойчиво потребовала немедленнаго исполненія своего повелѣнія и вышла изъ комнаты, оставивъ канцлера въ совершенномъ недоумѣніи. Дѣлать было нечего. Графъ Михаилъ Илларіоновичъ наскоро набросалъ проектъ указа и поѣхалъ съ таковымъ къ графу А. Г. Разумовскому. Онъ засталъ старика сидящимъ въ креслахъ и читающимъ Св. Писаніе Кіевской печати, у горѣвшаго камина въ той комнатѣ, которая, по преданію, служила опочивальнею Елисаветы Петровны и извѣстна донынѣ подъ именемъ мраморной. Послѣ обмѣна взаимныхъ привѣтствій, канцлеръ выразилъ графу Алексѣю Григорьевичу настоящую причину своего посѣщенія. Графъ Разумовскій потребовалъ проектъ указа, пробѣжалъ его глазами, всталъ съ креселъ, медленно подошелъ къ комоду, на которомъ стоялъ ларецъ чернаго дерева, окованный серебромъ и выложенный перламутромъ, отыскалъ въ комодѣ ключъ, отперъ имъ ларецъ и изъ потаеннаго ящика вынулъ свертокъ бумаги, перевитый розовымъ атласомъ. Положивъ опять атласъ въ ларецъ, онъ развернулъ бумаги и началъ читать ихъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ.

Окончивъ чтеніе, послѣ нѣкотораго времени, сѣдовласый старецъ поцѣловалъ бумаги, подошелъ къ образамъ, совершилъ нѣмую молитву, перекрестился и, со слезами на глазахъ, въ замѣтномъ

волненіи вернулся къ пылающему камину, около котораго оставался графъ Воронцовъ, бросилъ свертокъ въ огонь, опустился въ кресла и, слѣдя за разрушительнымъ дѣйствіемъ пожирающаго огня, помолчавъ нѣсколько, обратился къ своему собесѣднику со слѣдующею рѣчью: «Я не былъ ничѣмъ болѣе какъ вѣрнымъ рабомъ Ея Величества покойной Императрицы Елисаветы Петровны, «осыпавшей меня благодѣяніями превыше заслугъ моихъ. Никогда «не забывалъ я изъ какой доли вышелъ я и на какую степень «возведенъ ея десницею. Я обожалъ ее какъ сердобольную мать «милліоновъ народа, примѣрную христіанку и никогда не дерзалъ «самою мыслію сближаться съ ея царственнымъ величіемъ! Стократъ смиряюсь, вспоминая прошедшее, живу въ будущемъ «*его* «*же не прейдемъ*», въ молитвахъ ко Вседержителю. Мысленно лобзаю державныя руки нынѣ царствующей Монархини, подъ скипетромъ которой безмятежно, въ остальныхъ дняхъ жизни, вкушаю «дары благодѣяній, изліянныхъ на меня отъ престола. Еслибы и «было нѣкогда то́, о чемъ вы говорите со мною, то повѣрьте, «графъ, что я не имѣлъ бы никогда суетности признать случай, «помрачающій незабвенную память Монархини, моей благодѣтельницы. Теперь вы видите, что у меня нѣтъ никакихъ документовъ. «Доложите обо всемъ этомъ Всемилостивѣйшей Государынѣ: да «продлитъ она милости свои на меня старца, не желающаго никакихъ земныхъ почестей. Прощайте, ваше сіятельство, да останется «все происшедшее между нами тайною; пусть люди говорятъ что̀ «имъ угодно, пусть дерзновенные простираютъ свои надежды къ «ложнымъ величіямъ, но мы не должны быть причиной такихъ «толковъ».

Откланявшись, канцлеръ прямо отъ графа Разумовскаго поѣхалъ доложить Государынѣ всѣ подробности происходившаго свиданія, нѣмой сцены и державныхъ рѣчей. По выслушаніи со вниманіемъ разсказа, Императрица взглянула въ упоръ на графа Воронцова проницательно, подала ему руку, которую онъ поцѣловалъ, и произнесла: «Мы другъ друга понимаемъ! Тайнаго брака «не существовало, хотя бы и для усыпленія боязливой совѣсти. «Шепотъ о семъ всегда былъ для меня противенъ. Почтенный «старикъ предупредилъ меня, но я ожидала этого отъ свойственнаго малороссіянину самоотверженія». Передавая это замѣчательное въ жизни своей событіе, графъ Михаилъ Илларіоновичъ закончилъ разсказъ тѣмъ, что съ послѣднимъ словомъ Императрицы

«она погрузилась въ мрачную глубокую думу», и онъ вышелъ изъ ея кабинета.

Въ разговорѣ съ графомъ Воронцовымъ, пишетъ историкъ, Екатерина слѣдовала не формулированному еще въ тѣ времена извѣстному афоризму князя Талейрана, что «слова созданы для сокрытія настоящей мысли». Поступокъ Разумовскаго открылъ ей глаза и доказалъ всю невозможность, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, брака ея съ Орловымъ, одна молва о которомъ породила уже заговоръ Хрущовыхъ и Гурьевыхъ; но посылая Воронцова къ Разумовскому, Екатерина вполнѣ расчитывала воспользоваться документами, находившимися въ его рукахъ. Кредитъ Орлова послѣ отвѣта графа Алексѣя Григорьевича и поступка графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго нисколько не ослабѣлъ: девять лѣтъ онъ оставался еще всемогущимъ любимцемъ Екатерины. Напротивъ того, всѣ слишкомъ явно возстававшія противъ такого брака лица, начиная съ канцлера, мало-по-малу впадали въ немилость и, между прочимъ, княгиня Дашкова, которая находилась въ болѣе чѣмъ холодныхъ отношеніяхъ съ братьями Орловыми. Неудовольствіе Екатерины пало въ нѣкоторой степени и на гетмана; но съ врожденнымъ своимъ тактомъ она назначила именно его для производства слѣдствія надъ вышеупоминаемыми заговорщиками, которые, въ сущности, согласовались съ его взглядомъ, въ исходной точкѣ. Что же касается графа А. Г. Разумовскаго, то Екатерина, при возвышенномъ умѣ своемъ и чувствахъ справедливости, не могла не быть тронутою рѣдкимъ, особенно въ тѣ времена, между сильными міра сего, примѣромъ полнаго самоотверженія и необыкновеннаго благородства. Государыня до конца жизни графа Алексѣя Григорьевича (род. 1709, † 6 іюля 1771 г.) оказывала ему знаки особаго уваженія и обращалась съ нимъ болѣе какъ съ родственникомъ, чѣмъ съ подданнымъ. Когда онъ пріѣзжалъ къ Государынѣ, то она вставала и выходила къ нему на встрѣчу, сама тотчасъ подавала ему кресло и при уходѣ провожала до дверей своего кабинета [63].

Между тѣмъ, графъ М. И. Воронцовъ, несмотря на внѣшне любезное обращеніе къ нему Императрицы Екатерины и выказываемое ею благорасположеніе, все-таки понималъ, что настаетъ конецъ его виднаго служебнаго положенія, отъ котораго надо было съ честью устраниться; къ тому же, разслабленное здоровье

[63] XVIII вѣкъ, т. II, стр. 586—589.

и разбитыя уже силы точно также упорно напоминали ему о необходимости полнаго отдыха послѣ столь продолжительной, тревожной государственной службы. Поэтому онъ, находясь еще въ Москвѣ, письмомъ отъ 5 февраля 1763 года просилъ Императрицу объ увольненіи его отъ службы по случаю крайне разстроеннаго здоровья, или же, по крайней мѣрѣ, о разрѣшеніи ему двухгодичнаго заграничнаго отпуска. Не соглашаясь на совершенное увольненіе, Государыня отвѣчала, что проситъ его отложить намѣреніе ѣхать въ чужіе края до возвращенія ея въ С.-Петербург[64].

По переѣздѣ двора изъ Москвы въ С.-Петербургъ, 4 августа 1763 года состоялся Высочайшій указъ объ увольненіи на два года за границу канцлера графа Воронцова и супруги его, оберъгофмейстерины двора графини Анны Карловны. При этомъ, Высочайше повелѣно было купить въ казну, принадлежащій ему каменный домъ въ Петербургѣ для уплаты ихъ долговъ и выдать ему остальные отъ продажи дома 24594 р. 50 коп. изъ мѣднаго банка[65].

Отпуская графа Михаила Илларіоновича на продолжительный отдыхъ, Государыня, при прощаніи, обнадежила его въ томъ, что канцлерскій постъ останется за нимъ; на время же его отсутствія, завѣдываніе иностранными дѣлами было ввѣрено графу Н. И. Панину.

Воспользовавшись даннымъ разрѣшеніемъ, графъ Воронцовъ съ супругой выѣхали изъ С.-Петербурга 7 августа 1763 года.

Въ ихъ отсутствіе, при раздѣленіи Прав. Сената на департаменты, 23 января 1764 года Высочайше повелѣно было зачислить канцлера графа Воронцова присутствующимъ въ 1-мъ департаментѣ; но 29 февраля того же года состоялось приказаніе Государыни объ освобожденіи его вовсе отъ засѣданія въ департаментѣ Сената[66].

Пробывъ за границею 1 годъ и 7 мѣсяцевъ, графъ М. И. Воронцовъ вернулся въ С.-Петербургъ въ концѣ февраля 1765 года

---

64 Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. VII, стр. 310—313; Архивъ князя Воронцова, т. VII, стр. 606, 609—610.

65 Высоч. указы Сен. Архива, кн. 107, л. 205. *Примѣчаніе.* Домъ канцлера графа М. И. Воронцова въ С.-Пбургѣ есть нынѣ зданіе, занимаемое Пажескимъ Е. И. В. корпусомъ, на Большой Садовой улицѣ.

66 Высоч. указы Сен. Архива, кн. 109, л. 70 и 363.

и вступилъ опять въ отправленіе своей канцлерской должности. Хотя ему и была разрѣшена двухгодичная отлучка, но плохое состояніе финансовъ, по случаю дороговизны путешествія, заставило его возвратиться въ отечество до окончанія срока отпуска [67].

Неожиданное появленіе канцлера и занятіе имъ прежней своей должности было встрѣчено съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ въ высшей придворной средѣ. Графъ Михаилъ Илларіоновичъ не могъ не замѣтить съ первой минуты своего возвращенія извѣстнаго охлажденія къ нему со стороны Императрицы и явно выказываемаго ему недоброжелательства любимца ея, графа Г. Г. Орлова, не говоря уже о томъ, что замѣнившій его графъ Н. И. Панинъ успѣлъ овладѣть довѣріемъ Монархини, привыкшей къ его сотрудничеству. По этому графъ Воронцовъ, какъ по собственному убѣжденію, такъ и по совѣту друзей своихъ, поспѣшилъ обратиться къ Императрицѣ Екатеринѣ съ ходатайствомъ о полномъ увольненіи своемъ отъ службы, и *22 марта 1765 года* послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій указъ Прав. Сенату:

«Канцлеръ нашъ графъ Воронцовъ, поданнымъ намъ про«шеніемъ, описываетъ совершенную слабость своего здоровья, «почему отнюдь и не въ состояніи себя находя понести большое «бремя ввѣренной ему важной и многотрудной должности, всепод«даннѣйше проситъ насъ о увольненіи, какъ отъ оной, такъ и отъ «всѣхъ дѣлъ. Мы совершенно зная оказанныя его вѣрныя и от«личныя службы Блаженныя и вѣчной славѣ достойныя памяти «нашей вселюбезнѣйшей тетки Государыни Императрицы Елиза«ветѣ Петровнѣ, такъ какъ и всегда оказуемое къ службѣ нашей «усердіе и ревность, по многократной его просьбѣ наконецъ въ «разсужденіи слабости его здоровья на увольненіе его, какъ отъ «нынѣшней его должности, такъ и отъ всѣхъ дѣлъ всемилостивѣй«ше соизволяемъ, повелѣвая за его отличныя службы, вмѣсто «пенсіона производить ему по смерть его нынѣшнее жалованье и «всемилостивѣйше позволяя ему жить въ канцлерскомъ домѣ— «Екатерина [68]».

Кромѣ того, Императрица, при увольненіи графа Михаила Илларіоновича, прислала ему въ подарокъ 50/т. р. на уплату долговъ [69].

---

[67] Сборн. Русск. Истор. Общества, т. XII, стр. 198.

[68] Высоч. указы Сен. Архива, кн. 113, л. 323.

[69] Терещенко, стр. 105; Плюшаръ, т. XII, стр. 50; Русскій Архивъ, 1864 г., стр. 388.

Въ званіи канцлера его замѣнилъ графъ Никита Ивановичъ Панинъ.

Во все время управленія графомъ Воронцовымъ иностранною коллегіею, пишетъ его біографъ, государственныя дѣла текли быстро, безъ нарушенія согласія съ кабинетами другихъ дворовъ. Неусыпное трудолюбіе, твердость и примѣрная честность, на которыхъ основана была его политика, снискали ему полное уваженіе даже и отъ враговъ. Правила хитрости, коими руководились другіе министры въ дѣлахъ дипломатіи, оставались всегда ему чуждыми. Онъ не затемнялъ сношенія свои съ иностранными кабинетами посредствомъ дипломатическихъ тонкостей, уловокъ, или напрасныхъ обѣщаній—эти способы казались ему всегда не совмѣстными съ его правилами жизни. Руководимый стремленіемъ ко благу своего отечества, графъ Михаилъ Илларіоновичъ старался заслужить отъ всѣхъ европейскихъ дворовъ довѣріе и отъ того во всѣхъ его политическихъ дѣйствіяхъ, ошибочно почитаемыми будто за коварныя, онъ поступалъ всегда честно и нелицемѣрно [70].

Со времени бытности графа Воронцова, съ 1744 года, при дѣлахъ иностранной коллегіи, ближайшими его трудами были составлены слѣдующіе дипломатическіе акты и договоры:

1. 14—(25) іюня 1745 г.—трактатъ между Россіею и Швеціею объ оборонителѣномъ союзѣ на 12 лѣтъ [71].

2. 1—(12) іюня, 8—(19) ноября и 27 ноября (8 декабря) 1746 г.—три конвенціи съ Англіею о предоставляемомъ ей Россіею вспомогательномъ войскѣ [72].

3. 8—(19) ноября 1747 г. конвенція между Россіею и Голландіею о вспомогательномъ русскомъ войскѣ [73].

4. 16 іюля 1753 г. имъ заключенъ былъ въ Москвѣ съ Австріею, согласно условію 22 мая 1746 года, такого рода секретнѣйшій артикулъ по отношенію порты Оттоманской, что если она дерзнетъ нарушить постановленные договоры съ россійскимъ дворомъ, или съ вѣнскимъ и произведетъ нападеніе на которое либо изъ этихъ государствъ, то неаттакованная сторона должна объявить войну Турціи и немедленно сдѣлать диверсію въ ея владѣніяхъ [74].

---

[70] Терещенко, стр. 106—107.

[71] Полн. Собр. Закон., 1745 іюн. 14—25 (9176).

[72] Бантышъ Каменскій, стр. 359—360.

[73] Тамъ же, стр. 360.

[74] Бантышъ Каменскій, стр. 354—355.

5. 19 сентября 1755 г.—конвенція между Россіею и Англіею, о возобновленіи еще на 4 года оборонительнаго союзнаго трактата, заключеннаго между обоими дворами 11 декабря 1742 года [75].

6. 31 декабря 1756 г.— Актъ между Россіею и Франціею, о присоединеніи первой къ версальскому трактату, заключенному 1 мая того года между французскимъ королемъ Людовикомъ XV и королевою венгеро-богемскою Маріею Терезіею [76].

7. 22 января 1757 г.—конвенція, учиненная въ С.-Петербургѣ между Россійскимъ и вѣнскимъ дворами, о возобновленіи противъ Пруссіи оборонительнаго союза, установленнаго въ 1747 году [77].

8. 5 ноября 1757 г.—Актъ о присоединеніи Россійскаго двора къ конвенціи постановленной 21 марта того года между Швеціею, Австріею и Франціею противъ Пруссіи [78].

9. 5 ноября 1757 г.—Декларація постановленная въ С.-Петербургѣ между Россійскимъ, Австрійскимъ, Французскимъ и Шведскимъ дворами, относительно употребленія французскаго языка въ международныхъ сношеніяхъ означенныхъ государствъ [79].

10. 24 іюня 1758 г.—трактатъ между Россіею и Швеціею, заключенный въ С.-Петербургѣ, о возобновленіи на 12 лѣтъ оборонительнаго союза, установленнаго 25 іюня 1745 года [80].

11. 9 марта 1759 г. конвенція, заключенная въ С.-Петербургѣ между Россіею и Швеціею, о содержаніи обоюдныхъ флотовъ на Балтійскомъ морѣ, для защиты торговли и кораблеплаванія отъ каперовъ, и акты о присоединеніи къ этой конвенціи Франціи и Даніи [81].

12. 7 марта 1760 г.—Актъ присоединенія Россійскаго кабинета къ трактату, заключенному 30 декабря 1758 года между вѣнскимъ и версальскимъ дворами, о продолженіи общими силами войны противъ короля прусскаго Фридриха II [82].

13. 10 марта 1760 г.—Актъ присоединенія С.-Петербургскаго двора къ копенгагенскому трактату, заключенному 4 мая 1758 года между Франціею и Даніею [83].

---

[75] Пол. Собр. Зак., 1755 сент. 19 (10464 а).
[76] Полн. Собр. Зак., 1756 дек. 31 (10680).
[77] Полн. Собр. Зак., 1756 генв. 22 (10687).
[78] Полн. Собр. Зак., 1757 ноябр. 5 (10773).
[79] Полн. Собр. Зак., 1757 ноябр. 5 (10774).
[80] Полн. Собр. Зак., 1758 іюн. 24 (10852).
[81] Полн. Собр. Зак., 1759 март. 9 (10931).
[82] Полн. Собр. Зак., 1760 март. 7 (11036).
[83] Полн. Собр. Зак., 1760 март. 10 (11038).

14. 17 марта 1760 г.—Актъ, заключенный между Россіею и Даніею, о присоединеніи послѣдней къ конвенціи 9 марта 1759 года, установленной между Россію и Швеціею о безопасной и свободной взаимной коммерціи и навигаціи на водахъ Балтійскаго моря [84].

15. 21 марта 1760 г.—трактатъ оборонительнаго союза, заключенный въ С.-Петербургѣ между Россійскимъ и Вѣнскимъ дворами [85].

16. 21 марта 1760 г.—Конвенція, подписанная въ С.-Петербургѣ между С.-Петербургскимъ и Вѣнскимъ кабинетами, о продолженіи войны противъ прусскаго короля [86].

17. 24 апрѣля 1762 г.—трактатъ между Россіею и Пруссіею о вѣчномъ между обоими государствами мирѣ [87].

18. 8 іюня 1762 г.—трактатъ совершенный въ С.-Петербургѣ, объ оборонительномъ союзѣ между Россіею и королемъ прусскимъ [88].

Находясь въ отставкѣ, графъ М. И. Воронцовъ скончался въ Москвѣ, отъ чахотки, *15 февраля 1767 года*, едва 53 лѣтъ отъ роду, и погребенъ тамъ въ церкви бывшаго Крестовоздвиженскаго монастыря, на Вздвиженкѣ, по желанію покойнаго, безъ всякой пышности. Надъ могилою его, въ правомъ церковномъ придѣлѣ, стоитъ доселѣ богатый мраморный памятникъ [89].

Для характеристики графа Михаила Илларіоновича, приводимъ личное мнѣніе о немъ Императрицы Екатерины II.

«Бестужевъ былъ замѣщенъ Воронцовымъ, человѣкомъ по«чтеннымъ, который пользовался славою испытанной честности «и никогда не измѣнилъ этой своей славѣ, но его мудрость и «вліяніе не могли отвлечь Императрицы Елизаветы Петровны отъ «союза съ Австріею и Франціею въ семилѣтнюю войну [90].

Исторіографы князь Щербатовъ и Манштейнъ, расходясь во взглядахъ своихъ относительно дарованій графа Михаила Илларіоновича, единогласно подтверждаютъ, что онъ былъ человѣкъ чуткій

---

84 Бантышъ-Каменскій, стр. 360.

85 Полн. Собр. Зак. 1760 март. 21 (11041).

86 Полн. Собр. Зак., 1760 март. 21 (11042).

87 Полн. Собр. Зак., 1762 апр. 24 (11516).

88 Полн. Собр. Зак., 1762 іюн. 8 (11566).

89 Русскій Архивъ, 1864 г., стр. 400; Русская Старина, 1870 г., т. II, стр. 473; С.-Пб. Вѣдомости 1767 г. № 17.

90 Русскій Архивъ, 1878 г., т. II, стр. 287.

къ добру, человѣкъ со здравымъ смысломъ, неподкупной честности, твердости и прямодушія, однимъ словомъ—признаютъ его за человѣка съ честными и благонамѣренными стремленіями [91].

Не смотря на неблагопріятные отзывы нѣкоторыхъ современниковъ о дипломатической способности и дѣятельности графа Воронцова, онъ всетаки умѣлъ удержаться на своемъ постѣ, тогда какъ его предшественники, извѣстные своею ловкостію, умомъ, хитростію и большими талантами въ дипломатіи, графы А. И. Остерманъ и А. П. Бестужевъ-Рюминъ пали жертвою современныхъ интригъ. Достаточно хорошо образованный, много читавшій и недурно владѣвшій перомъ, графъ Михаилъ Илларіоновичъ, честнымъ отношеніемъ своимъ въ политикѣ и къ людямъ вообще, а также теплотою и участіемъ къ ближнему, умѣлъ пріобрѣсть себѣ искреннихъ друзей, остававшихся преданными до конца его жизни. Къ чести графа Воронцова должна быть отнесена дружба его съ незабвеннымъ М. В. Ломоносовымъ [92], котораго онъ всегда поддерживалъ и надъ прахомъ котораго воздвигъ мраморный памятникъ въ Александро-Невской Лаврѣ въ С.-Петербургѣ; послѣ смерти его (1765 г.), Воронцовъ купилъ всѣ оставшіяся у него бумаги. Графъ Михаилъ Илларіоновичъ былъ также въ близкихъ сношеніяхъ съ писателемъ княземъ А. Д. Кантеміромъ. Живя довольно роскошно по положенію своему, а можетъ быть и не совсѣмъ разсчетливо, онъ постоянно находился въ долгахъ, изъ которыхъ нерѣдко выручали его обѣ покровительствовавшія ему Императрицы Елисавета Петровна и Екатерина Алексѣевна.

Отъ брака съ графинею Анною Карловною Скавронскою (род. 7 декабря 1723 † 31 декабря 1775 г.), [93] у него были дѣти:

1. Сынъ Николай, род. 23 февраля и умершій 23 апрѣля 1751 года, и дочери:

2. Гр. Анна, род. 13 апрѣля 1743 † 21 февраля 1769 г. въ замужствѣ за графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгоновымъ.

3. Гр. Марія, род. 14 января † 25 іюля 1753 года, и

4 Гр. Елизавета, род. 11 іюля 1757 † 16 іюня 1758 года.

По Сенату, графъ Воронцовъ значится присутствующимъ 1758—1763 г. и неприсутствующимъ сенаторомъ 1763—1765 годъ.

---

[91] Русскій Архивъ, 1879 г. т. I, стр. 60; Записки Манштейна, стр. 245.

[92] См. переписку графа М. И. Воронцова съ М. В. Ломоносовымъ Архивъ князя Воронцова, т. IV, стр. 480—501.

[93] Графиня А. К. Воронцова погребена въ С.-Петербургѣ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры (Русская Старина, 1870 г., т. стр. 472—473.

ВОРОНЦОВЪ,

графъ (съ 19 января 1760)

АЛЕКСАНДРЪ РОМАНОВИЧЪ. *

Воронцовы происходятъ отъ древней благородной фамиліи, по прямой линіи отъ выѣхавшаго въ 1027 году изъ Германіи въ Кіевъ сына варяжскаго Ярла, или князя, Афрека-Шимона, который привелъ съ собою къ Великому князю Ярославу Владиміровичу около 3000 Варяговъ. Принявъ православіе, съ именемъ Симона Африкановича (какъ сына Афрека—Африканца), онъ, а также и сына его, Георгій Симоновичъ, пользовались особенными милостями Великихъ князей Ярослава Владиміровича и Всеволода. Потомокъ Симона, Ѳедоръ Васильевичъ, по прозванію Воронецъ, сдѣлался родоначальникомъ русской фамиліи Воронцовыхъ.

Предки Воронцовыхъ не разъ вступали въ родственныя связи съ Государями Россійскими. Такъ Николай Васильевичъ, родной племянникъ Ѳедора Воронцова, былъ свойкомъ Великому князю Дмитрію Іоанновичу Донскому; жена его, Марія, была дочь Дмитрія

---

* *Источники.* 1) Высочайшіе указы Сенатскаго Архива; 2) Полное Собр. Законовъ; 3) Россійскій Гербовникъ, т. I, № 28; 4) Россійск. родословная книга кн. Долгорукова, т. II, стр. 105—106; 5) Энциклопед. Лексиконъ Плюшара, изд. 1838 г., т. XII, стр. 47, 51—52; 6) Терещенко, Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, изд. 1837 г., т. II, стр. 198—202, 320—321; 7) Бантышъ-Каменскій, Словарь достопомятныхъ людей, изд. Ширяева, 1836 г., т. I, стр. 349—351; 8) Его же, Списки кавалеровъ, стр. 229; 9) Его автобіографія, Русскій Архивъ 1883 г., т. I, стр. 224—290, Архивъ кн. Воронцова, т. V, стр. 1—87 и др. тома; 10) Дневникъ А. В. Храповицкаго, изд. 1874 г., Н. П. Барсукова, стр. 47, 78, 320, 417; 11) Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 895; 12) Списки Карабанова, стр. 7, 15, 61 и 91; 13) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества.

Константиновича князя Суздальскаго; дочь его, Марія, находилась въ замужествѣ за Иваномъ Дмитріевичемъ Всеволожскимъ, потомкомъ князей Смоленскихъ; племянница же его, Евфросинія Полуехтова, была за сыномъ Великаго князя Дмитрія Донскаго, Петромъ Дмитріевичемъ (1406). Внучка Николая Васильевича состояла въ супружествѣ съ княземъ Василіемъ Юрьевичемъ Косымъ, который получилъ за нею въ приданое знаменитый поясъ, сдѣлавшійся (1433 г.) причиною непримиримой вражды Юрія Дмитріевича, князя Галицкаго, къ племяннику своему Василію Темному. Правнукъ Өедора Васильевича Воронца, Иванъ Никитичъ, находился въ 1472 году при Юріѣ Васильевичѣ, князѣ Дмитровскомъ, у совершенія духовнаго завѣщанія.

Потомокъ всѣхъ этихъ лицъ, сынъ генералъ-аншефа и сенатора Романа Илларіоновича Воронцова, отъ брака его съ Мареою Ивановною Сурминою, [1] Александръ Романовичъ Воронцовъ родился въ С.-Петербургѣ 4 сентября 1741 года.

Въ 1745 году умерла его мать, Мареа Ивановна, и А. Воронцовъ, вмѣстѣ съ новорожденнымъ братомъ Семеномъ и тремя старшими сестрами, оставшимися всѣ малолѣтними, были взяты въ домъ дяди ихъ, извѣстнаго вице-канцлера графа Михаила Илларіоновича Воронцова; но послѣдній въ сентябрѣ, того года, уѣхалъ за границу и всѣ означенные племянники и племянницы вернулись опять къ отцу.

Несмотря на молодость оставшагося вдовцемъ Романа Илларіоновича Воронцова и его разсѣянную жизнь при дворѣ и въ высшемъ обществѣ, онъ позаботился возможно хорошимъ воспитаніемъ своихъ дѣтей. Высланная братомъ его изъ-за границы Француженка Рюино (Ruinau), а потомъ замѣнившая ее г-жа Берже (Berger), были первоначальными наставницами сиротъ Воронцовыхъ; изъ нихъ Александръ, научившись хорошо языку французскому, съ 6-лѣтняго уже возраста обнаружилъ явную наклонность къ ученію и въ особенности къ чтенію книгъ; по желанію отца, не было пренебрежено также изученіе имъ русскаго языка

---

[1] Дочь конюшаго патріаршаго приказа, М. П. Сурмина (род. 1718 г.) въ ранней молодости была выдана замужъ за князя Долгорукова, который, по воцареніи Импер. Анны Іоанновны, въ 1730 г., сосланъ въ Сибирь; она не захотѣла за нимъ слѣдовать и, по ея прошенію, Св. Синодъ разрѣшилъ ей вторичное замужество съ Ром. Илл. Воронцовымъ, она умерла въ 1745 г. на 28-мъ году отъ роду, оставивъ малолѣтнихъ дѣтей (Русск. Архивъ, 1883 г., т. I, стр. 229—231).

и всѣхъ элементарныхъ познаній. Послѣ этого, благодаря выписанной Романомъ Илларіоновичемъ, для дѣтей своихъ, изъ Голландіи, довольно хорошо составленной поучительной библіотеки, заключавшей въ себѣ сочиненія всѣхъ лучшихъ французскихъ авторовъ и поэтовъ, а также книги и историческаго содержанія, Александръ Воронцовъ уже 12 лѣтъ былъ хорошо знакомъ съ произведеніями Вольтера, Расина, Корнеля, Буало и другихъ французскихъ писателей; но особенно внимательно занимался онъ подробнымъ изученіемъ, состоявшей изъ 100 томовъ, коллекціи нумеровъ журнала—«Clef des cabinets des princes de l'Europe» (ключъ къ знакомству съ кабинетами европейскихъ государей), начинавшагося съ 1700 года. Самъ онъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ, что благодаря этой драгоцѣнной коллекціи, онъ ознакомился со всѣмъ тѣмъ, что происходило въ Россіи самаго замѣчательнаго и интереснаго съ 1700 года. «Это изданіе, пишетъ онъ, имѣло громадное вліяніе на мою наклонность къ исторіи и политикѣ; оно возбудило во мнѣ желаніе знать все, что касалось этихъ предметовъ и въ особенности по отношенію ихъ къ Россіи». [2]

По обычаю того времени, зачисленный съ дѣтства, въ 1745 году, на службу капраломъ въ лейбъ-гвардіи измайловскій полкъ и произведенный вскорѣ въ сержанты, Александръ Воронцовъ былъ еще въ отрочествѣ своемъ допущенъ до пріемовъ при дворѣ Императрицы Елизаветы Петровны, которая давала даже въ своихъ собственныхъ апартаментахъ дѣтскіе балы и праздники. Вслѣдствіе этой привычки находиться часто въ придворномъ кружкѣ и быть въ постоянномъ общеніи со сверстниками своими, дѣтьми лучшихъ русскихъ семействъ, онъ сдѣлался въ раннемъ возрастѣ развязнымъ въ сношеніяхъ, умѣлъ держать себя хорошо и вошелъ въ самыя близкія дружественныя отношенія съ графомъ А. П. Шуваловымъ, графомъ А. С. Строгоновымъ и многими другими современными по годамъ его юношами.

Въ 1754 году, А. Воронцовъ былъ опредѣленъ въ состоявшій подъ вѣдѣніемъ графа П. И. Шувалова пансіонъ профессора юриспруденціи въ академіи наукъ, Г. Штрубе, который въ тоже время былъ членомъ составленія законовъ. [3] Находясь въ этомъ

---

[2] Русск. Архивъ, 1883 г., т. I, стр. 232.

[3] Штрубе-де-Пирмонъ, Фридрихъ-Генрихъ, академикъ. См. его жизнеописаніе, Исторія Импер. Академіи наукъ, Пекарскаго, изд. 1870 г., т. I, стр. 671—689.

пансіонѣ до 1756 года, не мало поучительнаго вынесъ и оттуда любознательный, жадный къ наукамъ, юноша.

Благоволившая къ семейству Воронцовыхъ, Государыня Елизавета Петровна, ласково относившаяся къ Александру Воронцову, пожаловала его въ 1755 году гвардіи прапорщикомъ измайловскаго же полка.

Съ 1756 года онъ вступилъ въ отправленіе своихъ офицерскихъ обязанностей, несмотря на то, что ему не было еще 15 лѣтъ.

Съ тѣхъ поръ молодой гвардейскій офицеръ еще чаще сталъ посѣщать придворныя собранія и вращаться въ высшемъ и лучшемъ петербургскомъ обществѣ. Родственный домъ дяди его, возвысившагося вскорѣ до званія государственнаго канцлера, а также гостепріимныя для него семейства графовъ Разумовскихъ, графа Шереметева, князя Н, Ю. Трубецкаго, графовъ Чернышевыхъ, Нарышкиныхъ, Бутурлиныхъ, Шуваловыхъ и многихъ другихъ, дали ему возможность еще болѣе упрочить связь свою съ вліятельными русскими людьми, которые любезно относились къ подроставшему будущему государственному дѣятелю. На глазахъ росшаго при такихъ счастливыхъ условіяхъ юноши совершались тогда разныя перемѣны въ панорамѣ событій и лицъ, у престола стоявшихъ.

Въ 1757 году случилось обстоятельство, вызвавшее временную перемѣну въ жизни А. Р. Воронцова. Въ іюлѣ мѣсяцѣ прибыло въ въ С.-Петербургъ французское посольство съ Маркизомъ Лопиталемъ (Marquis de L'Hopital) во главѣ, который, благосклонно принятый Императрицею Елизаветою, дружески сошелся съ вице-канцлеромъ графомъ М. И. Воронцовымъ. Встрѣчая въ домѣ русскаго министра, его племянника—А. Воронцова, блестѣвшій пышностію всей своей обстановки, французскій посолъ сталъ дружелюбно относиться къ молодому гвардейцу и даже вскружилъ ему голову разсказами о новомъ учрежденіи въ своемъ отечествѣ. Маркизъ сообщилъ ему о недавнемъ открытіи въ Версали образовательнаго заведенія, состоящаго подъ особымъ покровительствомъ короля Людовика XV, подъ названіемъ «школы легкихъ кавалеристовъ—*Chevaux légers*», въ которой воспитываются дѣти самыхъ знатныхъ французскихъ вельможъ и высшаго дворянства; хотя въ заведеніе это и не принимаются иностранцы, но посолъ предупредительно взялся исходатайствовать разрѣшенія короля на вступленіе въ оное А. Воронцова; и дѣйствительно чрезъ два мѣсяца получено было увѣдомленіе французскаго министра иностранныхъ

дѣлъ аббата де-Берни о данномъ королемъ Людовикомъ приказаніи принять въ школу «chevaux légers» племянника русскаго вице-канцлера.

По докладѣ объ этомъ Императрицѣ Елизаветѣ, состоялось въ томъ же году ея приказаніе объ отправленіи во Францію для продолженія образованія л.-гв. прапорщика А. Воронцова, радостно встрѣтившаго данное ему разрѣшеніе. При этомъ, заботливая Государыня приказала даже снабдить его особымъ рескриптомъ къ русскому посланнику нашему въ Парижѣ графу М. П. Бестужеву-Рюмину, которому поручалось ею устроить его вступленіе въ помянутую школу и пещись о немъ во все время пребыванія въ оной.

14 февраля 1758 года канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина постигла Царская немилость и опала. Его замѣнилъ въ управленіи иностранными дѣлами товарищъ его, вице-канцлеръ графъ М. И. Воронцовъ.

Такое высокое выдвиженіе дяди еще болѣе благопріятствовало отправлявшемуся за границу племяннику его А. Воронцову. Поэтому онъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга 28 февраля 1758 года съ достаточнымъ запасомъ всякихъ рекомендательныхъ писемъ ко всѣмъ нашимъ, на пути его слѣдованія, дипломатическимъ представителямъ. Проѣхавъ Польшу, Пруссію, Австрію, Баварію, Виртембергское герцогство и представляясь всюду царственнымъ лицамъ, естественно ласкавшимъ юнаго племянника, сильнаго во власти, русскаго канцлера, А. Воронцовъ прибылъ лѣтомъ 1758 года въ Парижъ. Чрезвычайно любезно и привѣтливо встрѣченный при дворѣ Людовика XV, куда молодой человѣкъ былъ представленъ самимъ посломъ нашимъ графомъ М. П. Бестужевымъ-Рюминымъ, онъ, не долго мѣшкая, явился въ Версальское аристократическое заведеніе «легкихъ кавалеристовъ—Chevaux légers», директоромъ котораго былъ г. Лаберзакъ.[1] Среди 120 молодыхъ людей знатнаго происхожденія изъ королевства французскаго, принявшихъ любезно въ свои товарищи юнаго русскаго туриста, любознательный и трудолюбивый Александръ Романовичъ провелъ тамъ полтора года въ усиленныхъ трудахъ, стараясь вынести оттуда все то, что современное просвѣщеніе могло дать желающимъ

---

[1] Годовая плата за пансіонеровъ «школы chevaux légers» была 4 т. ливровъ, за которыя они имѣли помѣщеніе, освѣщеніе, учителей и ежегодно новое обмундированіе. (Русскій Архивъ, 1883 г., т. I, стр. 286—289.)

поучаться. Въ теченіе означеннаго времени, онъ по общительности своей, не только перезнакомился со всѣми лучшими отпрысками французской знати, но и завязалъ дружественныя отношенія со многими изъ своихъ школьныхъ товарищей.

По окончаніи курса наукъ, А. Воронцовъ путешествовалъ въ 1860 году по Испаніи, Португаліи и Италіи, гдѣ всюду имѣлъ возможность, опять-таки благодаря покровительству своего дяди-канцлера, быть представленнымъ царствовавшимъ лицамъ и ознакомиться съ мѣстными высшими общественными средами. Плодомъ наблюдательной поѣздки его за границею было составленное имъ описаніе испанскаго и португальскаго дворовъ, которое, по поднесеніи Государынѣ канцлеромъ графомъ М. И. Воронцовымъ въ 1760 году, удостоилось Монаршей аппробаціи.

Между тѣмъ, въ 1759 году А. Воронцовъ былъ произведенъ въ подпоручики измайловскаго полка.

По случаю неимѣнія мужскаго потомства [illegible] канцлеръ графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ, онъ исходатайствовалъ у германскаго императора Франца I потомственное графское Римской имперіи достоинство роднымъ братьямъ своимъ Роману (отцу Александра) и Ивану Илларіоновичамъ, 14 февраля 1760 году состоялось разрѣшеніе Императрицы Елизаветы Петровны на принятіе ими таковаго титула, согласно данному диплому на графство отъ 19 января того года.[5]

По возвращеніи своемъ въ 1760 году въ отечество, графъ А. Р. Воронцовъ былъ опредѣленъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при вѣнскомъ дворѣ.

Въ октябрѣ 1761 года онъ былъ предназначенъ Императрицею Елизаветою къ переводу въ Голландію. Но смерть Государыни отсрочила это предположеніе и уже Императору Петру III канцлеромъ графомъ М. И. Воронцовымъ былъ поданъ 27 декабря 1761 года докладъ о назначеніи л.-гв. измайловскаго полка подпоручика графа А. Воронцова полномочнымъ министромъ въ Гагу, съ жалованьемъ по 6 т. руб. въ годъ.[6]

Высочайшимъ указомъ 28 декабря 1761 года находящійся при вѣнскомъ дворѣ министромъ 2-го класса (т. е. повѣреннымъ

---

[5] Высоч. указы, кн. 99, л. 22. *Примѣчаніе.* 5 апрѣля 1797 года, въ день коронованія Имп. Павла I, повелѣно было внести родъ Воронцовыхъ въ число графскихъ родовъ Россійской Имперіи—Высоч. ук., кн. 191, л. 38.

[6] Архивъ князя Воронцова, т. VII, стр. 529.

въ дѣлахъ) графъ А. Воронцовъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры Императорскаго двора. [7]

Вслѣдствіе утвержденія Императоромъ представленія канцлера о переводѣ графа Воронцова въ Голландію, того же 28 декабря 1761 года Высочайше повелѣно было отпустить ему 5 т. руб. на переѣздъ туда изъ Вѣны. [8]

Въ февралѣ 1762 года онъ былъ переведенъ полномочнымъ министромъ въ Англію и 8 марта повелѣно отпустить ему 5495 р. на переѣздъ его къ новому посту. [9]

Въ 1764 году, Императрица Екатерина отозвала его изъ Англіи и назначила полномочнымъ министромъ при республикѣ генеральныхъ штатовъ соединенныхъ Нидерландовъ, гдѣ онъ и находился съ 1764 по 1768 годъ. Поводомъ къ отозванію его изъ Англіи, было согласно историческихъ документовъ, вспыльчивое и неумѣстное поведеніе его, охладившее отношенія между Россіею и Англіею. [10]

Въ 1768 году, согласно желанію графа Александра Романовича, онъ отозванъ изъ Гаги и, вернувшись въ отечество, состоялъ только въ придворной службѣ. Испытанныя на дѣлѣ способности и знанія достаточно зарекомендовали уже его передъ Императрицею Екатериною и почти во все время ея царствованія, онъ занималъ видныя мѣста. Но Государыня не очень жаловала этого неподатливаго, тяжеловатаго и методическаго сановника, будучи убѣждена въ его личной къ себѣ непріязни, хотя и неотказывала ему въ своемъ вниманіи. [11]

Высочайшимъ указомъ 21 апрѣля 1773 года дѣйствительный камергеръ графъ А. Воронцовъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники. [12]

Таковымъ же указомъ отъ 22 сентября 1773 года онъ былъ опредѣленъ президентомъ коммерцъ-коллегіи. [13]

19 февраля 1774 года повелѣно ему присутствовать въ особо учрежденной коммиссіи о коммерціи [14].

---

[7] Высоч. указы, кн. 96, л. 9.

[8] Тамъ же, кн. XCI, л. 2.

[9] Тамъ же, кн. XCI, л. 3.

[10] Сборн. Русск. Историч. Общ., т. XXII, стр. 208.

[11] Русск. Архивъ, 1879 г. т. I, стр. 67.

[12] Высоч. указы, кн. 135, л. 180.

[13] Тамъ же, кн. 135, л. 437.

[14] Высоч. указы, кн. 136, л. 100.

27 января 1777 года онъ назначенъ въ учрежденную коммиссію для разсмотрѣнія дѣлъ о лицахъ, принявшихъ на себя вызовъ иностранцевъ къ переселенію въ Россію, а также и дѣла подполковника Резанова по поставкѣ въ Саратовъ лѣсныхъ матеріаловъ для переселенцевъ [15].

Высочайшимъ указомъ *1 января 1779 года* тайный совѣтникъ А. Воронцовъ былъ назначенъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ оставленіемъ въ должности президента коллегіи и членомъ коммиссіи о коммерціи [16].

8 января 1779 года повелѣно ему засѣдать въ 3-мъ департаментѣ Сената [17].

При открытіи въ 1780 году С.-Петербургскаго намѣстничества, графъ Воронцовъ былъ избранъ дворянствомъ въ совѣстные судьи, съ сохраненіемъ занимаемыхъ должностей [18].

21 апрѣля 1781 года пожалованъ ему орденъ Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго [19].

Въ 1782 году, графъ Воронцовъ участвовалъ въ составленіи общаго тарифа и за труды даны были ему золотая, брилліантами украшенная табакерка съ вензелевымъ изображеніемъ Императорскаго имени и деньгами 20 тыс. рублей [20].

24 ноября 1782 года графу Воронцову пожалованъ орденъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 1-й степени [21].

Въ 1783 году, онъ участвовалъ въ коммиссіи по составленію всеподданнѣйшаго доклада о мѣрахъ къ увеличенію государственныхъ доходовъ. Подписанный въ апрѣлѣ 1783 года членами коммиссіи докладъ по этому предмету былъ утвержденъ Государынею и обнародованъ въ указѣ ея отъ 3 мая того же года [22]. За участіе графа Воронцова въ этихъ занятіяхъ назначено было производить ему, въ прибавку жалованья, столовыхъ денегъ по 300 руб. въ мѣсяцъ [23].

---

[15] Тамъ же, кн. LXXVI, л. 31.
[16] Тамъ же, к. 142, л. 2.
[17] id., кн. 142, л. 9 и кн. 145, л. 372.
[18] Словарь Бантышъ-Каменскаго, стр. 350; Терещенко, стр. 200.
[19] Списки кавалеровъ, Бантышъ-Каменскаго, стр. 229.
[20] Архивъ князя Воронцова, т. V, стр. 4.
[21] Списки Карабанова, стр. 91.
[22] Сборн. Русск. Истор. Общ., т. I, стр. 297—312.
[23] Архивъ князя Воронцова, т. V, стр. 4.

Въ 1783 году, онъ также занимался въ коммиссіи по почтовымъ дѣламъ [24].

Высочайшимъ указомъ 24 ноября 1784 года графъ Воронцовъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники [25].

Въ 1785 году поручено ему наблюдать въ Тверскомъ намѣстничествѣ за дѣлами мѣстнаго управленія [26].

Въ томъ же 1785 году, онъ производилъ ревизію мѣстнаго управленія въ Могилевѣ [27].

Въ 1786 году, графъ Воронцовъ, вмѣстѣ съ сенаторомъ А. В. Нарышкинымъ, былъ командированъ на ревизію дѣлъ намѣстничествъ рязанскаго и тамбовскаго. Руководимые правотою и безпристрастіемъ, они донесли Императрицѣ, «что нашли желаемый порядокъ, успѣшное теченіе дѣлъ и точное исполненіе всѣми служащими своихъ обязанностей [28].

Императрица Екатерина наградила въ томъ же 1786 году графа Александра Романовича за эту ревизію бриллiантовыми украшеніями къ ордену Св. Александра Невскаго, цѣною въ 50 тыс. рублей [29].

31 декабря 1786 года графъ А. Р. Воронцовъ участвовалъ въ заключеніи договора между Россіею и Франціею о дружбѣ, торговлѣ и мореплаваніи. Король Людовикъ XVI одарилъ за это графа Александра Романовича 40 тыс. франковъ и своимъ портретомъ, осыпаннымъ бриллiантами [30].

По случаю обсужденія вопроса о войнѣ съ Турціею, вслѣдствіе заарестованія въ Царьградѣ нашего посланника Булгакова, 31 августа 1787 года повелѣно было ему присутствовать въ особомъ совѣтѣ при Высочайшемъ дворѣ [31].

Высочайшимъ указомъ 4 мая 1789 года поручено ему, обще съ княземъ А. А. Вяземскимъ, графомъ А. А. Безбородко и графомъ П. В. Завадовскимъ, разработать предложенія относительно

---

[24] Русск. Архивъ, 1875 г., т. I, стр. 108.

[25] Высоч. указы, кн. 156, л. 374.

[26] Русск. Архивъ, 1864 г., стр. 440.

[27] Русск. Старина, 1871 г., т. IV, стр. 188—190.

[28] Словарь Бантышъ-Каменскаго, стр. 350; Терещенко, стр. 200—201.

[29] Словарь Бантышъ-Каменскаго, стр. 350; Терещенко, стр. 201; Архивъ князя Воронцова, т. V, стр. 5.

[30] Терещенко, стр. 201; Словарь Бантышъ-Каменскаго, стр. 350.

[31] Высоч. указы, кн. 163, л. 359; Дневникъ Храповицкаго, стр. 47.

правильнаго устройства банковъ и приведенія ихъ въ лучшее состояніе [32].

Въ мирное торжество по случаю заключенія со Шведами 3 августа 1790 года Верельскаго договора, Императрица пожаловала графу Воронцову богато осыпанную бриллiантами табакерку со своимъ портретомъ [33].

По случаю же заключенія 29 декабря 1791 года, въ Яссахъ, дружественнаго договора съ Турціею, Государыня вновь дала ему въ подарокъ бриллiантовый перстень [34].

Сверхъ вышеприведенныхъ порученій, возлагавшихся на графа Александра Романовича въ теченіе его службы, онъ по званію сенатора производилъ ревизію всѣмъ Московскимъ присутственнымъ мѣстамъ и въ 20-ти внутреннихъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Рижской, когда тамъ происходили безпорядки по случаю неустройства крестьянскаго населенія, что имъ и было прекращено [35].

Но, по дѣйствительно непріязненному чувству къ тогдашней правительственной системѣ, въ которую, за послѣдніе годы царствованія Великой Екатерины, вкрались злоупотребленія и всякія неурядицы, графъ Александръ Романовичъ твердо рѣшился покинуть служебный путь; но чтобы избѣжать, какъ самъ онъ пишетъ, всякихъ излишнихъ объясненій или неудовольствій за такое намѣреніе, въ декабрѣ 1792 года онъ просилъ у Государыни разрѣшенія на годовой отпускъ, по болѣзненному состоянію, на что 23 того же декабря послѣдовало Высочайшее дозволеніе [36].

Переѣхавъ изъ Петербурга въ февралѣ 1793 года въ свое Владимірское имѣніе, онъ, предъ окончаніемъ срока отпуска, написалъ къ Государынѣ, прося полнаго увольненія отъ службы. Получивъ эту просьбу и пересылая ее къ графу П. В. Завадовскому, Императрица Екатерина, въ собственной запискѣ своей отъ 27 декабря 1793 года, высказала ему слѣдующее:

«Заготовьте указъ объ отставкѣ Воронцова. Не спорю, что онъ «вамъ дорогъ и что таланты имѣетъ. Всегда знала я, а теперь наипаче «вѣдаю, что его таланты не суть для службы моей и что онъ «мнѣ не слуга. Сердце принудить нельзя; права не имѣю прину-

---

[32] Высоч. указы, кн. 168, л. 8.
[33] Архивъ князя Воронцова, т. V, стр. 5.
[34] Тамъ же.
[35] Русск. Архивъ, 1883 г., т. I, стр. 224—225.
[36] Высоч. указы, кн. 173, л. 399.

«дить быть усерднымъ ко мнѣ. Заставить же и меня нельзя почесть «усерднымъ ко мнѣ кого ни на есть. Разведены и развязаны на «вѣкъ будемъ. Чортъ его побери! По подписаніи указа, я его «освобождаю отъ пріѣзда сюда, ибо онъ боленъ. Все же за спра-«ведливость, коя требована съ гордостію и отдана по убѣжденію, «поклонъ всякой неумѣстенъ» [37].

9 января 1794 года состоялся Высочайшій указъ Правительствующему Сенату объ увольненіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа А. Воронцова, по болѣзни, отъ всѣхъ дѣлъ [38].

По вступленіи на престолъ Императора Павла I, графъ П. В. Завадовскій, по порученію князя Безбородко, въ письмѣ своемъ отъ 11 ноября 1796 года спрашивалъ графа Александра Романовича, не желаетъ ли онъ занять какой-либо служебный постъ. Но осторожный и неподатливый графъ Воронцовъ не послѣдовалъ дружескому предложенію, избравъ благую часть не выходить изъ своего деревенскаго уединенія, въ чемъ, кажется, и не раскаивался, хотя это уклоненіе усилило предубѣжденіе противъ него Павла Петровича.

1 декабря 1796 года статсъ-секретарь Д. П. Трощинскій сообщилъ графу Александру Романовичу объ именномъ Высочайшемъ повелѣніи, по которому сестра его, княгиня Е. Р. Дашкова, была выслана на житье въ дальнія свои деревни [39].

Графъ Александръ Романовичъ не покидалъ своей сельской жизни во все время царствованія Императора Павла. Воцарившійся же въ 1801 году Государь Александръ Павловичъ, благоволившій всегда къ Воронцову, вызвалъ его опять къ служебной дѣятельности, несмотря на преклонныя его лѣта, и графъ Александръ Романовичъ рѣшился вновь стать у правительственнаго кормила.

Высочайшимъ указомъ *28 апрѣля 1801 года* повелѣно было принять вновь на службу уволеннаго отъ оной дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа А. Воронцова, съ прежнимъ старшинствомъ и съ назначеніемъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ 1-мъ департаментѣ.

Таковымъ же указомъ отъ 29 апрѣля 1801 года онъ былъ

---

[37] Архивъ князя Воронцова, т. XII, стр. 103; Русскій Архивъ, 1883 г., т. I, стр. 224—225.

[38] Высоч. указы, кн. 176, л. 21.

[39] Рус. Архивъ, 1879 г., т. I, стр. 311—312.

также избранъ Государемъ къ засѣданію въ Государственномъ Совѣтѣ.

2 мая 1801 года графу Воронцову былъ пожалованъ орденъ св. Апостола Андрея Первозваннаго [40].

15 сентября 1801 года, Императоръ Александръ въ день своего коронованія, возвелъ графа Воронцова въ дѣйствительные тайные совѣтники 1-го класса.

Высочайшимъ указомъ 24 августа 1802 года учрежденъ былъ, подъ предсѣдательствомъ графа А. Р. Воронцова, особый комитетъ, для постановленія морскихъ силъ нашихъ на основаніяхъ соотвѣтственныхъ съ тогдашнимъ состояніемъ первенствующихъ въ Европѣ флотовъ [41]».

При учрежденіи въ Имперіи, 8 сентября 1802 года, министерствъ, дѣйств. тайн. совѣтникъ графъ А. Р. Воронцовъ былъ назначенъ того же числа министромъ иностранныхъ дѣлъ съ наименованіемъ государственнаго канцлера, а въ товарищи къ нему опредѣленъ по этому министерству князь Ад. Ад. Чарторыжскій [42].

Но болѣзненное состояніе, преклонныя лѣта и принадлежность графа Воронцова къ консервативной партіи, дававшей всегда отпоръ порывамъ тогдашнихъ новаторовъ нашихъ западническаго духа, были причиною того, что онъ управлялъ министерствомъ болѣе номинально. Вліяніе его было вполнѣ парализовано также слишкомъ большою близостію къ Государю князя Чарторыжскаго, который всесильно руководилъ тогда и политикою внѣшнею и направленіемъ внутренней администраціи. Впрочемъ, по свидѣтельству современника Д. П. Трощинскаго, второстепенное значеніе канцлера графа Александра Романовича въ дѣлахъ дипломатическихъ, происходило главнѣйшимъ образомъ оттого, что истиннымъ начальникомъ этой части былъ самъ Императоръ Александръ I [43].

Понимая свое положеніе и будучи уже не въ силахъ удержать теченіе многихъ несочувственныхъ для него стремленій, графъ Александръ Романовичъ, сославшись на свое старчество и болѣзнь, испросилъ себѣ въ 1804 году увольненіе въ отпускъ. Государь

---

[40] Списки Карабанова, стр. 61.

[41] Полное Собраніе Законовъ, ст. 20383; Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 895. *Примѣч.* Членами означеннаго комитета были опредѣлены адмиралы Фонъ-Дезинъ, Мордвиновъ, Балле, Макаровъ, вице-адмиралъ Карцовъ, контръ-адмиралъ П. В. Чичаговъ и капитанъ 1-го ранга Грейгъ.

[42] Полн. Собр. Зак., 1802 сент. 8 (20409).

[43] Сборн. Русск. Ист. Общ., т. III, стр. 9.

отпустилъ его въ свои помѣстья «на сколько ему угодно», съ полнымъ содержаніемъ по занимаемому мѣсту.

Переселившись изъ Петербурга во владимірское свое имѣніе, село Андреевское, графъ А. Р. Воронцовъ окончилъ тамъ жизнь *2 декабря 1805 года* и погребенъ въ мѣстной церкви гдѣ надъ могилою его существуетъ и нынѣ бѣломраморный памятникъ [44].

Остававшійся неженатымъ графъ А. Р. Воронцовъ отличался умомъ, познаніями, трудолюбіемъ и необыкновенною памятью; онъ выражался ясно, точно и не впадая въ пустословіе, шелъ всегда прямо къ дѣлу. Но, поступая всегда съ большимъ достоинствомъ, онъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкомъ пылкимъ и страстнымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, такъ что нерѣдко увлекаясь своею горячностію, заходилъ далѣе, чѣмъ слѣдовало бы дипломату. Выросшій и воспитывавшійся подъ вліяніемъ своего дяди, Елизаветинскаго великаго канцлера, графа М. И Воронцова, графъ Александръ Романовичъ, довершивъ свое образованіе за границею, усвоилъ себѣ лучшія стороны французскаго быта и гражданственности; но это, впрочемъ, не мѣшало ему оставаться всегда самостоятельнымъ русскимъ человѣкомъ и честнымъ патріотомъ. Онъ объѣхалъ почти всю Европейскую Россію; у него были преданныя лица не только во всѣхъ вѣдомствахъ, но почти во всѣхъ русскихъ городахъ. За границею у него были также не менѣе прочныя, дружественныя связи, пріобрѣтенныя еще съ юныхъ лѣтъ. Во время управленія имъ коммерцъ-коллегіею, русская торговля процвѣтала, наши произведенія обильно вывозились за границу, а наши торговыя суда появлялись въ отдаленнѣйшихъ моряхъ; подъ его покровительствомъ заводились даже непосредственныя сношенія съ Индіею; наконецъ, при его ближайшемъ участіи былъ составленъ новый тарифъ. У себя въ Муринѣ, подъ Петербургомъ и во владимірскомъ родовомъ помѣстьѣ Андреевскомъ, графъ Воронцовъ оставилъ по себѣ память умнымъ хозяйствомъ, прочными сооруженіями и подъемомъ всякой полезной мѣстной производительности. Московскій домъ его (въ Нѣмецкой слободѣ) отличался разумною роскошью, сокровищами которой были: библіотека, картины и собраніе историческихъ рукописей.

Графъ Сегюръ, въ своихъ запискахъ, слѣдующимъ образомъ отзывается о немъ: «Графъ Воронцовъ былъ свѣдущъ въ дѣлахъ,

---

[44] Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 1728.

соблюдалъ казенный интересъ; но имѣлъ видъ суровый, нравъ гибкій, былъ врагъ роскоши, медлителенъ; онъ желалъ, чтобы русскіе довольствовались, вмѣсто иностранныхъ винъ, медомъ, чтобъ они носили одежду изъ собственныхъ издѣлій. Князь Потемкинъ его ненавидѣлъ, сослуживцы боялись, Императрица уважала и оказывала ему неограниченную довѣренность по коммерческимъ дѣламъ [45]».

Не менѣе лестный отзывъ сдѣланъ о графѣ А. Р. Воронцовѣ и саксонскимъ представителемъ при русскомъ дворѣ, согласно извлеченію изъ документовъ Дрезденскаго Архива. По таковому свидѣтельству, между прочимъ, видно, что графъ Воронцовъ, занимавшій мѣсто президента коммерцъ-коллегіи съ честію, въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины, поссорился съ партіею любимца ея князя П. А. Зубова, и вынужденъ былъ оставить службу, при чемъ враги его не преминули бросить нѣкоторую тѣнь подозрѣнія на его честность. При Императорѣ Александрѣ I, занимая постъ министра иностранныхъ дѣлъ, онъ всегда руководствовался мыслію и заботами о благѣ общества; его совѣты Государю были основаны на вполнѣ миролюбивой системѣ, такъ какъ онъ возставалъ всегда противъ всякой мѣры, могущей нарушить мирное равновѣсіе. Считаясь главою консервативной партіи въ Россіи, онъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи съ большимъ достоинствомъ. Но страдая различными недугами съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графъ Воронцовъ удалился въ свою деревню, какъ по собственному побужденію, такъ и по желанію Монарха и нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, которыя начинали стѣснять своенравныя наклонности канцлера [46].

По Сенату графъ Воронцовъ значится присутствующимъ 1779—1792 г. въ 3-мъ департ., 1792—1793 г. неприсутствующимъ сенаторомъ, 1801—1804 г. въ 1-мъ деп., 1804—1805 г. неприсутствующимъ.

[45] Записки Сегюра, стр. 111—112; Терещенко, стр. 201—202; Словарь Бантышъ-Каменскаго, стр. 351; Словарь Плюшара, стр. 51.

[46] Русская Старина, 1880 г., т. III, стр. 809—810.

САЛТЫКОВЪ

графъ (съ 8 сентября 1790 г.), а потомъ свѣтл. князь (съ 30 августа 1814 г.)

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ *).

Сынъ генералъ аншефа Ивана Алексѣевича Салтыкова, внучатнаго племянника Императрицы Анны Іоанновны, и Анастасіи Петровны, рожденной графини Толстой, Николай Ивановичъ Салтыковъ родился 31 октября 1736 года.

Вступилъ въ службу лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ солдатомъ въ 1748 году, въ то самое время, какъ Императрица Елисавета Петровна отправила 37000-й корпусъ на Рейнъ на помощь Маріи Терезіи и тѣмъ содѣйствовала къ заключенію Ахенскаго мира. Николай Салтыковъ находился въ этомъ корпусѣ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-фельдцейхмейстера князя Василія Аникитича Репнина.

Состоя въ Семеновскомъ полку, Салтыковъ былъ произведенъ въ капралы 1 января 1750 г., въ подпрапорщики 13 января 1752 г., въ каптенармусы 25 ноября 1752 года. Переведенъ въ армейскіе полки поручикомъ 25 апрѣля 1754 года и произведенъ въ капитаны 25 апрѣля 1757 года.

---

*) *Источники*: 1) Его формуляръ; 2) Высоч. указы; 3) Россійск. Гербовникъ, т. IX, 2; 4) Росс. родословн. книга кн. Долгорукаго, II, 78; 5) Списки Карабанова, стр. 6, 12, 28, 29, 93, 46; 6) Военно-Энциклопед. Лексиконъ, XI, 608; 7) Бантышъ-Каменскаго, списки кавалеровъ, 122, 220, 305; 8) Его-же Біографіи фельдмаршаловъ II, 198; 9) Его же Словарь достопамятныхъ людей, изд. Ширяева, V, 20; 10) Справ. Энциклопед. Словарь, Старчевскаго, IX, 288; 11) Русск. Энциклоп. Словарь Березина XIII, 425; 12) Дворъ и замѣчат. люди XVIII стол. Вейдемейера, ч. II, 1; 13) Жизнеописаніе его изданное П. Свиньинымъ въ 1818 году.

Во время семилѣтней войны, въ 1757 году Салтыковъ находился въ походѣ отъ Ревеля на галерахъ до Либавы, а оттуда къ гор. Мемелю; былъ при взятіи онаго, а потомъ, по соединеніи съ главною арміею, состоявшею подъ начальствомъ фельдмаршала С. Ѳ. Апраксина, участвовалъ въ знаменитой побѣдѣ, одержанной 19 августа 1757 года надъ прусскими войска при Гросъ-Эгерсдорфѣ.

1 октября 1757 года произведенъ въ секундъ-маіоры. 1 іюля 1758 года назначенъ оберъ-квартермистромъ дѣйствующей арміи.

Продолжая въ 1758 году походъ, подъ начальствомъ генерала Фермора, Салтыковъ находился при сожженіи, 4 августа, города Кюстрина, а 14 августа въ кровопролитномъ сраженіи при Цорндорфѣ, за которое произведенъ въ подполковники.

По принятіи въ 1759 году команды надъ войсками нашими генералъ-фельдмаршаломъ графомъ П. С. Салтыковымъ, Николай Ивановичъ Салтыковъ участвовалъ 12 іюля въ Пальцигской битвѣ, а 1 августа въ знаменитой побѣдѣ, одержанной надъ прусскими войсками при Франкфуртѣ у Кунесдорфа. Присланный въ Петербургъ отъ главнокомандующаго съ извѣстіемъ о побѣдѣ и со взятыми во Франкфурскомъ сраженіи трофеями, подполковникъ Н. И. Салтыковъ, 30 августа 1759 года, былъ пожалованъ въ полковники, а 1 сентября повелѣно было выдать ему, кромѣ того 2/т. рублей.

Въ 1760 году онъ продолжалъ участвовать въ походахъ нашей арміи въ предѣлахъ Пруссіи. Въ 1761 году сражался подъ знаменами генерала Румянцева и былъ 5—(16) декабря при взятіи крѣпости Кольберга.

По вступленіи на престолъ Императора Петра III и по окончаніи войны онъ возвратился съ войсками въ Россію.

22 февраля 1762 года произведенъ въ генералъ-маіоры.

Въ наступившее затѣмъ царствованіе Императрицы Екатерины II, генералъ-маіоръ Н. И. Салтыковъ съ 1763-го по 1768 годъ начальствовалъ надъ русскими, расположенными въ Польшѣ, гдѣ снискалъ всеобщую любовь и уваженіе. Въ это время, въ февралѣ 1766 года онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, а 22 сентября 1767 года произведенъ въ генералъ-поручики.

Въ войну съ Оттоманскою Портою въ 1769 году, Салтыковъ участвовалъ въ походѣ нашихъ войскъ въ Дунайскія княжества и содѣйствовалъ князю Голицыну при взятіи, 10 сентября, крѣпости Хотина, за что 20 сентября 1769 года былъ пожалованъ орденомъ Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго. Растроен-

ное здоровье заставило Николая Ивановича оставить армію и по возвращеніи въ отечество, въ 1770 году, уѣхать за границу.

Путешествуя въ продолженіе трехъ лѣтъ, Салтыковъ посѣтилъ Пирмонтскія и Ахенскія воды, провелъ нѣкоторое время при дворѣ прусскаго короля Фридриха II и одну зиму прожилъ въ Парижѣ.

По возвращеніи въ Россію и по вступленіи вновь на службу, Салтыковъ, благоволившею къ нему Императрицею Екатериною, былъ пожалованъ въ генералъ-аншефы 21 апрѣля 1773 года, съ назначеніемъ состоять при Наслѣдникѣ престола Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, вмѣсто графа Никиты Ивановича Панина управлявшаго тогда дѣлами государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Въ 1776 году, Салтыковъ сопутствовалъ Павлу Петровичу въ заграничномъ путешествіи и былъ съ нимъ въ Берлинѣ, 12 іюля, при сговорѣ Великаго Князя съ племянницею короля прусскаго принцессою Виртембергскою Доротеею-Софіею-Августою-Луизою, нареченною затѣмъ, при переходѣ въ православіе, Великою Княгинею Маріею Ѳеодоровною.[1]

Пожалованный въ 1781 году въ генералъ-адъютанты къ Ея Императорскому величеству, Н. И. Салтыковъ сопровождалъ въ томъ году, опять Великаго Князя Павла Петровича, который, подъ именемъ графа Сѣвернаго, съ супругую своею отправился вновь въ заграничное путешествіе. Находясь главнымъ лицемъ въ свитѣ ихъ высочествъ,[2] Салтыковъ выѣхалъ съ ними изъ Царскаго Села 19 сентября 1781 года, направляясь къ Вѣнѣ, гдѣ высокіе гости приняты были съ большимъ радушіемъ и со всѣми почестями императоромъ Іосифомъ II. Изъ Вѣны августѣйшіе путешественники отправились въ Италію; были въ Венеціи, Римѣ, Неаполѣ, и проѣхавъ по Швейцаріи, прибыли въ Парижъ 18 мая 1782 г. Первое свиданіе ихъ съ королемъ Людовикомъ XVI послѣдовало 20 мая,

---

[1] По прибытіи въ С.-Петербургъ 31 августа принцесса Виртембергская миропомазана 14 сент., обручена 15-го и повѣнчана съ Великимъ Княземъ 26 сент. 1776 года.

[2] Свита Великаго Князя, кромѣ Н. И. Салтыкова, состояла изъ трехъ камергеровъ: кн. Николая Борисовича Юсупова, кн. Александра Борисовича Куракина и Ѳедора Ѳедоровича Вадковскаго, Сергѣя Ивановича Плещеева, Христофора Ивановича Бенкендорфа, поручика Клингера; для письменныхъ дѣлъ—барона Николаи; при великой княгинѣ—г-жа Бенкендорфъ и 2 фрейлены Екатерина Ивановна Нелидова и Наталія Семеновна Борщова. Священникъ, сопровождавшій великаго князя, былъ Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій.

послѣ чего происходилъ въ столицѣ Франціи и въ Версалѣ цѣлый рядъ празднествъ, данныхъ въ честь высокихъ гостей, оставившихъ по себѣ всюду самое благопріятное впечатлѣніе. Выѣхавъ 19 іюня въ Голландію, великокняжеская чета возвратилась въ Россію 20 ноября 1782 года, послѣ 14-мѣсячнаго отсутствія.

Вскорѣ по возвращеніи своемъ, Н. И. Салтыковъ оставилъ службу при цесаревичѣ, будучи избранъ, въ 1784 году, Императрицею Екатериною начальствующимъ при воспитаніи внуковъ ея, великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Мѣсто же его при Наслѣдникѣ престола заступилъ графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ.

Въ рескриптѣ, данномъ Императрицею Екатериною Н. И. Салтыкову 13 марта 1784 года, между прочимъ, выражено было слѣдующее:

«Въ главные приставники надъ воспитаніемъ внуковъ искали «мы особу добронравную, поведенія основаннаго на здравомъ разсудкѣ и честности и которой съ дѣтьми умѣлъ бы обходиться «пріятно и ласково, Увѣрены мы, что вы, соединяя въ себѣ сіи «качества, ревность вашу къ добру и испытанную вашу честность «употребите въ служеніи, въ которомъ по великой его важности «будите руководимы единственно нами во всѣхъ случахъ. Итакъ, «обоихъ любезныхъ внуковъ нашихъ, призывая Божію помощь, «симъ и въ силу сего вручаемъ въ попечительное, радѣтельное, «вѣрное и усердное бдѣніе ваше, ввѣряя вамъ главное надзирательство надъ воспитаніемъ столь драгоцѣнныхъ воспитанниковъ». [3]

Привыкшій къ Н. И. Салтыкову и любившій его великій князь Павелъ Петровичъ, узнавъ о намѣреніи Императрицы лишь 5 апрѣля 1783 года, писалъ къ нему по этому случаю слѣдующее:

«Признаюсь, что мнѣ разстаться съ тобою трудно, въ чемъ «хотя и утѣшенъ былъ отзывомъ, что сіе не разлука, и что ты «всегда въ сношеніи съ нами останешься, но не менѣе того, другой, а не ты у насъ. Дружба моя заставила меня тебѣ о семъ «писать; теперь узналъ я, что тебя прямо люблю: ибо первыя двѣ «о семъ експликаціи (съ Императрицею), да и дни не безъ слезъ «прошли. Ты мнѣ позволишь о себѣ сожалѣть».

Вниманіе къ Салтыкову Императрицы выразилось пожалованіемъ Николая Ивановича, 24 ноября 1883 года, кавалеромъ орде-

[3] См. Свиньина, стр. 23—100.

на Св. Андрея Первозваннаго, а потомъ въ подполковники л.-гв. Семеновскаго полка, гдѣ, какъ и въ прочихъ гвардейскихъ полкахъ, полковникомъ числилась сама царствовавшая Императрица,

По случаю разрыва съ Турціею и предстоявшей войны: 31 августа 1787 года, Н. И. Салтыковъ былъ назначенъ къ присутствованію въ особомъ совѣтѣ, при Высочайшемъ дворѣ утвержденномъ. 21 мая 1788 г. ему былъ пожалованъ орденъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 1-й степени. 23 іюня 1788 г. Салтыковъ былъ назначенъ присутствующимъ въ военной коллегіи.

Высочайшимъ указомъ 17 января 1790 года повелѣно было Н. И. Салтыкову до возвращенія президента военной коллегіи, князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, быть управляющимъ оною.

При заключеніи мира со Швеціею, Н. И. Салтыковъ 8 сентября 1790 года *возведенъ былъ съ потомствомъ въ графское Россійской имперіи достоинство.* 5 октября 1791 года онъ былъ наименованъ вице-президентомъ государственной военной коллегіи. По случаю заключенія мира съ Оттоманскою Портою, 2 сентября 1793 года, графу Салтыкову была пожалована деревня и въ счетъ этого пожалованія, 18 августа 1795 года назначено было ему 4701 душа въ Минской и Могилевской губерніяхъ въ вѣчное и потомственное владѣніе. [4] Передъ самымъ бракосочетаніемъ великаго князя Александра Павловича (28 сентября 1793 г.) въ воздаяніе усердной службы и ревностныхъ трудовъ, понесенныхъ графомъ Н. И. Салтыковымъ при воспитаніи обоихъ великихъ князей, Высочайшимъ указомъ 22 сентября 1793 года Салтыкову было пожаловано въ пожизненный пансіонъ по 25.000 р. въ годъ сверхъ получаемаго имъ жалованья и столовыхъ денегъ. Кромѣ того въ день бракосочетанія великаго князя, Императрица пожаловала Салтыкову 100.000 р. единовременно и подарила ему деревни. [5]

Высочайшимъ указомъ *2 іюля 1794 года* предсѣдательствующему въ военной коллегіи генералу графу Н. И. Салтыкову повелѣно было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ свободное время отъ другихъ, порученныхъ ему дѣлъ.

Остановимся теперь въ описаніи дальнѣйшей служебной дѣятельности графа, чтобы бросить взглядъ на его педагогическую дѣятельность въ великомъ дѣлѣ воспитанія великихъ князей.

Отстранивъ отъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло и Цеса-

---

[4] Высоч. указы, книга 175, л. 68 и кн. 179, л. 70.

[5] См. у Свиньина, стр. 106.

ревича и его супругу Екатерина II занялась сама воспитаніемъ внуковъ. Она, какъ извѣстно, сама писала въ ихъ назиданіе дѣтскія сказки; зорко слѣдила за ихъ развитіемъ—нравственнымъ и физическимъ, заботливо отстраняя всякое внѣшнее вредное вліяніе. Замѣтивъ въ обоихъ внукахъ, въ особенности въ Константинѣ Павловичѣ, врожденную, наслѣдственную склонность къ воинскимъ упражненіямъ, Государыня писала Салтыкову: [6]

«Понеже все касательно службы, наипаче же военной, не «есть и быть не можетъ и не должно дѣтскою игрушкою; цѣлымъ «же карауломъ и то еще императорскаго величества дворца дитя «тѣшить есть дѣло неудобное; равномѣрно неумѣстно въ суровой «погодѣ держать безъ нужды офицеръ и солдатъ излишнее время «подъ ружьемъ; и того для прикажите, чтобъ когда великіе князья, «во время смѣны караула (sic), смотрятъ въ окошекъ, то, отдавъ «имъ приличной почести, караулъ безостановочно продолжалъ смѣ«няться; командирамъ же запретите людей излишне держать въ то «время подъ ружьемъ, или во фрунтѣ».

«Буде же дитя заплачетъ или попроситъ, то чтобъ сказали, «что бабушка не приказала».

Увлекаясь исполинскимъ замысломъ возстановленія имперіи Византійской, Екатерина Великая прочила младшаго своего внука, Константина, въ преемники соименному ему послѣднему императору греческому. Великій князь Константинъ, вскормленный Гречанкою, возраставшій на попеченіи природнаго Грека Д. Д. Куруты, съ малыхъ лѣтъ лепеталъ одинаково и по-русски и по-гречески. Старшему сыну Цесаревича Павла, великому князю Александру, своему любимцу, Екатерина II готовила, помимо законнаго своего преемника престолъ Всероссійскій. На долю Швейцарца Лагарпа выпалъ жребій быть Аристотелемъ сѣвернаго Александра. Доклады этого наставника великихъ князей шли къ Императрицѣ черезъ Н. И. Салтыкова. Онъ и законоучитель царственныхъ юношей отецъ Андрей Самборскій были блюстителями ихъ нравственности и убѣжденій религіозныхъ; оба они, до нѣкоторой степени, реагировали внушеніямъ Лагарпа, изъ которыхъ, къ несчастію, весьма многія, проникнутыя недовѣрчивостію и мизантропіею привились къ сердцу Александра. Увлеченіямъ юноши западными обычаями, его склонности подражать французскимъ и англійскимъ мо-

---

[6] Русскій Архивъ 1865 г., изд. второе, стр. 624—626.

дамъ мудрая Екатерина противоставила сатиру, смягчая ея жало по возможности. Такъ, напримѣръ, замѣтивъ въ великихъ князьяхъ уже юношей (17-лѣтній Александръ Павловичъ былъ уже женатъ) склонность къ нарядамъ европейскихъ модниковъ, Императрица дала мысль театральному писателю Копьеву написать комедію «Лебедянская ярмарка», о первомъ представленіи которой на Таврическомъ театрѣ 2 апрѣля 1794 года одинъ изъ воспитатетей великаго князя Александра Павловича занесъ въ свой дневникъ слѣдующую замѣтку: [7]

.....«была на Таврическомъ театрѣ представлена комедія русская. «Лебедянская ярмарка» сочин. г. Копьева, гдѣ осмѣяны странныя моды молодыхъ жемановъ, толстые на шеѣ платки короткія, трости и низкіе башмаки, кои ежеминутно съ ногъ спадывали. Государынѣ и всѣмъ тутъ присутствовшимъ оная очень понравилась, кромѣ молодыхъ великихъ князей, которые, нѣкоторымъ образомъ, себя тутъ видѣли. Скоро послѣ пожалована ея величествомъ сочинителю золотая табакерка съ алмазами».

«Ridendo castigat mores» (смѣхъ исправляетъ нравы).—Эта надпись не даромъ красовалась на завѣсѣ Эрмитажнаго театра.

При основаніи, въ годъ рожденія великаго князя Александра Павловича, города Павловска (1777 г.), въ послѣдствіи любимѣйшей резиденціи Императрицы Маріи Θеодоровны, на пограничной окраинѣ этого мѣстечка было отмежевано значительное земельное пространство, на которомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, выстроена была дача съ прекраснымъ садомъ. Ее Императрица Екатерина предназначила старшему своему внуку, и въ честь его назвала эту дачу «Александровою». Около 1789 года она была подарена графу Николаю Ивановичу Салтыкову и съ того времени, впредь до переименованія своего въ «Анненскую дачу», называлась «Салтыковскою мызою». Здѣсь, въ тѣнистыхъ аллеяхъ, проводилъ весенніе и лѣтніе дни отрочества великій князь Александръ Павловичъ. По его мысли расположеніе и зданіе сада Александровой были подобіями мѣстностей описанныхъ въ сказкѣ о «Царевичѣ Хлорѣ», написанной Екатериною Великою въ назиданіе ея внуку. Подробное описаніе «Александровой», составленное въ 1793 г. С. Джунковскимъ, выдержало три изданія и при всемъ томъ составляетъ би-

[7] Русскій Архивъ 1866 г., стр. 94—111. Эти замѣтки напечатаны безъ означенія имени автора, но есть основаніе думать, что авторъ ихъ о. Андрей Самборскій.

бліографическую рѣдкость. На фронтисписѣ изображенъ графъ Н. И. Салтыковъ: повѣсивъ на сукъ вѣтвистаго дерева ордена и ленты, онъ держится за плугъ, запряженный двумя волами и пашетъ землю—аллегорическое изображеніе его дѣятельности, какъ пѣстуна великихъ князей. Надъ нимъ паритъ голубь и яркое солнце озаряетъ стоящій на горѣ «храмъ Фелицы» подъ сводомъ котораго на жертвенникѣ курится ѳеміамъ. На прочихъ эстампахъ изображены особенно живописныя мѣстности, храмы, бесѣдки и т. п. О нихъ въ исторіи Павловска [8] находимъ слѣдующія любопытныя подробности:

Авторъ поэмы въ предисловіи, обращенномъ къ Екатеринѣ II, говоритъ, что великій князь.... «яко начальникъ россійскаго юно«шества и предшественникъ великихъ плодовъ Твоего матерняго о «всеобщемъ воспитаніи попеченія, восчувствовавъ особливо высо«кость и справедливость мыслей въ одной изъ начертанныхъ То«бою притчей называемой *Царевичъ Хлоръ*, восхотѣлъ представить «оную въ расположеніи своего увеселительнаго сада. Въ самой «природѣ онъ соорудилъ себѣ всегдашній памятникъ принятаго «отъ Тебя воспитанія и примѣръ юношамъ, любящимъ видѣть пріятность, соединенную съ наставленіемъ».

Въ стихахъ, даже и для своего времени весьма дубоватыхъ, авторъ поэмы «Александрова» описываетъ садъ и дачу. Изъ этого описанія видно, что домъ великаго князя Александра Павловича стоялъ на крутомъ берегу и близь него, въ долинѣ, былъ шатеръ съ золотымъ верхомъ. Къ дому вела прямая, не длинная аллея, обсаженная цвѣтами; она неожиданно обрывалась за поворотомъ и дорога вела на поле и въ лѣсъ....

«И отрокъ съ самаго ее начала,
Когда разсудку мысль его внимала,
Научится быть осторожнымъ здѣсь».

Дорога слѣдовала черезъ мостъ, украшенный трофеями, по полю, на которомъ возвышался павильонъ, расписанный изображеніями богатствъ; за павильономъ—нива, на ней хижина, а напротивъ ея каменная глыба съ надписью: «*храни златые камни*»—символъ незыблемой основы благосостоянія Россіи при Екатеринѣ II—ея «Наказа»; Нива прилегала къ «храму Цереры». За

[8] Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе, С.-Пб., 1877 г., стр. 83—85.

этимъ храмомъ—водный ключъ, посвященный имени великой княгини Маріи Θеодоровны; близъ него «пещера нимфы Эгеріи», мудрой наставницы римскаго царя Нумы Помпилія. Отсюда длинная аллея мимо каскада вела къ высокому, крутому холму, на которомъ находился «храмъ Розы безъ шиповъ». [9]

Печальные остатки этого храма, въ видѣ заброшенной каменной бесѣдки, стоятъ и понынѣ. Круглый куполъ поддерживается, по прежнему, семью колоннами; но по срединѣ храма возвышался алтарь и на немъ стоялъ сосудъ съ поставленною на него розою безъ шиповъ; алтаря этого теперь нѣтъ. Плафонъ былъ расписанъ фресками, изображающими Петра Великаго, съ высоты небесъ смотрящаго на «блаженствующую Россію», которая, будучи окружена символами богатства, наукъ и промышленности, опирается на щитъ, съ изображеніемъ «Фелицы., т.-е. Екатерины II. Здѣсь же орелъ «ломаетъ когтями рога луны», трофеи, трубящая Слава и два ангела съ крестомъ.... Едва замѣтные остатки этихъ фресковъ виднѣются и до сихъ поръ. У подножія храма было обширное озеро, которое образовывало извилистые протоки и заливы; на озерѣ плавали небольшія суда. Въ концѣ тѣнистаго сада возвышались храмы: «Флоры» и «Помоны».

Этотъ садъ, съ которымъ такъ тѣсно были связаны воспоминанія дѣтства и отрочества Александра I и заката дней Екатерины II, въ первые годы его царствованія еще сохранялъ прежній видъ; потомъ началъ постепенно приходить въ запустѣніе: штукатурка храмовъ и облицовка ихъ пообсыпались; воды иссякли; аллеи заросли травою; холмы обвалились и до нашего времени сохранились только, какъ мы уже сказали, «храмъ Розы безъ шиповъ», съ полинялыми, едва замѣтными фресками; озеро, разстилавшееся у подножія храма, нынѣ глубокаа котловина, заросшая кустарникомъ.

---

[9] Всѣ эти намеки на эпизоды сказки о «Царевичѣ Хлорѣ» находились и въ безсмертной одѣ Державина:

Богоподобная царевна
Киргизъ-Кайсацкія орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойдти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ....

Непостижимо, почему на «Александрову дачу» не было обращено вниманія въ тѣ дни, когда Александръ I былъ въ апогеѣ славы и величія; почему въ его же царствованіе заглохли мѣста бывшія свидѣтелями его дѣтскихъ игръ и отроческихъ занятій науками, когда въ тѣнистыхъ аллеяхъ «Александровой дачи» онъ бесѣдовалъ со своимъ наставникомъ Лагарпомъ!

Какъ бы въ предчувствіи близкой своей кончины престарѣлая Екатерина спѣшила бракосочетаніями старшихъ дѣтей Цесаревича Павла Петровича. 3-го февраля 1796 года послѣдовало обрученіе великаго князя Константина Павловича съ великою княжною Анною Ѳеодоровною, бывшею принцессою Юліею-Генріэттой-Ульрикой-Саксенъ-Зальфельдъ-Кобургскою. [10] Съ тѣмъ прекращалась должность графа Салтыкова какъ наставника внуковъ Императрицы, которая, въ самый день обрученія Константина Павловича удостоила графа Салтыкова слѣдующимъ рескриптомъ:

«По совершеніи, съ помощью Всевышняго, воспитанія любез«наго внука Нашего, Великаго Князя Константина Павловича, по правиламъ отъ Насъ предначертаннымъ и подъ собственнымъ На«шимъ смотрѣніемъ, восхотѣли Мы изъявить Монаршее Наше при«знаніе къ вашей ревности въ исполненіи воли Нашей и къ тру«дамъ вами тутъ понесеннымъ. Вслѣдствіе того всемилостивѣйше «жалуемъ вамъ въ вѣчное и потомственное владѣніе домъ въ С.-Пе«тербургѣ, со столовымъ серебрянымъ сервизомъ, да единовре«менно на заведеніе домашнее шестьдесятъ тысячъ рублей изъ «суммы на чрезвычайные расходы въ вѣдомство ваше отпускаемой».

3 августа того же 1796 года прибылъ въ Петербургъ, сопровождаемый своимъ дядею регентомъ Карломъ Зюдерманландскимъ, юный шведскій король Густавъ IV Адольфъ, [11] въ качествѣ нареченнаго жениха старшей дочери Цесаревича Павла Петровича, великой княжны Александры Павловны. [12] Бракъ этотъ

---

[10] Родилась въ Готѣ 23 сентября 1781 г.; мѵропомазана 2-го—обручена 3-го—повѣнчана 15 февраля 1796 года, разведена отъ брачнаго сожительства 20 марта 1820 года. Скончалась въ Швейцаріи 12 августа 1860 года, исповѣдуя до самой кончины православную греко-россійскую вѣру и пребывая вдовствующею въ теченіе сорока лѣтъ.

[11] Родился 1-го ноября 1778 г., наслѣдовалъ отцу Густаву III 30 марта подъ опекою дяди, герцога Карла Зюдерманландскаго. Свергнутъ съ престола 1792 г. 1 апрѣля 1809 г. умеръ въ Швейцаріи въ мартѣ 1837 года.

[12] Родилась въ Павловскѣ 29 іюля 1783 г., повѣнчана съ эрцгерцогомъ Іосифомъ, палатиномъ венгерскимъ, 19 октября 1799 года скончалась въ Офенѣ 4 марта 1801 года.

былъ задуманъ Екатериною II еще съ 1792 года, въ одинаковой степени по соображеніямъ политическимъ и въ виду несомнѣнной взаимной любви двухъ юныхъ сердецъ, которая, по мнѣнію Государыни, должна была воспылать въ нихъ съ первой же встрѣчи. Къ несчастію для царской семьи, юный король шведскій, при ограниченномъ умѣ и взбалмочномъ характерѣ, былъ слѣпымъ орудіемъ зложелательства къ Россіи, какъ своего дяди, регента, такъ и европейскихъ кабинетовъ. Родственный союзъ Россіи со Швеціею слишкомъ близко затрогивалъ интересы Англіи, что бы она не задалась мыслію во что бы то ни стало разрушить планъ Екатерины. Король шведскій, принятый при нашемъ дворѣ съ отмѣннымъ вниманіемъ, радушіемъ и ласкою, возбудилъ въ нареченной невѣстѣ своей первую, нѣжнѣйшую любовь, которой не былъ достоинъ уже по тому одному, что не умѣлъ ее оцѣнить. Сама Государыня и великая княгиня Марія Θеодоровна при всей ихъ прозорливости жестоко обманулись въ королѣ шведскомъ, принявъ его слабоуміе за наивность, а грубость манеръ и разговоровъ—за искренность. Имъ, какъ автоматомъ, вертѣлъ герцогъ Зюдерманландскій, человѣкъ низкой души, плутоватый, изворотливый, подкупленный англійскимъ золотомъ. Переговоры о бракосочетаніи длились шесть недѣль и къ глубочайшему огорченію и оскорбленію Екатерины Великой окончились разрывомъ въ самый день обрученія 11-го сентября. Поводомъ къ тому послужилъ вопросъ, уже давно рѣшенный; о свободѣ вѣроисповѣданія будущей королевы шведской. Черезъ девять дней, король, регентъ и вся ихъ свита выѣхали изъ Петербурга, сопровождаемые всеобщимъ негодованіемъ и вполнѣ заслуженнымъ презрѣніемъ. Но эти чувства, въ семействѣ Императрицы не смягчили тяжкаго удара, нанесеннаго ея сердцу и нынѣ уже нѣтъ и сомнѣнія, что смерть Екатерины II, послѣдовавшая черезъ два мѣсяца, была слѣдствіемъ жестокаго потрясенія испытаннаго ею въ роковой день 11 сентября 1796 года: признаки паралича обнаружились у Императрицы при первомъ же словѣ графа Маркова, что король не желаетъ подписать контракта... Екатерина, внѣ себя, едва не ударили тростью этого вѣстника и нѣсколько минутъ какъ бы не владѣла языкомъ. Ей, предъ которою трепетала вся Турція, пріязни которой домогались Пруссія, Австрія, Германія, Италія—ей дерзнули оказать неуваженіе, мальчикъ-король-кантонистъ и его достойный дядя, которому приличнѣе было бы быть не ре-

гентомъ Швеціи, а каптенармусомъ какого-нибудь армейскаго полка.[13]

Въ печальномъ дѣлѣ этого несостоявшагося сватовства графъ Салтыковъ принималъ весьма близкое участіе. По порученію Цесаревича Павла Петровича, пребывавшаго въ Гатчинѣ, графъ сообщалъ ему о ходѣ переговоръ съ женихомъ, о распоряженіяхъ Императрицы, о церемоніалѣ празднествъ въ честь короля шведскаго. Въ это же время графъ Николай Ивановичъ взялъ на себя ходатайство предъ Цесаревичемъ за бывшаго своего питомца, великаго князя Константина Павловича, навлекшаго на себя гнѣвъ родителей, какимъ-то опрометчивымъ поступкомъ. Какъ любопытные документы приводимъ слѣдующія письма графа Салтыкова къ цесаревичу.[14]

3 сентября пополудни въ 4 часа.

«Всемилостивѣйшій государь. Вчерась на балѣ король, разговаривая съ Государыней, ей говорилъ, что онъ былъ съ великой княгиней (sic) Александрой Павловной всегда въ большой публикѣ; не имѣетъ случая съ ней прямо познакомиться, а потому и проситъ, чтобъ ему дать случай запросто съ нею быть; а потому Государыня изволила мнѣ приказать—писать о семъ къ вашему величеству (sic), разсуждая, что таковое свиданіе съ пристойностію быть должно въ присутствіи родителей ея; и для того желаетъ Государыня, если ваше величество сами въ пятницу здѣсь не изволите быть, то бы великая княгиня непремѣнно къ обѣду здѣсь была и какъ положено въ пятницу королю и великимъ княжнамъ обѣдать у Александра Павловича, то и великая княгиня обѣдавъ тутъ же, послѣ обѣда возьметъ къ себѣ короля съ регентомъ, то жъ Ливеншу съ великими княжнами и великихъ князей съ супругами, и останется съ ними до балу у себя въ своихъ покояхъ запросто.

Симъ исполнивъ приказаніе мнѣ данное, подношу письмо отъ Константина Павловича вчерась же еще писанное; онъ совершенно явился передъ вами не таковымъ, какъ бы онъ быть былъ долженъ; отъ великой робости отчего онъ былъ внѣ себя. О бы-

---

[13] О подробностяхъ сватовства шведскаго короля см. Русская Старина изд. 1874 г., т. IX.

[14] Тамъ же, стр. 473—474 и 489—491.

тіи у васъ короля завтра я Государынѣ доносилъ. Вашего императорскаго высочества графъ Николай Салтыковъ.

Касательно до вашего въ пятницу сюда пріѣзда осмѣливаюсь симъ присовокупить, что оное зависитъ отъ вашего, точно, собственнаго расположенія, потому что Государыня предупреждена, что вы до понедѣльника не были расположены сюда пріѣзжать; и такъ, если ѣзда сюда на тотъ день васъ отягощаетъ, то непремѣнной надобности нѣтъ, но въ такомъ случаѣ, какъ изъ письма моего видѣть изволили, что неминуемо надобно, чтобъ великая княгиня уже здѣсь была».

Сентября 16 дня 1796 г. пополудни въ 4 часа.

«Всемилостивѣйшій государь. Сего утра, согласно приказанію вашему, я, ваше вчерашнее письмо ея величеству показывалъ. Государыня изволила приказать вамъ сказать, что по теперешнему положенію съ королемъ весьма согласна и ея величество, чтобъ вамъ для прощанія сюда не пріѣзжать, а по точномъ назначеніи его отсюда отъѣзда черезъ письмо съ нимъ распрощаться. Если же бы обстоятельства, между тѣмъ, и положеніе дѣлъ перемѣнились, то ея величество обѣщаетъ васъ увѣдомить. О положеніи дѣлъ съ королемъ Государыня приказала вамъ сказать, что теперь оныя все въ тойже нерѣшимости, какъ вы ихъ оставили. Всѣ вообще согласны на все требуемое, кромѣ короля, а онъ не умѣетъ рѣшиться и все упрямствуетъ, а затѣмъ всѣ они у ея ногъ, и, какъ Поляки говорятъ, Государыня приказала мнѣ точно тѣми словами и вамъ сказать, что *уже лежe*. Сегодня, думаю, будетъ опять съ министрами конференція, но сіе, считаю, Государыня дозволитъ единственно изъ снисхожденія къ ихъ просьбѣ, а ничего рѣшительнаго быть не можетъ и поѣдутъ ни съ чѣмъ. Г. Н. С.»

Въ среду (17 сентября) пополудни въ 9 часу.

«Всемилостивѣйшій государь. Сейчасъ получилъ я приказаніе ея величества писать къ вамъ, что хотя вчерась Государыня черезъ меня-жъ и приказала, что нѣтъ надобности, чтобъ ваше высочество, для распрощанія съ королемъ, сюда пріѣзжали; но какъ нерѣшимость дѣлъ положеніе коихъ вамъ извѣстно черезъ описаніе отъ ея величества вамъ сдѣланное, требуетъ при разставаніи распроститься съ пристойной вѣжливостью, то и разсуждаетъ ея величество нужнымъ, чтобъ ваше высочество завтра сюда прі-

ѣхали и завтра-жъ здѣсь съ королемъ простились, потому что завтра назначено королю и съ Государынею прощаться, дабы онъ могъ въ пятницу уже, а по крайней мѣрѣ, по утру рано въ субботу, выѣхать, а инако онъ долженъ будетъ еще здѣсь промедлить. А затѣмъ Государыня приказала мнѣ присовокупить и то, что если вы не находите себя расположенными прощаться съ королемъ съ ласковою вѣжливостью, въ такомъ случаѣ оставляетъ ея величество на волю вашу и чрезъ письмо съ нимъ распроститься, сказавъ ему, что здоровье ваше не дозволило вамъ самимъ пріѣхать. И такъ, исполнивъ приказаніе мнѣ данное, если не изволите сами быть, буду ожидать вашего приказанія. Г. Н. С.»

6 ноября 1796 года Екатерина Великая опочила сномъ вѣчнымъ. Преемникъ ея, Императоръ Павелъ Петровичъ, черезъ два дня по восшествіи своемъ на престолъ, именно 8 ноября, пожаловалъ графа Салтыкова въ генералъ фельдмаршалы, назначивъ его вмѣстѣ съ тѣмъ и президентомъ военной коллегіи.

Графъ Николай Ивановичъ въ этой важной государственной должности былъ покорнымъ и безпрекословнымъ исполнителемъ предначертаній Государя, задумавшаго радикально преобразовать русскія войска на новыхъ началахъ, по образцу арміи прусской. Какъ и слѣдовало ожидать, реформы встрѣтили отпоръ въ приверженцахъ прежнихъ порядковъ, въ герояхъ Екатерининскаго царствованія, съ безсмертнымъ Суворовымъ въ ихъ главѣ. Назначенный предводителемъ и инспекторомъ Екатеринославской дивизіи, герой Рымника и Измаила, писалъ племяннику своему, графу Хвостову, отъ 11 января 1797 года:

«Новый титулъ! я инспекторъ; я вамъ выяснялъ, что былъ «такимъ подполковникомъ; я быть такимъ не могу.... и не хочу: я «главнокомандующій, генералъ генераловъ, и въ генералитетѣ, хотя «общемъ, но съ моими преимуществами и тамъ имѣлъ своихъ ин«спекторовъ. Я батальевъ не проигрывалъ, какъ покойникъ прус«скій и великій король».

«Этотъ знакомый всей русской арміи голосъ», говоритъ нашъ военный историкъ П. С. Лебедевъ, [15] «былъ какъ бы только началомъ борьбы стараго порядка вещей съ новымъ; или, лучше сказать, началомъ борьбы гатчинскихъ инструкторовъ съ людьми Екатерининской эпохи».

Борьба эта происходила у подножія престола, на который

---

[15] Руская Старина, изд. 1877 г., т. XVIII, стр. 247—248.

вступилъ Монархъ, желавшій всею силою души блага Россіи и русскому войску, и слишкомъ двадцать лѣтъ лелѣявшій въ душѣ мысль о преобразованіяхъ. Но исполнители воли его, по обстоятельствамъ стоявшіе къ нему ближе другихъ, прежде всего сами желали быть на первомъ планѣ и требовали у прежнихъ дѣятелей уступить имъ мѣсто.

Уступка эта произошла не совершенно охотно: старики заупрямились, неохотно поддавались на нововведенія; возражали на правила новыхъ уставовъ, не торопились вводить ихъ въ войска и и не совсѣмъ ласково приняли пріѣхавшихъ генералъ-адъютантовъ посланныхъ для повѣрки успѣховъ введеніи новаго устава. Приближенные Государя успѣли объяснить это духомъ непокорства, укоренившимся въ войскахъ и привычкою къ стариннымъ злоупотребленіямъ, по которымъ каждый начальникъ считалъ себя вполнѣ самостоятельнымъ лицомъ. Послѣдствіемъ этого былъ гнѣвъ Павла Петровича и послѣдовательное увольненіе отъ службы въ теченіе почти трехъ лѣтъ: семерыхъ фельдмаршаловъ, 333 генераловъ и 2261 офицера, большая часть которыхъ, впрочемъ, была снова принята на службу спустя годъ и менѣе.

Кромѣ Румянцева († 8 декабря 1796 г.), впавшаго въ немилость за нѣкоторыя замѣчанія на новый уставъ, уволены: Суворовъ, Репнинъ, Чернышевъ, Эльмптъ, Каменскій, Прозоровскій и Гудовичъ. Остались на службѣ только графы Иванъ Петровичъ и Николай Ивановичъ Салтыковы и графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ.

Изъятіе сдѣлано было для Николая Ивановича Салтыкова потому, что онъ былъ преданъ Павлу Петровичу съ самой его юности и уже съ 1769 года находился при немъ, а съ 1783 года занимался воспитаніемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Н. И. Салтыковъ отличался правдивостью, но былъ высокомѣренъ и мстителенъ (въ особенности долго мстилъ онъ Суворову), и заслуживаетъ справедливый упрекъ за угодливость свою новымъ любимцамъ, хотя по званію президента военной коллегіи и вліянію на Павла Петровича онъ могъ во многомъ открыть ему глаза; нельзя не упрекнуть также Салтыкова, зачѣмъ онъ взыскалъ своими милостями и вывелъ въ люди Аракчеева»!

Эти обвиненія, возводимыя современнымъ намъ историкомъ на память графа Салтыкова становятся менѣе вѣски, если принять въ соображеніе личный характеръ Императора Павла, не терпѣвшаго ни возраженій, ни «откровенія глазъ» не

только отъ своихъ любимцевъ, но даже отъ членовъ своей семьи. Графъ Николай Ивановичъ, высоко цѣня близость свою къ Государю, не могъ жертвовать ею убѣжденіямъ съ его волею несогласнымъ. Онъ зналъ очень хорошо, за противорѣчіе велѣніямъ Павла, онъ, Салтыковъ, могъ въ одну минуту быть удаленъ отъ двора и лишенъ всѣхъ царскихъ милостей. Правда, онъ благоволилъ Аракчееву; но собственно ли и единственно ли Салтыкову послѣдній былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ? Не собственнымъ ли дарованіямъ и умѣнью вкрасться въ довѣріе и Павла I и его преемника, Александра Благословеннаго? Изъ всѣхъ любимцевъ павловскаго царствованія одинъ Аракчеевъ съумѣлъ не только сохранить свое значеніе, но даже достигнуть высоты, ни для кого другаго недостижимой. Прибавимъ къ этому что безпрекословное повиновеніе волѣ Павла I было, со стороны Салтыкова, тѣмъ болѣе необходимо, что въ теченіе первыхъ же двухъ мѣсяцевъ, графъ Николай Ивановичъ едва не впалъ въ немилость, вслѣдствіе гнѣва Государя на воспитателя сыновей графа швейцарца Массона, дѣйствительно выведеннаго въ люди Салтыковымъ.

Этотъ Массонъ, офицеръ нашей службы, землякъ Лагарпа, къ которому Павелъ Петровичъ, еще въ бытность свою цесаревичемъ не питалъ особеннаго расположенія, не умѣлъ, или не хотѣлъ сообразжаться съ требованіями двора Павла I личнаго врага всякихъ либеральныхъ идей, вѣявшихъ въ Россію съ запада. Monsieur Массонъ, въ разговорахъ съ великими князьями и со своими питомцами молодыми Салтыковыми давалъ часто излишнюю волю своему острому языку, почти не скрывая республиканскаго образа мыслей, тогда очень моднаго во Франціи и въ Швейцаріи, но не совсѣмъ умѣстнаго въ Россіи. Хотя этотъ господинъ въ своихъ «Запискахъ» старается выставить себя жертвою извѣтовъ и клеветы, но самыми этими «Записками» (Memoires secrets sur la cour de la Russie) онъ доказалъ всему грамотному міру, что какъ при дворѣ нашемъ, такъ и въ домѣ графа Салтыкова, Массонъ былъ «вскормленнымъ волкомъ». Не говоримъ уже о гнусностяхъ, разсказываемыхъ въ «Запискахъ» про высшій петербургскій кругъ въ царствованіе Екатерины II, но замѣтимъ, что авторъ излилъ наибольшій запасъ желчи и грязи на супругу графа Николая Ивановича—хозяйку той семьи, въ которой, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ принятъ радушно и дружелюбно. Истинно республиканская «независимость совѣсти»! Не скрывая неблаговоленія своего къ

Массону, еще въ царствованіе своей родительницы, цесаревичъ Павелъ Петровичъ угадывалъ въ немъ тайнаго якобинца; не одобрялъ выбора его Салтыковымъ, въ наставники молодыхъ графовъ и сказалъ однажды ихъ отцу, какъ бы шутя: «On voit bien que le jeune Saltycoff est fait de *maçonnerie* (видно по всему, что молодой Салтыковъ массонской каменьщицкой складки).

11 декабря 1796 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о высылкѣ обоихъ братьевъ Массоновъ изъ предѣловъ Россійской имперіи. [16] Можно сказать, что Императоръ Павелъ I. за шестнадцать лѣтъ до отечественной войны питалъ къ революціонной Франціи ту ненависть, которою воспылала вся Россія при вторженіи Наполеона... Только тогда убѣдились мы, русскіе, отъ представителя верховной власти до послѣдняго пахаря, сколько зла надѣлала намъ наша пріязнь къ иноземщинѣ вообще, а французской—въ особенности; тогда убѣдились мы, что французъ, какъ республиканецъ, такъ и эмигрантъ, не товарищъ русскому человѣку. Напоминать ли объ изгнаніи іезуитовъ въ 1820 году, мѣрѣ крайней, до которой ихъ происки довели даже благодушнаго Александра I.

Но гнѣвъ Императора Павла на дядьку Салтыковыхъ, не распространился на ихъ родителя, которому Государь благоволилъ неизмѣнно. Принявъ подъ свое покровительство Мальтійскій рыцарскій орденъ, Императоръ, Высочайшимъ манифестомъ 20 декабря 1798 года, поручилъ графу Николаю Ивановичу, обще съ оберъ-камергеромъ графомъ Шереметевымъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Энгельгардомъ и генералъ-прокуроромъ Лопухинымъ, установить и учредить порядокъ принятія россійскаго дворянства въ орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго.

Въ 1799 году Салтыковъ былъ пожалованъ гофмейстеромъ и командоромъ державнаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, а затѣмъ и старшиною греческаго пріорства.

Воцарившійся 12 марта 1801 года, Императоръ Александръ Павловичъ, указомъ, отъ 30 марта, учредилъ при Императорскомъ дворѣ, на особыхъ началахъ, совѣтъ непремѣнный и членомъ этого совѣта назначилъ генералъ-фельдмаршала графа Н. И. Салтыкова.

Въ день коронованія своего, 15 сентября 1801 года, Императоръ пожаловалъ ему свой портретъ, украшенный алмазами.

---

[16] О высылкѣ братьевъ Массоновъ, см. «Русская Старина», изд. 1876 г., томъ XV, стр. 548—585.

Съ учрежденіемъ министерствъ, 8-го сентября 1802 года графъ былъ уволенъ отъ званія президента военной коллегіи.

Въ первую войну съ Наполеономъ I, Императоръ Александръ указомъ, отъ 15 марта 1807 года, назначилъ графа Н. И. Салтыкова къ присутствованію въ комитетѣ, учрежденномъ 13 января того года, для составленія земскаго войска, ввѣривъ ему управленіе дѣлами означеннаго комитета.

При образованіи на новыхъ началахъ государственнаго совѣта съ 1 января 1810 года, Н. И. Салтыковъ, того же числа, былъ наименованъ въ число членовъ его. По увольненіи же отъ дѣлъ графа Н. П. Румянцева, указомъ, отъ 29 марта 1812 года, графъ Салтыковъ былъ назначенъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета гг. министровъ.

Въ эпоху отечественной войны, Императоръ Александръ Павловичъ, отъѣзжая къ войскамъ дѣйствующей арміи въ имперіи и за границею расположеннымъ, возложилъ на графа Салтыкова главнѣйшее руководство государственныхъ дѣлъ, снабдивъ его особыми полномочіями, какъ самое довѣренное и болѣе всѣхъ приближенное съ себѣ лицо.

По благополучномъ окончаніи войны и по низложеніи Наполеона, Александръ I, возвратясь на короткое время изъ чужихъ краевъ въ С.-Петербургъ, въ Высочайшемъ указѣ своемъ, отъ 30 августа 1814 года, объявилъ слѣдующее:

«Предъ наступленіемъ минувшей войны, учредивъ на время «отсутствія Нашего изъ столицы, порядокъ теченія государственныхъ дѣлъ, ввѣрили Мы оной главному попеченію Нашего генераль-фельдмаршала графа Салтыкова. Извѣстныя достоинства «его, опытность долговременною усердною службою пріобрѣтенная «и любовь къ Отечеству побудили Насъ на выборъ сей. И онъ, «не взирая на преклонныя лѣта и болѣзненное состояніе, оправдалъ «въ полной мѣрѣ довѣренность Нашу. Въ ознаменованіе признательности Нашей къ таковымъ новымъ заслугамъ и во изъявленіе особеннаго благоволенія Нашего, возводимъ Мы его, генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова, съ потомствомъ его, *въ княжеское Россійской имперіи достоинство, съ присвоеніемъ титула «свѣтлости»*.

Въ Высочайшемъ приказѣ отъ того же 30 августа 1814 года изображено было:

«Въ ознаменованіе особеннаго благоволенія Нашего къ долговременной службѣ генералъ-фельдмаршала князя Салтыкова и

«къ знаменитымъ заслугамъ, оказаннымъ имъ отечеству, назнача-«емъ ему въ отличіе офицерскій караулъ».[17]

Кромѣ показанныхъ выше россійскихъ орденовъ, князь Н. И. Салтыковъ имѣлъ также польскіе: Бѣлаго Орла и Станислава и французскіе: Кармелицкой Богородицы и Св. Лазаря.

У князя Николая Ивановича, удрученнаго лѣтами, въ концѣ 1815 года открылась водяная болѣзнь, къ которой присоединился потомъ антоновъ огонь въ ногахъ. Сильныя страданія несчастнаго старца не поколебали твердости его духа и глубокой вѣры его. Успокоивая родныхъ своихъ и приближенныхъ онъ, за нѣсколько минутъ до своей кончины, благословилъ часто посѣщавшаго его, воспитанника, друга и Монарха своего; будучи уже не въ состояніи высказать чувствъ своихъ, умиравшій вельможа прижалъ руку Государя къ едва бившемуся уже сердцу своему и возведя взоръ свой къ небу, казалось, испрашивалъ ему благость свыше. *16 мая 1816 года* князь скончался.

Біографъ князя, П. П. Свиньинъ, побуждаемый чувствами личной къ нему признательности и уваженія, характеризуетъ его слѣдующими трогательными чертами:

— Несмотря на высокій санъ свой, князь Николай Ивановичъ былъ доступенъ для всякаго; привѣтливъ въ обхожденіи, снисходителенъ къ недостаткамъ другихъ, и будучи истинный цѣнитель достоинствъ не оскорблялъ никого недовѣрчивостью безъ основательной причины. Дѣлать добро—было священнымъ для него закономъ и удовольствіемъ, наказывать—огорченіемъ. Никогда бѣдный, требовавшій помощи, не выходилъ изъ его дома безъ пособія. Съ веселымъ, кроткимъ нравомъ умѣлъ онъ скрывать скорбь свою въ глубинѣ сердца, чтобы видомъ даже не огорчить людей, къ нему приверженныхъ. Когда въ 1812 году, 7 сентября, пришли ему объявить кончину супруги его, съ которою онъ жилъ пятьдесятъ лѣтъ въ совершенномъ согласіи, почти неразлучно: нашли истиннаго христіанина стоявшаго на колѣняхъ предъ образомъ Спасителя; «Боже!» взывалъ онъ тогда ко Всевышнему—«Ты соединилъ насъ на земли, не разлучи насъ и на небесахъ, и какой ударъ ни пошлешь на меня, вѣра моя къ Тебѣ не ослабнетъ». Озаренный чистѣйшимъ ученіемъ, онъ не приступалъ къ ежедневнымъ занятіямъ, не призвавъ на помощь Всевышняго, и вставая очень рано, посвящалъ молитвѣ болѣе часа; но въ эту минуту,

---

[17] См, у Свиньина. стр. 12.

когда всѣмъ сердцемъ и душею предавался онъ Богу, всякій, имѣющій до него нужду, могъ прерывать его занятія, и почтенный старецъ, исполнивъ долгъ человѣколюбія, обращался снова къ молитвѣ».

Панегирикъ достойный памяти истинно евангельскаго праведника, и ему можно было бы повѣрить, еслибы самъ авторъ въ данномъ случаѣ не слѣдовалъ древнему изученію: «de mortuis aut bene, aut nihil».

Отдѣляя истину отъ преувеличенія, должно признать князя Салтыкова за человѣка набожнаго по искреннему убѣжденію. Современники князя, лица высшаго общества, смотрѣли на его набожность иначе. Приводимъ любопытный отзывъ о немъ гр. Ѳ. П. Толстаго, въ его «Запискахъ». [18]

— Фельдмаршалъ графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ, вельможа Екатерининскаго времени, родной дядя Петра Александровича (Толстаго) тоже бывалъ у насъ не рѣдко (въ 1809 году), а также и супруга его, Наталья Владиміровна, которой всѣ боялись при Дворѣ и которая умѣла пріобрѣсти право всѣхъ бранить за все, что только было сдѣлано не по ней. Чтобы представить себѣ личность графа Н. И. Салтыкова, надо вообразить себѣ маленькаго роста старичка, худощаваго, сгорбленнаго, съ длиннымъ носомъ и въ военномъ мундирѣ. Онъ ходилъ всегда поддергивая штаны, какъ будто боясь, что они свалятся; это было очень смѣшно и каррикатурно. Николай Ивановичъ отличился въ Семилѣтнюю войну, при осадѣ Кольберга, велъ войну въ Молдавіи, путешествовалъ по Европѣ, (былъ) при Екатеринѣ II въ званіи воспитателя великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Онъ былъ большой ханжа; носилъ на шеѣ, кромѣ креста, множество маленькихъ финифтяныхъ образковъ, носилъ ихъ даже во всѣхъ карманахъ; впрочемъ былъ человѣкъ очень умный и свѣдущій, и въ свое время игралъ большую роль.

Таково каррикатурное изображеніе князя, между нимъ и характеристикою Свиньина, предоставляемъ читателю выбрать среднее, т.-е. не святаго (перваго) и не смѣшнаго «ханжу» (втораго).

Князь Николай Ивановичъ Салтыковъ былъ женатъ на княжнѣ Наталіи Владиміровнѣ Долгорукой (род. 1737, † 7 сентября 1812 г.), пожалованной въ статсъ-дамы 2-го сентября 1793 г. и имѣлъ отъ нея, кромѣ дочери, скончавшейся въ младенчествѣ, сы-

---

[18] Русская Старина, изд. 1873 г., т. VII, стр. 39—40.

новей, 1) *Дмитрія,* (1767, † 14 декабря 1826 г.), 2) *Александра* (род. 27 декабря 1775, † 27 января 1837 г. сенаторомъ), 3) *Сергія,* род. 1776, † 25 апрѣля 1828 г., также сенаторомъ.

По Сенату значится присутствующимъ 1794—1816 годъ въ Общемъ Собраніи первыхъ трехъ Департаментовъ.

ЧИЧАГОВЪ

ПАВЕЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.*

Род. 27 іюля 1767 г., † 10 сентября н. с. 1849 г.

Происходившій изъ потомственныхъ дворянъ, сынъ извѣстнаго морскагогероя и русскаго адмирала Василія Яковлевича Чичагова, [1] Павелъ Васильевичъ родился 27 іюля 1767 года.

*) *Источники:* 1) Высочайшіе указы Сенатскаго Архива; 2) Полное Собраніе Законовъ, 3) Россійскій Гербовникъ, т. VI, № 92, 4) Дѣла Морскаго Министерства, 5) Военно-Энциклопедическій Лексиконъ, т. I, стр. 393—398, т. XIV, стр. 41—43, 6) Энциклопед. Словарь Крайя, т. XII, стр. 188, 7) Энциклопед. Словарь Профессора Березина, XVI, стр. 120, 8) Вейдемейера Дворъ и замѣчательные люди XVIII вѣка, ч. II, стр. 88, 9) Списки Карабанова, стр. 17, 30, 96, 10) Архивъ Морскаго М-ва (сокращ. А. М. М.), т. III, 11) Дневникъ А. В. Храповицкаго, изд. Н. П. Барсукова, 1874, стр. 338, 12) Н. Ѳ. Дубровина—Отечественная война въ письмахъ современниковъ, изд. 1882 г. (сокращ. О. В. Д.), 13) Его же, Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ Царствованіе Императора Александра I, изд. 1883 г., стр. 8 и 96 (сокращ. П. Г. Д.), 14) Записки адмирала А. С. Шишкова, изд. 1877, т. I, стр. 66—67, 15) М. И. Богдановича, Исторія Царствованія Императора Александра I, т. II и III, 16) Сочиненія Михайловско-Данилевскаго, 17) Записки Академіи Наукъ, т. IV, стр. 164—165, 18) Я. К. Грота, Сочиненія Г. Р. Державина, т. III, стр. 451. 19) Mémoires inedits de l'amiral Tchitchagoff Berlin, 1855 и также изданіе 1862 г. въ Лейпцигѣ, 20) Архивъ кн. Воронцова, т. XII, XV и XIX, 21) Историческій Вѣстникъ, 1883 г., т. I, стр. 237—240, 22) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. VI, стр. 1—74, 23) Русскій Архивъ П. И. Бартенева, 1869 г., Записки генерала Чичагова по переправѣ чрезъ Березину, стр. 1147—1178, 1870 г. стр. 1522—1551, Дѣла Турціи въ 1812 году, 24) Русская Старина, М. И. Семевскаго, 1877, т. I, стр. 44, 280, 449, 451, 614—640, т. II, стр. 191, т. III, стр. 35, 177, 353, 699, 1883 г., т. III, стр. 487—506, 25) Ѳ. Ѳ. Веселаго, Списки Русскихъ Военныхъ Судовъ, изд. 1872 г., стр. 748, 26) Свѣденія изъ подлинныхъ бумагъ адмирала П. В. Чичагова, сообщенныя внучатнымъ его племянникомъ, Л. М. Чичаговымъ.

[1] Изъ бумагъ адмирала П. В. Чичагова видно, что отецъ его, адмиралъ Ва-

По обычаямъ того времени и во вниманіе къ заслугамъ своего отца, П. Чичаговъ, будучи еще въ дѣтскомъ возрастѣ, удостоился зачисленія въ 1776 году въ гвардейскій полкъ и оставленъ въ домѣ родительскомъ до возраста. Въ дѣйствительную же службу онъ вступилъ въ 1779 году, съ чиномъ гвардіи сержанта.

Отлично образованный, разумный отецъ-морякъ позаботился дать своему сыну возможно хорошее образованіе, за которымъ слѣдилъ самъ съ зоркимъ отеческимъ вниманіемъ.

Въ 1774 году, семилѣтній Павелъ Чичаговъ былъ первоначально помѣщенъ въ Морской Кадетскій Корпусъ въ Кронштадтѣ, а въ 1776 году переведенъ для дальнѣйшаго образованія въ школу Св. Петра, въ С.-Петербургѣ, куда онъ, уже по познаніямъ своимъ, былъ принятъ во второй классъ. Здѣсь, онъ окончилъ въ 1778 году, еще въ юношескомъ возрастѣ, полный курсъ ученія самымъ удовлетворительнымъ образомъ, и съ 1779 года началъ строевую службу въ гвардейскомъ полку.

Любознательный, воспріимчивый и прилежный съ дѣтства Павелъ Чичаговъ рано увлекся науками и оказывалъ замѣчательные успѣхи въ умственномъ развитіи. Не довольствуясь пріобрѣтенными въ школахъ познаніями и пристрастившись къ математическимъ наукамъ, онъ продолжалъ усердно заниматься своими любимыми предметами, въ свободное отъ службы время, съ лучшими спеціалистами того времени.

Обладавшій громадными теоретическими и практическими свѣдѣніями по морской техникѣ, адмиралъ В. Я. Чичаговъ, видя успѣхи сына, пожелалъ удержать его при себѣ, для того чтобъ руководить лично быстро развивавшагося юношу и подготовить умѣло къ той же карьерѣ, гдѣ опытность искуснаго моряка могла оказаться не безполезною для вступающаго на этотъ путь будущаго дѣятеля.

Поэтому, съ согласія Императрицы Екатерины, молодой Чичаговъ, оставленный при отцѣ, совершилъ въ 1781 году, въ его эскадрѣ, первое морское путешествіе по Средиземному Морю и вернулся въ Петербургъ въ 1782 году.

Въ томъ же 1782 году онъ былъ произведенъ въ поручики арміи и официально назначенъ состоять при адмиралѣ В. Я. Чи-

---

силій Яковлевичъ былъ женатъ на вдовѣ капитана русскаго флота, которая была дочерью переселившагося въ Россію инженернаго офицера саксонской націи, но имени и фамиліи ея не означено.

чаговѣ, въ качествѣ адьютанта, а приказомъ 6 сентября 1783 года утвержденъ при немъ генеральсъ-адьютантомъ.

Возвращаясь съ мелкихъ плаваній, совершаемыхъ эскадрою отца, П. Чичаговъ принимался вновь за тщательное изученіе высшей математики, подъ руководствомъ ученаго артеллериста Гурьева и съ увлеченіемъ продолжалъ заниматься этимъ предметомъ до 1788 года.

Въ концѣ 1783 года онъ опять ходилъ съ отцемъ въ плаваніе по Средиземному Морю на караблѣ «Константинъ» и возвратившись въ Кронштадтъ въ августѣ 1784 года, оставался безотлучно при адмиралѣ, который проживалъ до 1788 года въ Петербургѣ.

Въ Шведскую войну 1788—1790 годовъ, когда 15 октября 1788 года умеръ нашъ знаменитый адмиралъ С. К. Грейгъ, то Императрица Екатерина ввѣрила главное начальство надъ всѣмъ дѣйствующимъ Балтійскимъ флотомъ адмиралу В. Я. Чичагову. За нимъ послѣдовалъ и сынъ его Павелъ который, во уваженіе къ заслугамъ родителя, былъ произведенъ изъ генеральсъ-адьютантовъ въ капитаны 2-го ранга, [2]

Удостоенный полученія такого немаловажнаго, при началѣ службы, флотскаго чина, П. Чичаговъ былъ опредѣленъ командиромъ стопушечнаго линейнаго корабля «Ростиславъ», на которомъ находился самъ главнокомандующій и съ нимъ участвовалъ въ разныхъ экспедиціяхъ въ Балтійскихъ водахъ, и Шведскаго прибрежья.

Сохраняя ту же должность и въ 1790 году, Павлу Васильевичу представился въ первый разъ случай участвовать въ двухъ морскихъ дѣлахъ, подъ личнымъ командованіемъ его отца, окончившихся побѣдою русскаго флота надъ шведскимъ, а именно: 2 мая, подъ Ревелемъ и 22 іюня, въ Финляндскихъ шхерахъ, у Выборгской губы, гдѣ была блестящимъ образомъ разбита шведская флотилія, находившаяся подъ личнымъ начальствомъ самаго Короля Густава III.

За Ревельское сраженіе, П. Чичаговъ былъ награжденъ, 18 мая 1790 года, орденомъ Св. Георгія 4-й степени. [3]

О славномъ же разгромѣ шведскихъ морскихъ силъ въ Выборгской губѣ, адмиралъ Чичаговъ послалъ въ Петербургѣ доне-

---

[2] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 668.

[3] Адмиралъ В. Я. Чичаговъ получилъ за Ревельскую побѣду орденъ Св. Андрея Первозваннаго и 1.388 душъ крестьянъ въ Могилевской губерніи.

сеніе со своимъ сыномъ Павломъ, который лично поднесъ Государынѣ подробную реляцію этого сраженія. Удостоивъ главнаго дѣятеля въ этой важной для Россіи побѣдѣ, адмирала В. Я. Чичагова, пожалованія орденомъ Св. Георгія 1-й степени и 2.400 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи, Императрица Екатерина поздравила 27 іюня 1790 г. и присланнаго вѣстника, чиномъ капитана 1-го ранга, наградивъ его, кромѣ того, золотою шпагою съ надписью «за храбрость» и 1.000 червонныхъ.[4]

Въ 1791 году, П. Чичаговъ находился въ плаваніи, командуя кораблемъ «Софія-Магдалина», въ эскадрѣ адмирала Мусина-Пушкина.

По ходатайству адмирала В. Я. Чичагова, сыну его Павлу, дано было 31 мая 1792 года увольненіе за границу, для довершенія практическаго изученія морскаго дѣла, съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія.

Павелъ Васильевичъ отправился тогда въ Англію и первоначально поступилъ въ школу, въ Тутингѣ (Tooting), для фундаментальнаго изученія англійскаго языка.

Въ ноябрѣ 1792 года, ему удалось быть принятымъ на англійскій военный корабль, который предназначался къ плаванію въ Америку, и Чичаговъ надѣялся воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ для практическаго усовершенствованія въ морскомъ дѣлѣ, но, къ его сожалѣнію, эта начатая уже экспедиція была отмѣнена по политическимъ причинамъ и онъ вернулся съ пути въ въ февралѣ 1793 года опять въ Лондонъ.

Продолжая заниматься тамъ ревностно своимъ спеціальнымъ дѣломъ, Павелъ Васильевичъ познакомился, между прочимъ, а потомъ и сблизился съ нашимъ посломъ, извѣстнымъ дипломатомъ, графомъ С. Р. Воронцовымъ, съ которымъ завязалъ съ того времени самыя лучшія, сердечныя и вполнѣ дружественныя отношенія.[5]

Весною 1793 года П. Чичаговъ отправился изъ Лондона съ ученою цѣлію въ Голландію, гдѣ пробылъ не долго и, путешествуя послѣ этого по Европѣ, чрезъ Берлинъ возвратился въ Петербургъ, въ августѣ того же года.

---

[4] Архивъ Морскаго Министерства, т. Щ, стр. 673, 678, Н. П. Барсукова, Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 338.

[5] Въ XIX томѣ Архива князя Воронцова (изд. П. И. Бартенева) помѣщены 83 письма П. В. Чичагова къ графу Семену Романовичу Воронцову, въ періодъ времени съ 20 января 1796 по 6 ноября 1827 года.

Явившись тотчасъ на службу, онъ вступилъ снова въ командованіе кораблемъ «Софія-Магдалина».

Въ 1794 году П. В. Чичаговъ участвовалъ въ компаніи въ эскадрѣ своего отца, которому велѣно было крейсировать у датскихъ береговъ и слѣдить за англійскими торговыми судами. Въ то время дѣло клонилось къ разрыву съ Лондонскимъ кабинетомъ, но французская революція отвлекла Англичанъ отъ ссоры съ Россіею, и компанія окончилась при установившемся опять полномъ примиреніи. Между Россіею и Англіею былъ заключенъ даже союзный трактатъ, по которому Петербургскій кабинетъ обязался выставить свою эскадру, для совмѣстнаго дѣйствія съ Англичанами противъ Франціи.

Въ силу этого соглашенія, съ открытіемъ навигаціи 1795 года, русская эскадра, подъ начальствомъ вице-адмирала Ханыкова, отплыла изъ Кронштадта къ берегамъ Великобританіи. Въ составѣ посланной эскадры находился и П. В. Чичаговъ, командуя корабламъ «Ретвизанъ». [6]

Въ 1796 году, капитанъ 1-го ранга П. Чичаговъ, оставаясь на кораблѣ «Ретвизанъ», командовалъ у береговъ Голландіи отрядомъ русско-англійской эскадры, состоявшей изъ нашихъ трехъ линейныхъ кораблей и двухъ фрегатовъ, при четырехъ англійскихъ корабляхъ, подъ главнымъ начальствомъ англійскаго вице-адмирала Макбреада.

По окончаніи этой экспедиціи, Чичаговъ вернулся въ Петербургъ и воцарившійся Императоръ Павелъ наградилъ его, 13 ноября 1796 года, чиномъ флота капитана бригадирскаго ранга. [7]

Но съ новымъ царствованіемъ начались разныя измѣненія и нововведенія какъ въ общемъ направленіи всей системы правительственной, такъ и по всѣмъ вѣдомствамъ, преимущественно же по военной и морской частямъ. Въ числѣ разныхъ распоряженій, уничтожены были Императоромъ Павломъ, установленные его Августѣйшею предшественницею—ордена Св. Георгія и Св. Владиміра; [8] военный строй подвергся полному преобразованію на Прус-

---

[6] 62-хъ пушечный корабль «Ретвизанъ», былъ передѣланъ изъ взятыхъ судовъ у Шведовъ 23 іюня 1790 года, близь Свеаборга, эскадрою адмирала В. Я. Чичагова. См. Списки русскихъ военныхъ судовъ, изд. Ѳ. Ѳ. Веселаго, 1872 г., стр. 748.

[7] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 709.

[8] 5 апрѣля 1797 года было обнародовано Высочайше утвержденное положеніе о Россійскихъ Императорскихъ орденахъ, въ числѣ которыхъ не были по-

скій образецъ и всѣ, начиная съ высшихъ до мелкихъ воинскихъ чиновъ, обязаны были на ежедневныхъ экзерциціяхъ, въ присутствіи самого Императора, обучаться новымъ пріемамъ въ самомъ строгомъ ихъ примѣненіи. Всѣмъ заслуженнымъ генераламъ, не выключая даже и полководцевъ временъ Екатерины Великой, приходилось, или покориться необходимости изучать каждый день на плацъ-парадѣ новыя выправки, или же оставлять службу, ежели на то еще представлялась счастливая возможность испросить Милостивѣйшаго Монаршаго согласія.

Въ числѣ новыхъ любимцевъ двора выступилъ, между прочимъ, и возведенный въ генералъ-адъютанты, со званіемъ адмирала, а потомъ и въ графы Григ. Григ. Кушелевъ, который сталъ пользоваться неограниченнымъ довѣріемъ и благорасположеніемъ Императора Павла Петровича. Начавшій свою службу подъ начальствомъ адмирала Василія Яковлевича Чичагова, чуть ли не съ мичманскаго чина, онъ оказался вдругъ, въ почетномъ своемъ положеніи, не только неблагопріятелемъ бывшаго своего командира, но даже рьянымъ гонителемъ всей семьи Чичаговыхъ, къ которой началъ постепенно выказывать свое неблаговоленіе и самъ Государь.

По случаю такого явнаго недоброжелательства бывшаго подчиненнаго своего, старикъ-адмиралъ Василій Яковлевичъ Чичаговъ нашелся вынужденнымъ просить увольненія отъ службы, которое хотя онъ и получилъ, но подвергшись при этомъ безвинно Царской опалѣ, былъ высланъ изъ Петербурга на безвыѣздное жительство въ своихъ деревняхъ.

Сынъ его, П. В. Чичаговъ, оскорбленный за отца, хотѣлъ было также покинуть службу, но Василій Яковлевичъ воспротивился подобному намѣренію, высказывая, что «честному человѣку всегда слѣдуетъ служить и приносить пользу своему отечеству, какое бы тяжелое время не переживала родина». [9]

именованы ордена Св. Георгія Побѣдоносца и Св. Владиміра. Хотя при чтеніи въ Успенскомъ соборѣ орденскаго статута, Императоръ Павелъ и заявилъ лично предъ всѣми, «что орденъ Св. Георгія остается на прежнемъ основаніи», но тѣмъ не менѣе онъ никогда не жаловалъ таковымъ. Въ послѣдствіи, Манифестомъ Императора Александра I, отъ 12 декабря 1801 года, были возстановлены опять оба помянутые ордена во всей ихъ силѣ (Полное Собраніе Законовъ, №№ 17.908, 17.917 и 20.074).

[9] Извлечено изъ записокъ адмирала П. В. Чичагова, появившихся впервые на страницахъ «Русской Старины», 1883 г., т. II, стр. 494—495 и послѣдующихъ.

[10] Ст. 17.536 Полн. Собр. Законовъ.

Одновременно съ преобразованіями въ сухопутныхъ войскахъ, Императоръ Павелъ, удержавшій за собою званіе генералъ-адмирала, [10] занялся и флотомъ. Весною 1797 года, желая лично произвесть морскіе маневры, онъ приказалъ вооружить для этого въ Кронштадтѣ 50 судовъ, которыя и должны были отправиться въ Ревель, откуда предполагалось начать морскія экзерцпціи въ присутствіи всей Императорской семьи.

П. В. Чичаговъ командовалъ въ то время линейнымъ кораблемъ «Ретвизанъ», на который, согласно показанію его, по распоряженію адмирала Кушелева были опредѣлены все новыя лица, преимущественно изъ любимцевъ послѣдняго, съ цѣлію будто бы вывести чѣмъ-либо изъ терпѣнія командира судна. [11]

Когда всѣ приготовленія къ маневрамъ были окончены, то Императоръ прибылъ въ Кронштадтъ совсѣмъ своимъ семействомъ и въ сопровожденіи своего любимца, вице-президента адмиралтействъ-коллегіи адмирала графа Кушелева. Августѣйшее семейство пустилось уже въ путь по направленію къ Ревелю; но едва лишь Царская яхта стала выходить въ открытое море, какъ поднялась непогода съ сильнымъ вѣтромъ и разразилась страшная буря, задержавшая дальнѣйшее плаваніе. Нѣсколько дней длилась буря и все Императорское семейство, не исключая и самаго Павла Петровича, оставаясь на кораблѣ, подверглось сильнымъ припадкамъ морской болѣзни. По этому случаю была отмѣнена поѣздка Государя въ Ревель и собранный тамъ флотъ получилъ приказаніе подойти къ Кронштадту, гдѣ рѣшено было ограничиться нѣкоторыми упражненіями вокругъ укрѣпленій. Лишь только стихъ вѣтеръ, 10 іюля 1797 года, начались морскіе маневры по сигналамъ, исходившимъ съ Императорской яхты. Непродолжительныя передвиженія судовъ произведены были весьма удачно и Императоръ, оставшійся довольнымъ видѣнными имъ дѣйствіями флота, роздалъ щедрыя награды всѣмъ участникамъ въ испытаніяхъ.

Случайно-ли, отъ поспѣшности составленія наградныхъ списковъ, или же умышленно со стороны составителей таковыхъ, но П. В. Чичагову, имѣвшему уже орденъ Св. Георгія 4-й степени и золотую шпагу, совершенно неожиданно, внѣ правилъ постепенности, достался орденъ Св. Анны 4-й степени, на шпагу; тогда какъ въ то же время, младшія противъ него по службѣ лица, какъ-то: Богданъ Андреевичъ Баратынскій и Александръ Семеновичъ

---

[11] Русская Старина, 1883 г., т. II, стр. 495.

Шишковъ, были произведены изъ капитанъ-лейтенантовъ прямо въ генералъ-маіоры, производство ставившее ихъ выше Чичагова, болѣе заслуженнаго и имѣвшаго на то право моряка. Самолюбивый Павелъ Васильевичъ сильно оскорбился такою несправедливостію, къ которой примѣшивалось еще неудовольствіе его противъ состава экипажа своего корабля во время происходившихъ испытаній. Какъ только, по окончаніи маневровъ, флотъ сталъ на якорь, онъ подалъ рапортъ о болѣзни и высадился въ Кронштадтъ. Такой поступокъ, при непріязненности къ нему Кушелева, былъ истолкованъ не въ пользу его и разсерженный Императоръ приказалъ командиру флота и главному доктору тотчасъ освидѣтельствовать въ здоровьи Капитана бригадирскаго ранга Чичагова. Павелъ Васильевичъ, предчувствуя дурныя послѣдствія, улегся въ постель и только благодаря своему домашнему врачу, подтверждавшему дѣйствительность его лихорадочнаго состоянія, избѣжалъ грозившей ему бѣды. [12]

Въ приказѣ, отъ 20 іюля 1797 года, генералъ-адъютантомъ Кушелевымъ было объявлено Высочайшее повелѣніе о назначеніи флота капитана Тизигера замѣнить на время компаніи капитана бригадирскаго ранга Чичагова, «*въ случаѣ продолжительной болѣзни послѣдняго*». [13]

Слишкомъ явное пристрастіе, систематическое преслѣдованіе недоброжелательнаго графа Кушелева и невозможность продолжать при такихъ условіяхъ службу безъ опасенія какихъ-либо новыхъ оскорбленій, заставили Павла Васильевича, съ согласія родителя, просить отставки, ссылаясь на болѣзнь. [14]

Высочайшимъ приказомъ 22 сентября 1797 года флота капитанъ бригадирскаго ранга П. Чичаговъ былъ отставленъ отъ службы тѣмъ же чиномъ, безъ пенсіи «*по молодости лѣтъ*», какъ выражено было въ указѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно ему отправиться на жительство къ отцу въ деревню. [15]

---

[12] Русск. Старина, 1883 г., т. II, стр. 485—496.

[13] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 746.

[14] Тоже самое и по тѣмъ же совершенно причинамъ должны были вскорѣ сдѣлать, состоявшіе на службѣ два брата П. В. Чичагова—подполковникъ Петръ и церемоніймейстеръ Императорскаго двора Василій Чичаговы.

[15] Относительно отрѣшенія отъ службы П. В. Чичагова и его высылки въ деревню, адміралъ А. С. Шишковъ въ своихъ запискахъ (т. I, стр. 66, Историч. Вѣстникъ 1883 г., т. I, стр. 238) и другіе современники утверждаютъ, будто бы онъ, оскорбившись даннымъ ему орденомъ Св. Анны 4-й степени на шпагу, не

Покоряясь волѣ Монаршей, Павелъ Васильевичъ поспѣшно оставилъ Петербургъ и поселился у своего отца въ Могилевской его деревнѣ.

Но кромѣ служебной неудачи, у Чичагова лежало на сердце другое, более чувствительное горе. Въ бытность свою еще въ Англіи по служебнымъ дѣламъ, онъ влюбился въ дочь командира одного изъ великобританскихъ портовъ, миссъ Проби (Proby), которая, по взаимности чувствъ и была объявлена его невѣстою, съ тѣмъ чтобы бракъ ихъ совершался, когда ему можно будетъ пріѣхать туда изъ Россіи не съ служебными цѣлями. Вскорѣ послѣ отставки и обязательнаго обреченія на безвыѣздное житье въ деревнѣ, Павелъ Васильевичъ получилъ извѣстіе о смерти отца своей невѣсты, нетерпѣливо ожидавшей поэтому пріѣзда своего жениха для брачнаго союза. Узнавъ объ этомъ въ маѣ 1798 года, Чичаговъ тотчасъ обратился къ благосклонному для него посредничеству канцлера князя А. А. Безбородко и письменно просилъ исходатайствовать ему Монаршее разрѣшеніе на пятимѣсячный отпускъ въ Англію, для женитьбы. Добрый князь взялся хлопотать за опальнаго, но, къ несчастію вмѣсто успѣха, состоялось слѣдующее приказаніе Императора, занесенное въ Царскій ежедневникъ: «*Въ просьбѣ Чичагова отказать въ виду того, что въ Россіи есть довольно дѣвушекъ и для этой цѣли ему нечего ѣздить въ Англію*». [16]

Глубоко огорченному подобнымъ отвѣтомъ, Павлу Васильевичу ничего не осталось дѣлать, какъ выжидать более благопріятнаго случая возобновить свое ходатайство, о семъ и не замѣдлилъ онъ сообщить лондонскому пріятелю своему для передачи о

только не стѣснялся, при всякомъ удобномъ случаѣ, выражать свое неудовольствіе противъ Государя, но даже имѣлъ будто бы однажды дерзость, въ присутствіи многихъ офицеровъ, произнести болѣе чѣмъ неосторожныя противъ Царской Особы слова, переданныя Павлу Петровичу, которыя и были причиною опалы съ высылкою въ деревню. Хотя первую часть произведеннаго показанія и можно признать возможною, такъ какъ чувство обиды за несправедливости не чуждо всякаго служащаго лица; но второе обвиненіе слѣдуетъ рѣшительно считать вполнѣ неправдоподобнымъ. Ежели бы указываемое невоздержаніе, согласующееся впрочемъ съ характеромъ Чичагова, дѣйствительно и происходило, то нѣтъ сомнѣнія, что, при неблагопріятномъ уже настроеніи къ нему, подобный поступокъ, по вспыльчивому темпераменту Императора Павла, разрѣшился более дурными для него послѣдствіями, т.-е., согласно бывшимъ примѣрамъ, не только лишеніемъ чиновъ, но даже и быстрою поѣздкою, вмѣсто деревни отца—въ более холодныя мѣста Сибирскія.

[16] Русская старина, 1883 г., т. II, стр. 496.

томъ его невѣстѣ. Принимая всегда живое участіе въ положеніи Чичагова, графъ С. В. Воронцовъ вошелъ, по этому поводу, въ переписку съ дружелюбнымъ ему генералъ-прокуроромъ княземъ Петромъ Васильевичемъ Лопухинымъ, который пользовался тогда уже большимъ значеніемъ при дворѣ; благодаря особенному вниманію Павла Петровича къ его дочери, и былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ немъ влiятельнымъ любимцемъ Государя—графомъ Ѳ. В. Растопчинымъ. Являясь предстателемъ за опальнаго, графъ Воронцовъ выставилъ, между прочимъ, на видъ и то, что Чичаговъ пользуется въ Англіи отличною репутаціею какъ искусный морякъ, въ чемъ особенно цѣнныя похвалы о немъ главнаго начальника англійскаго флота лорда Спенсера.

Князь Лопухинъ получилъ письмо нашего лондонскаго посла въ моментъ самый выгодный для опальнаго Чичагова, а именно, когда въ Европѣ слагались постепенно новыя политическія комбинаціи, которыя заставляли дорожить дружественными отношеніями между Россіею и Великобританіею. Причины этому заключались въ слѣдующемъ. Въ 1798 году, Императоръ Павелъ, присоединившись къ Коалиціи Англіи и Австріи, объявилъ войну Франціи и намѣревался послать морскую эскадру. которая, при совмѣстномъ дѣйствіи съ англійскимъ флотомъ, должна была помогать изгнанію Французовъ изъ насильственно занятой ими Голландіи. Въ это самое время, князь Лопухинъ доложилъ Императору о полученномъ имъ ходатайственномъ письмѣ графа Воронцова, который удостовѣрялъ о лестномъ отзывѣ на счетъ Чичагова въ союзной намъ странѣ. Одновременно съ этимъ и великобританскій посланникъ въ Петербургѣ, которому извѣстны были сердечныя порывы Чичагова въ Англіи, рѣшился также просить Императора Павла Петровича о командированіи его въ предпринимаемую экспедицію, вмѣсто намѣченнаго уже къ тому вице-адмирала Ханыкова. Наконецъ въ подкрѣпленіе такихъ представительствъ Государю было доложено и дипломатическое сообщеніе Лондонскаго кабинета о желаніи его видѣть Чичагова представителемъ русскаго флота.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Павелъ Петровичъ, по выслушаніи доклада князя Лопухина, приказалъ ему извѣстить немедленно П. В. Чичагова о монаршемъ дозволеніи ему ѣхать въ Лондонъ для женитьбы на избранной имъ Англичанкѣ, но съ обязанностію явиться предварительно въ Петербургъ и вступить вновь на службу.

Въ то же время, 9 мая 1799 года состоялся Высочайшій указъ

«о пожаловании изъ отставныхъ флота капитана бригадирскаго ранга П. Чичагова въ контръ-адмиралы», съ назначеніемъ его флагманомъ въ Балтійскій корабельный флотъ, въ дивизію синягофлота.[17]

Такой неожиданно счастливый оборотъ дѣла, сулилъ уже Павлу Васильевичу, вмѣстѣ съ возвращеніемъ милости къ нему Государя и надежду на скорое исполненіе завѣтной его мечты. Но прежде достиженія сердечной цѣли, ему суждено было выдержать новое, тяжелое испытаніе разразившееся неожиданною катастрофою тотчасъ по возвращеніи его изъ ссылки.

Немедленно по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, Чичаговъ отправился въ Павловскъ, гдѣ находилось въ то время Императорское семейство, и явился первоначально къ генералъ-адъютанту графу Г. Г. Кушелеву, сохранявшему къ нему тѣ же недружелюбныя чувства. Объявивъ Павлу Васильевичу о послѣдовавшемъ для него милостивомъ Монаршемъ указѣ, Царскій любимецъ, прежде чѣмъ допустить его къ Императору, подвергъ особому допросу, изъ котораго желалъ, какъ видно изъ послѣдующаго, навлечь поводы къ новымъ, замышляемымъ имъ противъ Чичагова козням.

«Довольны ли вы своимъ принятіемъ опять на службу?» вкрадчиво спросилъ Кушелевъ вошедшаго къ нему Павла Васильевича.

«Я не имѣю особыхъ причинъ радоваться этому», отвѣтилъ неосторожный Чичаговъ;—«какъ вамъ извѣстно, я только вслѣдствіе болѣзни испросилъ себѣ увольненіе въ отставку и въ настоящее время, какъ видите, мое здоровье еще болѣе разстроено, чѣмъ когда я выходилъ изъ службы. Съ другой стороны, я не могу также особенно радоваться, такъ какъ мнѣ не возвращено мое старшинство».

«Развѣ государь не можетъ дѣлать то, что ему угодно и такъ, чтобы никто не имѣлъ права жаловаться?» замѣтилъ Кушелевъ. «Развѣ онъ не въ правѣ простаго поручика возвести въ фельдмаршалы? То, что вы называете *обойти по службѣ*», всякій день дѣлается въ войскахъ; по вашимъ идеямъ, всѣ высшіе чины арміи должны были бы послѣ этого подавать въ отставку».

«Я прекрасно понимаю», возразилъ удивленный такою проповѣдью Чичаговъ,—«что Государь можетъ дѣлать все, что ему угодно; я вѣдь не жалуюсь и ничего не прошу; но разъ, что меня обижаютъ, то можно ли мнѣ запретить сознавать и чувствовать

---

[17] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 815.

эту несправедливость. Впрочемъ, еже ли бы вся армія поступала также какъ и я, то она несомнѣнно подала бы въ отставку именно въ томъ случаѣ, который вы предполагаете. Когда дѣло касается чести, то всякій ее защищаетъ по своимъ понятіямъ, и принципамъ и вотъ каковы мои».

Продолжая пытать Чичагова новыми хитрыми распросами, Кушелевъ спросилъ его: «Ну-съ, разъ, что вы уже приняты на службу, то скажите мнѣ—желали бы вы лучше оставаться въ Балтійскомъ морѣ, илибыть посланнымъ въ Англію».

Такъ какъ допрашивавшему не могло не быть извѣстнымъ, что Павелъ Васильевичъ давно просилъ уже дозволенія Императора ѣхать жениться въ Англію, то предложенный вопроса, согласно показанію самого Чичагова, заставилъ его призадуматься, какъ явно поставленный съ какою то предвзятою мыслью. Обдумывая, какъ самъ онъ пишетъ въ своихъ «Запискахъ», свое положеніе и вспоминая составъ начальствующихъ лицъ въ эскадрѣ, предназначенной къ отплытію въ Голландію, Чичаговъ пришелъ къ убѣжденію, что ему готовится со стороны Кушелева какая нибудь ловушка, а потому онъ и отвѣчалъ:

«Я бы предпочелъ оставаться въ Балтійскомъ флотѣ».

«Почему же это?» переспросилъ его удивленно Кушелевъ.

«Потому», отвѣтилъ Чичаговъ,—«что Баратынскій, который былъ только мичманомъ, когда я имѣлъ уже чинъ капитана, сдѣлался теперь старьше меня и мнѣ бы не хотѣлось находиться подъ его командою».

По окончаніи этихъ объясненій, Кушелевъ пошелъ доложить Государю о пріѣздѣ Чичагова, которому и было объявлено, что пріемъ для него у Императора назначается на слѣдующее утро.

Вотъ какъ далѣе изложены въ запискахъ Павла Васильевича, совершившія съ нимъ тяжелыя происшествія. [18]

На слѣдующій день, въ 7 часовъ утра, Чичаговъ стоялъ уже среди прибывшихъ къ вахтъ параду военныхъ чиновъ. Императоръ Павелъ при входѣ своемъ, обошелся съ нимъ очень ласково и далъ ему даже поцѣловать свою руку, что Чичаговъ и сдѣлалъ, по обычаю того времени, съ преклоненіемъ одного колѣна. Видимо бывшій въ хорошемъ расположеніи духа, Государь имѣя намѣреніе

---

[18] Русская Старина 1883 г., т. II, стр. 497—503. *Примѣчаніе.* Предыдущія и послѣдующія страницы этого очерка, извлечены изъ напечатанныхъ отрывковъ подлинныхъ записокъ адмирала П. В. Чичагова.

назначить новаго контръ-адмирала начальникомъ посылаемой въ Голландію русской эскадры, съ особою благосклонностію отнесся къ нему и приказалъ ему тотчасъ послѣ парада явиться во дворецъ.

Въ то время какъ Чичаговъ ожидалъ послѣ этого у дверей Царскаго кабинета дозволенія войти, въ пріемной залѣ появился графъ Г. Г. Кушелевъ, который узнавъ, что адмиралъ не былъ еще принятъ, поспѣшилъ опередить его и проскользнулъ мимо него, въ покои Государя.

Коварный и недоброжелательный къ Чичагову фаворитъ, какъ видно, рѣшился, во что бы ни стало, погубить человѣка призываемаго, столь неожиданно для него, къ дѣлу по такому важному предмету, которое могло доставить ему случай отличиться и войти въ милость у Государя. Опасаясь, чтобы Павелъ Васильевичъ, извѣстный уже тогда по своему уму и способностямъ, не ослабилъ пріобрѣтеннаго графомъ Кушелевымъ вліянія, этотъ ревнивый къ своему положенію любимецъ придумалъ новый планъ интриги, искусно направленный противъ бывшаго опальнаго, для котораго несомнѣнно представлялся теперь путь къ Царскому благоволенію и возвышенію.

Забѣжавъ въ кабинетъ Императора, графъ Кушелевъ, пользуясь своимъ положеніемъ, успѣлъ внушить Павлу Петровичу, что Чичаговъ вовсе не желаетъ быть посланнымъ съ эскадрою въ Англію; коснувшись при этомъ его женитьбы, злобный любимецъ позволилъ себѣ выставить этотъ бракъ только скрытымъ предлогомъ къ свободному выѣзду изъ Россіи съ цѣлію передаться на сторону Англичанъ. Дѣйствуя съ запальчивостію, недоброжелатель Павла Васильевича не пожалѣлъ словъ, чтобъ только очернить его какъ нибудь въ глазахъ Императора, которому, назвавъ Чичагова даже якобинцемъ, рѣшился замѣтить, что приведенныя имъ самимъ Кушелевымъ опасенія въ измѣнѣ вредно отзовутся на всей нашей флотиліи за границею.

Несмотря на видимое, ни на чемъ не основанное злорѣчіе увлекавшійся иногда въ крайнемъ довѣріи къ своимъ любимцамъ, Павелъ Петровичъ, выслушавъ Кушелева, чрезвычайно разсердился на Чичагова. Въ пылу внѣшняго негодованія, вмѣсто немедленнаго разъясненія коварно брошеннаго обвиненія личнымъ допросомъ оклеветаннаго, стоявшаго тутъ же, по другую сторону дверей кабинета, Императоръ отказался допустить къ себѣ Чичагова и отдалъ Кушелеву приказаніе немедленно уволить его въ от-

ставку и сослать въ деревню. Только этого и желалъ злонамѣренный графъ Кушелевъ.

Между тѣмъ, не подозрѣвая вовсе о разговорѣ происходившемъ за дверьми въ Императорскомъ кабинетѣ, Павелъ Васильевичъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты быть призваннымъ на аудіенцію Монарха; но вмѣсто этого, совершенно неожиданно, онъ былъ потребованъ къ адмиралу графу Кушелеву, котораго онъ засталъ сидящимъ за бумагами.

Составляя приказъ объ отрѣшеніи отъ службы своей жертвы, Кушелевъ передалъ вошедшему Чичагову, что Императоръ, крайне разгнѣванный желаніемъ его оставаться въ Балтійскомъ флотѣ, а потому освобождаетъ контръ-адмирала вообще отъ службы.

«Значитъ я уволенъ въ отставку?» спросилъ озадаченный такими словами Чичаговъ.

«Да» коротко и уклончиво отвѣтилъ Кушелевъ.

«Очень вамъ благодаренъ, такъ какъ это все, чего я только желалъ», возразилъ Павелъ Васильевичъ.

Не успѣлъ еще Кушелевъ взяться за перо для продолженія своего дѣла, какъ его вызвали вновь къ Государю.

Павелъ Васильевичъ стоялъ въ недоумѣніи, ошеломленный слышаннымъ и не понимая причины постигшей его внезапной немилости.

Поспѣшно возвратившійся графъ Кушелевъ сказалъ ему: «Императоръ требуетъ васъ къ себѣ».

Въ сопровожденіи графа Кушелева, вошелъ Чичаговъ въ Императорскій кабинетъ, гдѣ разыгралась для него слѣдующая грустная сцена.

Павелъ Петровичъ стоялъ посреди кабинета, окруженный своими адьютантами. По взору его видно было, что онъ былъ въ сильно гнѣвномъ раздраженіи.

«И такъ сударь, вы недовольны! Вы не хотите мнѣ служить?! Вы желаете лучше служить иностранному принцу?» вскричалъ Павелъ Петровичъ, обращаясь къ вошедшему.

Еще болѣе озадаченный такою встрѣчею, Чичаговъ понялъ тотчасъ откуда направлена эта жестокая, злостная клевета. Но лишь только онъ хотѣлъ обличить неправду и открылъ ротъ для оправданія своего, какъ Императоръ раздраженно затопалъ ногами и еще громче закричалъ:

«Молчать! не смѣйте мнѣ возражать! Я знаю, что вы якобинецъ! Я васъ проучу! Я разрушу всѣ ваши планы! Уволить его «въ отставку и посадить подъ арестъ!» произнесъ онъ обраща-

ясь къ Кушелеву. «Возьмите его шпагу! Снимите съ него ордена!» добавилъ онъ, говоря адъютантамъ.

Самымъ хладнокровнымъ образомъ выслушалъ невинный Чичаговъ гнѣвные возгласы разгоряченнаго Императора; не теряя нисколько самообладанія, онъ молчалъ и не только подчинился исполнителямъ, но даже самъ снималъ съ себя орденскія знаки и передавалъ ихъ суетившимся около него флигель-адъютантамъ.

«Отослать его въ деревню, запретить носить военный мундиръ, или нѣтъ! снять съ него теперь же!»—все болѣе и болѣе раздражаясь, выкрикивалъ скороговоркою Павелъ Петровичъ.

Повинуясь приказанію, услужливые флигель-адъютанты накинулись на несчастнаго Чичагова и съ поспѣшностію стащили съ него всю мундирную одежду. Павелъ Васильевичъ съ стоическимъ спокойствіемъ переносилъ постигшія его терзанія и не теряя присутствія духа, ожидалъ только конечнаго рѣшенія своей участи. Самообладаніе его въ эту минуту было на столько твердо, какъ самъ онъ говоритъ, что соображая о возможности быть подвергнутымъ высшей степени наказанія, т.-е. ссылкѣ въ Сибирь, онъ вспомнилъ о необходимости для него въ деньгахъ; по этому онъ громко и спокойно высказалъ желаніе получить свой бумажникъ, который лежалъ въ карманѣ сорваннаго съ него мундира. Такое горделивое равнодушіе поразило до крайности исполнителей и только одинъ изъ нихъ въ смущеніи рѣшился отвѣтить, что бумажникъ будетъ немедленно ему доставленъ. Необыкновенное хладнокровіе овладѣвшее Чичаговымъ не менѣе раздражило и самого Павла Петровича, который закричалъ наконецъ: «Уведите его!»

Въ это время, залы и коридоры Павловскаго дворца были переполнены, кромѣ придворныхъ, генералами и офицерами, собравшимися туда послѣ вахтъ-парада. Когда распахнулись двери Царскаго Кабинета, то всѣ присутствующіе были поражены необычайнымъ шествіемъ; оттуда выступалъ впереди всѣхъ генералъ-адъютантъ графъ Г. Г. Кушелевъ, а за нимъ шелъ хотя и бодро, но раздѣтый, въ одномъ бѣльѣ и разстроенный П. В. Чичаговъ. Сцена эта тѣмъ болѣе удивила всѣхъ, что лишь за часъ до такого зрѣлища, не обыкновенно льстиво поздравляла его вся масса блестящихъ царедворцевъ, свидѣтелей милостиваго вниманія къ нему Императора во время утренняго военнаго церемоніала [19]. Но

---

[19] Нѣсколько иначе и съ нѣкоторыми болѣе оскорбительными для Чичагова варіантами описано это приключеніе въ «Запискахъ» А. С. Шишкова (т. I, стр. 66)

картина мимолетнаго счастія внезапно измѣнилась и Чичаговъ теперь передъ всѣми только опальнымъ лицемъ, какъ жертва, предшествуемая виновникомъ всего имъ испытываемаго.

Лишь только Кушелевъ съ Чичаговымъ дошли до дворцовой квартиры перваго, ихъ нагналъ флигель-адъютантъ съ собственноручнымъ повелѣніемъ Императора къ исполнителю приговора— «посадить виновника, въ отдѣленіе Государственной тюрьмы».

Наскоро былъ введенъ Чичаговъ, въ томъ же раздѣтомъ видѣ, въ поданную придворную карету и отвезенъ въ столицу, для передачи его С.-Петербургскому генералъ-губернатору графу Петру Алексѣевичу Палену, при слѣдующемъ собственноручномъ же приказѣ Императора:

«Якобинскія правила и противные власти отзывы посы-«лаемаго къ вамъ Чичагова принудили меня приказать заперть «его въ равелинѣ, подъ вашимъ смотрѣніемъ—Павелъ, 21 іюня «1799 года»[20].

Того же 21 іюня 1799 года состоялся по морскому вѣдомству Высочайшій приказъ объ отрѣшеніи отъ службы контръ-адмирала Чичагова, безъ права ношенія мундира[21].

Бывшій всегда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ отцомъ Чичагова, графъ Паленъ встрѣтилъ доставленнаго къ нему взволнованнаго опальнаго очень ласково. Стараясь успокоить и утѣшить возмущеннаго духомъ Павла Васильевича, онъ ободрялъ его словами:

«Что дѣлать мой милый». Мы теперь только это и видимъ; сегодня ваша очередь, а завтра, можетъ быть, надлежитъ и моя. Я увѣренъ, впрочемъ, что Императоръ не замедлитъ отмѣнить свое распоряженіе, а пока отправляйтесь въ крѣпость—я постараюсь облегчить насколько возможно ваше заточеніе».

Но отмѣны приказанія получено не было. Напротивъ, какъ сказано въ запискахъ адмирала, Императоръ Павелъ самъ пріѣзжалъ въ Петропавловскую крѣпость, осмотрѣть помѣщеніе арестанта и, найдя его слишкомъ чистымъ, свѣтлымъ, приказалъ пересадить Чичагова въ казематъ.

Историч. Вѣстникъ 1883 г., т. I, стр. 238—239) и Я. И. де-Санглена (Русская Старина 1882 г., т. IV, стр. 488—490), а также въ письмѣ т. сов. И. В. Страхова къ графу А. Р. Воронцову (Архивъ князя Воронцова, т. XIV, стр. 501).

[20] Русская Старина 1872 г., т. V, стр. 248.

[21] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 816.

По поводу заключенія Павла Васильевича въ крѣпость, графъ Ѳ. В. Ростопчинъ писалъ въ Лондонъ, къ общему ихъ пріятелю, графу С. Р. Воронцову.

«Je Vous donnerai des nouvelles de Votre protégé—Чичаговъ. Il avait fait un esclandre en arrivant, moitié par ignorance de la cour, et moitié par aigreur. Il a dit à l'Empereur des choses un peu fortes et, entre nous, qui ne conviennent pas surtout dans les temps présents»[22].

Заключивъ П. В. Чичагова въ крѣпостной казематъ, Павелъ Петровичъ послалъ въ то же время письмо къ его отцу, Василію Яковлевичу, въ которомъ, жалуясь на упорство сына, выразилъ желаніе, чтобы родитель приказалъ ему служить. «Вашъ сынъ»—заканчивалось это письмо—«сдѣлавшись недостойнымъ Моихъ ми«лостей, долженъ нести кару; что же касается до васъ, то Я вамъ «сохраняю мое расположеніе». Старикъ адмиралъ, съ горестію прочтя строки Государя, переслалъ ихъ къ сыну, надписавъ только подъ ними слѣдующія слова: «забудь, сынъ мой, обиды, нанесенныя твоему отцу и если служба твоя нужна отечеству, то повинуйся волѣ Царя». Подъ отцовскимъ наставленіемъ Павелъ Васильевичъ, сидя въ казематѣ, приписалъ карандашемъ: «сынъ повинуется отцу» и передалъ письмо графу Палену[23].

Внезапная опала угнетающимъ образомъ отозвалась на здоровьѣ несчастнаго Павла Васильевича. Отъ заточенія въ сыромъ и душномъ казематѣ онъ тяжело заболѣлъ нервною горячкою и былъ спасенъ отъ худшихъ послѣдствій, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ, только благодаря заботливымъ попеченіямъ о немъ генералъ-губернатора графа Палена, завѣдывавшаго Тайною Канцеляріею Александра Семеновича Макарова (въ послѣдствіи сенатора) и коменданта крѣпости князя Долгорукаго.

По доведеніи до свѣдѣнія Государя о тяжкой болѣзни заключеннаго, имъ отправлено было изъ Петергофа, куда переселилось Императорское семейство, слѣдующее собственноручное повелѣніе въ Петербургъ. «Господинъ генералъ отъ кавалеріи графъ фонъ-

---

[22] Извлеченіе изъ бумагъ адмирала Чичагова: «Сообщаю вамъ свѣдѣнія о вашемъ любимцѣ. По пріѣздѣ своемъ, Чичаговъ произвелъ скандалъ, отчасти по незнанію придворныхъ обычаевъ, а отчасти и по озлобленію; онъ дозволилъ себѣ говорить Императору нѣсколько смѣло, что, между нами буде сказано, не совсѣмъ удобно и особенно въ настоящее время».

[23] Русская Старина, 1882 г., т. IV, стр. 490 и 1883 г., т. II, стр. 501.

«деръ-Паленъ! Извольте навѣстить господина контръ-адмирала «Чичагова и объявить ему Мою волю, чтобы онъ избралъ себѣ «любое, или служить такъ, какъ долгъ подданическій требуетъ, «безъ всякихъ буйственныхъ сотребованій и идти на посылаемой «къ англійскимъ берегамъ эскадрѣ, или оставаться въ равелинѣ; «и обо всемъ, что отъ него узнаете, донесите Мнѣ. Впрочемъ пре- «бываю къ вамъ благосклоннымъ, Павелъ—іюля 1 дня 1799 г.» [24].

Принявъ съ участіемъ и радостью полученное повелѣніе, ясно выражавшее уже намѣреніе Императора помиловать узника, графъ Паленъ тотчасъ объявилъ содержаніе таковаго Павлу Васильевичу и при этомъ убѣждалъ его такъ:

«Послушайте, еслибы вы предвидѣли случившееся съ вами, то, безъ сомнѣнія, предпочли бы службу настоящему заточенію?» «Очень жаль, что мнѣ не задали этого вопроса раньше», отвѣтилъ Чичаговъ,—«потому что, хотя и желалъ бы я вовсе не служить, но, безъ сомнѣнія, отдалъ бы предпочтеніе первому изъ упоминаемыхъ въ повелѣніи предложеній». «И отлично», замѣтилъ графъ Паленъ,— «я тотчасъ же пошлю донесеніе Государю и будемъ надѣяться, что васъ скоро освободятъ».

Дѣйствительно, несомнѣнно доброжелательный посредникъ не замедлилъ донести Императору, что Чичаговъ вполнѣ раскаивается въ своемъ поступкѣ и еслибы могъ предвидѣть постигшее его несчастіе и гнѣвъ Монарха, то поступилъ бы на службу безъ всякихъ возраженій. Къ этому донесенію благонамѣренный графъ Паленъ приложилъ и вышеприведенное письмо Павла Петровича къ старому адмиралу съ надписями, собственноручно сдѣланными отцомъ и сыномъ Чичаговыми.

Несмотря на малодоступность, или, лучше сказать, замкнутость положенія, въ которое бываютъ обыкновенно поставлены Царственныя лица, приводимыя нерѣдко въ заблужденіе приближенными любимцами, горячій и вспыльчивый Павелъ Петровичъ никогда не былъ чуждъ справедливости и добрыхъ побужденій.

Прочитавъ донесеніе графа Палена и приложеніе къ нему, смягченный Государь замѣтилъ графу Кутайсову, что «*добрый сынъ* «*не можетъ быть дурнымъ подданнымъ*», а потому и рѣшилъ потребовать къ себѣ Чичагова [25].

---

[24] Русская Старина, 1872 г., т. V, стр. 249.

[25] Русская Старина, 1882 г., т. IV, стр. 490; Историческій Вѣстникъ, 1883 г. т. I, стр. 239.

2 Іюля 1799 года, рано утромъ, графъ Паленъ получилъ изъ лѣтней Царской резиденціи собственноручно же писанное повелѣніе: «Освободя контръ-адмирала Чичагова, прикажите ему явиться въ «Петергофъ къ адмиралу графу Кушелеву. Пребываемъ впрочемъ «вамъ благосклонны—Павелъ» [26].

Какъ только было получено это приказаніе, А. С. Макаровъ вошелъ въ казематъ Чичагова для объявленія Царскаго помилованія и снарядилъ его тотчасъ къ выходу.

Зная нетерпѣливый характеръ Императора, слабый, исхудалый и неоправившійся еще отъ болѣзни Павелъ Васильевичъ, не мѣшкая, поскакалъ въ Петергофъ прямо изъ крѣпости.

Согласно полученному приказанію, онъ явился къ своему недругу, графу Кушелеву, который и въ настоящемъ случаѣ, какъ пишетъ Чичаговъ, не пощадилъ его и на этотъ разъ при встрѣчѣ и позволилъ себѣ, со злорадной ироніей, замѣтить, что тюрьма послужила ему въ пользу, находя его потолстѣвшимъ [27]. Привыкшій уже къ дерзостямъ обласканныхъ счастьемъ царедворцевъ, Чичаговъ съ достоинствомъ пропустилъ мимо ушей эту неумѣстную насмѣшку.

Поспѣшно выѣхавшій изъ крѣпости, Павелъ Васильевичъ былъ въ какомъ-то сюртучкѣ, надѣтомъ на него кѣмъ-то изъ гражданскихъ чиновъ. Такъ какъ все это форменное платье оставалось въ Павловскѣ, въ дворцовомъ гардеробномъ шкафу, то приходилось, для представленія Государю, послать немедленно за этимъ курьера.

Чрезъ нѣсколько часовъ, когда все было доставлено, Чичагова, одѣтаго въ прежнюю форму, ввели въ Императорскій Кабинетъ. Совершенно уже покойный, Павелъ Петровичъ принялъ его довольно милостиво, взялъ за руку и прижалъ ее къ сердцу, съ полнымъ, свойственнымъ ему чистосердечіемъ произнесъ: «Позабудемъ все, что происходило—не будемъ больше объ этомъ «думать. А все-таки, я не понимаю, какъ вы могли такъ поступить, въ особенности же съ этимъ?» и Государь указалъ при этомъ на Георгіевскій крестъ, висѣвшій на мундирѣ являвшагося контръ-адмирала.

Чичаговъ былъ очень удивленъ этими словами Императора, который, самъ уничтоживъ этотъ орденъ, не только не цѣнилъ,

---

[26] Русская Старина, 1872 г., т. V, стр. 250.
[27] Записки адмирала П. В. Чичагова—Русс. Старина, 1883 г., т. II, стр. 502

но и не любилъ видѣть его на окружающихъ. Послѣ этого Государь сказалъ: «Знаете ли, на что похожъ вашъ поступокъ. Это «точно, какъ бы я напился пьянымъ и сталъ танцовать въ этомъ «состояніи».

Трудно было Павлу Васильевичу отвѣчать что-либо на такія замѣчанія; приписывая ихъ наговорамъ своего врага, возбудившаго противъ него подозрительнаго Государя, Чичаговъ счелъ болѣе благоразумнымъ промолчать. «Если вы якобинецъ», продолжалъ Павелъ Петровичъ, «то представьте себѣ, что у меня на головѣ «красная шапка, что я главный начальникъ всѣхъ якобинцевъ и «повинуйтесь мнѣ».

«Я знаю, ваше величество», произнесъ растроганный благодушіемъ Государя Чичаговъ,—«и понимаю, что вы носите Императорскую корону, которую нельзя и сравнивать ни съ какою красною шапкою, но которой, по моимъ глубокимъ убѣжденіямъ, слѣдуетъ повиноваться, и я клянусь служить вамъ честно».

«Въ такомъ случаѣ», закончилъ объясненіе Павелъ Петровичъ,—«я вамъ тотчасъ дамъ порученіе; позабудемъ все что было «и останемся друзьями» [28].

Немедленно послѣ этого разговора, того же 2 іюля 1799 г., Императоръ Павелъ подписалъ указъ «о принятіи вновь на службу, «съ прежнимъ старшинствомъ, отставленнаго контръ-адмирала «П. Чичагова» [29].

Высочайшимъ приказомъ по морскому вѣдомству отъ 3 іюля 1799 года контръ-адмиралъ Чичаговъ былъ назначенъ въ отправленію въ такъ названную *секретную эспедицію*, [30] съ возложеніемъ на него командированія, подъ главнымъ начальствомъ англійскаго адмирала Дункена, первымъ отдѣломъ посылаемой эскадры, а на контръ-адмирала Брейера—вторымъ отдѣломъ [31]. Ввѣренный Чичагову отрядъ, состоявшій изъ 6 линейныхъ кораблей, 5 фрегатовъ и 2 транспортныхъ судовъ, долженъ былъ пере-

---

[28] Изложенное описаніе всего этого происшествія извлечено нами изъ «Записокъ» П. В. Чичагова (Русская Старина, 1883 г., т. II, стр. 501—503), А. С. Шишкова (т. I, стр. 66) и изъ Историч. Вѣстника за 1883 г., т. I, стр. 238—239.

[29] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 816.

[30] *Секретная экспедиція* была предпринята Англіею въ 1799 году и имѣла цѣлію, по соединеніи англо-русскаго флота, произвести высадку въ Голландіи подъ предводительствомъ герцога Іоркскаго и дѣйствовать противъ завоевательныхъ плановъ Франціи (Военно-Энциклопедическомъ. т. I, стр. 393).

[31] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 816.

везти въ Голландію дивизію генералъ-маіора Эссена, предназначенную дѣйствовать противъ Французовъ [32].

21 іюня 1799 года Павелъ Васильевичъ отплылъ изъ Кронштадта къ берегамъ Голландіи, имѣя на своей эскадрѣ упомянутый военный отрядъ, который и былъ доставленъ 5 сентября на островъ Тексель. Здѣсь высадилъ онъ войска наши и, согласно полученному разрѣшенію, отправился въ Англію, гдѣ, въ ноябрѣ того же года, вступилъ въ бракъ съ дочерью покойнаго англійскаго адмирала, дѣвицею Елисаветою Проби (Proby).

Предпринятая Россіею кампанія оказалась, какъ извѣстно, весьма неудачною и высланныя въ Голландію войска наши потерпѣли большой уронъ въ дѣлахъ противъ Французовъ. Недовольный этими послѣдствіями, Императоръ Павелъ приписалъ ихъ непредусмотрительности Англійскаго правительства, съ которымъ поэтому и разошелся. Послѣдствіемъ такихъ неудовольствій произошло сначала охлажденіе, а затѣмъ и полный разрывъ дружественныхъ отношеній между кабинетами Петербургскимъ и Лондонскимъ, грозившій войною.

Въ іюнѣ 1800 года, по повелѣнію Императора, Чичаговъ вступилъ опять въ командованіе оставшеюся у береговъ Голландіи эскадрою нашею, состоявшею изъ 3 линейныхъ кораблей, 1 фрегата и 2 транспортныхъ судовъ. Поднявъ флагъ свой на кораблѣ «Ретвизанъ», адмиралъ, возвращаясь въ Россію съ молодою женою своею, вывезъ въ августѣ изъ Голландіи остатки разбитаго русскаго корпуса генерала Эссена [33].

Прибывъ съ флотиліею своею въ Ревель, гдѣ пришлось ожидать дальнѣйшихъ приказаній, Павелъ Васильевичъ нашелъ тамъ письмо своего престарѣлаго отца. Адмиралъ Вас. Яков. соскучившись въ разлукѣ съ сыномъ и узнавъ о его возвращеніи извѣщалъ Павла Васильевича, что онъ больной, почти слѣпой и умирающій ѣдетъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ еще разъ прижать къ сердцу своему милаго сына и познакомиться съ молодою невѣсткою; а потому и умолялъ испросить Высочайшее разрѣшеніе на свиданіе ихъ въ столицѣ.

Чичаговъ немедленно же отправилъ нарочнаго съ письмомъ

---

[32] См. Англо-русская экспедиція въ Голландіи въ 1799 году — Военно-Энциклопедическій Лексиконъ, т. I, стр. 393—398.

[33] Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 20; Русская Старина 1872 года, т. V, стр. 249.

къ адмиралу графу Кушелеву и убѣдительно просилъ исходатайствовать ему кратковременную поѣздку въ Петербургъ.

Но и въ этомъ случаѣ Павлу Васильевичу пришлось съ огорченіемъ испытать новую обиду со стороны своихъ недоброжелателей. Хотя Императоръ и разрѣшилъ ему трехдневную отлучку, но въ ней надобности уже не представлялось, потому что до полученія отвѣта пришло другое письмо Василія Яковлевича, съ горестію сообщавшаго сыну о жестокомъ поступкѣ съ нимъ. Оказалось, что не успѣлъ старикъ, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, разложить еще своего чемодана, какъ къ нему явился полицейскій чиновникъ и потребовалъ, чтобы онъ, въ силу Высочайшаго повелѣнія, тотчасъ же выѣхалъ опять изъ столицы. Причины тому объяснено не было. Дѣлать было нечего и надо было покориться заявленному требованію. Василій Яковлевичъ, надѣясь все-таки на свиданіе съ сыномъ, хотѣлъ было временно остановиться въ имѣніи своего стараго друга, вблизи отъ Петербурга; но и этотъ старый пріятель, узнавъ о высылкѣ Чичагова изъ столицы и убоясь такого посѣщенія опальнаго, поспѣшилъ уѣхать оттуда со всею семьею своею, чтобъ только адмиралъ не засталъ его дома. Бѣдный старикъ вернулся въ Малороссію, разбитый физически и огорченный нравственно [34].

Вскорѣ послѣ этого, эскадра Чичагова перешла на зимнюю стоянку въ Кронштадтъ, гдѣ уже начинались тогда нѣкоторыя приготовленія къ кампаніи 1801 года.

Въ ожиданіи войны съ Англіею Императоръ Павелъ велѣлъ приступить къ оборонительнымъ работамъ въ Кронштадтскихъ укрѣпленіяхъ и 10 августа 1800 г. поручилъ контръ-адмиралу Чичагову завѣдывать вооруженіемъ судовъ, подъ главнымъ начальствомъ адмирала Ханыкова [35]. Но, ссылаясь на болѣзнь жены своей и на собственное нездоровье, Павлу Васильевичу удалось уклониться отъ этого порученія и Высочайшимъ приказомъ отъ 15 августа 1800 году было дано ему разрѣшеніе воспользоваться нѣсколько мѣсячнымъ отпускомъ [36].

Приведемъ здѣсь новый эпизодъ, почерпнутый изъ записокъ П. В. Чичагова, которому неожиданно пришлось тогда появиться еще разъ въ Императорскомъ Кабинетѣ Павла Петровича.

---

[34] Русская Старина, 1883 г., т. II, стр. 503—504.
[35] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 841.
[36] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 844.

Въ концѣ 1800 года Павелъ Васильевичъ, живя въ Кронштадтѣ, былъ неожиданно приглашенъ къ начальнику порта, адмиралу Ханыкову, который передалъ ему полученное приказаніе Императора—«немедленно препроводить контръ-адмирала Чичагова въ С.-Петербургъ».

Привыкшій уже ко всякимъ превратностямъ судьбы, Павелъ Васильевичъ спокойно усѣлся въ сани и въ сопровожденіи двухъ фельдъ-егерей покатилъ въ столицу.

Представившись, какъ обыкновенно, адмиралу графу Кушелеву, Чичаговъ былъ введенъ имъ въ кабинетъ Императора. Павелъ Петровичъ принялъ его очень ласково, сообщилъ о предстоящей войнѣ съ Англіею и о вѣроятной осадѣ Кронштадта, причемъ выразилъ намѣреніе свое ввѣрить ему защиту этого пункта.

Если непріятель, замѣтилъ Государь—вздумаетъ брать Кронштадтъ съ задней стороны, то я выставлю тамъ противъ него эскадру Баратынскаго [37].

Милостиво обходясь съ Чичаговымъ, Павелъ Петровичъ указалъ ему мѣсто около себя и усѣвшись къ маленькому столу, продолжалъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

«Англичане хотятъ мнѣ объявить войну», озабоченно произнесъ Государь—«и эту войну будетъ руководить ихъ министръ «Питтъ. Но вы, не правда ли, знаете, что этотъ Питтъ пьяница?»

«Я не думаю, Ваше Величество, чтобъ онъ слылъ за таковаго, по крайней мѣрѣ въ Англіи, рѣшился возразить Чичаговъ—но я слышалъ, что онъ выпиваетъ за обѣдомъ бутылку портвейна».

«Ну вотъ видите ли», сказалъ Императоръ—«онъ пьетъ бутылку портвейна, а я пью маленькую рюмку малаги, только «вслѣдствіе режима, и потому что того требуетъ мой желудокъ. «И этотъ человѣкъ хочетъ воевать со мною».

Послѣ нѣкоторыхъ новыхъ замѣчаній на счетъ предстоявшей войны, Павелъ Петровичъ отпустилъ адмирала, приказавъ ему быть на другой день опять во дворцѣ.

Явясь на слѣдующее утро, въ назначенный часъ, Павелъ Васильевичъ нашелъ въ кабинетѣ Императора—графа Палена, адмирала графа Кушелева, флигель-адъютанта графа Ливена и генерала, которому предполагалось ввѣрить защиту береговъ Финскихъ и самой столицы отъ покушеній непріятельскихъ.

---

[37] Какъ въ то время считали съ тылу Кронштадтской крѣпости, по мелководію, не могло пройти ни одно военное судно.

Императоръ возобновилъ разговоръ о готовившейся войнѣ и началъ объяснять собравшимся свой планъ кампаніи. Не вполнѣ усвоивая развиваемыя мысли, или не раздѣляя ихъ всѣ присутствующіе молчали; одинъ лишь графъ Паленъ все время поддакивалъ Государю, повторяя: «Sehr militärisch, Ihre Majestät» (т.-е. весьма воинственно, превосходно Ваше Величество). «А вы адмиралъ», сказалъ Императоръ обращаясь къ Чичагову—«вы будете имѣть «суда для защиты прохода между Кронштадтомъ и Кроншлотомъ. «Затѣмъ я приказалъ выстроить батареи для охраны рейда; у васъ «будетъ канонирская шлюпка, которую вы поставите на пути «хода непріятельскаго; я же, съ Кушелевымъ, останемся въ это «время на берегу, гдѣ будетъ расположенъ гусарскій кордонъ, «чтобы васъ поддерживать».

Павелъ Васильевичъ, на глазахъ котораго въ Кронштадтѣ, остававшемся неукрѣпленнымъ происходили пока только однѣ приготовленія; будучи свидѣтелемъ всѣхъ неурядицъ и отсутствія, считавшихся Императоромъ уже готовыми, морскихъ батарей, требовавшихъ продолжительной, усиленной работы, онъ рѣшался было—какъ самъ пишетъ, открыть Государю глаза о неудовлетворительномъ положеніи оборонительныхъ укрѣпленій Кронштадтскаго порта. «Что же вы скажете на все это адмиралъ», вопросительно обратился Павелъ Петровичъ къ Чичагову—«я позволяю «вамъ говорить съ полною откровенностію».

Чичаговъ готовился уже отвѣчать, но въ это время Павелъ Петровичъ вышелъ на нѣкоторое время изъ кабинета и просилъ всѣхъ дождаться своего возвращенія.

Воспользовавшись неожиданнымъ перерывомъ, графъ Паленъ подбѣжалъ къ Павлу Васильевичу и тихо сказалъ ему:

«Ради Бога, мой милый адмиралъ, образумтесь! я вижу ваше намѣреніе говорить правду; но помните, что здѣсь можно только сказать: «да» или «очень хорошо»; иначе вы рискуете навлечь на себя новыя неудовольствія, а для дѣла пользы не принесете».

Такимъ образомъ, графъ Паленъ вторично спасъ Чичагова какъ удостовѣряетъ самъ послѣдній, отъ несомнѣнной бѣды, которая могла быть вызвана лишь желаніемъ *говорить правду*. Виновникъ всѣхъ этихъ безпорядковъ, и злоупотребленій—графъ Г. Г. Кушелевъ успѣлъ еще до этого собранія увѣрить Императора, что работы по укрѣпленію порта совершенно окончены и находятся въ блестящемъ видѣ; поэтому онъ никакъ не простилъ бы адмиралу, разоблаченія лжи.

Павелъ Васильевичъ послушался даннаго ему совѣта и сдержалъ на этотъ разъ свой патріотическій порывъ, зная по опыту, что кромѣ вреда самому себѣ онъ не могъ ожидать никакихъ полезныхъ для дѣла результатовъ.

По возвращеніи въ кабинетъ Императора, Чичаговъ уклончиво замѣтилъ, что ничего не имѣетъ сказать противъ изложеннаго плана и полагаетъ, что если англичане войдутъ въ заливъ, то изъ него уже никакъ не выйдутъ. Такой отвѣтъ чрезвычайно понравился Павлу Петровичу, высказавшему, между прочимъ, по уходѣ Чичагова, что *«онъ замѣтно исправился и что тюрьма видимо принесла ему несомнѣнную пользу»* [38].

Въ описываемое время, политическія дѣла наши принимали воинственный оборотъ и въ наступившемъ 1801 году, англійскій флотъ, подъ командою адмирала Нельсона, стоялъ уже въ Балтійскихъ водахъ. Но внезапная кончина Императора Павла I, послѣдовавшая въ ночь съ 11-го на 12-е марта 1801 года, моментально измѣнила весь планъ правительственной системы.

Въ первый же день своего воцаренія Императоръ Александръ I, милостиво относившійся всегда къ П. В. Чичагову, пожелалъ приблизить къ себѣ еще болѣе этого умнаго, дѣльнаго, трудолюбиваго и честнаго человѣка. Высочайшимъ указомъ 12 марта 1801 года контръ-адмиралъ П. Чичаговъ удостоился зачисленія въ свиту Его Императорскаго Величества [39].

Въ тотъ же день Государь поручилъ ему неотложно войти въ ближайшіе переговоры съ адмираломъ Нельсономъ, относительно немедленнаго прекращенія непріязненныхъ дѣйствій. Дипломатическая миссія Чичагова увѣнчалась вполнѣ успѣшнымъ результатомъ, война съ Англіею была окончательно предотвращена.

Находясь съ тѣхъ поръ при особѣ Императора Александра Павловича, умный и образованный адмиралъ П. В. Чичаговъ, пользуясь Монаршимъ довѣріемъ, сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ его совѣтниковъ и сотрудниковъ, преимущественно по части своихъ спеціальныхъ знаній, т.-е. практическаго знакомства съ морскимъ дѣломъ и администраціею этого вѣдомства. Правдивый, смѣлый и предпріимчивый адмиралъ не стѣснялся говорить юному Государю правду о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ всѣхъ нашихъ административныхъ учрежденій, бывшихъ и прежде предметомъ лич-

---

[38] Русская Старина, 1883 г., т. II, стр. 504—506.

[39] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 865.

ныхъ порицаній самого Александра Павловича, въ бытность его Цесаревичемъ.

Оцѣнивая обширныя дарованія, свѣтлый, практическій умъ, выдающееся образованіе, честность и знаніе государственныхъ нуждъ, чѣмъ безспорно обладалъ П. В. Чичаговъ, Императоръ Александръ Павловичъ дорожилъ имъ, относясь всегда съ большимъ вниманіемъ къ совѣтамъ и указаніямъ его. Мягкій и добрый Государь вполнѣ снисходительно относился даже при этомъ и къ слабостямъ своего самолюбиваго моряка, который, при самостоятельномъ характерѣ, бывалъ иногда нѣсколько рѣзкимъ, упорнымъ и настойчивымъ.

Современники свидѣтельствуютъ, что щепетильный, горячій и крайне самолюбивый Павелъ Васильевичъ былъ дѣйствительно чрезвычайно рѣзокъ, несдержанъ, былъ неопытнымъ и неискуснымъ придворнымъ, забывавшимъ подчасъ, что онъ имѣетъ дѣло съ царственнымъ лицомъ [40].

15 сентября 1801 года, въ день священнаго коронованія Императора Александра I, Чичаговъ былъ пожалованъ алмазными знаками къ ордену Св. Анны 1-й степени, въ доказательство, какъ сказано было въ рескриптѣ, особливаго вниманія къ усердной его службѣ.

Въ званіи свитскаго адмирала, Павелъ Васильевичъ, никогда не уклонявшійся отъ дѣла, бывалъ постоянно занятъ различными порученіями, возлагавшимися на него Императоромъ по флоту и вообще по морскому вѣдомству.

Высочайшимъ указомъ 24 августа 1802 года онъ былъ опредѣленъ членомъ комитета, учрежденнаго подъ предсѣдательствомъ управлявшаго нашею иностранною политикою, министра графа А. Р. Воронцова, «для постановленія русскихъ морскихъ силъ на основаніяхъ, соотвѣтствующихъ тогдашнему состоянію первенствующихъ въ Европѣ флотовъ». При этомъ Чичагову было поручено состоять непосредственнымъ докладчикомъ у Государя по дѣламъ этого комитета [41].

---

[40] Таковымъ выставляетъ П. В. Чичагова, между прочимъ и адмиралъ А. С. Шишковъ, упоминая о немъ въ своихъ «Запискахъ» (т. I, стр. 111—112).

[41] Полное Собраніе Законовъ, 1802 г., авг. 24 (20383); Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 895; Русская Старина 1872 г. V, стр. 39. *Примѣчаніе.* Настоящій комитетъ былъ упраздненъ Высочайшимъ указомъ 5 апрѣля 1805 года, № 21703 Полн. Собр. Законовъ.

13 октября 1802 года онъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ во вновь учрежденной по флоту особой канцеляріи, цѣлію которой заключалось правильное устройство морской администраціи и улучшеніе быта флотскихъ чиновъ [42].

Одновременно съ этимъ, Высочайше повелѣно было, подъ руководствомъ П. В. Чичагова, командировать разныхъ лицъ для осмотра всѣхъ судовъ, какъ въ Кронштадтѣ, такъ и въ Ревелѣ, чтобы опредѣлить дѣйствительное состояніе нашего Балтійскаго флота.

Съ учрежденіемъ 8 сентября 1802 г. министерствъ, министромъ морскихъ силъ былъ избранъ адмиралъ Н. С. Мордвиновъ. Но несмотря на это, Чичаговъ, какъ ближайшій дѣятель по вышеупомянутымъ комитету и особой флотской канцеляріи, сохранилъ преимущественное право докладывать Государю дѣла касающіяся морскаго вѣдомства; онъ имѣлъ, такимъ образомъ, возможность руководить направленіемъ новаго учрежденія и поэтому въ Полномъ Собраніи Законовъ встрѣчаемъ объявленныя лично имъ Высочайшія повелѣнія:

а) отъ 15 ноября 1802 г., о новыхъ мѣрахъ къ улучшенію мундирныхъ матеріаловъ по флоту (№ 20513) и

б) отъ 17 ноября 1802 г., о порядкѣ распредѣленія людей по различнымъ казеннымъ работамъ вѣдомства адмиралтействъ-коллегіи (№ 20515).

Вообще, было ясно видно, что Императоръ готовилъ его уже тогда занять болѣе видное оффиціальное положеніе въ вѣдомствѣ, что вскорѣ и случилось.

Произведенный 13 ноября 1802 года въ вице-адмиралы [43], П. В. Чичаговъ былъ назначенъ 31 декабря того же года товарищемъ министра морскихъ силъ [44].

Съ этого времени фактическое завѣдываніе морскимъ министерствомъ можно считать вполнѣ перешедшимъ въ дѣятельныя и энергичныя руки Павла Васильевича, какъ по самостоятельности его права, такъ отчасти и потому, что Н. С. Мордвиновъ, не раздѣлявшій во многомъ новаго направленія, своими рѣзкими и несдержанными сужденіями при докладахъ, не всегда умѣлъ угождать молодому Государю, видимо увлекшемуся, подъ вліяніемъ

---

[42] № 20456 Полн. Собр. Законовъ.

[43] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 895—896.

[44] Высочайшіе указы Сен. Архива, кн. 254, л. 205.

своего «*тріумвирата*» [45], идеею всеобщаго преобразованія по образцу иноземныхъ правительствъ [46].

Должно упомянуть, что и П. В. Чичаговъ, какъ истый русскій человѣкъ, во многомъ расходился въ идеяхъ съ вліятельнымъ «тріумвиратомъ», но въ борьбѣ съ этимъ кружкомъ, преобладающій умъ его и знаніе дѣла удерживали за нимъ всегда сильное вліяніе и успѣхъ въ его защитѣ мало извѣстныхъ другихъ техническихъ вопросовъ вѣдомства.

По Высочайшему повелѣнію, Чичаговъ былъ командированъ въ маѣ 1803 года для осмотра на мѣстѣ Петрозаводскихъ литейныхъ заводовъ и это порученіе выполнено имъ съ крайнимъ тщаніемъ [47].

По должности же своей, фактическаго начальника, Павелъ Васильевичъ энергически занялся приведеніемъ въ порядокъ флота и составленіе проекта полнаго преобразованія вѣдомства, сообразно существеннымъ потребностямъ, хорошо изученнымъ имъ на практикѣ [48]. Стараніями его, судя по оффиціальнымъ документамъ, было организовано и установлено на законной почвѣ возродившееся министерство морскихъ силъ, для котораго разработаны имъ возможно опредѣлительныя инструкціи по каждому отдѣлу администраціи.

Продолжая пользоваться полнымъ довѣріемъ и добрыми отношеніями Монарха, самостоятельное положеніе Чичагова все болѣе упрочивалось, несмотря на то, что номинальное главенство надъ министерствомъ все-таки оставалось за Н. С. Мордвиновымъ, который, впрочемъ, и самъ уже добровольно сталъ уклоняться какъ отъ борьбы за дѣйствительное первенство свое, такъ и слѣдовательно отъ отвѣтственности по должности.

Энергически искореняя злоупотребленія, вкравшіяся вообще во всѣ учрежденія Имперіи въ теченіе послѣдней четверти XVIII столѣтія, Павелъ Васильевичъ настоятельно потребовалъ отъ своихъ подчиненныхъ какъ поспѣшности исполненія всѣхъ правительственныхъ распоряженій, такъ и строгаго отправленія каждымъ изъ нихъ своихъ служебныхъ обязанностей. Подобными настоя-

---

[45] «*Тріумвиратъ*», какъ извѣстно, составляли: князь А. А. Чарторыскій, Н. Н. Новосильцовъ (въ послѣдствіи графъ) и графъ П. А. Строгановъ.

[46] Русская Старина, 1872 г., т. V, стр. 38—39.

[47] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 918.

[48] Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 144.

ніями, проводимыми съ твердостію и даже нѣсколько круто, онъ естественно нажилъ себѣ еще болѣе враговъ на всѣхъ ступеняхъ администраціи [49].

Высочайшимъ указомъ 8 октября 1803 года вице-адмиралу Чичагову повелѣно было состоять членомъ временной коммиссіи, учрежденной для соображенія положенія военныхъ корпусовъ сравнительно съ гражданскими гимназіями по части учебной. На эту коммиссію возложена была разработка особаго плана устройства военныхъ корпусовъ въ губерніяхъ и высшихъ спеціальныхъ заведеній, изъ которыхъ воспитанники, по окончаніи курсовъ, могли бы поступать въ университеты; этой же коммиссіи велѣно было обсудить вопросъ о порядкѣ подчиненія всѣхъ корпусовъ особымъ военнымъ директорамъ, подъ высшимъ вѣдѣніемъ главнаго директора всѣхъ губернскихъ и спеціальныхъ военныхъ заведеній [50].

Въ ноябрѣ 1803 года Чичаговъ представилъ Императору доклады комитета по реорганизаціи флота, съ обработанными имъ самимъ положеніями касательно размѣра и состава отечественнаго флота, по улучшенію кораблестроенія и порядка содержанія портовъ. Конфирмуя 14 ноября 1803 года эти положенія комитета, Императоръ Александръ выразилъ свое удовольствіе адмиралу пожалованіемъ ему ордена Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Алексадра Невскаго, въ награду за дѣятельное участіе въ составленіи такихъ обширныхъ работъ [51].

Высочайшимъ указомъ *1 января 1805 года* повелѣно было товарищу министра морскихъ силъ вице-адмиралу П. Чичагову присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ [52].

29 января 1805 г. онъ былъ назначенъ, по званію сенатора, къ засѣданію въ I-мъ департаментѣ Сената [53].

Во вниманіе къ недостаточнымъ, по общественному положенію, матеріальнымъ средствамъ Чичагова, 1 февраля 1805 года Императоръ пожаловалъ ему, въ пожизненное владѣніе, Виленской

---

[49] Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 89—90.

[50] Полное Собраніе Законовъ, № 20975.

[51] Полное Собраніе Законовъ №№ 21038 и 21039; Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 98—101.

[52] Высоч. указы Архивовъ Сенатскаго (кн. 276, л. 2) и Государственнаго Совѣта; Архивъ князя Воронцова, т. III, стр. 295.

[53] Высоч. указы Сенат. Архива, кн. 276, л. 399.

губерніи, цивунство Виленское и староство Оранское, по смерти тогдашнихъ пожизненныхъ владѣльцевъ таковыхъ имѣній; при этомъ Высочайше было повелѣно выдавать ему до дѣйствительнаго вступленія имъ во владѣніе тѣми помѣстьями по 10 тыс. руб. сер. въ годъ изъ Государственнаго Казначейства [54].

Какъ упомянуто уже выше, Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, въ бытность свою товарищемъ министра морскихъ силъ, былъ фактическимъ руководителемъ морской части въ Имперіи, и въ документахъ этого вѣдомства мы встрѣчаемъ исключительно только имя Чичагова сопричастнымъ всѣмъ главнымъ и основнымъ распоряженіямъ по министерству морскому. Тамъ же находимъ и полное подтвержденіе того, что номинально носившій только званіе министра Н. С. Мордвиновъ весьма мало принималъ участія не только во всѣхъ преобразованіяхъ по вѣдомству, но даже нообщимъ административнымъ распоряженіямъ, или текущимъ дѣламъ, подносившимся Императору преимущественно его товарищемъ.

По извлеченіи нами свѣдѣній изъ оффиціальныхъ источниковъ морскаго министерства, печатно оглашенныхъ [55], а также и изъ Полнаго Собранія Законовъ, считаемъ не лишнимъ указать на слѣдующія, достойныя вниманія распоряженія, которыя были сдѣланы по докладамъ или представленіямъ товарища министра вице-адмирала П. В. Чичагова:

1. 4 марта 1803 года—объ учрежденіи инспекторской экспедиціи по флоту и введеніи новаго устава и штатовъ для училища корабельной архитектуры (Арх. Морск. Мин., стр. 905).

2. 11 марта 1803 г.—опредѣлены контрактныя условія съ подрядчиками по постройкѣ судовъ разной величины (стр. 901).

3. 20 марта 1803 г.—о приведеніи въ исправное состояніе Балтійскихъ флотовъ (стр. 902).

4. 24 марта 1803 г.—введены во флотѣ новоизобрѣтенныя машины для задѣлки раковинъ въ орудіяхъ (стр. 903).

5. 29 апрѣля 1803 г.—о преобразованіи морскихъ баталіоновъ въ полки (стр. 915).

6. 30 апрѣля 1803 г.—о порядкѣ подготовленія судовъ и устройствѣ береговыхъ укрѣпленій (стр. 902).

7. 21 іюля 1803 г.—объ учрежденіи депо картъ при Черноморскомъ флотѣ (№ 20859 П. С. З.).

---

[55] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, изд. 1882—сокращенно А. М. М

[54] Тамъ же, кн. 277, л. 2.

8. 25 августа 1803 г.—о порядкѣ вооруженія судовъ Черноморскаго флота для крейсированія (А. М. М., стр. 922).

9. 16 сентября 1803 г.—о разныхъ исправленіяхъ по Архангельскому порту, о постройкѣ тамъ судовъ и возведеніи разныхъ портовыхъ зданій (стр. 922).

10. 1 октября 1803 г.—объ усиленіи средствъ и новомъ штатѣ для морской типографіи (стр. 923).

11. 11 ноября 1803 г.—о построеніи при С.-Петербургскомъ адмиралтействѣ лодокъ для гребнаго флота (стр. 922).

12. 18 ноября 1803—объ отливкѣ на Олонецкихъ заводахъ орудій для флота по новой удобнѣйшей системѣ (стр. 922 и П. С. З., № 21047).

13. 2 декабря 1803 г.—о назначеніи морскому департаменту, сверхъ ежегодныхъ суммъ, особаго запаснаго капитала (№ 21064 П. С. З.).

14. 11 января 1804 г.—о назначеніи инвалиднаго содержанія флотскимъ чинамъ (А. М. М., стр. 932).

15. 23 января 1804 г. — о покупкѣ въ Херсонѣ у частныхъ лицъ судовъ для пополненія Черноморскаго флота (стр. 931).

16. 11 февраля 1804 г.—о расчисткѣ гаваней въ Кронштадтѣ (стр. 931).

17. 26 февраля 1804 г.—о новомъ образованіи штурманскаго училища (стр. 937).

18. 9 марта и 1 іюля 1804 г.—о производствѣ разныхъ построекъ въ Архангельскомъ портѣ (стр. 931 и 940).

19. 18 марта 1804 г.—объ учрежденіи особой коммиссіи для производства экзаменовъ гардемаринамъ, выпускаемымъ изъ морскаго кадетскаго корпуса (стр. 937).

20. 30 марта и 28 апрѣля 1804 г.—о порядкѣ повышенія въ чинахъ офицеровъ морскихъ полковъ (стр. 935 и 936).

21. 31 марта 1804 г.—о введеніи правилъ для пробы и пріема орудій отливаемыхъ для флота (стр. 932).

22. 1 апрѣля 1804 г.—о постройкѣ при адмиралтействѣ лоцбота, плавучаго маяка и особой яхты (стр. 931).

23. 13 апрѣля 1804 г.—о разныхъ преобразованіяхъ по морской артиллеріи (стр. 932).

24. 25 апрѣля 1804 г.—о командированіи въ Иркутскъ шкиперовъ, унтеръ-офицеровъ и писарей для заготовленія судовыхъ припасовъ для Охотскаго порта (стр. 944).

25. 4 мая 1804 г.—о мѣрахъ къ улучшенію кораблестроительной части (стр. 940).

26. 4 мая 1804 г.—о приведеніи въ лучшее устройство музыкальной части во флотѣ (стр. 941).

27. 6 мая 1804 г.—о назначеніи въ плаваніе судовъ для практическихъ упражненій команды (стр. 940).

28. 25 мая 1804 г.—о раздѣленіи флота на отдѣлы и установленіи особыхъ знаковъ (флаговъ и вымпеловъ) для различенія каждой части (стр. 940).

29. 25 мая 1804—о сокращеніи письмоводства на судахъ (стр. 941).

30. 1 іюня 1804 г.—о постройкѣ въ Архангельскомъ портѣ складочныхъ магазиновъ, мастерскихъ и кузницъ (стр. 940).

31. 29 іюня 1804 г.—объ учрежденіи особаго заведенія при адмиралтействѣ для изготовленія мореходныхъ физическихъ и математическихъ инструментовъ (стр. 941).

32. 1 іюля 1804 г.—о порядкѣ обмундированія флотскихъ командъ (стр. 941).

33. 14 сентября 1804 г.—о ежегодной заготовкѣ корабельныхъ лѣсовъ и опредѣленіе условій при покупкѣ таковыхъ у частныхъ лицъ (стр. 948 и 949).

34. 28 сентября 1804 г.—объ измѣненіи порядка баллотированія флотскихъ чиновъ для повышенія (стр. 950).

35. 4 ноября 1804 г.—о порядкѣ поставки провіанта и разной провизіи для Черноморскаго флота (стр. 949).

36. 7 ноября 1804 г.—о построеніи судовъ для Каспійской флотиліи (стр. 948).

37. 9 ноября 1804 г.—о перестройкѣ зданій адмиралтейскаго вѣдомства въ Иркутскѣ (стр. 948).

38. 15 февраля 1805 г.—объ улучшеніи содержанія флотскихъ шкиперовъ, экономическихъ и канцелярскихъ служителей и о подготовленіи молодыхъ людей къ занятію должностей шкиперовъ, коммиссаровъ и клерковъ (№ 21623 П. С. З.).

39. 8 марта 1805 г.—о преобразованіи штурманской части въ Черноморскомъ флотѣ (№ 21653 П. С. З.).

40. 15 марта 1805 г.—о введеніи новаго положенія для кораблестроенія, съ принадлежащими къ оному мастерствами по Черноморскому флоту (№ 21663 П. С. З.).

41. 23 марта 1805 г.—объ учрежденіи при Черноморскомъ

флотѣ особаго заведенія для изготовленія мореходныхъ физическихъ и математическихъ инструментовъ (№ 21677 П. С. З.).

42. 4 апрѣля 1805 г.—о преобразованіи морскаго департамента со введеніемъ новыхъ штатовъ для адмиралтействъ-коллегіи съ ея экспедиціями и адмиралтейскаго департамента (№ 21699 П. С. З. и А. М. М., т. III, стр. 797).

43. 14 іюня 1805 г.—о сформированіи особаго Каспійскаго морскаго баталіона со введеніемъ новыхъ штатовъ и табелей (№ 21794 П. С. З.).

44. 21 іюня 1805 г.— объ обмундированіи команды, состоящей въ Кронштадтѣ при каналѣ Петра Великаго (№ 21805 П. С. З.).

Означеннымъ перечисленіемъ далеко не исчерпано приведеніе въ извѣстность всего того, что было сдѣлано П. В. Чичаговымъ для морскаго вѣдомства въ бытность его товарищемъ министра. Изъ напечатанныхъ оффиціальныхъ документовъ мы привели только то, что намъ казалось болѣе важнымъ въ административной части флота. Огромное число сохранившихся въ Морскомъ министерствѣ докладовъ, докладныхъ записокъ, мемуаровъ, набросанныхъ Чичаговымъ проектовъ, соображеній, мнѣній и разнаго рода начинаній, готовившихся подъ его личнымъ руководствомъ, несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ былъ живою, разумною и дѣятельною душою всего вѣдомства. Хотя нѣкоторые изъ современниковъ и закидывали его укорами въ тяжеломъ, часто непріятномъ проявленіи самолюбиваго, гордаго, настойчиваго и рѣзкаго нрава, но тѣмъ не менѣе, отдавая ему полную справедливость на трудовомъ пути, никто изъ нихъ не отнималъ у него свѣтлаго ума, замѣчательнаго труженичества и наименованія безукоризненно честнаго, безкорыстнаго государственнаго мужа.

По увольненіи, 22 іюля 1805 года, отъ службы адмирала Н. С. Мордвинова, вице-адмиралъ Чичаговъ, сохраняя свое званіе товарища министра, по повелѣнію Императора, управлялъ морскимъ министерствомъ вполнѣ уже самостоятельно.

Въ томъ же 1805 году Чичаговъ, по желанію Государя, принималъ участіе (обще съ министрами торговли, внутреннихъ дѣлъ, военнымъ, юстиціи и военнымъ губернаторомъ С.-Петербурга) въ занятіяхъ особаго комитета для изысканія причинъ чрезмѣрнаго возвышенія цѣнъ на главныя физическія потребности въ сѣверной столицѣ. [56] По этому комитету Павелъ Васильевичъ внесъ въ 1809

[56] Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 141.

году особое мнѣніе, съ подробнымъ указаніемъ мѣръ, необходимыхъ въ будущемъ для правильнаго снабженія С.-Петербурга насущнымъ продовольствіемъ.[57]

22 іюля 1807 года вице-адмиралъ П. Чичаговъ былъ произведенъ въ полные адмиралы и утвержденъ въ званіи министра морскихъ силъ.

Съ обнародованіемъ 24 октября 1807 года деклараціи о разрывѣ дружественныхъ отношеній съ Англіею,[58] Императоръ Александръ Павловичъ ввѣрилъ адмиралу Чичагову защиту всѣхъ береговъ Имперіи, начиная отъ Архангельска до Крыма, и подчинилъ ему непосредственно болѣе 50 тысячъ сухопутнаго войска.[59]

Въ историческихъ нашихъ матеріалахъ за тогдашнее время сохранилось слѣдующее указаніе о положеніи Павла Васильевича въ средѣ приближенныхъ къ Александру Павловичу лицъ.

30 октября 1807 года графъ П. В. Завадовскій сообщалъ изъ Петербурга въ Лондонъ графу С. Р. Воронцову:

— «Князь Чарторыйскій, Строгановъ и Новосильцевъ[60] *не по прежнему*; графу Н. П. Румянцову и Чичагову вѣтеръ дуетъ въ паруса».[61]

4 апрѣля 1809 года скончался въ своемъ Минскомъ имѣніи глубоко-любимый Павломъ Васильевичемъ и уважаемый всѣми отецъ его, престарѣлый адмиралъ В. Я. Чичаговъ, тѣло котораго огорченный сынъ перевезъ въ Петербургъ и схоронилъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.[62]

Эта утрата сильно подѣйствовала на здоровье и душевное состояніе крайне нервнаго, впечатлительнаго Павла Васильевича и онъ сталъ просить у Государя временнаго отдыха отъ дѣлъ; ему тѣмъ болѣе необходимо было уѣхать изъ Петербурга, такъ какъ его жена, постоянно хворавшая, имѣла настоятельную надобность въ тщательномъ лѣченіи при лучшихъ климатическихъ условіяхъ.

Снисходя къ таковымъ причинамъ, Императоръ Александръ

---

[57] Тамъ же, т. XIX, стр. 325—336.

[58] № 22653 Полн. Собр. Законовъ.

[59] Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 207. *Примѣчаніе.* Слѣды распоряженій П. В. Чичагова по этому предмету встрѣчаемъ въ письмѣ его къ графу А. А. Аракчееву отъ 5 іюня 1808 г. (см. Н. Ѳ. Дубровина изданіе—Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I, 1883, стр. 8).

[60] Такъ называемый «*тріумвиратъ*» Императора Александра I

[61] Архивъ князя Воронцова, т. XII, стр. 310.

[62] Петербурскій Некрополь, В. Саитова, изд. 1883 г., стр. 146.

Павловичъ отпустилъ, 18 августа 1809 года, адмирала Чичагова въ заграничный отпускъ для поправленія здоровья, а управленіе морскимъ министерствомъ ввѣрилъ до его возвращенія адмиралу маркизу Ивану Ивановичу де-Траверсе.[63]

Павелъ Васильевичъ прожилъ до 1811 года сначала въ Парижѣ, а потомъ въ Англіи, куда переѣхалъ преимущественно для разболѣвшейся жены своей, здоровью которой грозила рѣшительная опасность. Проводя долгіе часы у изголовья больной, положеніе которой быстро ухудшалось, адмиралу нашему пришлось перенести новое горе: 24 іюля 1811 года Елизавета Чичагова скончалась на рукахъ обожавшаго ее мужа.

Потеря жены окончательно потрясла всю нервную натуру Павла Васильевича, съ дѣтскимъ отчаяніемъ впавшаго въ глубокую скорбь, губительно дѣйствовавшую на его душевное и физическое состояніе. Женившись по любви съ пылкостію юноши и привязавшись къ женѣ всѣмъ существомъ своимъ, Павелъ Васильевичъ, при всей твердости своего характера, встрѣтилъ смерть ея полнымъ отчаяніемъ, совершеннымъ упадкомъ духа, что̀ грозило даже его собственному здоровью. Онъ не захотѣлъ оставить тѣло любимаго имъ существа далеко отъ себя и родины своей, а потому перевезъ его въ Петербургъ и здѣсь похоронилъ на Смоленскомъ иновѣрческомъ кладбищѣ. Надъ могилою ея Павелъ Васильевичъ поставилъ большую часовню съ разными украшеніями, англійскими надписями, стихами и въ ней горько оплакивалъ свое земное одиночество [64].

По пріѣздѣ съ тѣломъ жены въ Петербургъ, Чичаговъ считалъ себя обязаннымъ представиться Императору и желалъ этого, но только хотѣлъ избѣгнуть какъ-нибудь сопряженныхъ съ этимъ офиціальныхъ церемоній. Какъ бы понимая все это, добрый, внимательный и деликатный Государь Александръ Павловичъ предупредилъ его мысль слѣдующими собственноручными строками: [65]

---

[63] Высоч. Указы Сен. Архива, кн. 127, л. 319.

[64] Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 281.

[65] „Уважая вашу скорбь, мой милый адмиралъ, я не хотѣлъ донынѣ тревожить васъ своимъ письмомъ. Въ несчастіи подобномъ вашему безпрерывное повтореніе другими выраженія участія не можетъ служить утѣшеніемъ: ибо переносясь къ существу, которому посвящены были всѣ привязанности, я полагаю, что утѣшенія со стороны и быть не можетъ. А потому, не въ надеждѣ вамъ его дать, я хочу только выразить свое искреннее сожалѣніе о вашей скорби и вашемъ горестномъ положеніи. Вы знаете мою исконную къ вамъ дружбу, которая

— «C'est respectant votre douleur, mon cher amiral, que je «n'ai pas voulu vous importuner plutôt de mon écriture. Dans un mal-«heur, comme le vôtre, s'entendre répéter que d'autres partagent votre «peine, n'est pas une consolation: car quand on approche l'être «auquel on avait donné toutes ses affections, je crois qu'il n'y en a «plus. Aussi, ce n'est pas dans l'espoir de vous en offrir que je vous «exprime toute la pitié bien sincère que je prends à votre douleur et «à votre position si malheureuse. Vous connaissez mon amitié pour «vous de longue date, elle a été et sera toujours la même. Si vous «n'avez pas de répugnance à sortir, je vous recevrai avec empres-«sement demain après diner à sept heures, afin que vous ne soyez «dans le cas de rencontrer personne. Tout à vous—Alexandre».

Нечего уже и говорить о томъ, насколько тепло, сердечно и милостиво принялъ Павла Васильевича добросердечный Монархъ, столь сочувственно всегда относившійся къ горю ближняго, а тѣмъ болѣе къ скорби такого лица, котораго онъ дѣйствительно любилъ, цѣнилъ и уважалъ.

Удрученный генералъ Павелъ Васильевичъ не считалъ себя болѣе въ силахъ приняться опять за служебную должность, за нимъ все еще считавшуюся, и въ первое же свиданіе съ Императоромъ убѣдительнѣйше просилъ освободить его совершенно отъ всякой службы, не желая никакъ, даже номинально, сохранять свое званіе.

Во вниманіе къ этому ходатайству 28 ноября 1811 года послѣдовалъ Высочайшій указъ объ увольненіи адмирала Чичагова, согласно его прошенію, отъ должности министра морскихъ силъ, съ оставленіемъ при особѣ Его Величества. Въ увольнительномъ указѣ и рескриптѣ, на его имя данномъ, изъявлены были ему Монаршее благоволеніе и глубокая признательность за попечительное и ревностное управленіе Морскимъ министерствомъ [66].

Но до этого увольненія, таковымъ же указомъ отъ 13 ноября 1811 года, адмиралъ Чичаговъ былъ назначенъ членомъ преобразованнаго съ 1 января 1810 года Государственнаго Совѣта. [67]

Въ бытность П. В. Чичагова во главѣ Морскаго министерства по всѣмъ историческимъ документамъ нашимъ нельзя не замѣтить,

---

была и останется навсегда неизмѣнною. Если у васъ нѣтъ нежеланія выходить изъ дому, то я съ величайшимъ удовольствіемъ приму васъ завтра, послѣ обѣда, въ 7 часовъ, дабы вы могли ни съ кѣмъ не встрѣчаться. Весь вашъ—Александръ".

[66] Высоч. Указы Сен. Архива, кн. 347, л. 397.

[67] Извлеченіе изъ дѣлъ Государственнаго Совѣта.

что онъ, близко знакомый со всѣми хорошими и слабыми сторонами вѣдомства, положилъ всѣ заботы свои на то, чтобы только поднять значеніе русскаго морскаго флота, какъ внутри государства, такъ и въ международныхъ сношеніяхъ съ европейскими державами. Его дѣятельность, блестяще проявившаяся еще со времени занятія должности товарища министра, окончательно выяснилась въ теченіе почетнаго, хотя и кратковременнаго главенства въ вѣдомствѣ не только устройствомъ на прочныхъ началахъ всей административной части учрежденія, но и строгимъ искорененіемъ всякихъ безпорядковъ, а тѣмъ болѣе и глубоко засѣвшихъ злоупотребленій. Имъ улучшенъ былъ бытъ всѣхъ служащихъ морскихъ чиновъ, усиленъ составъ Балтійскаго флота, устроены россійскіе порты въ Имперіи, усовершенствована система судостроенія, исправлена и систематизирована вся техническая часть, которая давно уже была ему досконально извѣстна.

На страницахъ Полнаго Собранія Законовъ, за время ~~[illegible]~~ едино- личнаго управленія П. В. Чичаговымъ министерствомъ морскихъ силъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія распоряженія по вѣдомству, при его участіи совершившіяся: [68]

1. 4 и 12 августа 1805 г.—о преобразованіи медицинской части по флоту (№№ 21866 и 21870 П. С. З.).

2. 1 сентября 1805 г.—объ укомплектованіи флота причитающимися съ Астраханской губерніи рекрутами (№ 21892).

3. 6 сентября 1805 г.—объ одеждѣ матросскихъ и артиллерійскихъ командъ (№ 21899).

4. 26 сентября 1805 г.—о возстановленіи Лодейнопольской верфи для строенія судовъ (№ 21918).

5. 20 декабря 1805 г.— о взятіи въ казенное вѣдомство имѣющагося на островѣ Дагденѣ маяка (№ 21966).

6. 17 января 1806 г.—о содержаніи потребнаго числа лошадей во всѣхъ портахъ Имперіи (№ 21997).

---

[68] Перечисленіе особо замѣчательныхъ распоряженій за время бытности П. В. Чичагова управляющимъ и министромъ морскихъ силъ, необходимо должно быть въ послѣдствіи пополнено, когда изданы будутъ т. V и послѣдующіе Архива Морскаго Министерства—изданіе драгоцѣнное по отношенію исторіи русскаго флота, которымъ обязаны мы достопочтенному труженику и просвѣщенному исторіографу морскаго вѣдомства, генералъ-лейтенанту Ѳ. Ѳ. Веселаго, при обязательномъ содѣйствіи котораго собраны нами многія офиціальныя данныя для настоящаго жизнеописанія нашего славнаго адмирала и умнѣйшаго государственнаго мужа, каковымъ былъ П. В. Чичаговъ.

18

7. 5 марта 1806 г.—объ упраздненіи въ Москвѣ адмиралтейской конторы и морской контрольной экспедиціи (№ 22048).

8. 7 марта 1806 г.—о введеніи новыхъ улучшенныхъ штатовъ для чертежной при адмиралтейскомъ департаментѣ и по школѣ для черченія плановъ и картъ при морскомъ кадетскомъ корпусѣ (№ 22049).

9. 28 марта 1806 г.—объ учрежденіи при адмиралтействъ-коллегіи особаго стола для введенія судебныхъ дѣлъ (№ 22074).

10. 2 мая 1806 г.—установлено число высшихъ и нижнихъ чиновъ и служителей во флотѣ (№ 22115).

11. 10 іюля 1806 г.—дополнены положенія о призахъ, военными судами получаемыхъ (№ 22206).

12. 8 августа 1808 г.—о введеніи однообразнаго канцелярскаго обряда во всѣхъ частяхъ морскаго вѣдомства (№ 22234).

13. 15 августа 1806 г.—объ учрежденіи особой экспедиціи для с.-петербургскихъ адмиралтейскихъ строеній (№ 22242).

14. 5 декабря 1806 г.—о внутреннемъ устройствѣ Ижорскаго завода (№ 22386).

15. 27 мая 1807 г.—о содержаніи маяковъ по Финскому заливу (№ 22532).

16. 31 января 1808—объ учрежденіи въ Севастополѣ карантина дла военныхъ судовъ (№ 22799).

17. 8 апрѣля 1808 г.—о преобразованіи Главнаго Черноморскаго управленія (№ 22952).

18. 6 мая 1808 г.—о введеніи новыхъ штатовъ для экомическихъ канцелярскихъ чиновъ Черноморскаго корабельнаго и гребнаго флотовъ (№ 23003).

19. 27 іюля 1808 г.—о снабженіи медикаментами кронштадтскихъ госпиталей для пользованія рабочихъ (№ 23183 а.).

20. 19 августа 1808 г.—объ устройствѣ Свеаборгскаго морскаго госпиталя (№ 23238).

21. 24 февраля 1809 г.—введены новые штаты для артиллерійскихъ командъ морскихъ полковъ (№ 23498).

22. 26 мая 1809 г.—объ увеличеніи содержанія нижнимъ чинамъ Охотской морской роты (№ 23661).

23. 7 іюня 1809 г.—введены новые штаты содержанія служащихъ въ Свеаборгѣ и Гельсингфорсѣ (№ 23693).

24. 16 іюня 1809 г.—о запрещеніи во флотѣ держать людей въ рогаткахъ и дѣлать подобныя сему жестокости (№ 23708), и

25. По представленію адмирала Чичагова, 10 ноября 1809 г.,

введены нѣкоторыя правила для лучшаго подговленія къ службѣ воспитанниковъ морскаго кадетскаго корпуса и прибавлено къ штатной суммѣ этого корпуса по 5 т. руб. въ годъ (№ 23970).

Приведенныя указанія, хотя и недостаточно полныя, но вполнѣ уже свидѣльствуютъ о тѣхъ заботахъ и попеченіяхъ П. В. Чичагова, за которыя выражена была ему теплая Монаршая признательность при окончательномъ оставленіи имъ поста главнаго начальника морскаго вѣдомства; здѣсь же надолго остались несокрушимые слѣды его твердаго, разумнаго управленія на пользу и славу отечества.

Уступая лишь настоятельному желанію Павла Васильевича покинуть постъ министра вмѣстѣ со службою, Императоръ Александръ согласился только на первое, но не только не уволилъ его вовсе отъ службы, но удержалъ вблизи себя адмирала и вскорѣ, какъ увидимъ далѣе, доказалъ ему свое довѣріе его личности, возложеніемъ на него дѣла особой государственной важности.

Во то время политическое положеніе Россіи было крайне затруднительное, даже можно признать его критическимъ. Съ одной стороны, пылала съ 1806 года горячая война съ Турціею, гдѣ предводительствовалъ М. И. Кутузовъ и исходъ ея далеко еще не выяснялся. Со стороны же запада слагались понемногу для нашего отечества грозныя тучи, предвѣщавшія кровавую развязку.

Наполеонъ I, преслѣдуя идею задуманной имъ континентальной системы, надѣялся съ выполненіемъ такого плана подчинить своему вліянію всѣ правительства Европы; но явною помѣхою ему въ этомъ стремленіи являлось сильное восточное государство, откуда до него доносился безпрерывно голосъ протестующаго самодержца Россійскаго Александра I. Поэтому французскій завоеватель задумалъ первоначально сломить противоборствующую ему силу востока и рѣшился совершить открытое вторженіе въ предѣлы Россіи, которую, по его мнѣнію, надо было ему первоначально раздавить, или обезсилить. Въ этихъ видахъ Наполеонъ, лукаво сближаясь многіе годы съ русскимъ Государемъ, вкрадчиво старался усыплять его вниманіе, а самъ постепенно подвигался къ Вислѣ, откуда намѣревался внезапнымъ движеніемъ нанести рѣшительный ударъ своему бывшему союзнику. Но не менѣе проницателенъ былъ Императоръ Александръ Павловичъ, который, несмотря на внѣшнюю какъ бы уступчивость, понималъ хорошо разставляемыя ему сѣти и въ нихъ попасть не желалъ, подобно другимъ европейскимъ правителямъ. Въ іюнѣ 1811 года Импе-

раторъ Александръ получилъ изъ Парижа, отъ нашего посла князя А. Б. Куракина и флигель-адъютанта своего А. И. Чернышева (потомъ графа и князя) положительное удостовѣреніе о тайно готовившихся враждебныхъ замыслахъ французскаго Императора противъ своего русскаго царственнаго друга. Для возможности дать надлежащій отпоръ такимъ коварнымъ видамъ необходимо было, во что бы то ни стало, скорѣе окончить южную войну нашу и освободить для предстоящей несомнѣнной борьбы русскія войска, дѣйствовавшія противъ Турокъ.

Озабоченный полученными вѣстями изъ Парижа, Императоръ Александръ поспѣшилъ снабдить Кутузова широкими полномочіями и потребовалъ отъ него быстрѣйшаго окончанія войны съ Турціею, дозволивъ ему даже приступить, на возможно приличныхъ условіяхъ, къ замиренію съ нею. Но Кутузовъ, не прекращалъ военныхъ дѣйствій; которыя начинали принимать для насъ въ то время благопріятный оборотъ, выразившійся пораженіемъ непріятеля при Слободзеѣ 2 октября и овладѣніемъ, 10 и 11 октября, Туртукаемъ и Силистріей [69]; послѣ этого онъ открылъ мирные переговоры только 13 октября 1811 года.

Подстрекаемый Франціей, Султанъ Турецкій, несмотря на понесенныя имъ неудачи, сдѣлался вдругъ несговорчивымъ и сталъ упорствовать при установленіи мирныхъ пунктовъ. Затянувшіеся вслѣдствіе этого переговоры заставили нашего главнокомандующаго прервать 31 декабря 1811 года перемиріе и готовиться къ возобновленію пріостановленныхъ военныхъ дѣйствій.

Несмотря на всѣ эти вдали происходившія колебанія, вліявшія на исходъ войны съ Турціею, Императоръ Александръ, приписывая недостиженіе цѣли медлительности лишь графа Кутузова, съ неудовольствіемъ отнесся къ событіямъ и настоятельно потребовалъ опять отъ него, уже именемъ отечества, скорѣйшей мирной развязки. Когда же стали доноситься въ Петербургъ жалобы населеній Дунайскихъ княжествъ на притѣсненія, испытываемыя ими со стороны нашихъ войскъ, то Государь, выведенный изъ терпѣнія тщетными надеждами на миръ, въ апрѣлѣ 1812 г. рѣшился отозвать графа Кутузова съ Дуная и замѣнить его тамъ болѣе энергическимъ, способнымъ и довѣреннымъ лицомъ своимъ П. В. Чичаговымъ [70].

---

[69] За означенныя славныя побѣды М. И. Кутузовъ былъ пожалованъ въ графы.

[70] Богдановичъ—Исторія царствованія Императора Александра I, т. II,

Вотъ что приводитъ, по этому поводу, въ своихъ «Запискахъ» самъ адмиралъ Чичаговъ [71].

«Кампанія 1812 года уже открывалась. Иноплеменная армія, состоявшая изъ войскъ многихъ государствъ материка Европы, стояла на границахъ Россіи, а самъ Наполеонъ готовился предводительствовать ею. Всѣ ожидали и готовились къ войнѣ, которая предвидѣлась въ самомъ кровавомъ ея видѣ. 5 (17) апрѣля 1812 года въ Петербургѣ пронесся слухъ о предстоящемъ отъѣздѣ Императора къ нашимъ войскамъ въ Вильно, куда выступала уже и гвардія».

«Принимая, по обыкновенію, адмирала Чичагова въ своемъ кабинетѣ, 6 апрѣля утромъ, Александръ Павловичъ сообщилъ ему о своемъ намѣреніи ѣхать въ скорости къ арміи; разговорившись съ адмираломъ о положеніи дѣлъ и упоминая съ горечью о союзномъ трактатѣ, заключенномъ между Австріею и Наполеономъ, Государь высказалъ, что ему не безъизвѣстно также и о вынужденномъ обстоятельствами присоединеніи Пруссіи къ составившемуся союзу».

«Я позволилъ себѣ, пишетъ адмиралъ,—предложить Государю произвести сильную диверсію, одновременно направленную на французскія владѣнія какъ въ Иллиріи, такъ и въ Далмаціи. Ваше величество, сказалъ онъ ему, можете употребить на это съ успѣхомъ Дунайскую нашу армію находящуюся въ Валахіи и воспользоваться всѣми средствами, которыя дадутъ намъ отношенія къ Молдавіи и Сербіи. Жители означенныхъ княжествъ, также какъ и Черногорцы связаны съ нами единовѣріемъ и, надо полагать, не откажутся помогать Россіи. Выслушавъ внимательно слова адмирала, вѣроятно согласовавшіяся съ видами самого Монарха, Александръ Павловичъ съ полнымъ одобреніемъ отнесся къ изложенному плану дѣйствій и изъявилъ готовность послѣдовать данному совѣту.

стр. 531—535 и т. III, стр. 161—162. *Примѣчаніе.* По случаю этого удивившаго всѣхъ назначенія нашъ извѣстный дипломатъ А. П. Бутеневъ пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Несмотря на общее признаніе адмирала Чичагова за человѣка умнаго и способнаго, избраніе его на замѣну графа Кутузова въ Турціи изумило все петербургское общество. Этотъ выборъ казался всѣмъ до того необычайнымъ и даже страннымъ, что новому главнокомандующему дано было прозваніе въ столицѣ *адмирала Бонниве*, который, какъ извѣстно, нѣкогда былъ злополучно избранъ Французскимъ королемъ Францискомъ I (1515—1547) въ главнокомандующіе Италіянскою арміею (Русскій Архивъ—1881 г., т. III, стр. 61).

[71] Русскій Архивъ 1870 г., стр. 1522—1551.

«Но, замѣтилъ Государь,—миръ съ Турціею далеко еще не «обезпеченъ, а неистовства русскихъ войскъ въ Молдавіи и «Валахіи только раздражаютъ противъ насъ населенія княжествъ; «къ этому надо также присоединить и безпечность русскихъ на«чальниковъ и развивавшіяся тамъ интриги. Наконецъ, продолжалъ «Государь,—я не думаю чтобы теперешній главнокомандующій, «котораго я считаю наибольшимъ виновникомъ всѣхъ мѣстныхъ «бѣдствій, былъ дѣйствительно способенъ достигнуть выражен«ныхъ вами результатовъ, для пріобрѣтенія которыхъ необходимы «энергія, сила воли, быстрота въ соображеніяхъ, распоряженіяхъ «и дѣйствіяхъ. По преклоннымъ лѣтамъ графа Кутузова и извѣ«стному мнѣ характеру его, я рѣшительно не считаю его въ си«лахъ» выполнить съ успѣхомъ задачу борьбы съ Турками и при«вести ее къ желаемому мною концу. Между тѣмъ, время прохо«дитъ, а безплодные переговоры и нерѣшительный образъ дѣй«ствій главнокомандующаго могутъ дурно отозваться для насъ «въ предстоящей нынѣ новой войнѣ».

Въ отвѣтъ на это Чичаговъ сталъ совѣтовать Государю послать къ Кутузову довѣренное лицо, снабженное особыми наставленіями, которое бы въ скорости вернулось съ подробнымъ донесеніемъ какъ о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ и о томъ, чего можно ожидать отъ распорядительности самого главнокомандующаго. «Хорошо»,—возразилъ Императоръ, «но кого могу я избрать въ довѣренные по таковому «порученію». Затѣмъ, подумавъ нѣсколько, Александръ Павловичъ обратился къ адмиралу съ слѣдующимъ вопросомъ: «ну а ежели бы «я на васъ возложилъ такое порученіе, то что бы вы сказали на «это?» Удивленный этимъ оборотомъ, Павелъ Васильевичъ замѣтилъ Государю о неудобствѣ такой миссіи, такъ какъ онъ, адмиралъ, находится въ равномъ чинѣ съ Кутузовымъ и, кромѣ того, состоитъ еще при особѣ его величества; слѣдовательно подобное командированіе имѣло бы прямо видъ того, что онъ присланъ болѣе для надзора за главнокомандующимъ, съ особо секретными полномочіями, а не для одной только передачи приказаній Императора. «Неизбѣжно возбудивъ такое подозрѣніе въ генералѣ графѣ Кутузовѣ», замѣтилъ Чичаговъ,—«эта поѣздка, вмѣсто пользы, поведетъ къ явному вреду для самаго дѣла». Предлагая вновь Императору командировать съ такимъ порученіемъ одного изъ флигельадъютантовъ или дѣльнаго офицера, адмиралъ выставлялъ этотъ способъ болѣе цѣлесообразнымъ. Не удовлетворенный, какъ бы,

такимъ замѣчаніемъ, Александръ Павловичъ отвѣтилъ ему: «я это «соображу, но пожалуйста, Павелъ Васильевичъ, подумайте также «и вы о сказанномъ мною, а завтра пріѣзжайте опять ко мнѣ въ «такое же время».

На другой день 7 (19) апрѣля, въ 12 часовъ утра, Чичаговъ пріѣхалъ во дворецъ съ полною рѣшимостію, какъ самъ онъ говоритъ, послѣ долгаго размышленія о томъ, какъ отклонить отъ себя подобное щекотливое дѣло, понимая хорошо, что кромѣ различныхъ неудобствъ для него оно несомнѣнно дастъ новую пищу злословію и навлечетъ на него новыя непріятности со стороны безчисленныхъ уже завистливыхъ его недоброжелателей.

Но вышло иначе. Императоръ Александръ, не давая Чичагову возможности говорить что-либо, встрѣтилъ его слѣдующими словами:

«*Выслушайте теперь, любезный адмиралъ, принятое мною «рѣшеніе и знайте, что оно неизмѣнно.* Предположенія, о кото«рыхъ шла вчера рѣчь между нами чрезвычайно сложны и «требуютъ особенной тщательности въ исполненіи. Чтобы порѣ«шить нескончаемые переговоры съ Портою, я считаю необходи«мымъ предложить ей заключеніе съ нами наступательнаго и обо«ронительнаго союза; въ случаѣ ея отказа надо возобновить воен«ныя дѣйствія съ большею энергіею и силою принудить Турокъ «согласиться на это безотложно. Для достиженія цѣли, можно «прибѣгнуть даже къ угрозамъ и при помощи нашего Черномор«скаго флота настаивать въ требованіяхъ. Кромѣ того, въ под«крѣпленіе нашихъ видовъ надо стараться возбудить тяготѣющихъ «подъ гнетомъ Турціи Грековъ и другихъ населеній края, кото«рые дѣйствительно преданы намъ, какъ по вѣроисповѣданію, «такъ и по исконнымъ къ намъ влеченіямъ; и тогда слѣдуетъ «произвести диверсію къ Далмаціи сухимъ путемъ, или моремъ, «судя по тѣмъ уступкамъ, которыя удастся извлечь изъ перего«воровъ съ Турціею. Одновременно съ этимъ надо войти въ согла«шеніе съ Англичанами, флотъ которыхъ стоитъ теперь въ Адріа«тическомъ морѣ и, склонивъ ихъ на совмѣстное дѣйствіе противъ «Турокъ, условиться съ ними о томъ, чего мы можемъ ожидать «отъ нихъ въ подобномъ соглашеніи. Наконецъ, крайне необхо«димо обратить особенное вниманіе на улучшеніе административ«наго строя въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи, стремясь под«держать насколько возможно и упрочить наши взаимныя дру«жественныя отношенія съ ними. *Я избираю васъ на это, адмиралъ,* «произнесъ съ рѣшительнымъ тономъ Александръ Павловичъ,

«Императоръ не ожидая отвѣта или возраженія, передавъ Чичагову «собственноручно исписанный имъ листъ бумаги, «*для приведенія «въ дѣйствіе вотъ тутъ изложенной програмы моей. Я набросалъ «свои мысли; вы составите по нимъ для себя инструкцію и завтра «утромъ подадите мнѣ ее къ подписанію, а потомъ, не откладывая «долго, отправитесь къ мѣсту вашего назначенія*».

Послѣ такого рѣшительно поставленнаго приказанія не могло быть болѣе и рѣчи о какомъ-либо возраженіи, или уклоненіи. Павлу Васильевичу оставалось покориться волѣ Монаршей, выражавшей впрочемъ довѣріе и увѣренность въ немъ по такому необыкновенно важному плану.

Предъ выходомъ Чичагова изъ кабинета, Императоръ Александръ вручивъ ему пространную записку о жалобахъ угнетенныхъ населеній Молдавіи и Валахіи, которыя были принесены ими на дѣйствія арміи Кутузова, присовокупилъ: «*я не могу болѣе до«пускать такихъ ужасовъ*».

«Впослѣдствіи, пишетъ адмиралъ въ своихъ «Запискахъ»,—«повѣряя на мѣстѣ содержаніе всѣхъ этихъ жалобъ, онъ убѣдился, что таковыя были совершенно заслужены и узналъ, что на всѣ доходившія до главнокомандующаго заявленія графъ Кутузовъ отвѣчалъ, что «*у нихъ останутся глаза, чтобы оплакивать свою «судьбу*».

«Тотчасъ послѣ разговора съ Государемъ, пишетъ далѣе Чичаговъ,—я поѣхалъ къ канцлеру графу Н. П. Румянцову, чтобы чрезъ него ближе ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Бухарестѣ. Не успѣлъ я еще вернуться домой, какъ мнѣ доставлена была отъ Императора собственноручно написанная имъ для меня подробная инструкція, изложеніе и редакція которой были настолько ясны, что оставалось только переписать ихъ набѣло». Къ инструкціи былъ приложенъ проектъ Императорскаго рескрипта о назначеніи адмирала Чичагова главнокомандующимъ Дунайскою арміею и Черноморскимъ флотомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и генералъ-губернаторомъ Молдавіи и Валахіи.

День отъѣзда Императора къ войскамъ нашимъ въ Вильно былъ назначенъ на 9 (21) апрѣля 1812 г. и этимъ числомъ были подписаны имъ, начисто перебѣленные, съ его подлинника, инструкція и рескриптъ адмиралу Чичагову.

Прощаясь съ Павломъ Васильевичемъ, Государь Александръ Павловичъ отдалъ ему лично означенныя бумаги, сказавъ ему въ видѣ напутствія слѣдующее:

«— Я не даю вамъ никакихъ дальнѣйшихъ наставленій на «счетъ системы управленія въ обоихъ княжествахъ, образа дѣй-«ствій по отношенію къ населенію въ нихъ и о томъ, какими мѣ-«рами загладить допущенныя тамъ насилія, полагаясь вполнѣ на «васъ и зная, что вы были всегда противникомъ всякаго своево-«лія и самоуправства» (arbitraire). [72]

Инструкція, данная П. В. Чичагову, была слѣдующаго содержанія:

—«По прибытіи къ мѣсту вашего назначенія и принятіи на-«чальства надъ княжествами Молдавіею и Валахіею, Дунайскою «арміею и Черноморскимъ флотомъ, первѣйшею обязанностію ва-«шею будетъ въ подробности ознакомиться съ существующимъ «образомъ управленія княжествами и сдѣлать всѣ распоряженія, «какія, по вашему усмотрѣнію, признаны будутъ необходимыми для «облегченія участи мѣстныхъ населеній, имѣя цѣлію вселить въ «нихъ привязанность къ державѣ Нашей. Употребите всѣ средства, «которыя найдутся тамъ, чтобы содѣйствовать исполненію Моихъ «намѣреній.

«По управленію гражданскими дѣлами, вы имѣете назначать «и отставлять кого заблагоразсудите. Вы можете избирать какъ «Русскихъ, такъ и природныхъ жителей; о всѣхъ значительныхъ «измѣненіяхъ, которыя вы по этой части сдѣлаете, доносите Мнѣ. «На случай необходимости для васъ обратиться къ кому-нибудь «въ нашихъ пограничныхъ губерніяхъ, мною отдано приказаніе, «чтобы исполнялись всѣ ваши требованія.

«Занимаясь введеніемъ лучшаго порядка по гражданскому «устройству, вашему попеченію поручаются двѣ статьи, не тер-«пящія никакого промедленія.

«Первая заключаетъ въ себѣ настоящія политическія дѣла, «придающія значительную важность даннаго вамъ порученія. Осо-«бенное вниманіе вы должны обратить на переговоры касательно «мира съ Турками.

«Вторая статья относится до вооруженія жителей въ этихъ «странахъ, которыхъ бы могли поддержать наши военныя дѣй-ствія.

«Въ дополненіе къ первой статьѣ, Мы находимъ важнымъ по-

---

[72] Русскій Архивъ, 1870 г., стр. 1525—1526; Mémoires de l'amiral Tchitchagoff, Berlin 1855, p. 6—11, Leipzig, 1862 г., p. 57—65; Извлеченіе изъ подлинныхъ бумагъ адмирала Чичагова.

«ставить вамъ на видъ, что коварное поведеніе Австріи, присое«диняющейся къ Франціи, вынуждаетъ Россію употребить всѣ за«висящія отъ нея средства, чтобы разрушить враждебныя намѣ«ренія этихъ двухъ государствъ. Самое главное, надо употребить «въ нашу пользу воинскій духъ народовъ славянскаго происхожде«нія, какъ то жителей Сербіи, Босніи, Далмаціи, Черногоріи, Кро«аціи, Иллиріи, которые, вооружившись и получивъ военное устрой«ство, могутъ сильно содѣйствовать намъ.

«Венгерцы, недовольные поступками настоящаго ихъ правле«нія, представляютъ намъ также отличный способъ тревожить Ав«стрію, сдѣлавъ диверсію ея враждебнымъ планамъ, а слѣдова«тельно ослабить силы ея.

«Всѣ эти народы, соединившись съ вашими регулярными вой«сками, составятъ достаточно значительное воинство не только «для предупрежденія враждебныхъ намѣреній Австріи, но также «для значительной диверсіи на правую часть французскихъ владѣ«ній, и это можетъ дать намъ вѣрное средство угрожать нападе«ніемъ со стороны Ниццы и Софіи.

«Цѣль этой диверсіи противъ Франціи должна состоять въ «томъ, чтобы занять Боснію, Далмацію и Кроацію и направить «ополченія этихъ народовъ на самые важные береговыя пункты «Адріатическаго моря, и преимущественно на Тріестъ, Фріумъ, Бо«ка-ди-Катаро, и проч., чтобы заблаговременно устроить связи съ «англійскимъ флотомъ; вамъ слѣдуетъ какъ можно болѣе стараться «возбудить неудовольствіе въ Тиролѣ и въ Швейцаріи для сово«купнаго дѣйствія съ этими храбрыми народами, крайне недоволь«ными своимъ настоящимъ управленіемъ.

«Вы должны употребить всевозможныя средства къ возбуж«денію славянскихъ народовъ, стараясь привлечь ихъ къ нашимъ «цѣлямъ; напримѣръ, обѣщайте имъ независимость, учрежденіе «Славянскаго государства, денежныя награды людямъ болѣе влі«ятельнымъ между ними, ордена и чины, соотвѣтствующіе какъ «начальникамъ, такъ и рядовымъ. Наконецъ въ дополненіе къ этому, «вы можете дѣлать все то, что найдете удобнымъ и согласнымъ «съ обычаями народа и съ настоящими обстоятельствами. Пору«чается вашему благоусмотрѣнію устроить порядокъ въ граждан«ской администраціи ввѣряемаго вамъ края.

«Если миръ съ Турками будетъ подписанъ прежде прибытія «вашего на мѣсто назначенія, присоедините къ оному условіе о «союзѣ наступательномъ и оборонительномъ. Такъ какъ наши сно-

«шенія съ Австрійскимъ дворомъ измѣнились, то вѣроятно и условія мира должны быть также измѣнены. Надо требовать, чтобы «Турки не только не мѣшали Сербамъ и другимъ христіанскимъ народамъ, находящимся подъ ихъ владычествомъ, помогать «намъ, но чтобы и сами они были расположены откровенно и добровольно употребить всѣ зависящія отъ нихъ средства для дѣйствія противъ общихъ нашихъ непріятелей. Чтобы вѣрнѣе ихъ уговорить, можно обѣщать послѣ побѣды надъ непріятелями возвратить имъ республику Рагузскую и Іоническіе острова, которыми они прежде владѣли.

«При такомъ положеніи дѣлъ, чтобы скорѣе и удобнѣе устроить дополнительныя статьи къ мирному договору, вы можете, «если найдете удобнымъ, употребить для этого гг. Италинскаго[73] «и Бароци. По этому поводу вы отправите ихъ въ Константинополь съ тѣмъ, чтобы они старались уговорить Порту согласиться «на предложенія, которыя ей будутъ сдѣланы, и увѣрить ее, что «такъ какъ миръ съ Россіею ставитъ ее въ опасную вражду съ «Франціею, то ей, также какъ и намъ, необходимо принять участіе въ успѣхѣ нашего оружія противъ Наполеона.

«Притомъ, предлагаемыя нами средства будутъ имѣть для нея «ту пользу, что, не имѣя надобности дѣйствовать своими войсками, «она не понесетъ никакой потери.

«Если послѣ всего этого, миръ съ Турками не состоится, то «употребите всѣ средства къ распространенію вліянія вашего на «всѣ части Оттоманской Имперіи. Нужно будетъ возбудить Грековъ и заставить ихъ свергнуть съ себя тяжелое для нихъ турецкое иго; вступить въ переговоры съ Али-пашей, подать ему «надежду на независимость и признаніе за нимъ титула короля «Эпирскаго; распостранить прокламаціи и между Албанцами и посредствомъ хорошей платы составить изъ нихъ особую милицію. «Если бы всѣ эти обѣщанія не подѣйствовали на Али-Пашу, тогда «употребить всѣ мѣры, чтобы свергнуть его и учредить тамъ такое правительство, которое было бы намъ благопріятнѣе.

«Другія средства къ достиженію нашей цѣли представятся «вашей проницательности сами собою, когда вы вступите въ долж-

---

[73] Италинскій—извѣстный нашъ дипломатъ, уроженецъ Малороссіи, по духу—ученикъ князя Безбородки, заставлявшій въ чужихъ краяхъ уважать русское знамя.

«ность, и я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы употребите ихъ съ «пользою для насъ.

«Что касается до военныхъ распоряженій по арміи или флоту, «Мы уполномочиваемъ васъ дѣлать всякія измѣненія, какія вы, по «вашему усмотрѣнію, найдете нужнымъ для пользы службы, смо-«тря по обстоятельствамъ и мѣстнымъ средствамъ.

«Мнѣ кажется, что военное устройство упомянутыхъ наро-«довъ должно согласоваться съ обычаями народными; однако если «бы возможно было ввести у нихъ, хотя въ нѣкорыхъ частяхъ «правила военной дисциплины, то вы должны воспользоваться «этимъ и не терять изъ виду, что порядокъ и точность вездѣ по-«лезны, особенно для успѣха воинскихъ дѣйствій. Военные сна-«ряды, какъ то: ружья, сумки, патроны и проч., будутъ вытребо-«ваны изъ Англіи и вѣроятно доставлены вамъ при посредствѣ «ея флота, находящагося въ Адріатическомъ морѣ; такимъ же обра-«зомъ вы будете получать деньги, потребныя для необходимыхъ «нуждъ вашихъ.

«Чтобы подкрѣпить эту Славянскую милицію, надо дать ей «изъ нашихъ войскъ такое количество пѣхоты, какое вы найдете «нужнымъ съ достаточнымъ числомъ кавалеріи и артилеріи. Не «упускайте изъ виду того, что мы должны находиться въ оборони-«тельномъ положеніи противъ Порты на случай если война съ «нею не будетъ еще окончена.

«Мы будемъ стараться также пріобрѣсть морскую помощь «отъ Англичанъ, чтобы вторгнуться въ тѣ мѣста, куда будетъ на-«правлено наше нападеніе, напримѣръ на пристань Катаро, Тріестъ, «на Фіумъ, на Рагузу и проч., и кромѣ того будемъ требовать отъ «Англичанъ усиленія блокады ими Корфу, чтобы прервать всякое «сообщеніе съ Турціею.

«Можно надѣяться, что войска, находящіяся въ Сициліи, бу-«дутъ также дѣйствовать заодно съ нами. По этому предмету вы, «при первомъ удобномъ случаѣ, войдете въ сношенія съ началь-«никами войскъ сухопутныхъ и морскихъ; старайтесь установить «съ ними правильныя сношенія.

«Давая вамъ эти краткія наставленія, заключающія въ себѣ «общій очеркъ дѣйствій на васъ возлагаемыхъ, Мы надѣемся, что «изученіе мѣстности приведетъ васъ къ какимъ-либо новымъ со-«ображеніямъ по изысканію способовъ, удобныхъ для отраженія «вооружившихся противъ насъ непріятелей.

«Извѣстное усердіе ваше къ Намъ служитъ залогомъ того,

«что вы оправдаете выборъ Нами сдѣланный, поручивъ вамъ та«кой важный постъ, а вамъ да будетъ онъ ручательствомъ нашего «къ вамъ довѣрія—Александръ. 9 (21) апрѣля 1812 года, С.-Пе«терабургъ» [74].

Проводивъ Императора Александра и запасшись всѣми необходимыми свѣдѣніями, П. В. Чичаговъ выѣхалъ 20 апрѣля (2 мая) изъ Петербурга. 29 апрѣля (11 мая) онъ прибылъ въ Яссы, а 6 (18) мая—въ Бухарестъ, гдѣ находился тогда графъ М. И. Кутузовъ.

Между тѣмъ, сторонники главнокомандующаго Дунайскою арміею графа Кутузова своевременно извѣстили его конфиденціально изъ Петербурга о предстоящей замѣнѣ его адмираломъ Чичаговымъ. Видя, что честь замиренія ускользала изъ рукъ, графъ Кутузовъ поспѣшно возобновилъ переговоры съ турецкими уполномоченными и, наканунѣ пріѣзда Чичагова, 5 (17) мая подписалъ прелиминарныя условія мира. Хотя оформленный 16 (28) мая Бухарестскій мирный трактатъ, установленный Кутузовымъ, и не согласовался съ новыми инструкціями полученными адмираломъ Чичаговымъ, но тѣмъ не менѣе онъ положилъ конецъ слишкомъ пятилѣтней войны съ Оттоманскою Портою.

Такъ какъ при перемѣнѣ русскаго главнокомандующаго турецкіе представители выразили опасеніе насчетъ исполненія условій только-что состоявшагося договора, то новоприбывшему адміралу оказалось необходимымъ приложить и свою подпись на мирномъ трактатѣ въ доказательство того, что и онъ считаетъ таковой для себя обязательнымъ. Въ донесеніи своемъ объ этомъ Императору адмиралъ Чичаговъ, приписывая всю честь достиженія мирнаго окончанія своему предмѣстнику, выставилъ и причины, заставившія его принять участіе въ процедурѣ оформленія акта, какъ гарантію съ его стороны для примирившагося съ Россіею Дивана. Хотя Императоръ Александръ и не былъ вполнѣ доволенъ условіями Бухарестскаго договора, однакожъ утвердилъ его немедленно своею подписью. Оставалось только ожидать ратификаціи его со стороны Константинопольскаго Кабинета для того чтобы считать дѣло поконченнымъ и войска свободными. Но подстрекательство султана извнѣ доставило не мало затрудненій Чи-

---

[74] Русскій Архивъ, 1870 г., стр. 1526—1530. *Примѣчаніе.* Вся эта инструкція была написана самимъ Императоромъ Александромъ I и, безъ измѣненія, переписана только подъ наблюденіемъ адмирала П. В. Чичагова.

чагову, которому пришлось уже отстаивать сдѣланное чуть не съ оружіемъ въ рукахъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь о томъ, что графъ М. И. Кутузовъ считалъ себя крайне оскорбленнымъ по случаю такого внезапнаго и неожиданнаго отозванія отъ веденнаго имъ дѣла. Естественно вызванное въ немъ по этому поводу неудовольствіе, зародило тогда непріязненное чувство и къ намѣстнику его, П. В. Чичагову. Поэтому, возникшій между этими двумя полководцами антагонизмъ легъ въ основу всѣхъ послѣдующихъ между ними сношеній, въ особенности же когда судьба, какъ увидимъ далѣе, поставила ихъ въ наиближайшее соприкосновеніе въ тяжелыя минуты отечества, о чемъ свидѣтельствуютъ съ сожалѣніемъ и всѣ современники той памятной для Россіи эпохи.

Сдавъ 12 (24) мая 1812 года начальство надъ Дунайскою арміею адмиралу Чичагову, графъ Кутузовъ, послѣ формальнаго подписанія имъ Бухарестскаго мирнаго трактата, уѣхалъ оттуда прямо въ свое помѣстье—Горошки, Волынской губерніи [75].

По отъѣздѣ графа Кутузова, Павелъ Васильевичъ энергично принялся за довершеніе формальностей по мирному трактату съ Турціею и устройствомъ дѣлъ въ княжествахъ. Въ теченіе первыхъ же трехъ мѣсяцевъ дисциплина въ войскахъ была возстановлена, развившееся грабительство ими въ краѣ искоренено; обременительно отзывавшіеся мѣстные поземельные налоги были отмѣнены и удовлетворенное населеніе княжествъ съ большимъ довѣреніемъ и сочувствіемъ начало относиться къ новымъ порядкамъ справедливой русской власти. Точно также, адмиралъ озаботился введеніемъ правильной администраціи въ новопріобрѣтенныхъ нами по трактату владѣніяхъ, состоявшихъ изъ части земель Молдавіи и Бессарабіи, съ новою границею по рѣкамъ Пруту и Дунаю.

Между тѣмъ, получивъ еще отъ Кутузова извѣстіе о нача-

---

[75] По полученіи извѣстія о переходѣ Наполеона черезъ Нѣманъ графъ М. И. Кутузовъ отправился въ Петербургъ, гдѣ первоначально былъ избранъ дворянствомъ въ начальники С.-Петербургскаго ополченія и тогда Государемъ поручена ему защита сѣверной столицы. Вслѣдъ за тѣмъ, въ награду его заслугъ въ Турціи, Императоръ Александръ пожаловалъ его 29 іюля 1812 года въ россійскіе князья съ титломъ свѣтлости. Наконецъ, согласно народному желанію, 8 августа 1812 года состоялось назначеніе князя Кутузова главнокомандующимъ всѣми дѣйствующими противъ Наполеона арміями (см. рескриптъ князю Кутузову по этому случаю—Богдановичъ, т. III, стр. 267).

тыхъ имъ переговорахъ съ Турками и о несомнѣнности столь необходимаго прекращенія войны съ Портою, Императоръ Александръ, въ письмѣ своемъ къ Чичагову изъ Вильны, отъ 2-го мая 1812 года, выражалъ слѣдующія мысли:

«Если обѣщанный графомъ Кутузовымъ миръ будетъ подписанъ, то мы, при настоящихъ обстоятельствахъ, пріобрѣтаемъ, «безспорно, значительныя выгоды. Но не должно также скрывать отъ себя и того, что такой миръ имѣетъ и свои большія «неудобства. Генералъ Кутузовъ совершенно упустилъ изъ виду «одну весьма важную сторону—это то, что взамѣнъ сдѣланныхъ «нами уступокъ слѣдовало обусловить ихъ заключеніемъ съ Турціею наступательнаго и оборонительнаго союза. Одинъ лишь такой «союзъ можетъ вознаградить насъ за тѣ затрудненія, которыя «возникнутъ въ нашихъ отношеніяхъ къ Сербамъ и другимъ славянскимъ народностямъ, отношеніяхъ чрезвычайно важныхъ для «насъ, особенно въ настоящее время. А потому, еслибы представилось возможнымъ выманить какъ-нибудь у Порты согласіе «на подобный союзъ и склонить ее къ содѣйствію намъ чрезъ «Сербовъ и славянскихъ населеній противъ Франціи съ ея союзниками, то не слѣдуетъ ничего упускать для достиженія такой «цѣли. При этомъ не забывайте также и того, что отъ Турокъ «можно добиться чего-либо отнюдь не снисходительностію, которую они считаютъ за слабость, полагая, что въ нихъ имѣютъ «нужду; достичь отъ нихъ желаемаго можно только разъясненіемъ имъ опасности, явной или хотя бы вымышленной, но такой «которая вселила въ нихъ страхъ или опасеніе для себя. Въ этихъ «видахъ вамъ можетъ пригодиться инструкція прочитанная мнѣ «г. Таваномъ, шведскимъ представителемъ въ Россіи; наслѣдный «принцъ Шведскій сообщилъ Портѣ планъ Наполеона, основываясь на документахъ, полученныхъ имъ, по старымъ связямъ, «отъ окружающихъ французскаго императора лицъ, достаточно «знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ. Планъ Французовъ, по свидѣтельству принца, заключается въ томъ, чтобы нанести быстрый «ударъ Россіи и принудить ее къ поспѣшному миру, обязавъ въ «то же время выставить 100 т. вспомогательнаго войска; съ такою «массою, присоединенною къ арміи французской, Наполеонъ тотчасъ двинется противъ Турціи, для того, чтобы овладѣть Константинополемъ и основать тамъ, предположенное имъ, восточное государство, которое онъ намѣревается присоединить, подъ своимъ «владычествомъ, къ западному. Одновременно съ этимъ нападені-

«емъ, французскія войска, находящіяся въ Италіи, Илларіи и на «Іоническихъ островахъ, будутъ посланы въ Египетъ, гдѣ французскому завоевателю непремѣнно желательно возстановить ту «власть, которая имъ до того была установлена». Наконецъ, въ «сообщеніи указывается также на предположеніе Наполеона на«править отъ Константинополя какъ свои, такъ и вспомогатель«ныя войска въ Бенгалію, черезъ Малую Азію, съ тѣмъ чтобы «нанести тамъ ударъ могуществу Англіи.

«Судя по этому обширному плану, по которому Наполеономъ «рѣшено окончательное разрушеніе Турецкой имперіи, вы усмот«рите, писалъ Александръ Павловичъ къ Чичагову, — что такое «предостерегательное сообщеніе можетъ быть далеко не безполез«нымъ для васъ. Пользуясь впечатлѣніемъ, которое должно про«извести на Турцію подобное разоблаченіе, вамъ, можетъ-быть, съ «бо́льшимъ успѣхомъ удастся склонить Порту на союзъ наступа«тельный и оборонительный съ Россіею; не измѣняя сущности «общаго плана нашего, старайтесь убѣдить Турцію согласиться «выставить для насъ вспомогательное войско изъ Сербовъ, Босня«ковъ, Кроатовъ и другихъ христіанскихъ народовъ. Предложеніе «свое вы представите Портѣ, какъ средство сбереженія мусуль«манской крови.

«Полномочіе на заключеніе съ Портою союзнаго трактата, «Мною къ вамъ отправлено.

«Мнѣ довольно трудно теперь опредѣлить вамъ съ точностію «время начатія нами военныхъ дѣйствій противъ Французовъ; вѣ«роятно они не замедлятся, потому что Наполеонъ выѣхалъ уже «изъ Парижа и долженъ теперь находиться въ Дрезденѣ, или даже «въ Берлинѣ; но я буду васъ своевременно извѣщать о всемъ здѣсь «происходящемъ.

«Что же касается до операціоннаго плана противъ Австрій«цевъ, то мы ничего другаго сдѣлать не можемъ, какъ только «выставить противъ нихъ армію генерала Тормасова, по линіи «между Лембергомъ и Кіевомъ, для воспрепятствованія вторженію «ихъ въ наши предѣлы. Ежели удовлетворительный для насъ миръ «съ Турціею дозволитъ намъ располагать командуемою вами ар«міею, то вамъ надо будетъ идти на Буковину, а оттуда двинуться «на флангъ австрійскихъ войскъ, на случай нападенія ими на войска «генерала Тормасова. Въ случаѣ если вы добьетесь содѣйствія для «насъ со стороны Турокъ, то можно будетъ попытаться на втор«женіе далѣе—во внутрь Австрійской имперіи, а именно въ Тран-

«сильванію, или даже въ Банатъ. Это будетъ зависѣть тогда отъ «вашихъ собственныхъ соображеній, отъ мѣстности и отъ того, «главное, что вы получите отъ Турокъ, а также удастся ли вамъ «воспользоваться послѣдствіями недовольства, которое проявится «въ Венгріи. Ежели вамъ будутъ предстоять дѣйствія въ Буковинѣ, то въ такомъ случаѣ придется подчинить вамъ и Подолію, «что я и думаю сдѣлать».

Приписка. «Курьеръ готовился уже ѣхать, когда я получилъ «ваше письмо изъ Бухареста. Я нахожу всѣ ваши распоряженія «вполнѣ хорошими» [76].

Въ упоминаемое время наши дипломатическія дѣла на югѣ находились въ слѣдующемъ положеніи. Возбуждаемый извнѣ Турецкій султанъ Махмудъ, при исполненіи условій трактата съ Россіею, выразилъ крайнее неудовольствіе по поводу истекавшихъ изъ него нѣкоторыхъ требованій, которыя были заявлены русскимъ военнымъ начальствомъ. Находя эти требованія унизительными для своей имперіи, также какъ и отказъ нашъ возвратить турецкія войска, плѣненныя въ Слободзеѣ, Махмудъ готовъ былъ даже пристать къ партіи враждебной Россіи. Дѣйствуя, насколько возможно миролюбиво, Чичаговъ доносилъ по этому предмету Государю:

«Говорятъ, что мы у Турокъ взяли 200 пушекъ, между тѣмъ какъ, въ сущности, оказывается всего 50, изъ которыхъ большая часть въ самомъ дурномъ видѣ. На что намъ удерживать такое большое количество плѣнныхъ, содержаніе коихъ обходится для насъ очень дорого? Между тѣмъ, султанъ непремѣнно желаетъ, чтобы мы возвратили ему задерживаемыя войска его и такая уступка съ нашей стороны оказалась бы полезною, ибо привлекла къ нему расположеніе его собственнаго народа и благопріятно отозвалась для насъ самихъ. Мнѣ кажется, что въ настоящую минуту намъ не нуженъ ни наступательный, ни оборонительный союзъ съ Портою, лишь бы только Турки не мѣшали намъ. Мы можемъ потребовать отъ нихъ, взамѣнъ таковой уступки, согласія на продленіе нашего пребыванія въ ихъ предѣлахъ, для защиты общаго дѣла. Но если они упорно будутъ отказываться отъ принятія нашего предложенія, въ такомъ случаѣ надо будетъ положиться на однѣ свои силы — Тормасовъ имѣетъ возможность со-

---

[76] Русскій Архивъ, 1870 г., стр. 1536 — 1539; Сборн. Русскаго Историч. Общества, т. VI, стр. 67—73.

противляться Австрійцамъ, а у меня достаточно войскъ, чтобы сдерживать Турокъ и производить противъ нихъ разныя диверсіи»[77].

Въ отвѣтъ на это Императоръ Александръ писалъ 7 (19) іюня адмиралу:

«Я получилъ оба ваши доношенія отъ 17 и 27 мая и от«вѣчаю вамъ на нихъ. Надѣюсь, что по полученіи ратификаціи отъ «визиря вы бросите мысль объ уступкѣ имъ какихъ-либо пріоб«рѣтеній, слѣдующихъ намъ по трактату. Всякое снисхожденіе съ «нашей стороны совершенно неумѣстно и даже, по мнѣнію моему, «не принесетъ для насъ никакой пользы, такъ какъ Турки счи«таютъ такой образъ дѣйствій за признакъ слабости и боязни къ «нимъ. Пожалуй, я вамъ разрѣшаю отдать имъ пушки и знамена, «но лишь тогда, когда совершатся подписаніе и ратификація на«ступательнаго и оборонительнаго союза съ ними.

«Необходимо вамъ быть наготовѣ, такъ чтобы по первому «приказанію Моему вы могли открыть военныя дѣйствія со сто«роны Босніи.

«Что касается Австріи, то надо поступать съ нею крайне «осторожно. Вотъ положеніе дѣлъ по отношенію этого государ«ства.

«Австрія поручила передать мнѣ, что одна лишь крайняя не«обходимость, въ которую она поставлена своими собственными «внутренними дѣлами, мѣшаетъ ей быть болѣе самостоятельною «съ Наполеономъ и вынудила ее подписать союзный съ нимъ «трактатъ; но при этомъ, она удостовѣряетъ, что будетъ дѣйство«вать противъ насъ только съ условленными 30 тысячами войска, «и если мы не будемъ аттаковать ея съ другихъ сторонъ, то вой«на локализируется всего на одномъ пунктѣ; она ручается за спо«койствіе на прочихъ мѣстахъ границы нашей и обязывается не «предпринимать никакихъ нападеній большими массами силъ сво«ихъ. Отозванному ею изъ Россіи кавалеру Лебцельтерну прика«зано было возвращаясь къ себѣ ѣхать на Вильно, чтобы лично «завѣрить мнѣ исполненіе всѣхъ этихъ обѣщаній. Я отвѣчалъ на «такія сообщенія, что мои дѣйствія будутъ согласованы вполнѣ «съ дальнѣйшими поступками Вѣнскаго Кабинета. По достовѣр«нымъ же свѣдѣніямъ, собраннымъ мною относительно Австріи, «оказывается, что нападеніе съ нашей стороны на Трансильванію,

---

[77] Русскій Архивъ, 1870 г., стр. 1540.

«Банатъ и Венгрію сопряжено было бы для насъ съ большими «затрудненіями, такъ какъ эта часть границъ защищена для «Австрійцевъ своими природно укрѣпленными дефилеями, которыя «даютъ имъ возможность, съ малочисленными войсками, отражать «всякія усиленныя аттаки съ нашей стороны. По такимъ же свѣ«дѣніямъ мнѣ извѣстно, что Венгерцы, въ силу существующей «конституціи, возьмутся за оружіе и будутъ дѣйствовать противъ «насъ лишь тогда, когда произведено будетъ нами прямое напа«деніе на ихъ мѣстныя жилища и народныя поселенія. Возможно «было бы, какъ полагаютъ, заключить нейтральный договоръ съ «Венгерскимъ королевствомъ, сославшись на то, что Россія под«верглась нападенію со стороны Франціи дѣйствующей сообща «съ Австріею; подобный договоръ избавилъ бы насъ отъ столкно«венія съ такимъ воинственнымъ народомъ и лишилъ бы въ то же «время Австрію самыхъ лучшихъ ея полковъ. Постарайтесь со«брать по этому предмету болѣе подробныя свѣдѣнія. Графъ Ка«подистрія поможетъ вамъ въ такихъ изысканіяхъ.

«По всѣмъ изложеннымъ даннымъ, мнѣ кажется, что лучше «было бы, *чтобъ ваши дѣйствія ограничились пока только поддерж«кою арміи Тормасова со стороны Буковины и диверсіею, направ«ленною черезъ Боснію и французскую Далмацію.* Вся эта мѣстность, «по вышеупомянутымъ сообщеніямъ, считается у Австрійцевъ са«мымъ слабо укрѣпленнымъ пунктомъ. Если предполагаемая вами «диверсія будетъ совершена съ этой стороны и окажется удач«ною, то мы положительно можемъ тогда надѣяться ослабить дѣй«ствія вѣнскаго правительства и парализировать тотъ вредъ, ко«торый оно можетъ намъ причинить.

«Разберите со вниманіемъ всѣ мои замѣчанія и, основываясь «на нихъ, обсудите хорошенько дальнѣйшій образъ своихъ дѣй«ствій. Я нахожусь слишкомъ далеко отъ васъ, чтобы имѣть воз«можность каждый разъ направлять ваши намѣренія; ваша соб«ственная предусмотрительность должна все предвидѣть.

«Какъ только начнутся у насъ военныя дѣйствія, я не за«медлю извѣстить васъ обо всемъ съ особымъ курьеромъ. Ожи«даю съ нетерпѣніемъ полученія отъ васъ оформленнаго трактата, «чтобы благодарственнымъ о томъ молебствіемъ обрадовать всю «Россію, ожидающую этой развязки съ неменьшимъ трепетомъ» [78].

13 (25) іюня адмиралъ Чичаговъ получилъ отъ Государя из-

---

[78] Русскій Архивъ, 1870 г., стр. 1540—1543.

вѣщеніе объ открытіи, подъ Ковною, военныхъ дѣйствій противъ Наполеона. При этомъ выражено было имъ безпокойство по случаю замедленія въ ратификаціи султаномъ Бухарестскаго трактата [79].

Во исполненіе вышеприведеннаго наставленія Императора, П. В. Чичаговъ сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія и отправилъ даже 18-го іюня часть своихъ войскъ изъ Бухареста къ Яссамъ. Самъ же онъ готовился также выступить вслѣдъ за ними съ остальными отрядами и донесъ Государю, что «армія, которою онъ имѣетъ честь предводительствовать, двинулась въ походъ и, надо полагать, въ 25 дней подойдетъ къ Днѣстру» [80].

Но вслѣдъ за выступленіемъ передовыхъ отрядовъ Чичагова возникли разныя замѣшательства при окончательной ратификаціи султаномъ мирнаго договора, которыя грозили разрывомъ съ Портою. Поэтому, остановивъ дальнѣйшій походъ своихъ войскъ, адмиралъ долженъ былъ выжидать разрѣшенія препирательствъ. Онъ не только не страшился возможнаго разрыва, но напротивъ, ожидалъ радостно возможности ринуться на Константинополь — мысль составлявшая его завѣтную мечту.

Пререканія съ замѣшательствами въ переговорахъ были вызваны тогда настойчивыми происками пословъ Франціи и союзныхъ съ Наполеономъ державъ, которые всѣми мѣрами старались возбудить опять Порту противъ Россіи. Одинъ только шведскій представитель твердо держалъ въ то время сторону Россіи, энергически убѣждая султана, въ виду его же личныхъ выгодъ, не поддаваться ихъ вліянію и не отступать отъ состоявшагося уже мира.

Всѣ эти обстоятельства задерживали въ турецкихъ владѣніяхъ нашу Дунайскую армію и Чичаговъ поставленъ былъ противъ воли въ выжидательное бездѣйственное положеніе. Ему необходимо было дождаться результатовъ окончательнаго рѣшенія Турціи для того, чтобы не оставлять за собой неопредѣленныхъ отношеній съ нею. Происходившіе затѣмъ подъ руководствомъ энергическаго вождя нашего дальнѣйшіе переговоры имѣли наконецъ вполнѣ успѣшный исходъ, о подробностяхъ котораго Павелъ Васильевичъ поспѣшилъ донести Государю, нетерпѣливо ожидавшему возможности скорѣйшаго присоединенія Дунайской арміи къ вой-

---

[79] Русскій Архивъ, 1870 г., стр. 1543.
[80] Русская Старина, 1877, т. III, стр. 35—76, 177—204, 353—365.

скамъ нашимъ, которыя уже вступили въ открытый бой съ Наполеономъ, стоявшимъ со своимъ многочисленнымъ, разноплеменнымъ воинствомъ на твердынѣ Россійской Имперіи [81].

Со времени отъѣзда изъ Петербурга П. В. Чичагова непрерывно продолжалась самая оживленная переписка между нимъ и Императоромъ Александромъ, не перестававшимъ своевременно и собственноручно извѣщать адмирала о ходѣ кампаніи; онъ дѣлился съ адмираломъ своими мыслями, предположеніями, давалъ ему наставленія, сообщалъ ему свои, лично имъ составленные планы кампаніи, по которымъ происходила та памятная для Россіи борьба съ Наполеономъ I.

Интересъ всей этой переписки, освѣщающей вполнѣ событія минувшія, въ которыхъ игралъ не маловажную роль видный сподвижникъ Императора Александра — адмиралъ Чичаговъ, даетъ и намъ возможность привести здѣсь часть ея содержанія какъ для уясненія отношеній существовавшихъ между Государемъ и его довѣреннымъ лицемъ, такъ и для объясненія нѣкоторыхъ дѣйствій послѣдняго, столь мало оцѣненнаго еще умнѣйшаго русскаго дѣятеля.

6 іюля 1812 года Императоръ Александръ писалъ Чичагову, что дѣла наши идутъ недурно. «Наполеонъ располагалъ уничтожить насъ подъ Вильною», говорилось въ письмѣ Государя, «но «согласно принятому нами образу дѣйствій — не подвергать себя «напрасно опасности въ столкновеніи съ превосходными силами и «вести войну медленную, постоянно маневрируя — мы отступаемъ «шагъ за шагомъ, а въ то же время князь Багратіонъ подвигается «со своею арміею незамѣтно въ обходъ, на правый флангъ не«пріятеля. Вскорѣ мы надѣемся дѣйствовать наступательно. По«старайтесь, какъ только возможно вамъ, не упускать случая до«стигнуть главной цѣли, а именно — сколь можно болѣе вредить «нашему народному врагу» [82].

Между тѣмъ, томясь въ бездѣйствіи и ожидая завершенія мирнаго дѣла, которое упорно затягивалось, вслѣдствіе того, что султанъ Махмудъ медлилъ ратификаціею Бухарскаго трактата, адмиралъ Чичаговъ рвался идти прямо на Оттоманскую столицу. Но

---

[81] См. Письма П. В. Чичагова къ Императору Александру Павловичу, съ подробнымъ изложеніемъ замѣшательствъ и хода переговоровъ съ Оттоманскою Портою—Сборникъ Русск. Историч. Общества, т. VI, стр. 1—67.

[82] Русскій Архивъ 1870 г., стр. 1544.

не рѣшаясь на такое предпріятіе своею собственною властію, онъ писалъ 29 іюня Императору:

— «Мнѣ необходимо, чтобы ваше величество соизволили положить предѣлъ нашей снисходительности въ отношеніи Турокъ. Сколько времени я долженъ зависѣть отъ своенравія ихъ? Миръ этотъ въ настоящее время былъ бы намъ полезенъ уже потому, что онъ произведетъ благопріятное дѣйствіе на умы какъ русскаго народа, такъ и нашихъ враговъ. Но для задуманнаго Вами плана задержка въ установленіи мира связываетъ насъ и заставляетъ терять драгоцѣнное время. Надо принять этотъ миръ какъ временную сдѣлку, которая имѣла уже хорошее дѣйствіе на непріятеля и можетъ оказаться еще болѣе полезною для насъ, когда дойдетъ до новаго разрыва съ Турками. Въ виду совершающихся здѣсь замедленій, я считаю упорство Турокъ помѣхою нашихъ предположеній; но чтобы не терять времени, я буду дѣйствовать такъ, какъ будто бы союзъ уже заключенъ. Пусть Турки остаются недовольны этимъ, но лучше досадить имъ, чѣмъ связать себя и оставлять всю армію въ бездѣятельномъ положеніи. При этомъ, могу почти завѣрить Ваше Величество, что разрывъ съ ними не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій на духъ русскаго народа, потому что онъ узнаетъ объ этомъ событіи лишь тогда, когда я буду на полпути къ Константинополю. Остается мнѣ ждать только на это Вашего разрѣшенія».[83]

— «Я только что собирался послать къ вамъ отвѣтъ на из«вѣщеніе ваше отъ 26 іюня, писалъ 18 іюля Государь адмиралу, «какъ получилъ вашу депешу отъ 29 іюня. Я хотѣлъ было впол«нѣ одобрить ваши предположенія, предпринятыя вами до 26 іюня «и дать вамъ полную волю дѣйствовать по своему усмотрѣнію; но, «признаюсь, письмо ваше отъ 29 числа привело въ крайнее замѣ«шательство насчетъ испрашиваемаго вами разрѣшенія. Вашъ планъ «очень обширный, смѣлый, но можно ли ручаться за успѣхъ онаго? «А между тѣмъ, мы отнимаемъ у себя возможность совершить бо«лѣе необходимую для насъ диверсію противъ аттакующаго насъ «врага и вообще на долгое время отлагаемъ содѣйствіе всѣхъ коман«дуемыхъ вами войскъ, въ случаѣ ежели бы вы направили ихъ на «Константинополь. Не говоря уже объ общемъ впечатлѣніи, какъ «на нашихъ соотечественниковъ, такъ и на союзниковъ нашихъ—

---

[83] Тамъ же, стр. 1545.

«Англичанъ и Шведовъ, которые будутъ встревожены подобнымъ
«движеніемъ, не навлечемъ ли мы себѣ этимъ новыя, напрасныя
«затрудненія? Когда Австрійцы, у которыхъ въ настоящее время
«стоитъ на полѣ всего 30.000 войска, узнаютъ, что Оттоманской
«Имперіи грозитъ явная опасность по отношенію ея самобытности,
«то не будутъ ли они вынуждены, если не по собственному по-
«бужденію, то, конечно по настоянію Императора Наполеона, вы-
«ставить противъ насъ болѣе значительныя силы для воспрепят-
«ствованія исполненію нашихъ грозныхъ предпріятій. Съ вступле-
«ніемъ ихъ армій [illegible] въ Молдавію и Валахію, со-
«общенія ваши будутъ прерваны и тогда, войска, съ которыми
«пойдете на Константинополь, окажутся въ большемъ затрудненіи,
«имѣя позади себя непріятельскія арміи.

«Диверсія, которую, согласно письму вашему отъ 29 іюня, вы
«желали бы принять, встрѣчаетъ теперь, какъ мнѣ думается, слиш-
«комъ много препятствій, и ихъ то надо избѣжать, ограничиваясь
«болѣе соотвѣтствующими ходу дѣлъ шагами, не менѣе полезными
«для насъ по своимъ результатамъ. Я полагаю, что произведя раз-
«мѣнъ ратификацій, вамъ надо удовольствоваться пока такимъ, хо-
«тя бы и временнымъ, миромъ, не требуя болѣе отъ Турціи, пред-
«полагавшагося прежде союза, и двинуть поспѣшно всѣ войска
«ваши черезъ Хотинъ и Каменецъ-Подольскъ къ Днѣпру. Здѣсь,
«вы будете усилены арміею Тормасова, которому я отдалъ прика-
«заніе сдать вамъ начальство надъ нею и назначу его начальству-
«ющимъ въ Кіевъ. Имѣя такую большую армію, состоящую изъ
«7-ми или 9-ти дивизій, вы пойдете противъ всего, что встрѣтите
«передъ собою, прямо къ Варшавѣ; этимъ движеніемъ вы сдѣлаете
«диверсію весьма полезною для первыхъ двухъ нашихъ армій, про-
«тивъ которыхъ стоятъ теперь громадныя силы Наполеона.

«Я думаю, что слѣдуетъ избрать одинъ изъ двухъ плановъ:
«или произвести диверсію къ сторонѣ Далмаціи и Адріатическаго
«моря, или же идти черезъ Подольскъ, на Варшаву. Дѣло съ Кон-
«стантинополемъ можетъ быть выполнено въ послѣдствіи. Когда
«дѣла наши противъ Наполеона примутъ благопріятный для насъ
«оборотъ, то мы можемъ всегда приступить къ исполненію вашего
«плана противъ Турокъ. Но рѣшиться на него въ такой критиче-
«скій моментъ, когда намъ и безъ того предстоитъ борьба съ бо-
«лѣе тяжелыми затрудненіями и громадными непріятельскими си-
«лами, мнѣ кажется, было бы слишкомъ рискованнымъ. Все вни-
«маніе ваше въ настоящее время должно быть устремлено исклю-

«чительно на то, чтобъ сдѣлать обходное движеніе въ тылъ главнаго нашего врага; или же берегомъ Адріатическаго моря приблизиться къ Тиролю и Швейцаріи, а оттуда идти къ центру «Германіи, даже до Границъ Франціи; можно также направиться «прямо черезъ Герцогство Варшавское, уничтожая все учрежденное тамъ непріятелемъ и лишая его тѣхъ средствъ, которыми онъ «пользуется изъ Края оставшагося у него въ тылу. Предоставляю «вамъ самимъ на выборъ одинъ изъ этихъ плановъ. Пишу къ Ришелье (въ Одессу), чтобы онъ во всемъ исполнялъ ваши распоряженія.

«Что касается до нашихъ событій здѣсь, то вотъ уже мѣсяцъ какъ мы воюемъ и Наполеону не удалось еще нанести намъ «ни одного рѣшительнаго удара, что имъ обыкновенно дѣлалось «на четвертый, или даже на третій день въ своихъ прежнихъ походахъ.

«Мы совершенно въ цѣлости и во всѣхъ отдѣльныхъ стычкахъ постоянно беремъ верхъ надъ непріятельскими отрядами. «Мы ведемъ войну выжидательную, потому что противъ превосходныхъ силъ и системы Наполеона—быстро оканчивать войну— «это единственное средство къ успѣху на которое мы можемъ еще «надѣяться». [84]

Вслѣдъ за тѣмъ, Императоръ Александръ писалъ адмиралу Чичагову 30 іюля:

— «Твердо рѣшившись продолжать войну до послѣдней крайности, я долженъ былъ подумать и о составленіи новыхъ резервныхъ силъ. Въ этихъ видахъ я ѣздилъ на нѣсколько дней въ «центръ своей Имперіи, чтобы ободрить умы и подготовить страну, можетъ быть, къ бо́льшимъ пожертвованіямъ на святое дѣло, «за которое Мы бьемся. Результатъ поѣздки превзошелъ всѣ мои «ожиданія. Смоленскъ предложилъ мнѣ 15 т. ратниковъ, Москва— «80 т., Калуга—23 т. человѣкъ. Безпрерывно получаю подобныя «же изъявленія и изъ другихъ губерній. Между тѣмъ долженъ сказать, что дѣйствующія войска наши далеко еще не разстроены. «Въ бытность Мою въ Смоленскѣ, мнѣ доставленъ отъ васъ ратификованный трактатъ мира съ Турціею.

«Болѣе чѣмъ когда-нибудь я настаиваю теперь на выполненіе «того, что уже излагалъ вамъ въ своихъ послѣднихъ письмахъ. «Всѣ стремленія наши должны быть направлены къ тому, чтобы

---

[84] Тамъ же, стр. 1546—1549.

«употребить всѣ наличныя наши воинскія силы противъ главнаго «врага, съ которымъ мы боремся въ настоящую минуту. Дѣйствуйте по тому плану, который я вамъ начерталъ и поспѣшно идите «со всѣми вашими войсками на Днѣстръ, а оттуда на Дубно. Тамъ «вы будете усилены всею арміею генерала Тормасова и корпусомъ «герцога Ришелье; подобное подкрѣпленіе составитъ армію изъ «8-ми или 9-ти дивизій пѣхоты и изъ 4-хъ или 5-ти кавалеріи; съ «такими силами вы можете предпринять наступленіе на Пинскъ, «или на Люблинъ и Варшаву. Это движеніе со стороны вашей не«сомнѣнно поставитъ Наполеона въ крайне затруднительное по«ложеніе и можетъ дать совершенно иной оборотъ его дѣйствіямъ.[85]

Отказавшись, хотя и невольно, отъ своихъ замысловъ противъ Турціи, адмиралъ все-таки не покидалъ мысли, какъ видно изъ писемъ его, о будущности русской политики на востокѣ, руководствуясь этими стремленіями, онъ представилъ Императору Александру планъ учрежденія русскихъ консульствъ въ разныхъ мѣстахъ турецкихъ владѣній, и проектъ его удостоился Монаршаго одобренія.

Устроивъ администрацію въ княжествахъ, адмиралъ Чичаговъ оставилъ г. Стурдзѣ инструкцію, касающуюся управленія доставшейся Россіи по Бухарскому трактату, Бессарабіею и при этомъ высказалъ ему свой взглядъ въ такихъ выраженіяхъ: «завѣдуя Бессарабіею, вы должны стараться положить основаніе прочному административному строю въ краѣ. Обезпечивайте мѣстнымъ жителямъ право владѣнія, облегчайте возможность пріобрѣтенія тамъ земель со стороны желающихъ поселиться въ нашихъ владѣніяхъ. Общественныя мѣста должны быть замѣщаемы вами со строгою справедливостію; добросовѣстность правительственныхъ лицъ должна заставить населенія забыть о прежнемъ отсутствіи всякой правды и законности. Доставьте жителямъ Бессарабіи благо отеческой, разумной администраціи. Обратите искуснымъ образомъ вниманіе сосѣдственныхъ народовъ на край, которому вами дано будетъ благоденствіе. Послѣдняя война подавала большія надежды христіанскимъ населеніямъ Турціи на присоединеніе къ намъ, а потому, въ настоящее время, когда наша армія будетъ далеко оттуда, позаботтесь о сохраненіи ихъ привязанности къ намъ и оградите ихъ отъ вліянія всякихъ враждебныхъ намъ элементовъ. Болгары, Молдаване, Валахи, Сербы ищутъ себѣ отечества—отъ васъ будетъ за-

[85] Тамъ же, стр. 1549—1550.

висѣть внушить имъ убѣжденіе, что они найдутъ его подъ вашимъ благоразумнымъ управленіемъ». [86]

Лишь только состоялась окончательная ратификація султаномъ мирнаго договора, адмиралъ Чичаговъ, съ грустію отвращая свои взоры отъ водъ Босфора, 3 (15) августа выступилъ со всею своею арміею изъ княжествъ и направился къ указанному ему Императоромъ пункту. Пройдя Фокшаны и Яссы, слѣдуя потомъ чрезъ Каменецъ-Подольскъ, онъ перешелъ 18 (30) августа Днѣстръ, въ Хотинѣ и 2 (14) сентября настигъ на р. Стыри, въ Луцкѣ, генерала Тормасова, который отбивался тамъ отъ австрійскихъ войскъ генерала князя Шварценберга.

По свидѣтельству современныхъ очевидцевъ, адмиралъ Чичаговъ привелъ изъ Молдавіи свою армію въ наилучшемъ видѣ. [87]

Четыре дня спустя по вступленіи своемъ въ Луцкъ, Павелъ Васильевичъ получилъ увѣдомленіе о назначеніи князя М. И. Кутузова главнокомандующимъ всѣми дѣйствующими въ Имперіи арміями—распоряженіе, которое ставило адмирала въ полную зависимость отъ новаго, недружелюбнаго ему полководца.

Извѣщая объ этомъ, Императоръ Александръ Павловичъ писалъ Чичагову, «что послѣ допущенныхъ нашими военачальниками «безчисленныхъ ошибокъ, которыя вызвали совершившіяся пере«мѣны, *le général Koutousoff était le seul des généraux que j'avais sous «la main et la voix publique l'appellait à cette destination*». [88]

Довольный вообще распоряженіями адмирала Чичагова въ оставленномъ имъ краѣ, Императоръ Александръ въ письмѣ къ нему отъ 5 сентября 1812 года говоритъ:

— «Не нахожу словъ для выраженія вамъ того, насколько «доставили мнѣ удовольствія чувства выраженныя вами въ послѣд«немъ письмѣ. Вы знаете мою дружбу къ вамъ, которая никогда «не измѣнялась ни при какихъ обстоятельствахъ. Буду отвѣчать «теперь на различные пункты вашихъ писемъ, требующихъ моего «разрѣшенія.

«Организацію, установленную вами въ Бессарабіи признаю «превосходною и рѣшительно не вижу надобности дѣлать въ ней

---

[86] Тамъ же, стр. 1550—1551.

[87] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 234.

[88] Mémoires de l'amiral Tchitchagoff, 1862 p. 124—«генералъ Кутузовъ былъ единственнымъ военачальникъ, котораго онъ имѣлъ подъ руками и котораго общественный голосъ призвалъ на такой постъ».

«какія бы то ни было измѣненія. Я надѣюсь, что благодаря за-
«ботамъ вашимъ и г. Стурдзе, край восчувствуетъ благопріятную
«для себя перемѣну, будетъ вполнѣ счастливымъ. Присланная ва-
«ми меморія относительно жителей Молдавіи, имѣющихъ владѣнія
«на обоихъ берегахъ Прута, очень разумна и я апробую ваше
«распоряженіе въ полномъ его составѣ. Но чѣмъ не могу я доста-
«точно нахвалиться—это образомъ дѣйствій вашихъ по отношенію
«Сербовъ. Вызванная вами преданность къ намъ этого народа, со-
«ставляетъ истинную услугу, оказанную вами какъ Россіи, такъ и
«Мнѣ.[89]

Перейдемъ теперь къ описанію появленія адмирала П. В. Чичагова на другой аренѣ дѣйствій, въ памятную эпоху событій отечественной войны 1812 года.

Съ приближеніемъ арміи адмирала Чичагова, австрійскій генералъ князь Шварценбергъ пересталъ тревожить войска генерала Тормасова и отступилъ къ Брестъ-Литовску, куда пошелъ за нимъ въ догоню адмиралъ со своими отрядами[90]. Соединенными силами Чичагова и Тормасова начались тогда наступательныя дѣйствія противъ Австрійцевъ и Саксонцевъ, союзниковъ Наполеона, съ цѣлію отбросить ихъ за нашу границу, или по крайней мѣрѣ, выгнать изъ Волыни.

Перейдя черезъ р. Стырь они настигли князя Шварценберга близь Брестъ-Литовска и дружными движеніями старались вызвать его на бой; но австрійскій военачальникъ предпочелъ уклониться отъ вызова и отступилъ 9 сентября за р. Бугъ.

Въ то время какъ нашими двумя военачальниками дѣлались приготовленія къ дальнѣйшему движенію обѣихъ армій, 17 сентября прибылъ въ главную квартиру адмирала Чичагова флигель-адъютантъ Императора, А. И. Чернышевъ, съ новымъ планомъ кампаніи, который Императоръ Александръ I сообщалъ ему чрезъ посредство главнокомандующаго всѣми арміями князя Кутузова. Въ полученныхъ наставленіяхъ, данныхъ на имя адмирала Чичагова, за подписью самого Императора, было сказано:

— «Отдаленіе непріятельскихъ силъ за Днѣпръ, приготовлен-
«ные и уже соединенные тамъ способы наши, бывъ достаточны
«для занятія и пораженія ихъ, даютъ намъ возможность сдѣлать
«сильное нападеніе въ тылъ непріятеля и дѣйствовать на его опе-

---

[89] Mémoires de l'amiral Tchitchagoff, 1862, p. 120—126.

[90] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 166, 168, 170—171, 179.

«раціонную линію: отъ сѣвера черезъ Двину въ губерніи Виленскую и Минскую, двумя арміями — графа Штейнгеля и графа «Витгенштейна; отъ юга, въ губерніи Гродненскую и Минскую, «тоже двумя арміями, одною бывшею Тормасова, а другою со«стоящею подъ вашимъ предводительствомъ. Отъ излагаемаго здѣсь «общаго на врага наступленія послѣдовать должно освобожденіе «и спасеніе Россіи. Еслибы на столь великомъ пространствѣ всѣ «части вообще и каждая особенно не шли къ предметамъ, имъ «опредѣленнымъ сообразно видамъ и къ лучшему успѣху цѣлаго, «тогда и наиполезнѣйшее предпріятіе могло бы обратиться въ «предосужденіе. Всякое не единовременное движеніе войскъ на«шихъ, въ настоящемъ ихъ положеніи, можетъ произвесть не иное «что, какъ утрату людей, безъ важныхъ послѣдствій, если оно «будетъ только отдѣльное, а не всеобщее и сообразное съ цѣ«лымъ и со всѣми другими отдѣльными частями, да и то такъ «исполнено, чтобы повсюду дѣйствія совершаемы были даже въ «опредѣленное время и къ опредѣленнымъ пунктамъ. Итакъ, при «общихъ усиліяхъ и при облегченіи другъ друга, самые успѣхи «содѣлаются несомнительны, да и послѣдствія будутъ полезнѣе и «важнѣе. Намъ, конечно, слѣдуетъ пользоваться отдаленіемъ глав«ныхъ силъ непріятеля, для возстановленія разорванныхъ нашихъ «сообщеній». Въ этихъ видахъ, съ одной стороны, графъ Витген«штейнъ и графъ Штейнгель съ рижскимъ гарнизономъ должны были дѣйствовать противъ корпусовъ маршаловъ Макдональда, Удино и Сенъ-Сира, а съ другой, армія бывшая Тормасова—сдерживать корпуса Шварценберга и Ренье по дорогѣ отъ Пружанъ до Слонима, до тѣхъ поръ, пока Дунайская армія не достигнетъ Пинска. «Отсюда» — сказано было далѣе въ наставленіи Чичагову—«бывъ закрыты движеніями бывшей арміи Тормасова, стре«мительно должно вамъ броситься черезъ Несвижъ до Минска, и «тѣмъ отрѣзавъ Шварценберга и Ренье отъ главной непріятельской «арміи, тогда же соединиться въ одну сторону съ бывшею арміею «Тормасова, между Смоленскомъ и Несвижемъ, дабы войска Швар«ценберга и Ренье отъ Минской губерніи тѣмъ еще болѣе совер«шенно и конечно отрѣзаны были, а въ послѣдствіи и въ другую «сторону, черезъ Минскъ, также соединиться съ графомъ Витген«штейномъ, въ одно и то же время присоединивъ къ себѣ въ «Минскѣ корпусъ изъ Мозыря, такъ, чтобы, при неразрывномъ «соединеніи всѣхъ силъ нашихъ въ Литвѣ, могли быть опрокину«ты и принуждены обратиться: саксонцы въ герцогство Варшав-

«ское, цесарцы въ Галицію, пруссаки и виртембергцы за Нѣманъ, «а французы искоренены до послѣдняго».

Адмиралу Чичагову были сообщены при этомъ списки съ наставленій, данныхъ всѣмъ другимъ начальникамъ войскъ и *къ непремѣнному исполненію* его предписывалось:

— «Отъ Острога обратить Дунайскую армію на Пинскъ, гдѣ «25 сентября должно ей быть непремѣнно, поелику одинъ изъ «главныхъ успѣховъ всей операціи есть: закрываясь движеніями «Тормасова, выиграть вамъ надъ корпусами Ренье и Шварценберга «нѣсколько переходовъ отъ Пинска на Несвижъ и Минскъ, дабы, «предупреждая ихъ въ сихъ мѣстахъ, совершенно отрѣзать ихъ «отъ Минской губерніи, Березины и главной непріятельской арміи. «Не позже какъ къ первому октября, а если ранѣе, тѣмъ лучше, «армія, вами предводимая, должна быть въ Несвижѣ. Тутъ, учредя «сообщеніе съ бывшею арміею Тормасова, къ 5-му, октября усилить ее, если нужно, отрядомъ войскъ вашихъ, и тѣмъ поставить въ лучшую возможность сильно поразить и преслѣдовать «Шварценберга и Ренье, выгоняя ихъ въ Галицію. Къ 9-му октября, наипозднѣе, а если прежде, тѣмъ лучше, главныя силы «ваши должны быть въ Минскѣ, гдѣ къ тому же дню придетъ «къ вамъ отрядъ изъ Мозыря. Изъ Минска, какъ можно скорѣе, «въ одну сторону займете рѣку Березину и Борисовъ, гдѣ должно «укрѣпить сильный лагерь, занимая и далѣе лѣсъ и дефилеи по «дорогѣ отъ Борисова до Бобра и укрѣпляя по всей дорогѣ сей «всѣ способныя къ тому мѣста, такъ, чтобы на возвратномъ пути «главной непріятельской арміи, преслѣдуемой нашими войсками, «тутъ на каждомъ шагу могло быть производимо сильное сопротивленіе; а въ другую—къ 15 октября, соединитесь съ графомъ «Витгенштейномъ къ сторонѣ Докшицъ, чѣмъ и прямѣйшія коммуникаціи ваши, какъ съ Петербургомъ, такъ и съ Кіевомъ, совершенно утверждены и обезпечены будутъ. Занимая, такимъ образомъ, центръ соединенныхъ трехъ армій и имѣя четвертую резервомъ въ Вильнѣ, подъ начальствомъ графа Штейнгеля, между «тѣмъ происшествія въ главныхъ арміяхъ откроютъ то, что предвидѣть нѣтъ возможности, и тогда по стремленію непріятеля или «на лѣвый флангъ, черезъ Улу, или на центръ, черезъ Бобръ или «Борисовъ и Березину, или на правый флангъ къ Бобруйску — и «наши три арміи соединиться должны для отраженія непріятеля, «или въ центрѣ, или на которомъ-либо флангѣ. Однимъ словомъ: «вездѣ, гдѣ бы онъ только какое покушеніе сдѣлать могъ, всегда

«съ дѣятельностію и быстротою предупреждая, по крайней мѣрѣ, «въ равныхъ силахъ, удерживая такъ расположеніе войскъ на«шихъ, чтобы не только въ непріятельскую главную армію изъ-за «границъ нашихъ ничего доходить не могло, но чтобы и изъ оной «курьеры или шпіоны нигдѣ прокрасться не могли, и ни малѣй«шая часть той главной непріятельской арміи, столь далеко за«шедшей внутрь предѣловъ нашихъ, столь изнуренной понесен«ными уже утратами, тѣми пораженіями и тяжкими походами, «какіе еще понести можетъ,—безъ пораженія въ конецъ и совер«шеннаго истребленія изъ предѣловъ нашихъ отступить не могла. «Наконецъ, если отраженный отъ Москвы непріятель покусится «обратиться на Кіевъ или Петербургъ, то и тутъ отъ вашей цен«тральной позиціи возможно успѣть обратиться въ ту или другую «сторону, закрывая или Днѣпръ или Волховъ, и предупредить тамъ «непріятеля, съ другой стороны всегда неотступно поражаемаго «въ тылъ отъ главныхъ соединенныхъ армій нашихъ, подъ предводи«тельствомъ князя Кутузова. До того же времени, бывъ тутъ въ «неразрывномъ соединеніи и непрестанныхъ сношеніяхъ со всѣми «другими частями войскъ нашихъ, въ семъ положеніи ожидать «должно, что произойдетъ въ главныхъ арміяхъ, и по тѣмъ про«исшествіямъ въ свое время безъ дальнѣйшихъ наставленій остав«лены не будете».

Въ бывшую армію генерала Тормасова также было прислано наставленіе и ей велѣно къ 30-му сентября подойти къ Пружанамъ и скрывать отъ непріятеля движенія Чичагова отъ Пинска къ Несвижу, а потомъ разбить Шварценберга и Ренье и «отда«лить ихъ такъ, чтобы, оставя только извѣстительные посты по «рѣкѣ Шарѣ, отъ впаденія ея въ Нѣманъ, черезъ Слонимъ до «Пинска, дать тѣмъ средство спокойно между Минскомъ и Док«шицею соединиться графу Витгенштейну съ арміею Чичагова. «Тогда вы армію свою поставьте при Несвижѣ, откуда равно «наблюдать можете въ одну сторону до Шары, а въ другую до «Бобруйска и до Березины, при Борисовѣ, оставаясь въ неразрыв«номъ соединеніи и частыхъ сношеніяхъ съ войсками въ Вильнѣ «и Минскѣ» [91].

Одновременно съ командированіемъ Чернышева къ Кутузову, а отъ него къ Чичагову, Императоръ Александръ послалъ къ ад-

---

[91] Полное собраніе сочиненій Михайловско-Данилевскаго т. V, стр. 28—33; Русская Старина, 1877 г., т. III, стр. 47—50.

миралу обширное собственноручное письмо отъ 5 сентября. Въ немъ онъ наиподробнѣйше изложилъ ему вообще свой взглядъ на военныя дѣйствія нашихъ армій до Бородинскаго сраженія и высказалъ свои виды относительно дальнѣйшаго плана военныхъ операцій противъ Наполеона. Для выполненія составленнаго плана Государь Александръ Павловичъ прямо ставилъ П. В. Чичагова въ положеніе главнаго дѣйствующаго лица для рѣшительной борьбы съ врагомъ въ предѣлахъ Россійскихъ [92].

— «Я нахожу»—писалъ Государь Чичагову—«*всѣ ваши военныя соображенія какъ нельзя болѣе вѣрными* [93] и убѣжденъ, что съ «умомъ и энергическимъ характеромъ, которымъ одарила васъ при«рода, вы окажете важнѣйшія услуги отечеству и благому дѣлу «(à la bonne cause)». Говоря далѣе, что наступило время совокупныхъ дѣйствій всѣхъ армій, находящихся въ тылу непріятеля, Императоръ писалъ ему, что «съ этою цѣлію онъ отправилъ полков«ника Чернышева, для сообщенія своихъ предположеній къ князю «Кутузову; онъ отъ него поѣдетъ къ вамъ и сообщитъ ихъ. Я «вовсе не предполагаю, чтобы все могло быть исполнено съ бук«вальною точностію; но это только основа (canevas), а ваше соб«ственное благоразуміе вамъ укажетъ какъ слѣдуетъ дѣйствовать. «Я вызываю генерала Тормасова въ большую армію, основываясь «на томъ, что князь Багратіонъ раненъ. Вы примете подъ свое «начальство его армію, которая сольется въ одно цѣлое съ вашею. «Корпуса Эртеля и Сакена также войдутъ въ ея составъ и вы бу«дете руководить ихъ дѣйствіями къ предназначенной цѣли. Вой«ска графа Витгенштейна передъ Полоцкомъ будутъ состоять изъ «45 тысячъ; Штейнгель съ рижскимъ гарнизономъ будетъ имѣть «35 тысячъ; вотъ уже 80 тысячъ, и ваша армія будетъ прости«раться до такого же количества, если не болѣе, такъ что 160 «тысячъ окажутся въ тылу у Наполеона» [94].

---

[92] Должно, между прочимъ, упомянуть, что Императоръ Александръ Павловичъ не особенно жаловалъ, и даже не любилъ двухъ поставленныхъ имъ же главныхъ дѣятелей той эпохи — князя Кутузова и графа Ростопчина, одна лишь популярность которыхъ вынудила его уступить общественному голосу и дать имъ видныя роли въ отечественной военной драмѣ 1812 года.

[93] Изъ этихъ выраженій можно вывести предположеніе, что П. В. Чичаговъ не переставалъ дѣлиться съ Государемъ своими взглядами на дѣло народной обороны, взгляды, которые и могли отчасти внушить Александру Павловичу, начертанный имъ новый планъ кампаніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и намѣреніе ввѣрить выполненіе таковаго своему довѣренному, разумному совѣтчику.

[94] Русская Старина, 1877 г., т. III, стр. 51. *Примѣчаніе.* Адмиралъ Чича-

Изъ приведеннаго видно, что весь планъ военныхъ операцій отечественной войны 1812 года былъ обдуманъ и заблаговременно начертанъ самимъ Императоромъ Александромъ I, а имъ уже переданъ къ исполненію главнокомандующему всѣми арміями князю Кутузову. Составивъ, такимъ образомъ, самъ всѣ стратегическія распредѣленія и локализируя базисъ главнѣйшихъ дѣйствій съ нашей стороны противъ Наполеона, по неизбѣжномъ оставленіи имъ разоренной Москвы, Государь видимо отдавалъ предпочтеніе предъ Кутузовымъ адмиралу Чичагову, котораго поэтому и желалъ поставить, какъ главнаго дѣятеля, въ центрѣ всей военной дислокаціи, для того, чтобы, при благополучномъ исходѣ рѣшительнаго момента, предоставить ему, исключительно, право стяжать побѣдныя лавры, заслуживъ честь и славу отечественнаго избавителя.

Въ виду такого явнаго предпочтенія, естественно, что зрячій, хотя бы физически только на одинъ глазъ, и далеко не чуждый славолюбія, излюбленный народомъ предводитель — князь Кутузовъ — хорошо понималъ, что его заставляютъ, въ ущербъ себѣ, свивать побѣдный вѣнецъ для другаго ему подчиненнаго — адмирала Чичагова. Слѣдовательно, при такихъ обстоятельствахъ, нельзя было и ожидать, въ сущности, чтобы онъ, легко уступая свои права, могъ съ полнымъ самоотверженіемъ принять на себя обязательную программу дѣйствій, которая, устраняя его вовсе отъ чести успѣха, предоставляла таковой всецѣло такому сопернику, къ коему глубоко затаилось еще и прежде недружелюбное, ревнивое чувство. Возбужденіе князя Кутузова усиливалось еще болѣе и тѣмъ оборотомъ, что, въ нарушеніе возложеннаго на него званія отвѣтственнаго главнокомандующаго всѣхъ войскъ, ему не давали даже присущаго должности права избирать способъ борьбы съ врагомъ, но дѣлались, мимо него, распоряженія, долженствовавшія исходить отъ его лица по отношенію подначальнаго ему командира одной части.

Утвердивъ своею подписью только наставленія, предназначенныя адмиралу Чичагову и отославъ ихъ къ князю Кутузову, Им-

---

говъ—въ своихъ запискахъ — считаетъ не совсѣмъ вѣрнымъ это численное указаніе собиравшейся подъ его начальство арміи. Свидѣтельствуя о своемъ выступленіи изъ Бухареста только съ 35 тысячами войска, цифра арміи генерала Тормасова опредѣлена имъ всего въ 23 т. строевыхъ чиновъ.

ператоръ Александръ, какъ бы въ разъясненіе оказываемаго имъ предпочтенія, 31 августа писалъ главнокомандующему:

— «Изъ даннаго мною плана вы усмотрите, что главныя «дѣйствія предполагается произвесть арміею адмирала Чичагова, «а потому слѣдуемое ему на сей случай повелѣніе доставляю къ «вамъ за Моею подписью»[95].

При такихъ обстоятельствахъ можно было, кажется, уже и тогда предвидѣть и предречь извѣстное отклоненіе въ теченіи ожидаемыхъ событій. По отношенію князя Кутузова, намъ кажется, что при его гордой, самолюбивой и злопамятной натурѣ, нельзя было и надѣяться на полное самоотверженіе съ его стороны; напротивъ и тогда надо было уже полагать, что онъ не дастъ спокойно вырвать изъ рукъ своихъ несомнѣнно ожидаемыя лавры и не станетъ второстепеннымъ лицемъ въ такихъ успѣхахъ, честь которыхъ могла и должна была всецѣло принадлежать, по праву, ему, первенствующему военачальнику. Вопросъ заключался только въ томъ, насколько искусно онъ устранитъ своего соперника и пожнетъ самъ честь подготовленную для другаго.

Рѣшившись отозвать генерала Тормасова отъ командованія арміею, Императоръ Александръ поручилъ это князю Кутузову въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— «Важность предстоящихъ обстоятельствъ заставляетъ меня «обратить вниманіе на необходимость, чтобы одинъ начальникъ «руководствовалъ 3-ею западною и Молдавскою арміями. Изъ «двухъ, я, по искренности съ вами, признаю способнѣе адмирала «Чичагова, по рѣшимости его характера. Но не хочу я огорчать «генерала Тормасова, весьма уважаемаго мною»[96].

И такое распоряженіе, ставившее адмирала Чичагова на вѣрный путь успѣха, не могло быть благопріятно встрѣчено со стороны главнокомандующаго князя Кутузова, который ревниво отнесся къ предпочтенію подчиненнаго ему лица, выдвигаемаго Государемъ. Но приходилось внѣшне покориться обстоятельствамъ и скрыть до времени личныя ощущенія оскорбленнаго самолюбія, которыхъ не могъ не испытывать волею народною указанный полководецъ всѣхъ русскихъ армій.

Къ сожалѣнію даже въ такое время бѣдствій, какъ въ отечественную войну 1812 г., хитрый князь Кутузовъ не могъ отрѣ-

---

[95] Русская Старина, 1877 г., т. III, стр. 50.

[96] Тамъ же, стр. 52.

шиться отъ затаеннаго чувства недоброжелательства къ П. В. Чичагову и ревности къ предназначенной самимъ Государемъ важной роли адмиралу и не могъ принести въ жертву свои личные виды для блага общаго дѣла, что, какъ увидимъ далѣе, не только отразилось въ послѣдствіи на судьбѣ Чичагова, но и повліяло на исходъ кампаніи, которая по строго обдуманному плану должна была окончиться блестящимъ плѣненіемъ Наполеона I.

Согласно повелѣнію Императора, князь Кутузовъ, хотя и отозвалъ 24 сентября генерала Тормасова отъ командованія 3-ею западною арміею, которая переходила подъ начальство адмирала Чичагова; но вмѣстѣ съ тѣмъ не оповѣстилъ приказаніемъ ни последняго, ни командировъ отдѣльныхъ ея частей о совершающемся переходѣ власти.

Въ силу только предыдущихъ извѣщеній Государя, П. В. Чичаговъ вступилъ въ командованіе двумя соединенными арміями, подъ наименованіемъ западной. 9 октября онъ писалъ Императору Александру изъ Брестъ-Литовска:

«Я получилъ инструкціи Вашего величества, касающіяся плана военныхъ дѣйствій, столько же обширнаго, какъ и важнаго. Какъ военный, я считаю особою честію и глубоко чувствую этотъ знакъ вашего довѣрія; но какъ человѣкъ, преданный вамъ не по приказу только, а по чувству, самому чистому, глубокому и искреннему, не могу видѣть безъ крайняго огорченія, какъ способы и формы, употребленія для приведенія въ исполненіе самыхъ лучшихъ вашихъ намѣреній, всегда оказываются или ошибочными или недостаточными. Намѣренія вашего величества, въ этомъ послѣднемъ планѣ дѣйствій, заключаются въ томъ, чтобы соединить власть въ одномъ лицѣ, сосредоточить силы и, сколько возможно, сохранить единство для достиженія цѣли; но во всѣхъ полученныхъ мною сообщеніяхъ и предписаніяхъ ни разу нигдѣ не сказано, что начальство надъ этими арміями и соединенными корпусами будетъ поручено мнѣ. Все что относится до мысли о командованіи, изложено такъ неопредѣлено, такъ не умѣстно многорѣчиво, что съ перваго же шага генералъ Тормасовъ не счелъ себя въ правѣ передать мнѣ свою армію. Я рискую встрѣтить то же сопротивленіе и въ начальникахъ всѣхъ корпусовъ, ибо ни одному, не сказано, что онъ будетъ находиться подъ моимъ начальствомъ, но выражено только, приказаніе, чтобы мы сговорились о совокупныхъ дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ, желаемое вами единство начинается размноженіемъ властей. Далѣе, ваше величество изволите требо-

вать величайшей точности въ исполненіи плана; каждый долженъ придти на указанное мѣсто, въ извѣстный день, между тѣмъ мѣсто выступленія опредѣлено невѣрно. Предполагаютъ напримѣръ, что я въ Острогѣ, тогда какъ я былъ уже давно въ Любомлѣ; желаютъ, чтобъ я препятствовалъ соединенію Шварценберга съ главною французскою арміею и чтобы съ этою цѣлію направилъ движеніе вправо, тогда какъ мы его прогнали, перейдя, напротивъ на лѣвый флангъ, чтобы не дать ему, ускользнуть, что, впрочемъ, ему удалось. Корпусъ войскъ, находящійся въ Мозырѣ принадлежащій нынѣ къ 3-й арміи, получаетъ инструкціи изъ Петербурга, основанныя лишь на однихъ предположеніяхъ, тогда какъ я, будучи подлѣ него, могъ бы руководить его движеніемъ сообразно обстоятельствамъ дѣйствительнымъ а не гадательнымъ. Кому неизвѣстно въ настоящее время Ваше Величество обременены важными дѣлами, часто непріятными и что вамъ невозможно наблюдать самому за подробностями передвиженій; тѣмъ не менѣе, я счелъ долгомъ представить мои замѣчанія на воззрѣніе Вашего Величества, дабы, если найдете ихъ справедливыми, Вы повелѣли послѣдующія инструкціи излагать съ большею точностію, не для того только, чтобы устранять сбивчивыя толкованія, которыя могутъ быть послѣдствіемъ неясныхъ инструкцій, но чтобы не возбуждать сомнѣній насчетъ вашихъ первоначальныхъ предначертаній. Но ничто не будетъ упущено, чтобы общее дѣло не пострадало отъ мелкихъ, личныхъ интересовъ, неумѣстныхъ въ настоящее время. Буду дѣйствовать такъ, какъ будто мои инструкціи вполнѣ ясны какъ день. Кто имъ будетъ противиться—тотъ и отвѣтитъ. Всякое слово—писалъ далѣе Чичаговъ въ отвѣтѣ Государю—милостиваго письма, которымъ Вы меня удостоили, служитъ новымъ выраженіемъ Вашего особеннаго ко мнѣ благоволенія, Вашей крайней ко мнѣ снисходительности. Услуги, которыхъ Вы отъ меня ожидаете, будутъ предметомъ исключительныхъ моихъ заботъ единственнымъ употребленіемъ моихъ способностей и стараній. Послѣ отъѣзда Тормасова, я принялъ начальство надъ обѣими арміями, подъ названіемъ западной арміи. Еслибы я получилъ письмо Вашего Величества въ одно время съ инструкціями, привезенными мнѣ Чернышевымъ, то не встрѣтилось бы никакого замѣшательства, никакого затрудненія потому что это письмо пролило бы величайшій свѣтъ на все, что въ инструкціи осталось не выясненнымъ. Въ дѣлахъ у насъ существуетъ какой-то превратный и весьма печальный характеръ. Какъ бы велика, прекрасна и совершенна

ни была первоначальная мысль начальствующаго, переходя через голову подчиненныхъ, она измѣняется, искажается и дѣлается дурною, или даже мелкою ничтожною, тогда какъ въ другихъ странахъ первоначальная мысль, сколько нибудь полезная и свѣтлая совершенствуется *на* въ примѣненіи ея подробностей, насколько возможно, переходя черезъ извѣстныя инструкціи, и производитъ наилучшее дѣйствіе.

Я это встрѣчаю въ маломъ видѣ, а Ваше Величество испытываете въ большемъ и это, къ сожалѣнію, очень прискорбно. Употреблю все стараніе свое, что бы выяснить себѣ вполнѣ смыслъ всѣхъ намѣреній Вашего Величества и буду въ точности соображать съ ними дальнѣйшія свои дѣйствія» [97].

Итакъ, на первыхъ же порахъ, Чичаговымъ встрѣчены были препятствія, неясности въ получаемыхъ имъ приказаніяхъ и какое-то скрытое, противодѣйствіе. Все это не предвѣщало ничего хорошаго и невольно выступалъ вопросъ—*дадутъ ли адмиралу воспользоваться блестящимъ случаемъ*, который предоставлялъ ему Императоръ Александръ I?

Въ то время, торопившіяся съ запада на соединеніе съ отступающимъ Наполеономъ, арміи князя Шварценберга и маршала Ренье перешли уже Бугъ въ Брестѣ и заняли позицію между рѣками Муховцемъ и Лѣсною. 29 сентября, адмиралъ Чичаговъ рѣшился аттаковать Шварценберга, который опять показалъ явное нежеланіе вступить въ открытую борьбу и отступилъ. Въ надеждѣ заставить его принять сраженіе, адмиралъ, преслѣдуя австрійскія войска, прошелъ Подолію и большую часть Волыни, откуда вогналъ непріятеля въ границы Польскія и самъ туда же послѣдовалъ за нимъ. Войдя въ герцогство Варшавское и остановившись тамъ временно, Павелъ Васильевичъ всѣми мѣрами старался привлечь Поляковъ на сторону Россіи, доказывая имъ вполнѣ ясно непрочность обѣщаній французскаго императора. Твердость, сопровождаемая благоразумнымъ образомъ дѣйствій его въ краѣ, оказалась не безуспѣшною и отрезвила нѣсколько отуманенныя головы Поляковъ.

Послѣ небольшой остановки въ польскихъ земляхъ, Чичаговъ направился съ войсками своими къ Минску, откуда пошелъ на Борисовъ, гдѣ, согласно общей инструкціи, долженъ былъ присоединиться къ нему графъ Витгенштейнъ [98].

---

[97] Русская Старина, 1877 г., т. III, стр. 52—54.
[98] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 192, 196.

Но полученныя въ пути извѣстія заставили адмирала вернуться опять къ Брестъ-Литовску, куда онъ и прибылъ 9 октября. Причины возвращенія его заключались въ томъ, что въ отсутствіе его князь Шварценбергъ сталъ опять тревожить край своими нападеніями. Адмиралъ гонялся за 40-ка-тысячною австрійскою арміею, вызывая ее всячески на сраженіе, но князь Шварценбергъ, настойчиво избѣгая воинской встрѣчи съ нимъ, по прежнему ушелъ назадъ [99].

Во время всѣхъ этихъ передвиженій, имѣвшихъ цѣлію преслѣдованіе Австрійцевъ, Чичагову удавалось настигать мелкіе отряды Французовъ, которыхъ онъ истреблялъ, бралъ въ плѣнъ и отнималъ у нихъ значительные обозы, высылавшіеся постоянно изъ Москвы съ награбленнымъ въ столицѣ разнымъ имуществомъ. [100]

13 октября главнокомандующій князь Кутузовъ писалъ адмиралу:

— «Непріятель, кажется, совсѣмъ оставилъ Москву и намѣреваясь отступать по изобильнымъ нашимъ провинціямъ, потянулся со всѣми силами по новой Калужской дорогѣ къ Боровску. При всѣхъ хитрыхъ и свойственныхъ ему движеніяхъ, намѣреніе его было предупреждено и съ 11 на 12 число, въ ночи, генералъ Дохтуровъ съ корпусомъ приблизился къ Малоярославцу, нашелъ въ немъ часть непріятельскихъ войскъ и въ 5 часовъ утра завязалось дѣло, которое впослѣдствіи, съ приближеніемъ всѣхъ нашихъ войскъ, сдѣлалось значущимъ сраженіемъ и продолжалось по одиннадцатый часъ ночи. Предметъ сраженія былъ городъ Малоярославецъ, который восемь разъ занимаемъ нами и столько же уступаемъ былъ сильному стремленію непріятеля; при послѣднемъ ударѣ нашихъ стрѣлковъ, онъ остался за нами. Завтра, я полагаю, должно быть генеральному сраженію, безъ коего въ Калугу я ни подъ какимъ видомъ его не допущу». [101]

При полученіи этихъ свѣдѣній, Чичаговъ оставилъ въ Брестѣ, для наблюденія и отпора Шварценберга, корпуса генераловъ Сакена (силою въ 29 тысячъ человѣкъ), Булатова и Ливена (числомъ 18 тысячъ человѣкъ), присоединивъ къ нимъ находившійся въ Черновщинѣ корпусъ Эссена, числомъ въ 9 тысячъ человѣкъ. Самъ же адмиралъ поспѣшно выступилъ съ 25-ю тысячнымъ от-

---

[99] Тамъ же, стр. 232.
[100] id., стр. 301.
[101] Русская Старина, 1877 г., т. I, стр. 44.

рядомъ по направленію къ Слониму и Минску. На отдѣленіе отъ себя столь значительныхъ силъ, онъ рѣшился только потому, что имѣлъ въ виду впереди присоединеніе къ своей арміи, назначенныхъ ему Императоромъ подкрѣпленій изъ корпусовъ графа Витгенштейна, графа Штейнгеля и Мозырскаго—генерала Эртеля. По его разсчету эти силы, вмѣстѣ съ остающимися при немъ войсками и ожидавшимся изъ Молдавіи отрядомъ генерала Людерса, могли составить изъ себя армію, численностію въ 108 тысячъ человѣкъ, силы достаточныя для предстоящей встрѣчи отступавшаго Наполеона.

Одновременно съ Чичаговымъ, направилась также къ Слониму и австро-саксонская армія князя Шварценберга, которая была усилена тогда подоспѣвшими къ ней отрядами и состояла изъ 50 тысячъ человѣкъ. Но адмиралъ успѣлъ обогнать Шварценберга, благодаря стойкому нападенію сдѣланному на него генераломъ Сакеномъ, который, удачнымъ боемъ, задержалъ движеніе войскъ противника и далъ возможность Чичагову вступить прежде него въ Слонимъ 15 (27) октября. [102]

Письмомъ отъ 17 октября, князь Кутузовъ сообщалъ Чичагову:

— «Думаю нанести Наполеону величайшій вредъ параллельнымъ преслѣдованіемъ его и наконецъ дѣйствовать на его операціонныя пути». Извѣщая также о сраженіи, происходившемъ подъ Вязьмою, онъ опредѣленно высказалъ свои наставленія, «чтобы дѣйствія адмирала Чичагова и графа Витгенштейна *сообразовались съ общимъ планомъ присланнымъ изъ Петербурга съ Чернышевымъ и имъ утвержденнымъ*». «Продолжая параллельно съ непріятелемъ слѣдованіе, говорилось далѣе,—я пріобрѣтаю разныя выгоды, а именно: 1) кратчайшимъ путемъ достигаю Орши, если непріятель станетъ на нее отступать; если же Наполеонъ обратится на Могилевъ, то пересѣку ему туда совершенно путь и 2) прикрываю край, откуда къ арміи нашей подходятъ запасы. Сколько бы полезно было, заканчивалось письмо князя Кутузова къ Чичагову,—еслибъ и вы, *оставивъ противъ Австрійцевъ обсерваціонный корпусъ, какъ можно поспѣшнѣе, съ другою частью войскъ обратились къ направленію черезъ Минскъ на Борисовъ*». [103]

Такимъ образомъ оказывалось, что распоряженія сдѣланныя адмираломъ еще до этого извѣщенія и выступленіе его самого на

---

[102] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 256.

[103] Русская Старина, 1877 г., т. I, стр. 280.

Слонимъ и Минскъ, къ операціонному пункту, намѣченному въ инструкціяхъ Императора Александра, вполнѣ согласовались съ послѣдними наставленіями выраженными главнокомандующимъ.

Но нельзя не обратить вниманія на то, что въ этихъ наставленіяхъ, по отдѣленію войскъ и образованію обсерваціоннаго корпуса, ясно выразился уже умыселъ князя Кутузова противъ адмирала Чичагова. Заставивъ послѣдняго раздробить свои значительныя силы, князь Кутузовъ торопилъ его идти съ уменьшенными отрядами къ Минску, гдѣ и намѣревался оставить безъ подкрѣпленій, безсильнымъ для борьбы, ожидаемой съ главною французскою арміею, довольно еще внушительной, которой предстояло, во чтобы то ни стало, прорвать себѣ выходъ изъ Россіи. Несомнѣнное подтвержденіе этой мысли, мы находимъ въ дальнѣйшемъ поведеніи главнокомандующаго.

Несмотря на категорическое требованіе держаться данныхъ инструкцій, касательно скопленія войскъ въ предполагаемомъ пунктѣ, князь Кутузовъ вскорѣ затѣмъ, а именно 22 октября, отдалъ приказаніе графу Витгенштейну, чтобы онъ по прибытіи къ Борисову, представилъ корпусу графа Штейнгеля преслѣдованіе и наблюденіе за движеніями французскаго отряда маршала Сенъ-Сира, а самъ сообразовался бы съ ходомъ нашей подвигающейся главной арміи, стараясь сблизиться съ нею у Днѣпра и отрѣзывая, по возможности, Наполеону путь отступленія. Если же Сенъ-Сиръ начнетъ отступать для соединенія съ главною арміею Наполеона говорилось далѣе графу Витгенштейну,—«что, вѣроятно, черезъ Сенно къ Оршѣ произведено будетъ, въ такомъ случаѣ, занявъ отрядомъ своимъ, на удобномъ мѣстѣ, большую дорогу изъ Докшицы къ Бѣшенковичамъ, вамъ должно усиленно преслѣдовать Сенъ-Сира и не упускать его изъ виду, дабы тѣмъ лишить средствъ форсированными маршами соединиться съ значительными силами Наполеона, который можетъ напасть на одну изъ нашихъ армій». «Я съ своей стороны, заканчивалъ главнокомандующій,—неперестаю идти за бѣгущимъ непріятелемъ, который почти нигдѣ не останавливается. Всѣ мои партизаны предупреждаютъ его на маршѣ, затрудняя всячески отступательное движеніе Французовъ и нанося имъ величайшій вредъ». [104]

Настоящее приказаніе, въ которомъ, вопреки предъидущему, данному 5 дней передъ этимъ адмиралу Чичагову, уже не упоми-

---

[104] Русская Старина, 1877 г., т. I, стр. 280—281.

нается вовсе о присоединеніи кого-либо къ арміи послѣдняго и невольно кажется страннымъ такое разнорѣчіе въ распоряженіяхъ князя Кутузова. Отдавая приказаніе графу Витгенштейну «*сообразоваться не съ Чичаговымъ, но со своими передвиженіями и подвигаться ближе къ главной его арміи къ Днѣпру*», онъ не только не сближалъ предназначенныхъ на важное дѣло трехъ армій, но явственно разъединялъ ихъ, удаляя отъ Чичагова, какъ Витгенштейна, такъ и Штейнгеля, которымъ, вмѣсто дружной встрѣчи войскъ Наполеона, указалъ быть вдали отъ адмирала, занимаясь преслѣваніемъ Сенъ-Сира. Обезсиленный же Чичаговъ видимо былъ оставленъ тогда главнокомандующимъ на произволъ судьбы и даже въ опасное положеніе передъ превосходными силами Французовъ во время ожидавшагося перехода ихъ черезъ Березину.

Между тѣмъ слѣдившій, повозможности, за всѣмъ происходившимъ на театрѣ войны и заправлявшій ходомъ кампаніи, Императоръ Александръ, не переставая сноситься съ адмираломъ, писалъ ему 26 октября (7 ноября):

«Я только что получилъ извѣстіе изъ большой арміи (князя «Кутузова) отъ 21 октября, что Наполеонъ поспѣшно отступаетъ «къ Гжатску, потерявъ въ дѣлѣ подъ Колоцкимъ монастыремъ 20 «пушекъ. Вы понимаете до какой степени важно ваше соединеніе «съ графомъ Витгенштейномъ въ окрестностяхъ Минска или Бо«рисова, чтобы спереди встрѣтить войска Наполеона, въ то время «какъ большая армія наша ихъ настойчиво преслѣдуетъ. Предо«ставляю вашему соображенію принять мѣры, которыя наиболѣе «способствовали бы къ достиженію цѣли — *не выпустить Напо«леона изъ нашихъ границъ и постараться уничтожить его войска, «поставивъ ихъ между вами, Кутузовымъ, Витгенштейномъ и «Штейнгелемъ.* Разочтите хорошенько время и пространство. 20-го «октября, Наполеонъ находился около Гжатска; вы были 10-го «между Слонимомъ и Брестомъ, а потому вы можете поспѣть во «время, чтобы достигнуть желаемой цѣли. Подумайте, какъ бу«дутъ различны послѣдствія, ежели Наполеонъ, перейдетъ наши «границы, и соберетъ около себя новую армію. Я полагаюсь «вполнѣ на вашъ умъ, вашу дѣятельность и энергію» [105].

П. В. Чичагову ненадо было разъясненій—онъ самъ глубоко понималъ всю важность наступающаго момента для него и въ

---

[105] Русская Старина, 1877, т. III, стр. 74; Mémoires de l'amiral Tchitchagoff, Leipzig, 1862 г., p. 131—132.

особенности для всей Россіи. Утѣшая себя еще надеждою на выполненіе каждымъ изъ отрядныхъ командировъ наставленій, положенныхъ въ основу волею Монарха, онъ, въ обязательномъ соединеніи съ нимъ видѣлъ несомнѣнную гибель врага, котораго по пятамъ обязывался тѣснить князь Кутузовъ своею многочисленною арміею.

Но не въ рукахъ Чичагова сосредоточивалась тогда та власть, которая могла заставить каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ неуклонно выполнить отчетливо опредѣленную каждому роль. Относительно плана кампаніи, заблаговременно начертаннаго самимъ Императоромъ Александромъ I Благословеннымъ и порученнаго къ выполненію князю Кутузову, должно упомянуть, что всѣ спеціалисты военнаго дѣла единогласно признаютъ его составленнымъ съ большою предусмотрительностію, точностію и вполнѣ вѣрно и отчетливо. По этому плану дѣйствій, послѣдній ударъ непріятелю предназначался и совершился бы въ дѣйствительности *при Березинѣ*, куда настойчиво направлялъ Императоръ войска графа Витгенштейна, графа Штейнгеля и адмирала Чичагова. Они должны были тамъ, въ дружномъ общеніи, встрѣтить бѣгущаго врага, въ то время какъ большой арміи князя Кутузова предстояло обезсиливать Наполеона и неотступно преслѣдовать его по пятамъ, для того чтобы лишить возможности дойти до Березины съ значительными силами [106].

Спрашивается, сдѣлалъ ли главнокомандующій всѣми арміями князь Кутузовъ все то, что довѣрчиво возложилъ на него Русскій Монархъ и что слѣдовательно было обязательнымъ для него по долгу присяги и по совѣсти? Отвѣтъ на это мы найдемъ въ совершившихся фактахъ, вполнѣ разъясненныхъ нынѣ историческими документами той эпохи.

Несомнѣнное подтвержденіе злаго умысла противъ Чичагова находимъ мы въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ главнокомандующаго, которыя, согласно достовѣрнымъ нашимъ источникамъ, считаемъ необходимымъ привести въ настоящемъ біографическомъ очеркѣ умершаго съ незаслуженными нареканіями честнаго русскаго дѣятеля.

Вотъ что мы видимъ въ дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи въ дѣйствіяхъ адмирала Чичагова, когда наступала великая минута: «*быть или не быть*» *Наполеону Русскимъ плѣнникомъ*. Выступивъ изъ Сло-

[106] Русская Старина, 1877 г., т. I, стр. 449.

нима 23 октября, адмиралъ пошелъ 27 числа къ Минску, гдѣ, 4-го ноября, авангардный его генералъ графъ Ламбертъ быстро овладѣлъ мостомъ черезъ Нѣманъ въ Ново-Сверженѣ и, взявъ въ плѣнъ 3 т. человѣкъ австрійцевъ, 5 ноября — занялъ городъ Минскъ. Здѣсь, ему также посчастливилось перехватить большіе французскіе обозы, которые тянулись изъ Москвы съ разнымъ покраденнымъ имуществомъ Россійской святыни [107].

Въ тоже время, 3 ноября, князь Кутузовъ, извѣщая адмирала о рѣшительномъ отступленіи находящейся въ бѣдственномъ положеніи непріятельской арміи, между прочимъ говорилъ:

«Могу увѣрить васъ, что ужасы, кои видимы были въ прошедшемъ году въ арміи верховнаго визиря, происходившіе отъ голода, не могутъ сравниться съ ужасами, приключающимися теперь съ французскою арміею [108].

Въ Минскѣ, согласно общему плану, должно было произойти присоединеніе къ арміи Чичагова корпусовъ графа Витгенштейна, графа Штейнгеля и генерала Эртеля. Но первые два генерала, основываясь на позднѣйшемъ приказаніи главнокомандующаго, были отвлечены преслѣдованіемъ армій то Сенъ-Сира, то маршала Виктора, а потому они вовсе и не заботились о приближеніи своихъ отрядовъ къ войскамъ адмирала; точно также и генералъ Эртель не думалъ придвигаться къ нему же отъ Мозыря, ссылаясь на какія-то, особо получаемыя имъ приказанія.

Въ подтвержденіе этого должно привести увѣдомленіе, состоявшаго при нашей дѣйствующей арміи, въ качествѣ великобританскаго комисара — сѣра Роберта Вильсона [109]. Въ письмѣ своемъ къ Императору Александру Павловичу отъ 31 октября (12 ноября), онъ, выставляя медлительность князя Кутузова по отношенію высылки къ адмиралу необходимыхъ подкрѣпленій,

---

[107] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 310—311, 317—318.

[108] Русская Старина, 1877 г., т. III, стр. 74 — 75. *Примѣчаніе.* Нельзя не замѣтить въ этихъ словахъ напоминанія о турецкой кампаніи, которую не могъ забыть князь Кутузовъ по непріятному для него исходу ея и началу установившихся съ тѣхъ поръ недружелюбныхъ чувствъ къ замѣнившему его адмиралу Чичагову.

[109] Въ отечественную войну 1812 года были допущены при русскихъ арміяхъ иностранные агенты, какъ свидѣтели всѣхъ военныхъ операцій нашихъ; въ числѣ таковыхъ, состоялъ и сѣръ Р. Вильсонъ, которому даже дано было дозволеніе писать прямо къ Императору Александру Павловичу о всемъ заслуживающемъ особеннаго вниманія.

между прочимъ, высказалъ, что — «если фельдмаршалъ не будетъ употреблять всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи средства, то сожалѣть должно, что онъ, отъ избытка своего, не подкрѣпляетъ обезсиленнаго войскомъ адмирала Чичагова [110].

Такимъ образомъ, тщетно ожидалъ въ Минскѣ всякой поддержки войскомъ П. В. Чичаговъ, для котораго начинали выясняться уже тогда подготовлявшіяся противъ него козни. Но не теряя бодрости духа, онъ дѣлалъ все, что могъ для предстоявшаго отраженія врага; оставивъ въ Минскѣ губернаторомъ полковника Кнорринга, адмиралъ двинулся самъ 7 ноября по пути къ Борисову, гдѣ сосредоточены были, ожидавшія Наполеона войска князя Шварценберга, къ которому спѣшили также на помощь польскіе отряды генерала Домбровскаго. Оба эти, союзные съ врагомъ нашимъ лица, искавшіе возможности прорваться гдѣ-либо чрезъ ряды нашей арміи для скорѣйшаго сближенія съ Наполеономъ, подходили уже къ самому Борисову. Поэтому, предупредить здѣсь задуманное ими соединеніе, было пока главною задачею Чичагова. Городъ Борисовъ—говоритъ Чичаговъ—былъ тогда весьма важнымъ стратегическимъ пунктомъ. Въ виду этого, адмиралъ выслалъ поспѣшно отрядъ графа Ламберта къ Борисову, генерала Чаплица отрядилъ къ Зембину, у р. Березины, Ланжерону велѣлъ слѣдовать за первымъ и наконецъ самъ пошелъ съ остальными войсками, также на поддержку Ламберта къ Борисову.

Въ продолженіе этихъ приготовленій, 5 и 6 ноября произошло извѣстное сраженіе подъ Краснымъ, гдѣ Наполеоновская главная армія понесла сильное пораженіе и значительныя потери. Увѣдомляя объ этой побѣдѣ адмирала Чичагова, князь Кутузовъ писалъ ему 6 ноября:

«Разстройство, въ которое былъ приведенъ непріятель, почти невѣроятно. Самъ Наполеонъ ускакалъ со свитою своею, оставя свои войска на жертву воинамъ нашимъ. Поспѣшайте, ваше высокопревосходительство къ общему содѣйствію и тогда гибель Наполеона неизбѣжна. Весьма необходимо открыть сообщеніе между вашею и главною арміею черезъ Копысъ, Цесержинъ, Улеу, что на Березинѣ и далѣе на Минскъ» [111].

Послѣ кроваваго сраженія подъ Краснымъ, еще болѣе уси-

---

[110] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 317; Русская Старина, 1877 г., т. I, стр. 621.
[111] Русская Старина, 1877, т. I, стр. 620.

леннымъ шагомъ, началъ двигаться Наполеонъ по направленію къ Нѣману съ арміею, доходившею еще числомъ отъ 80 до 100 тысячъ человѣкъ. Стремясь усиленно на соединеніе съ ожидавшими его впереди свѣжими войсками князя Шварценберга и Домбровскаго, онъ держалъ свой путь прямо на Березину, къ Борисову.

Шедшій туда же авангардъ Чичагова, подъ командою храбраго генерала графа Ламберта, занялъ 8 ноября Жодинъ, гдѣ было получено имъ извѣстіе о приближеніи къ Борисову корпуса Домбровскаго. Желая предупредить этотъ подходъ, графъ Ламбертъ стремительно двинулся ему на встрѣчу въ ту же ночь и 9 ноября вступилъ въ бой съ Домбровскимъ; цѣлый день продолжалась между ними горячая свалка; смѣлая аттака нашихъ отрядовъ увѣнчалась овладѣніемъ мостовыми укрѣпленіями, которыя были возведены Домбровскимъ подъ самымъ Борисовымъ; польскій генералъ понесъ полное пораженіе, съ большими потерями убитыми и плѣнными, не говоря уже о совершенномъ разсѣяніи уцѣлѣвшихъ его партій; у него, кромѣ раненыхъ, оказалось 2 т. человѣкъ убитыми и 3 т. плѣнными.

Но, къ большому сожалѣнію для Чичагова, въ самомъ пылу этой битвы былъ тяжело раненъ главный виновникъ побѣды — графъ Ламбертъ, котораго пришлось унести съ поля сраженія.

Подоспѣвшій 10 ноября къ Борисову, адмиралъ долженъ былъ замѣнить графа Ламберта, старшимъ въ чинѣ генераломъ графомъ Павломъ Петровичемъ Паленомъ, который и получилъ приказаніе немедленно двинуться на противуположный берегъ Березины, по дорогѣ въ Боръ. Лишь три версты прошелъ графъ Паленъ отъ Борисова, какъ передъ Лошницею, на встрѣчу ему показался того же числа сильный авангардный отрядъ Наполеона, подъ командою маршала Удино, цѣлію котораго было защищать отступленіе шедшей за нимъ главной французской арміи, торопившейся выйти изъ Россійскихъ предѣловъ.

Увидавъ передъ собою превосходныя силы, полки наши, «*дравшіеся наканунѣ какъ львы, не устояли и обратились въ бѣгство какъ бараны*»—пишетъ въ донесеніи своемъ самъ Чичаговъ, подоспѣвшій скоро на помощь; спасаясь, бѣгущіе въ паникѣ солдаты потеряли часть своего обоза и оставили Борисовъ въ рукахъ непріятельскихъ; съ большими усиліями, адмиралу удалось только удержать за собою Борисовское мостовое укрѣпленіе [112].

---

[112] Сборникъ Русск. Историч. Общества, т. VI, стр. 52; Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 1149—1150; Богдановичъ, т. III, стр. 441; Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 344.

Впрочемъ, по свидѣтельству находившагося при арміи Чичагова, лорда Тэрконела—наша потеря людьми, кромѣ дѣйствительно брошеннаго обоза, въ бѣгствѣ отъ Лошницы, была весьма незначительна, такъ какъ считавшіеся въ тотъ день взятыми непріятелемъ болѣе 600 человѣкъ егерей и гусаровъ, пробились сквозь непріятельскія линіи и переправясь чрезъ рѣку у Зембина, вернулись въ армію на слѣдующее утро [113].

Захваченные подъ Лошницею французскіе плѣнные показали, что вслѣдъ за маршаломъ Удино, идетъ Наполеонъ съ главною своею арміею, численность которой они опредѣляли въ 100 тыс. человѣкъ.

Не смотря на то, что самъ адмиралъ считалъ тогда эту цыфру нѣсколько преувеличенною, тѣмъ не менѣе достовѣрно было, что у Бонапарта оставалась еще довольно сильная армія, далеко превосходившая наличныя силы Чичагова, у котораго оказывалось всего 20 т. человѣкъ — въ томъ числѣ 9 т. кавалеріи, мало пригодной для дѣйствій въ прибрежныхъ болотахъ и лѣсахъ Березинскихъ [114].

11 ноября, П. В. Чичаговымъ было получено отъ полковника Кнорринга предупрежденіе, что вступившіе въ Несвижъ и Новый Сверженъ отряды князя Шварценберга двигаются по слѣдамъ арміи адмирала; согласно его извѣщенію 4-хъ тысячный австрійскій отрядъ стоитъ въ Сморгонахъ (на большой виленской дорогѣ), гдѣ, овладѣвъ всѣмъ, что только возможно, устраиваются имъ даже магазины съ разными запасами; другой же отрядъ австрійцевъ, численностію въ 2 т. человѣкъ, прибылъ 10 ноября въ Свислочь—мѣстечко на нижней Березинѣ, въ 22 миляхъ отъ Борисова, къ югу, *по дорогѣ отъ Игумна къ Бобруйску* [115].

---

[113] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 346. *Примѣчаніе.* Въ донесеніи своемъ по этому поводу Императору, князь Кутузовъ воспользовался случаемъ обвинить, хотя и несправедливо, адмирала Чичагова за такую неудачу и для вящшаго впечатлѣнія преувеличилъ потерю его людьми, показавъ ее въ размѣрѣ 2 т. человѣкъ, между тѣмъ какъ она состояла всего изъ нѣсколькихъ сотъ.

[114] Оставивъ, какъ уже выше сказано, корпуса генераловъ Сакена — противъ австрійскихъ войскъ, Эссена — въ Пружанахъ, адмиралъ Чичаговъ выступилъ къ Минску всего съ 25 т. человѣкъ. На маршѣ отъ береговъ Буга до Березины, болѣзни, стычки, взятіе приступомъ Минска и Борисова и наконецъ неудачное дѣло графа Палена, сократили его отряды до 20 т. строевыхъ чиновъ.

[115] Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 1153—1154.

Въ тотъ же день, съ курьеромъ, были получены Чичаговымъ, изъ Черенья, слѣдующія строки графа Витгенштейна:

«Я не могу положительно увѣрить ваше высокопревосходительство о намѣреніяхъ большой непріятельской арміи. Хотя и говорятъ, что она идетъ къ Борисову, но все меня заставляетъ думать, что *она беретъ направленіе къ Бобруйску*, потому что въ первомъ случаѣ маршалъ Викторъ старался бы держаться у Черенья, для прикрытія движенія большой арміи» [116].

Такія сбивчивыя сообщенія нѣсколько поколебали предположенія адмирала, считавшаго Борисовъ и окрестности его вдоль Березины линіею, на которой, по его мнѣнію, надлежало сторожить врага. Но, какъ бы въ подкрѣпленіе извѣстія графа Витгенштейна, адмиралу было доставлено вслѣдъ затѣмъ письмо князя Кутузова отъ 10 ноября, изъ деревни Ланники. Сообщая о движеніи Наполеона изъ Орши къ Каханову, а также и о предположенной имъ 12 ноября переправѣ главной русской арміи черезъ Днѣпръ, при Копысѣ, главнокомандующій писалъ ему:

«*Если графъ Витгенштейнъ, будучи удержанъ Викторомъ и Сенъ-Сиромъ, не былъ бы въ состояніи содѣйствовать вамъ въ пораженіи непріятеля*, то вы, соединенно съ генералъ-лейтенантомъ Эртелемъ и генералъ-маіоромъ Лидерсомъ [117], довольно сильны будете, чтобы разбить бѣгущаго и *тѣснимаго отъ меня непріятеля* [118], который почти безъ артиллеріи и кавалеріи». Въ заключеніе, князь Кутузовъ высказывалъ ему: «легко быть можетъ, что Наполеонъ, видя невозможность очистить себѣ путь черезъ Борисовъ къ Минску, *повернетъ отъ Толочина или Бобра на Игумновъ и захочетъ пробраться на Волынь*; для чего не излишне было бы вамъ наблюдать за его партизанами, дабы заранѣе быть извѣщеннымъ о его движеніи и тѣмъ его предупредить» [119].

---

[116] Тамъ же, стр. 1154; Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 344—345.

[117] Должно замѣтить, что отрядъ генералъ-маіора Лидерса, принадлежавшій къ бывшей Дунайской арміи, какъ извѣстно, находился въ то время на пути изъ Молдавіи и далеко отъ расположенія на Березинѣ арміи адмирала Чичагова.

[118] Въ то время, какъ авангардъ Наполеона, подъ командою маршала Удино, подходилъ 10 ноября къ Березинѣ, князь Кутузовъ стоялъ еще въ дер. Ланникахъ, за Днѣпромъ, откуда, какъ видно изъ его предыдущаго письма, предполагалъ переходить рѣку только 12 числа; слѣдов. нельзя признать справедливыми слова его и возможность тѣснить непріятеля на разстояніи болѣе 150 верстъ.

[119] Богдановичъ, т. III, стр. 438; Русская Старина 1877 г., т. I, стр. 633—635.

Приводимое письмо, крайне важное въ историческомъ отношеніи, освѣщая картину военныхъ дѣйствій, несомнѣнно доказываетъ: а) что князь Кутузовъ былъ далеко не въ близкомъ тылу, т. е. *на пятахъ у непріятеля, когда наступало уже время оцѣпить Наполеона дружными силами*; б) что онъ вовсе не зналъ, или лучше сказать, не хотѣлъ знать о дѣйствительномъ положеніи арміи Бонапарта и о силахъ и положеніи адмирала Чичагова, которому, точно въ насмѣшку, предоставлялъ отряды вдали находившагося генерала Лидерса и дѣйствующаго по особымъ инструкціямъ генерала Эртеля изъ Мозыря; в) что главнокомандующій *подтверждая произведенное имъ отвлеченіе графа Витгенштейна къ другому пункту*, ограждалъ этого отряднаго начальника на случай обвиненія его въ удаленіи отъ войскъ адмирала и неприбытіи къ мѣсту, категорически указанному для него Государемъ въ общемъ планѣ Кампаніи; и наконецъ г) что князь Кутузовъ старался всячески отвлечь Чичагова съ позиціи и сбить его своими разнорѣчивыми приказаніями.

Когда князь Кутузовъ писалъ Чичагову вышеприведенныя строки, главныя французскія силы находились на пути къ Толочину и подходили уже 10 ноября къ Борисову. Поставленный въ необходимость поспѣшно переправиться черезъ Березину хотя бы и въ виду Дунайской арміи, чтобы не быть застигнутымъ главными силами князя Кутузова, Бонапарту надо было, во что бы ни стало прорваться гдѣ-нибудь и скорѣе соединиться съ ожидавшею его неподалеко арміею князя Шварценберга. Получивъ извѣщеніе, что подъ Борисовымъ стоитъ во всеоружіи адмиралъ Чичаговъ, готовый встрѣтить его своимъ энергическимъ отпоромъ, онъ отдалъ первоначально приказаніе отмѣнить переправу въ этой мѣстности и начать подробнѣйшее изысканіе удобнѣйшихъ для того путей [120].

Въ это время положеніе адмирала Чичагова было самое критическое; брошенный всѣми своими, онъ оказывался самъ окруженнымъ съ тылу—отрядами князя Шварценберга, а спереди—подходившими войсками Наполеона, грозившими ему своимъ численнымъ превосходствомъ и не Бонапартъ, а Чичаговъ очутился въ полной засадѣ. Ежели бы только у Наполеона, съ его стотысячною арміею, съ одной стороны, а у Шварценберга—съ дру-

---

[120] Богдановичъ, т. III, стр. 438—440; Русская Старина, 1877 г. т. I. стр. 613—615.

гой, явилась рѣшимость настойчиво идти другъ къ другу, прямо на Чичагова, то 20-ти тысячная западная армія не могла бы никакъ устоять противъ такихъ превосходныхъ силъ и неминуемо, по отсутствію всякихъ выходовъ, подверглась ты полной гибели. Но на счастіе адмирала этого не случилось или потому, что Наполеонъ находился въ заблужденіи относительно численности Чичаговской арміи, или хотѣлъ попытаться устроить свою переправу въ болѣе безопасномъ для него мѣстѣ. Въ этомъ безысходномъ для Чичагова положеніи, когда ему приходилось, безъ всякой уже надежды на подкрѣпленіе войскомъ, охранять и защищать съ ничтожными сравнительно силами 50-ти верстное протяженіе берега рѣки между мѣстечками Веселовымъ и Нижне-Березинымъ—задача удержать переходъ французовъ черезъ Березину, была не только затруднительною, но даже, можно сказать, немыслимою.

Въ планѣ кампаніи Императора Александра было опредѣлительно сказано:

«*Адміралу Чичагову, обще съ графомъ Витгенштейномъ* (имѣвшимъ армію въ 45 т. человѣкъ), *графомъ Штейнгелемъ* (35-ти тысячный корпусъ) *и генераломъ Эртелемъ* (15-ти тысячный отрядъ)—«*ожидать Наполеона на правомъ берегу Березины; Кутузовъ же,* «*обязанный преслѣдовать главную французскую армію по пятамъ,* «*долженъ былъ аттаковать ее на лѣвомъ берегу*». Если бы всѣ неизмѣнно выполнили эти приказанія—что оказывалось вполнѣ достижимымъ,—то Наполеонъ, очутившись между ними всѣми стѣсненный въ болотахъ и лѣсахъ, окаймлявшихъ берега Березины—неизбѣжно сдѣлался бы русскимъ военноплѣннымъ.

При подходѣ Наполеона къ Березинѣ, вся русская армія, обязанная его встрѣтить спереди и тѣснить съ тылу, находилась, какъ бы умышленно въ совершенномъ разбродѣ.

Главнокомандующій князь Кутузовъ, неизвѣстно почему, замѣшкался въ преслѣдованіи и вмѣсто того чтобы идти по пятамъ врага, безпричинно остановился на Днѣпрѣ въ 175 верстахъ отъ Березины, которую поэтому и имѣлъ достаточно времени изучить самъ Императоръ Французовъ въ продолженіи трехъ - четырехъ дней.

Графъ Витгенштейнъ, по распоряженію главнокомандующаго, занимаясь ловлею маршала Виктора, оставался на лѣвомъ берегу р. Березины, въ сторонѣ отъ главной французской арміи, вмѣсто того, чтобы стоять противъ нея съ фронта, плотною стѣною

слившись съ войсками Чичагова; онъ не только не выполнилъ своей задачи, но, сбивая съ толку своими ошибочными извѣстіями покинутаго адмирала, по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, зашелъ въ тылъ непріятелю и усердно гналъ его впередъ.

Графъ Штейнгель, также вопреки общему плану и только по приказанію того же главнокомандующаго, охотился въ сторонѣ за маршаломъ Сенъ - Сиромъ, не помышляя вовсе о своемъ долгѣ примкнуть къ встрѣчнымъ войскамъ адмирала Чичагова.

Наконецъ, генералъ Эртель, настойчиво вызываемый Чичаговымъ, упорно засѣлъ въ Мозырѣ, прямо ослушиваясь и волѣ Императора и напоминаніямъ адмирала, подъ предлогомъ ожиданія имъ какихъ - то особенныхъ, неизвѣстно откуда, приказаній, ему одному вѣдомыхъ.

Изъ всѣхъ военачальниковъ одинъ только адміралъ Чичаговъ стоялъ на стражѣ на указанномъ ему мѣстѣ. Однимъ словомъ, съ нашей стороны произошла путаница, которую, какъ свидѣтельствуютъ факты, нельзя признать случайною, а тѣмъ болѣе относить къ винѣ явно и умышленно брошеннаго на жертву адмирала Чичагова. Искусно затемненная избраннымъ народомъ главнокомандующимъ истина при возбужденномъ настроеніи народа и общества во время бѣдствій 1812 года не могла выйти наружу и вина неудачи была взвалена всецѣло на храбраго и умнаго П. В. Чичагова.

Драма отечественной войны закончилась для Павла Васильевича слѣдующими событіями. Удерживая свой постъ и настойчиво взывая о высылкѣ подкрѣпленій, адмиралъ провелъ день 11 ноября въ напрасныхъ ожиданіяхъ, наблюдая лишь за движеніями непріятеля, лагерь котораго, расположенный въ виду его на противуположномъ берегу рѣки, все болѣе и болѣе увеличивался подходившими войсками Наполеона.

Несмотря на сходство извѣстій, полученныхъ отъ князя Кутузова, графа Витгенштейна и полковника Кнорринга о возможномъ движеніи Наполеоновской арміи по направленію къ Игумну, на Бобруйскъ, адмиралъ Чичаговъ считалъ все-таки болѣе вѣрнымъ сторожить ее у Борисова, гдѣ и рѣшался пока стоять до полученія новыхъ, болѣе положительныхъ свѣдѣній. Основываясь на этомъ предположеніи онъ сдѣлалъ 12 ноября слѣдующія распоряженія:

Дивизія генерала Чаплица, состоявшая изъ 4 т. человѣкъ была поставлена у р. Березины, по пути отъ Бриля къ Зембину,

откуда шла дорога на Минскъ и Вильно; генералу Ланжерону — онъ указалъ мѣсто подъ самымъ Борисовымъ, для наблюденія за непріятельскими движеніями, а отряду генерала Орурка—поручилъ содержать кордонъ и стеречь берегъ рѣки до города Березина. Самъ же адмиралъ, съ 14 т. войска, занялъ позицію въ центрѣ между ними, вблизи Борисова и Веселова.

— «Всѣ мои генералы — говоритъ Чичаговъ въ своихъ «Запискахъ» — были поражены неудобствомъ занятой мною позиціи; многіе изъ нихъ подавали даже мнѣніе оставить ее и двинуться къ Лепелю, гдѣ предполагали найти армію графа Витгенштейна. Но, несмотря на всѣ эти опасенія, я устоялъ противъ ихъ предложеній, вовсе несогласныхъ, по моему, съ важною цѣлію, заключавшеюся главнѣйше въ томъ, чтобы удерживать за собою мостовое укрѣпленіе подъ Борисовымъ. Я велѣлъ даже исправить нѣкоторыя поврежденія, которыя были сдѣланы тамъ на брешахъ во время произведенной аттаки. Затягивая оборону, я надѣялся дать князю Кутузову возможность подоспѣть къ Березинѣ одновременно съ Наполеономъ, за которымъ онъ (какъ самъ писалъ въ своихъ реляціяхъ) слѣдовалъ по пятамъ. Могъ ли я тогда вообразить себѣ, что онъ остановится на Днѣпрѣ, въ 25-ти миляхъ позади и въ такое время, когда Наполеонъ будетъ приближаться къ Березинѣ» [121].

Установившись на показанныхъ позиціяхъ, адмиралъ не переставалъ усиленно повторять свои требованія о поспѣшной высылкѣ подкрѣпленія, стараясь въ то же время привлечь къ себѣ войска графа Витгенштейна, графа Штейнгеля и Эртеля. Но его ожиданія продолжали быть тщетными; онъ оставался предоставленнымъ только однимъ своимъ ничтожнымъ силамъ. Не говоря уже о первыхъ двухъ генералахъ, прямо отвлеченныхъ княземъ Кутузовымъ, даже генералъ Эртель продолжалъ упорно ослушиваться приказаній адмирала, который вынужденъ былъ пожаловаться Государю и потребовать отдачи его подъ судъ [122].

При такихъ обстоятельствахъ, наступала для П. В. Чичагова роковая минута.

Подошедшій уже совершенно къ Березинѣ съ войсками своими Бонапартъ воспользовался медлительностію далеко отставшаго

---

[121] Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 1155.

[122] Запрошенный потомъ адмиралъ Чичаговъ согласился отказаться отъ преданія военному суду генерала Эртеля и оставилъ дѣло безъ послѣдствій.

отъ него князя Кутузова и сталъ маневрировать на протяженіи противуположныхъ береговъ рѣки. Изощряясь въ разныхъ хитростяхъ, лишь бы только обмануть Чичагова и заставить его предполагать, что Французы идутъ на Игумновъ, Наполеонъ одновременно съ этимъ дѣлалъ тайно всѣ приготовленія къ переправѣ въ разныхъ пунктахъ неподалеку отъ адмирала; приготовленія, которыя потомъ, для видимости, отмѣнялись [123].

Такъ продолжалъ дѣйствовать Бонапартъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ, 12 ноября, имъ не было получено извѣстіе о приближеніи передовыхъ отрядовъ князя Кутузова (корпусовъ генерала отъ кавалеріи Платова и генералъ-маіора Ермолова); въ то же время стала долетать также до слуха его канонада графа Витгенштейна, тѣснившаго по лѣвой же сторонѣ рѣки отряды маршала Виктора. Мѣшкать было уже невозможно и надо было на что-нибудь рѣшиться. Тогда Наполеонъ задумалъ предпринять самый отчаянный шагъ — переправиться черезъ Березину среди стоявшихъ передъ нимъ русскихъ войскъ.

Въ этихъ видахъ, продолжая свои обманчивыя передвиженія въ разныхъ мѣстахъ, начиная отъ Борисова, Бонапартъ сталъ скрытно готовить мостовыя принадлежности въ 60 верстахъ отъ Борисова, у деревни Студянки, противъ Бриля, гдѣ стоялъ отрядъ генерала Чаплица [124]. Планъ этотъ казался не столько дерзкимъ, сколько сомнительнымъ по возможности его исполненія. Избранная мѣстность была самою неудобною для перехода, по случаю болотистой, почти непроходимой почвы на противуположномъ отъ него берегу рѣки, куда должна была ступить французская армія. Поэтому всѣ видимыя приготовленія его къ тому можно было рѣшительно считать замаскированіемъ настоящихъ намѣреній. Между тѣмъ, для отвлеченія вниманія русскихъ отрядовъ Чичагова на другіе, лучшіе пункты, имъ отдано было гласно приказаніе собирать свѣдѣнія о дорогахъ существующихъ южнѣе Борисова, по направленію къ Минску; приказаніе это сопровождалось обѣщаніемъ щедрыхъ наградъ проводникамъ за указаніе удобнѣйшихъ путей, но требовалось только отъ Борисовскихъ Евреевъ строгаго сохраненія втайнѣ рѣшеннаго намѣренія Французовъ идти будто-бы на Игумновъ. Исполняя такое распоряженіе, маршалъ Удино совершенно вѣрно разсчиталъ, что тѣ же евреи-лазутчики не за-

---

[123] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 350.

[124] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 350—351.

медлятъ продать эту тайну противнику и невольно вовлекутъ Русскихъ въ ошибку [125].

Такъ дѣйствительно и случилось. Подкупные еврейскіе соглядатаи не могли не разгласить таинственнаго оповѣщенія, и адмиралу Чичагову въ тотъ же день стало извѣстнымъ рѣшительное движеніе Наполеона на Игумновъ.

Соображая эти свѣдѣнія съ предыдущими извѣстіями, П. В. Чичаговъ въ своихъ «Запискахъ» о Березинской переправѣ, изложилъ въ слѣдующемъ видѣ дальнѣйшіе свои поступки [126].

— «Хотя невѣроятно было, что Наполеонъ рѣшится переправиться черезъ Березину у гор. Березины, потому что этотъ путь, какъ дальнѣйшій, подвергалъ его опасности столкнуться съ русскою большою арміею, которая должна была слѣдовать на его флангѣ; но со всѣмъ тѣмъ, я не могъ себѣ дозволить не принять во вниманіе предписанія главнокомандующаго по сему предмету, тѣмъ болѣе еще и потому, что его предположенія согласовались вполнѣ съ извѣщеніями присланными мнѣ отъ Витгенштейна и даже Кнорринга. Кромѣ того, весьма естественно было повѣрить тому, что Наполеонъ рѣшался на избраніе хода болѣе къ югу, изъ желанія также прокормить въ неистощенныхъ еще уѣздахъ нашихъ, своихъ голодныхъ солдатъ, которые шли отъ самой Москвы по дорогѣ, опустошенной до сего русскими войсками. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, я предполагалъ, что Наполеону удобно было оставить два небольшіе корпуса, одинъ противъ Витгенштейна — для прикрытія своего движенія, а другой — для удержанія меня подъ Борисовымъ; и въ это время онъ свободно прошелъ бы на Бобруйскъ, куда князь Шварценбергъ могъ поспѣть, во время, ему на встрѣчу, для защиты переправы Французовъ и прикрытія ихъ дальнѣйшаго слѣдованія. Отсутствіе самого Кутузова, казалось, вполнѣ оправдывало мои догадки. Въ однихъ реляціяхъ его было сказано, что имъ почти уничтожена непріятельская армія, между тѣмъ какъ въ другихъ онъ доносилъ, что слѣдуетъ за нею по пятамъ. Французы четыре дня стояли передо мною у Березины, а князь Кутузовъ все-таки не показывался. Я не могъ иначе объяснить себѣ его отсутствія, какъ только предположеніемъ, что Наполеонъ измѣнилъ свой маршрутъ и что князь Кутузовъ преслѣдуетъ его по другому направленію. Мнѣ надо было принять

---

[125] Богдановичъ, т. III, стр. 445.

[126] Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 1156—1157.

какія-либо мѣры по случаю этой неизвѣстности. Главнѣйше, я долженъ былъ повиноваться приказаніямъ главнокомандующаго, указывавшаго мнѣ прямо путь на Игумновъ, хотя мнѣ очень не желалось измѣнять своимъ первоначальнымъ намѣреніямъ—наблюдать за берегомъ Березины на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пролегаютъ два важные пути на Минскъ и Вильно, черезъ Зембинъ. Чтобы согласовать то и другое, я приказалъ Ланжерону наблюдать, въ центрѣ, за Борисовскимъ мостовымъ укрѣпленіемъ, а Чаплицу—защищать съ сѣвера Веселово; самъ же я, съ дивизіею генерала Воинова, рѣшился выступить по направленію къ югу, на мѣстечко Шебашевичи, лежащее также на Березинѣ, въ 6-ти слишкомъ миляхъ (около 30 верстъ отъ прежней позиціи адмирала) ниже Борисова» [127].

Согласно принятому рѣшенію, адмиралъ Чичаговъ выступилъ 13 ноября, утромъ, къ Бобруйску и остановился, какъ полагалъ, въ Шебашевичахъ куда пришелъ въ ночь на 14 число [128].

13-го же ноября, по отходѣ адмирала Чичагова, на противуположномъ берегу произошли внезапно какія-то приготовленія и маршалъ Удино тронулся съ отрядомъ отъ Борисова къ Студянкѣ, гдѣ уже незамѣтно были подготовлены всѣ почти матеріалы для мостовыхъ сооруженій.

Увидавъ движеніе въ непріятельской арміи и выступленіе съ мѣста расположенія отрядовъ Удино, генералъ Ланжеронъ послалъ немедленно извѣстить о томъ адмирала Чичагова, донося вслѣдъ за тѣмъ о совершаемыхъ Французами приготовленіяхъ къ переправѣ у самой Студянки, насупротивъ деревни Брилей, по дорогѣ къ Зембину, гдѣ, также какъ и у Веселова, были расположены небольшіе посты генерала Чаплица. Вскорѣ послѣ выступленія Удино, направились также къ Студянкѣ и главныя силы Наполеона, которыхъ начинали постепенно тѣснить, подходившіе уже тогда отряды генераловъ Платова и Ермолова. Въ то время когда Французы собирали уже мостовыя части для перехода черезъ Березину, авангардный отрядъ нашей главной арміи, подъ командою генерала Милорадовича перешелъ отъ Копыса къ Толочину. Самъ же

[127] Показанія Чичагова вполнѣ согласуются съ описаніями приготовленія Наполеона къ переправѣ, изложенными въ исторіи М. И. Богдановича (т. III, стр. 443 — 446), въ статьѣ А. Н. Попова (въ Русской Старинѣ) и сходствуютъ со свидѣтельствами иностранныхъ агентовъ, находившихся при нашихъ арміяхъ (см. трудъ Н. Ѳ. Дубровина—Отечественная война въ письмахъ современниковъ).

[128] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 345.

фельдмаршалъ князь Кутузовъ оставался еще въ Копысѣ съ остальными своими войсками.

— «Таково было расположеніе войскъ—пишетъ исторіографъ Богдановичъ—предъ началомъ переправы Французовъ черезъ Березину. Изъ числа болѣе ста тысячъ человѣкъ армій князя Кутузова, графа Витгенштейна и адмирала Чичагова, окружавшихъ непріятельскія силы, у Брилей находился только слабый отрядъ полковника Корнилова, оставленный тамъ Чаплицомъ, который, притянувъ къ себѣ отряды стоявшіе у Веселова и Зембина, отступилъ вмѣстѣ съ ними, на разсвѣтѣ 14 числа, къ Стахову» [129].

Еще вечеромъ, 13 ноября, генералъ Чаплицъ, объѣзжая свои посты, усмотрѣлъ передъ собою изъ Зембина на противуположномъ берегу р. Березины, колонны непріятельскихъ отрядовъ, которыя все болѣе и болѣе увеличивались вновь подходившими къ нимъ значительными силами; въ продолженіи же ночи ему стало положительно извѣстнымъ, что находившаяся между Старымъ и Новымъ Борисовымъ французская армія, подойдя къ Студянкѣ, готовится къ генеральному движенію и даже строитъ тамъ два моста. Пославъ тотчасъ донесеніе объ этомъ къ адмиралу, Чаплицъ стянулъ тогда свои отряды изъ Зембина и Веселова къ Брилямъ.

Весь отрядъ генерала Чаплица, въ тотъ моментъ, заключался изъ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты, 11-ти эскадроновъ кавалеріи, 3-хъ казачьихъ полковъ съ 10-ю только орудіями [130]. Должно присовокупить, между прочимъ, что знавшій о положеніи Чаплица, генералъ Ланжеронъ не присоединился къ нему, не смотря на свою близость.

Климатическія причины, заставившія Наполеона спѣшить оставленіемъ Москвы и холодной Россіи, оказались вполнѣ благопріятными на этотъ разъ для его отчаяннаго предпріятія. Наступившія послѣ осени зимнія заморозки сковали въ твердыя массы трудно проходимыя мѣста вдоль береговъ рѣки Березины, у Брилей и застывшая почва топкихъ до того болотъ сдѣлалась вполнѣ удобнымъ путемъ для перевозки по нимъ самыхъ большихъ тяжестей.

Въ ночь на 14 ноября, Наполеонъ выѣхалъ верхомъ съ мызы Стараго Борисова къ мѣсту рѣшенной имъ переправы, чтобы лично слѣдить за постройкою двухъ быстро наводимыхъ мостовъ и на-

---

[129] Богдановичъ, т. III, стр. 446—447.

[130] Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 1159—1165.

скоро собираемыхъ плотовъ. Вся рѣка, въ тотъ день, была покрыта плавучими льдинами, которыя нѣсколько затрудняли установку мостовыхъ плотовъ; тѣмъ не менѣе работа кипѣла подъ руководствомъ распорядительнаго маршала Удино, принявшаго на себя заботы устройства безопасной переправы и защиты ея. На разсвѣтѣ 14 числа, при восходѣ солнца, Бонапартъ самъ открылъ путь шествія и въ лодкѣ переплылъ рѣку Березину отъ Студянки къ Брилямъ, гдѣ, вмѣсто болотистыхъ топей, образовалась твердая ледяная площадь. За нимъ тотчасъ, вплавь и на плотахъ, ловко перенеслась часть кавалерійскихъ отрядовъ, имѣя за спиною всадниковъ—стрѣлковъ—егерей, которымъ предстояло первоначально занять береговую мѣстность правой стороны рѣки.

Когда на разсвѣтѣ, ясно усмотрѣны были русскимъ отрядомъ переплывающія войска французскихъ кавалеристовъ, то полковникъ Корниловъ покушался остановить движеніе ихъ огнемъ орудій конной батареи своей; но артиллерія Наполеоновской гвардіи и корпуса Удино, въ числѣ болѣе 40 орудій, засыпала ядрами горсть нашихъ войскъ и заставила Корнилова, отступя, укрыться въ Стаховскомъ лѣсу, примыкающемъ къ болотамъ.

14 ноября, къ 1-му часу по полудни окончилось перекинутіе одного изъ непріятельскихъ мостовъ, по которому можно было начать правильную переправу арміи. Наполеонъ тотчасъ, въ присутствіи своемъ, перевелъ остатки корпуса Удино, отрядъ Домбровскаго и кирасировъ генерала Думерка, въ количествѣ 5,600 человѣкъ пѣхоты и 1,400 всадниковъ съ двумя орудіями, которые и стали занимать окрестность около Брилей. За этими отрядами, перешла мостъ и французская гвардія, а за нею уже прочіе отряды главной арміи.

Лишь только огласилась вѣсть о началѣ переправы Французовъ черезъ Березину, генералъ Чаплицъ явился съ отрядомъ своимъ къ Брилямъ и, расположившись на опушкѣ Стаховскаго лѣса, открылъ пальбу по непріятельскимъ передовымъ застрѣльщикамъ. Но что же могли тогда сдѣлать его ничтожныя боевыя силы? Выставленныя противъ него 50 орудій большаго калибра, вынудили и его также смолкнуть, бросить позицію и отойти, уступая поневолѣ дорогу громаднымъ силамъ, быстро собиравшагося врага на пространствѣ отъ Брилей къ Зембину.

Замедленіе въ постройкѣ Французами втораго Березинскаго моста, удержало нѣсколько переходъ арміи Наполеона, и работа продолжалась въ теченіе всей ночи на 15 ноября.

Для поддержанія, по возможности, порядка и ускоренія окончательной переправы, Бонапартъ провелъ опять и вторую ночь у мостовыхъ сооруженій, въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ тогда строеній и наблюдалъ лично за ходомъ работъ. Къ наступившему утру были перевезены на правую сторону Березины еще около 15 т. человѣкъ, которые тотчасъ расположились въ боевомъ порядкѣ противъ Стаховскаго лѣса.

Въ продолженіи дня 15 ноября, къ отряду Чаплица подошло подкрѣпленіе состоявшее изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ. Но было уже поздно, потому что большія силы непріятельскія, съ самимъ Наполеономъ во главѣ, стояли во всеоружіи на правой сторонѣ р. Березины, готовясь ринуться на нашъ отрядъ, въ случаѣ помѣхи дальнѣйшему ихъ движенію изъ Россіи по завоеванной ими Виленской дорогѣ.

Пока у Студянки и Брилей совершались изложенныя событія, адмиралъ Чичаговъ, едва дошедшій до Шебашевичей, получилъ 14 ноября упомянутыя выше донесенія генераловъ Ланжерона, а потомъ и Чаплица. Не мѣшкая ни минуты, онъ бросился со своими войсками въ обратный путь и 15 числа явился къ Борисову. Усиленное движеніе, утомленіе солдатъ отъ быстраго перехода, невозможность разомъ стянуть слѣдовавшіе одинъ за другимъ отряды и наконецъ, малочисленность вообще всѣхъ наличныхъ силъ, не дозволяли адмиралу Чичагову предпринять въ тотъ же день что-либо противъ собравшейся уже у Брилей всей арміи Наполеона. Въ виду всего этого, онъ вошелъ въ предварительное соглашеніе съ графомъ Витгенштейномъ и подошедшими командирами передовыхъ отрядовъ нашей главной арміи; между ними условлено было начать въ слѣдующій день совокупную рѣшительную аттаку противъ переправившихся и переправляемыхъ еще французскихъ войскъ [131].

Такъ совершился злосчастный для насъ переходъ черезъ Березину Наполеона, котораго не только вся Россія, но и возбужденная въ то время Европа, считали или неминуемо погибшимъ въ Березинскихъ болотахъ, или же неизбѣжно сдѣлавшимся нашимъ военноплѣннымъ.

---

[131] Богдановичъ, т. III, стр. 447 — 450. *Примѣчаніе.* Эта отсрочка была поставлена, между прочимъ, въ вину адмиралу Чичагову, какъ нашими военачальниками, такъ и не знавшими почти донынѣ всѣхъ обстоятельствъ, русскими людьми и исторіографами.

Каково же должна была поразить всѣхъ происшедшая развязка, когда быстро разнеслась вѣсть, что Бонапартъ со славою переступилъ самый опасный для него пунктъ и открылъ себѣ свободный путь выхода изъ плохо поставленной для него западни! Не зная вовсе обстоятельствъ, предшествовавшихъ этому событію, а тѣмъ болѣе не вѣдая тайныхъ нитей все громогласно завопило въ одинъ голосъ, отъ удивленія и негодованія. Пораженіе охватило и всю Европу.

Изумленные такою оскорбительною для народной чести неудачею и подготовленные считать несомнѣннымъ поимку кровнаго врага своего—Наполеона на Березинѣ, народъ, войска и общество возмутились духомъ и съ озлобленіемъ въ душѣ, чуждые истинѣ, тяжелымъ укоромъ отнесли всю вину на одного покинутаго всѣми, безвиннаго военачальника—адмирала П. В. Чичагова, который сдѣлался внезапно, въ противность всякой правдѣ, предметомъ всеобщаго осужденія и народнаго негодованія.

Благодаря послѣднимъ розысканіямъ нашего уже времени, въ исторической лѣтописи уцѣлѣлъ чрезвычайно любопытный документъ, свидѣтельствующій ясно, что происшедшій исходъ былъ вполнѣ предвидѣнъ, подготовленъ и даже предрѣшенъ самимъ главнокомандующимъ, который, желая только оградить себя отъ всякихъ нареканій, искусно сбросилъ всю вину на избранную имъ жертву, въ лицѣ П. В. Чичагова. Обличительный этотъ документъ заключается въ письмѣ князя М. И. Голенищева-Кутузова къ адмиралу Чичагову, помѣченное первымъ изъ своего дальняго мѣстонахожденія — 13-мъ ноябремъ 1812 года. Вотъ его крайне любопытное содержаніе:

«Послѣ сильнаго пораженія непріятеля подъ Краснымъ, главная непріятельская армія направилась на Оршу и перейдя Днѣпръ «при семъ мѣстѣ, оставила оный городъ 9 числа. Генералъ Платовъ съ 15 казачьими полками и генералъ-маіоръ Бороздинъ съ «шестью — слѣдуютъ по бокамъ отступающаго непріятеля, тогда «какъ генералъ Милорадовичъ съ главнымъ авангардомъ арміи, «состоящимъ изъ 54 баталіоновъ пѣхоты и одного корпуса кава«лерiи слѣдуетъ по пятамъ непріятеля [132]. Безъ сомнѣнія, Напо-

[132] Такіе большіе авангардные отряды, направленные во слѣдъ спасавшагося бѣгствомъ Наполеона, послѣ понесеннаго имъ пораженія подъ Краснымъ, доказываютъ лишь то, что хотя потери Французовъ и были тамъ дѣйствительно велики, но армія ихъ не была еще вполнѣ уничтожена—какъ доносилъ Государю

леонъ, отступая *чрезъ Кохановъ и Толочинъ къ Бобру, присоединитъ «къ себѣ Сенъ-Сира;* вслѣдствіе чего предписано отъ меня графу «Витгенштейну соединенно съ генералъ-адъютантомъ Кутузовымъ, «не упуская его изъ виду, слѣдовать быстро за нимъ. Ваше вы«сокопревосходительство усмотрѣть изволите, что по мѣрѣ соеди«ненія силъ непріятельскихъ въ направленіи къ Борисову, сбли«зятся и силы наши для нанесенія сильнаго и, быть можетъ, по«слѣдняго удара непріятелю. *Если Борисовъ занятъ непріятелемъ, «то вѣроятно, что оный, переправясь черезъ Березину, пойдетъ пря«мѣйшимъ путемъ къ Вильнѣ, идущимъ чрезъ Зембинъ, Плещеницы «и Вилейку*[133]. Для предупрежденія сего, необходимо, чтобы ваше «высокопревосходительство заняли бы отрядомъ дефиле при Зем«бинѣ, въ коемъ удобно удержать можно гораздо превосходнѣй«шаго непріятеля. *Главная наша армія отъ Копыса пойдетъ* чрезъ «Староселье и Цесаржинъ къ мѣст. Березинѣ, во первыхъ, для «того, чтобы найти лучшее для себя продовольствіе, во вторыхъ, «*чтобы упредить непріятеля, еслибъ пошелъ онъ отъ Бобра чрезъ «Березино на Игуменъ, чему многія извѣстія даютъ поводъ къ заклю«ченіямъ.* Ниже города Борисова, въ 8 верстахъ, при дер. Ухолодѣ, есть весьма удобные броды для прохода кавалеріи»[134].

Таковое замѣчательное по содержанію, запоздалости[135] и сбивчивымъ указаніямъ письмо, *было доставлено адмиралу только 18 ноября*, а именно тогда, когда переправа Французовъ давно уже

главнокомандующій князь Кутузовъ. Кромѣ того, отправка такихъ значительныхъ передовыхъ силъ свидѣтельствуетъ также, что Наполеонъ располагалъ еще послѣ Краснаго побоища большимъ числомъ войска, которое слѣдовательно требовало все-таки усиленныхъ съ нашей стороны преслѣдованій. По этому, что могъ сдѣлать П. В. Чичаговъ со своимъ, какъ выше указано, относительно крохотнымъ отрядомъ при встрѣчѣ такого сильнаго врага, когда кн. Кутузовъ не позаботился должнымъ образомъ, о томъ, чтобы поставить подчиненнаго ему въ дѣйствительную возможность отразить и задержать ходъ противника.

[133] Слова вполнѣ подтверждающія то, что князь Кутузовъ считалъ не только возможнымъ, но даже и несомнѣннымъ переходъ Наполеона черезъ Березину, который прямо входилъ какъ бы въ его комбинаціи.

[134] Русская Старина, 1877 г., т. I, стр. 635 — 636; Богдановичъ, т. III, стр. 438.

[135] Въ день отсылки письма князя Кутузова, т. е. 13 ноября, Наполеонъ уже приступилъ къ постройкѣ мостовъ и на другой день, рано утромъ, самъ стоялъ на правой сторонѣ р. Березины, между тѣмъ въ тотъ же моментъ, русскій главнокомандующій, дѣлая разныя соображенія, собирался только тронуться съ главною арміею изъ Копыса.

совершилась и, какъ описано будетъ далѣе, положеніе вполнѣ разбитаго Чичаговымъ, подъ Зембинымъ Наполеона, находилось въ совершенно иномъ фазисѣ. Впрочемъ адмиралъ Чичаговъ и въ тогдашнихъ показаніяхъ, и въ «Запискахъ» своихъ прямо обвиняетъ князя Кутузова, въ томъ, *что приведенное предписаніе было послано имъ къ нему изъ главной квартиры заднимъ числомъ* [136].

По выше упомянутому соглашенію, состоявшемуся между адмираломъ Чичаговымъ и графомъ Витгенштейномъ, положено было—16 ноября, раннимъ утромъ, аттаковать самостоятельно непріятеля на обѣихъ сторонахъ р. Березины. Прибывшія войска генераловъ Платова и Ермолова, примкнувшіе къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ, должны были перейти рѣку и поддерживать адмирала въ принятой имъ на себя прямой аттаки Французовъ Дунайскою арміею на правомъ берегу. Графъ же Витгенштейнъ долженъ былъ вести нападеніе на непріятеля по лѣвой сторонѣ рѣки, откуда продолжалась усиленная перевозка французскихъ войскъ.

Замѣтивъ собиравшіяся 15 числа вечеромъ, у береговъ Березины, значительныя русскія силы, Наполеонъ понималъ всю неизбѣжность сильнаго столкновенія съ ними, а потому и рѣшился принять вызовъ на генеральное сраженіе. При такомъ рѣшеніи, онъ, въ ночь на 16 ноября, остановилъ движеніе своихъ, готовившихся уже къ походу на Вильно войскъ, состоявшихъ изъ гвардіи и остатковъ наиболѣе разстроенныхъ корпусовъ, вмѣстѣ съ перевезенными тогда обозами; онъ перевелъ въ то же время обратно къ Студянкѣ Баденскую бригаду генерала Денделиса, при помощи которой велѣлъ удерживать мосты на Березинѣ, по крайней мѣрѣ хотя бы на одни сутки, чтобы спасти всѣ остающіеся на лѣвой сторонѣ рѣки отряды, а также и изъ опасенія, чтобы расположенный позади всѣхъ маршалъ Викторъ не былъ подавленъ превосходными силами арміи графа Витгенштейна. Для защиты же переправы на правомъ берегу Березины, Бонапарте выставилъ противъ Чичагова корпуса маршаловъ Удино и Нея, а въ резервѣ у нихъ расположился самъ, принявъ личную команду надъ всею уцѣлѣвшею французскою гвардіею.

16 ноября, раннимъ утромъ, адмиралъ Чичаговъ сталъ въ боевое положеніе и открылъ по Зембинской дорогѣ, у Стахова, широкую аттаку, направленную на всю линію войскъ Удино и Нея.

---

[136] Mémoires inedits de l'amiral Tchitchagoff, p. 74, 81—82.

Такъ какъ, вопреки соглашенію, графъ Витгенштейнъ запоздалъ прибыть къ условленному мѣсту, то первоначальныя дѣйствія всѣхъ французскихъ войскъ были устремлены исключительно противъ выставленныхъ отрядовъ адмирала. Не переставая вести смѣло начатую аттаку, и не дожидаясь появленія Витгенштейна, къ которому послано было приглашеніе ускорить свое прибытіе, П. В. Чичаговъ вступилъ въ жесточайшій бой съ непріятелемъ по всей линіи нападенія. Энергически и умно веденное имъ лично сраженіе, при содѣйствіи Платова и Ермолова, продолжалось безостановочно, съ одинаковымъ пыломъ отъ 8 часовъ утра до 11 часовъ ночи, несмотря на наступившій мракъ.

Защищая уже теперь свое существованіе, Французы дрались съ замѣчательнымъ остервененіемъ; но одновременные, безпрерывно возобновляемые натиски, искусно разсчитанные храбрымъ адмираломъ Чичаговымъ и не менѣе мужественная стойкость русскаго воинства поколебали, сломили и окончательно сразили врага. Обезсиленные, пораженные въ конецъ Французы понесли полную неудачу на всѣхъ пунктахъ и должны были отступить съ громаднѣйшими потерями въ людяхъ и обозахъ. Кромѣ значительнаго числа плѣненныхъ нами (25 т. человѣкъ), Французы оставили на полѣ *Зембинской* (въ Лѣтописяхъ называемой—*Березинскою*) битвы до 25 т. тѣлъ убитыхъ солдатъ, офицеровъ съ немалымъ числомъ своихъ храбрыхъ генераловъ. Маршалы Удино и Викторъ были ранены.

Послѣ Зембинскаго побоища Наполеону I ничего болѣе не оставалось, какъ бѣжать безъ оглядки и, спасаться уже отъ окончательной гибели со своими, сильно порѣдѣвшими отрядами гвардейскихъ полковъ. И это онъ не замедлилъ сдѣлать. Поле сраженія осталось такимъ образомъ за русскимъ храбрымъ полководцемъ.

Захваченные въ этотъ день громаднѣйшіе обозы Французовъ съ вывезеннымъ ими изъ Москвы русскимъ имуществомъ, и разные отставшіе отряды ихъ достались въ руки подоспѣвшаго уже позади главной линіи аттаковавшихъ—графа Витгенштейна. Вслѣдствіе этого главнокомандующій князь Кутузовъ, умалчивая о подвигѣ главнаго дѣятеля Березинскаго сраженія, приписалъ всю славу одержанной побѣды одному графу Витгенштейну и провозгласилъ его героемъ дня—16 ноября. Между тѣмъ, по показаніямъ современниковъ, несомнѣнно то, что успѣхъ всей этой битвы принадлежалъ всецѣло одному только мужеству, рѣшительности и распо-

рядительности адмирала П. В. Чичагова. Идя позади него, графъ Витгенштейнъ дѣятельно подбиралъ только трофеи и плоды трудовъ войскъ Чичагова [137].

Въ ночь на 17-е ноября, маршалъ Викторъ собралъ остатки разбитыхъ французскихъ войскъ, остававшихся на лѣвомъ берегу Березины, перевелъ ихъ, по возможности, на противоположную сторону и въ 9 часовъ утра, съ приближеніемъ Донцовъ Платова, поджегъ мосты, а затѣмъ пустился въ догоню за быстро уходившею, съ Наполеономъ во главѣ, такъ-называемой «*великой арміи*».

«Переправа черезъ Березину положила предѣлъ существованію «*великой арміи*», пишетъ М. Богдановичъ.—Дальнѣйшее отступленіе остатковъ ея было бѣгство, ускоряемое преслѣдованіемъ *благочестивой небрѣемой рати* казаковъ».

«Но общественное мнѣніе въ Россіи не было довольно послѣдствіями Березинской переправы, гдѣ Наполеонъ, окруженный нашими арміями, казалось, долженъ былъ погибнуть, либо подвергнуться плѣну. Въ то время никто не отваживался сдѣлать какой-либо упрекъ ни маститому полководцу, освободившему родную землю отъ нашествія вражескаго, ни увѣнчанному свѣжими лаврами защитнику Петрова-града, и потому вся тяжесть народнаго негодованія за уходъ Наполеона пала на одного Чичагова, о которомъ стоустая молва разглашала, будто бы онъ выпустилъ бичъ Европы изъ западни, устроенной дальновиднымъ Кутузовымъ. Самъ Кутузовъ подалъ поводъ къ тому, говоря, что *не все было сдѣлано, что можно было сдѣлать, и что еслибы не адмиралъ, то простой псковскій дворянинъ сказалъ бы: Европа, дыши свободно!* Общественное мнѣніе, требовавшее полной расплаты за раззореніе родной страны, приписывало неудачу поимки Наполеона неспособности, либо измѣнѣ Чичагова. Но исторія, продолжаетъ г. Богдановичъ,— прислушиваясь къ говору современниковъ, не вѣритъ имъ на слово, а дѣлаетъ выводы на основаніи данныхъ, не подлежащихъ сомнѣнію. Въ отношеніи неудачи—или, лучше сказать, несовершеннаго успѣха нашихъ дѣйствій на Березинѣ, виновенъ не одинъ Чичаговъ, которому слѣдовало, оставаясь у Борисова, *наблюдать теченіе рѣки сильными отрядами,* и что было всего важнѣе—*занять войсками, либо истребить мосты на Гайнѣ, у Зембина* [138]. Графъ

[137] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 347, 349; Богдановичъ, т. III, стр. 451—455.

[138] Довольно странными представляются настоящіе упреки, бросаемые адмиралу Чичагову: а) *что онъ отошелъ отъ Борисова*—движеніе, которое, какъ выше

Витгенштейнъ, съ своей стороны, долженъ былъ, не увлекаясь преслѣдованіемъ Сенъ-Сира и Виктора (которыхъ онъ не могъ отбросить отъ главныхъ силъ Наполеона), обратиться, сообразно общему плану дѣйствій, вправо къ Верхней Улѣ и войти въ связь съ Чичаговымъ. Да и самъ Кутузовъ, давъ отдыхъ главнымъ силамъ у Копыса, въ разстояніи болѣе ста верстъ отъ мѣста непріятельской переправы, долженъ былъ поспѣшить къ Березинѣ, гдѣ у насъ было довольно войскъ для уничтоженія остатковъ Наполеоновской арміи, а недоставало только единства и согласія въ дѣйствіяхъ. Присутствіе фельдмаршала могло устранить это неудобство, еслибы онъ наконецъ рѣшился нанести послѣдній ударъ ослабленному противнику»[139].

Весьма важны во всѣхъ отношеніяхъ слова приведенной нами критики дѣйствій военачальниковъ Отечественной войны, которая была сдѣлана, при отсутствіи еще многихъ матеріаловъ, такимъ компетентнымъ лицемъ, какимъ былъ нашъ покойный изслѣдователь и исторіографъ М. И. Богдановичъ, составитель Исторіи Царствованія Императора Александра I и Отечественной войны 1812 г.

Въ настоящее время, благодаря новымъ тщательнымъ изысканіямъ выступившаго недавно достопочтеннаго историческаго дѣятеля нашего, генерала Н. Ѳ. Дубровина, въ 1882 году появился въ печати, имъ изданный, чрезвычайно любопытный и важный для науки отечествовѣдѣнія сборникъ, подъ заглавіемъ: «*Отечественная война въ письмахъ современниковъ*». Собраніе въ немъ до нынѣ неизвѣстныхъ документовъ, ярче освѣтило картину памятной для Россіи эпохи, многіе детали которой разъяснены теперь при помощи свидѣтельскихъ показаній какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ очевидцевъ, находившихся на самыхъ мѣстахъ военнаго поприща начала XIX вѣка.

Изъ этого крайне интереснаго Сборника мы уже почерпнули нѣкоторыя изъ вышеприведенныхъ свѣдѣній и теперь считаемъ необходимымъ привести въ извлеченіи еще новыя свидѣтельства

изложено, было сдѣлано только по настоятельному почти требованію князя Кутузова, указавшаго ему путь на Игуменъ, къ Бобру; б) *что онъ не наблюдалъ за непріятелемъ сильными отрядами*, которыхъ у него не было при умышленномъ лишеніи его даже необходимыхъ для успѣха подкрѣпленій, и в) *въ неистребленіи предварительно нашихъ мостовъ*, которыми не могли и не воспользовались французы, построившіе, какъ было указано, своихъ два моста для переправы войскъ у Студянки.

[139] Богдановичъ, т. III, стр. 456—457.

очевидцевъ по обстоятельствамъ, касающимся собственно нашего заслуженнаго адмирала и событій Березинской переправы Наполеона I. 1. Англійскій агентъ, находившійся при арміи П. В. Чичагова, лордъ Терконель свидѣтельствуетъ, что адмиралъ человѣкъ очень умный и свѣдущій, съ сильнымъ духомъ воли и необыкновенною твердостію, въ чемъ здѣсь (т.-е. въ войскахъ русскихъ), какъ пишетъ онъ,—страшный недостатокъ [140]. Ошибка удаленія войскъ Чичагова, говоритъ очевидецъ,—отъ Борисова и несчастное движеніе къ Шебишевичамъ произошли нѣкоторымъ образомъ отъ сбивчивыхъ извѣщеній князя Кутузова, который увѣдомилъ адмирала, что непріятель будетъ стараться открыть себѣ выходъ по правой сторонѣ отъ расположенія его войскъ.

Тотъ же лордъ Терконель, описывая 18 ноября 1812 года страшное разгромленіе Французовъ, совершенное Чичаговымъ 16 ноября, подъ Березиною, высказывается такъ:

— «Россія показала всему свѣту, что она не оставила безъ жестокаго наказанія врага, дерзнувшаго ворваться въ ея предѣлы. Тяжесть, отъ которой освободила эта битва плечи наши, и польза, которую и мы можемъ извлечь изъ столь значительнаго сокращенія силъ Французовъ и помраченія репутаціи непріятеля, настолько велики, что и опредѣлить ихъ нынѣ нельзя» [141].

2. Всѣ бывшіе при войскахъ нашихъ свидѣтели Березинской переправы, единогласно подтверждая, что непріятель обязанъ своимъ спасеніемъ только медлительности хода отсталой въ Копысѣ русской главной арміи, удостовѣряютъ положительно, что Чичаговъ былъ лишенъ всякой возможности задержать Французовъ и дать имъ надлежащій отпоръ, такъ какъ онъ оставался безъ подкрѣпленій. Одинъ изъ нихъ выразился по этому предмету слѣдующимъ образомъ въ письмѣ своемъ къ Николаю Михайловичу Лонгинову въ С.-Петербургъ, отъ 16 января 1813 года:

«Я вижу, что у васъ въ Петербургѣ совсѣмъ не отдаютъ справедливости адмиралу Чичагову. Хотя, конечно, были ошибки (не одинъ онъ ихъ дѣлалъ), но движеніе его къ Борисову прямо, оставляя Сакена занимать Шварценберга, прекрасно и пресмѣло. Мало изъ тѣхъ, его осуждающихъ, которые пошли бы съ 30 тысячами прямо въ зубы къ Бонапарте, имѣвшему 80 тысячъ войска. Березина, можно сказать, доканала французовъ и сраженіе, кото-

---

140 Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 195—196.

141 Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 349, 356—357.

рое имѣлъ Чичаговъ, 16 ноября, въ (Стаховскомъ) лѣсу, тысячу разъ важнѣе и труднѣе, нежели взятіе графомъ Витгенштейномъ генерала Партонò (Partoneaux) съ мародерами, о которомъ такъ у васъ всѣ радуются и кричатъ. Витгенштейнъ, конечно, славно служилъ, имѣя право на благодарность Россіи, но и то правда, что онъ отлично умѣлъ реляціи писать. Партонò сдался ему самъ, потому что онъ не могъ уже болѣе аттаковать Чичагова; онъ искалъ кому сдаться, а его офицеры искали съ кѣмъ объ этомъ переговорить, когда адъютантъ Витгенштейна наѣхавъ на нихъ, взялъ ихъ отъ офицеровъ Платова, не понимавшихъ по французски и повелъ къ Витгенштейну, съ которымъ и была подписана капитуляція Сраженіе же тамъ съ ними не было. Я вамъ это сообщаю, чтобы доказать, насколько ваши извѣстія бываютъ раскрашены и какъ ваши сужденія въ Петербургѣ о начальникахъ часто ложны. Самого Бонапарте взять была пустая мысль, такъ какъ это могло совершиться только совершенно случайнымъ образомъ. Что же касается до арміи его, то скажу вамъ, что бывшей въ Россіи французской арміи болѣе не существуетъ, а вышло оттуда только достаточное число свидѣтелей, для разсказа о томъ, каково съ нами воевать. *Всѣ Французы подтверждаютъ, что ихъ погубила совершенно и главнѣйшимъ образомъ—только встрѣча съ Дунайскою арміею Чичагова у Березины.* Тутъ потеряли они весь обозъ свой, казну, артиллерію гвардейскую и все, что оставалось еще у нихъ изъ свѣжихъ войскъ» [142].

Адмиралъ П. В. Чичаговъ, въ подробныхъ донесеніяхъ своихъ Императору Александру отъ 17, 18 и 29 ноября 1812 года, высказалъ въ оправданіе свое весь ходъ его военныхъ дѣйствій, затрудненія встрѣчавшіяся имъ постоянно при выполненіи главнаго плана кампаніи и настоящія причины, которыя помѣшали ему совершить то, чего желалъ, чего ожидалъ отъ него какъ самъ Государь, такъ и вся Россія, а именно—*задержанія Наполеона у Березины* [143].

Послѣ несомнѣнно блестящаго Березинскаго сраженія, которое вынесъ съ полною славою на однихъ своихъ плечахъ адмиралъ Чичаговъ, онъ не удовольствовался этимъ и не остановился на пути. Поддерживаемый отрядами генераловъ Платова и графа Витгенштейна, Павелъ Васильевичъ пошелъ во слѣдъ бѣгущему

[142] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 451.

[143] Сборникъ Русскаго Историч. Общества, т. VI, стр. 51—66.

непріятелю и идя, въ полномъ смыслѣ, по пятамъ спасавшихся, онъ съ 17 по 27 ноября гналъ и билъ ихъ по пути къ Вилейкѣ и Вильнѣ. Кромѣ разныхъ мелкихъ стычекъ, удачно произведенныхъ нашими войсками, авангардный генералъ его Чаплицъ разбилъ въ Сморгонахъ трехтысячный непріятельскій отрядъ и уничтожилъ его совершенно. Быстро пройдя Молодечну и Бѣлецкъ отряды Чичагова стояли уже 27 ноября подъ Вильною.

На всемъ пути преслѣдованія отъ Березины до Вильно, адмиралъ завладѣлъ 150 французскими орудіями, уничтожилъ весь арріергардъ ихъ и, плѣнивъ до 20 тысячъ человѣкъ, заставилъ Наполеона опрометью бѣжать далѣе, чтобъ только укрыться отъ его упорнѣйшихъ преслѣдованій [144].

28 ноября, соединенные отряды адмирала Чичагова овладѣли городомъ Вильно, откуда поспѣшно выѣхали командовавшій тамъ войсками маршалъ Мюратъ, а съ нимъ и маршалъ Ней, незадолго предъ тѣмъ пришедшій съ остатками своихъ голодныхъ, обезсиленныхъ и еле одѣтыхъ солдатъ. Въ тотъ же день вступилъ въ Вильно и адмиралъ Чичаговъ со своею малою, но бодрою и не разстроенною арміею, которая заключалась въ то время всего изъ 17454 человѣкъ съ 156-ю орудіями [144].

Вечеромъ 29 ноября, торжественно въѣхалъ въ Вильно при восторженныхъ крикахъ мѣстнаго населенія главнокомандующій, фельдмаршалъ князь Кутузовъ, который расположился въ городскомъ замкѣ. Здѣсь встрѣтилъ его адмиралъ Чичаговъ и подалъ ему со строевымъ рапортомъ ключи отъ города.

Нечего уже и говорить о томъ, что послѣ всего происшедшаго, официальное свиданіе этихъ двухъ военачальниковъ, между которыми легла глубокая непріязнь, было самое тягостное для обоихъ и холодное. Адмиралъ Чичаговъ зналъ хорошо, что князь Кутузовъ приписывалъ ему разныя вымышленныя ошибки и всю вину совершеннаго Наполеономъ перехода черезъ Березину. Съ другой стороны и фельдмаршалу не могло быть пріятнымъ вѣдать, что въ карманѣ адмирала лежатъ обличительныя противъ него фактическія доказательства, заключающіяся въ посланныхъ къ нему во время компаніи извѣстій и исходившихъ отъ него изъ главной квартиры, разнорѣчивыхъ, сбивчивыхъ предписаній.

---

[144] Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 175, 196—197; Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 381—386.

[144] Богдановичъ, т. III, стр. 466.

Не смотря на все это, князь Кутузовъ прикрылся самыми утонченными, дипломатическими любезностями по отношенію къ адмиралу Чичагову, къ которому онъ собственноручно написалъ 28 ноября 1812 года слѣдующія строки:

— «Благодарю васъ милостивый Государь мой Павелъ Ва«сильевичъ за все то, что произошло со врѣмяни сближенія вашего «съ нами. Лѣстно всякому имѣть такого сотрудника и такого «товарища, какого я имѣю въ васъ.—Князь Кутузовъ [145].

До этого свиданія, еще 25 ноября главнокомандующій князь Кутузовъ доносилъ Императору Александру о намѣреніи своемъ пріостановить въ окрестностяхъ Вильны главныя силы свои, поручивъ дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля авангардамъ графа Витгенштейна и адмирала Чичагова, которые, по мнѣнію его, должны были гнать Шварценберга только до австрійскихъ границъ.

Въ отвѣтъ на это, Императоръ Александръ, въ рескриптѣ своемъ отъ 2 декабря 1812 года на имя фельдмаршала, повелѣлъ ему, не останавливаясь въ Вильнѣ, усиленно преслѣдовать французовъ, какъ войсками его большой арміи, такъ и отрядами адмирала Чичагова, на подкрѣпленіе котораго назначилъ корпусъ графа Витгенштейна; послѣднимъ двумъ, онъ отдалъ прямо отъ себя приказаніе — «слѣдовать неустанно по пятамъ непріятельскимъ, держась такого направленія, чтобы не только внутри, но и внѣ границъ Имперіи, имѣть лишь въ виду одну цѣль — мѣшать, насколько возможно врагу во всякомъ сообщеніи и соединеніи съ разнаго рода подкрѣпленіями, которыя могли бы его усилить.» [146]

Въ силу этого повелѣнія, адмиралъ Чичаговъ вышелъ со своею арміею изъ Вильны, въ сопровожденіи отряда генерала Платова на Ковно, къ Нѣману, но здѣсь онъ былъ опять остановленъ по распоряженію фельдмаршала, и расположившись съ 5 декабря близь Пренъ, простоялъ тамъ на мѣстѣ, безъ дѣла, 12 сутокъ, напрасно ожидая какихъ либо приказаній изъ главной квартиры.

---

[145] Извлечено изъ подлинныхъ бумагъ адмирала П. В. Чичагова, хранящихся у внучатнаго его племянника Леонида Михайловича Чичагова, которому и обязаны мы какъ этимъ цѣннымъ сообщеніемъ, такъ и другими свѣдѣніями для настоящаго жизнеописанія.

[146] М. И. Богдановичъ, т. III, стр. 466—467; Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 390.

Примѣчаніе. Въ то время, Высочайшимъ указомъ 6 декабря 1812 года, Императоръ Александръ пожаловалъ князю М. И. Кутузову почетный титулъ «*князя Смоленскаго*» за пораженіе французовъ подъ этимъ городомъ (Русскій Архивъ, 1866 г. стр. 471).

Обрекая адмирала, вопреки повелѣнію Императора, на полное бездѣйствіе, Князь Кутузовъ велѣлъ ему послѣ этого стать въ Гизнѣ, на границѣ Лифляндіи и затѣмъ не давалъ ему никакихъ порученій.

Ясно было видно, что ревнивый фельдмаршалъ всячески устранялъ адмирала отъ возможности проявить себя новыми успѣхами, а потому и держалъ его рѣшительно въ сторонѣ отъ всякаго участія въ дальнѣйшихъ военныхъ нашихъ дѣйствіяхъ.

Съ горечью на сердцѣ сохранялъ Павелъ Васильевичъ свое выжидательное, бездѣйственное положеніе, изъ котораго не хотѣлъ выпустить его князь Смоленскій, старавшійся всѣми мѣрами затмить его прошлыя истинныя заслуги, приписанныя другимъ. Не менѣе тяжело отзывались въ душѣ адмирала, долетавшіе до него въ то время оскорбительные слухи о разроставшемся все болѣе обвиненіи его даже въ измѣнѣ при Березинской переправѣ Наполеона, за которую не вѣдая сути осыпали его тяжкими нареканіями и русское общество и весь русскій народъ [147].

---

[147] Березинскій переходъ Наполеона вызвалъ противъ адмирала П. В. Чичагова вообще народное негодованіе, переносившееся изъ устъ въ уста въ самыхъ оскорбительныхъ для него выраженіяхъ и даже въ видѣ обвиненія въ измѣнѣ. О томъ, насколько сильно было негодованіе противъ адмирала, даже въ развитыхъ слояхъ общества можно судить по слѣдующимъ проявленіямъ: I Въ одной современной тогда каррикатурѣ выразилось весьма опредѣленное убѣжденіе русскаго народа въ сознательной ошибкѣ адмирала Чичагова для пропуска Наполеона черезъ Березину. Въ этой каррикатурѣ, князь Кутузовъ, изображенный на конѣ, тянетъ одинъ конецъ сѣти, въ которую долженъ попасть Бонапарте; на противуположномъ же концѣ сѣти сидитъ на якорѣ Чичаговъ, произнося: «*je le sauve*» (я его спасаю), а Наполеонъ, въ видѣ заіца, проскальзываетъ за его спиною. (Записки Академіи Наукъ, т. IV, стр. 164—165; Записки Вигеля, т. IV, стр. 73).

II. Сходственно съ этою каррикатурою, перу извѣстнаго поэта нашего Г. Р. Державина. (Сочиненія его, изд. Я. К. Грота, т. Ш., стр. 451), приписываютъ слѣдующую, найденную въ его бумагахъ, эпиграмму на адмирала Чичагова:

«Смоленскій князь Кутузовъ
Продерзостныхъ французовъ
И гналъ и билъ
И наконецъ имъ гибельну онъ сѣть связалъ;
Но земноводный генералъ
Пришелъ,—да все и распустилъ.»

III. Въ статьѣ г. Кеневича: «Историческое значеніе басень Крылова». (Записки Академіи Наукъ, т. IV, стр. 164), высказано, что въ баснѣ—«Щука и

11 декабря прибылъ въ Вильно Императоръ Александръ Павловичъ, съ личнаго разрѣшенія котораго, явился къ нему тамъ, 15 декабря, П. В. Чичаговъ совсѣми своими оправдательными документами. Личныя неудовольствія противъ него князя Кутузова и усилившаяся рознь между ними, дѣлали совмѣстную службу ихъ не выносимою, такъ что адмиралъ рѣшился просить у Монарха о своемъ увольненіи.

Но на аудіенціи, Александръ Павловичъ необыкновенно ласково встрѣтилъ вошедшаго къ нему адмирала и съ полнымъ благоволеніемъ обошелся съ нимъ, видимо впрочемъ уклоняясь отъ разговора касательно совершившихся событій. Такъ какъ Императоръ продолжалъ молчать объ этомъ, то Чичаговъ самъ рѣшился спросить—имѣетъ ли Государь противъ него какое либо неудовольствіе?—«О нѣтъ!»—отвѣчалъ милостиво Александръ Павловичъ—«я вами совершенно доволенъ. Мнѣ извѣстно, что вы сдѣлали все «возможное и зависящее отъ васъ, но я только сожалѣю что, мосты у Зембина, надъ болотами, не были уничтожены». На это Чичаговъ хотѣлъ было лично вновь разъяснить, въ оправданіе свое, обстоятельства, которыя породили незаслуженныя имъ укоризны. Отклоняясь опять отъ продолженія разговора по этому предмету, Государь повторилъ ему только, что онъ не можетъ сдѣлать ему никакого упрека и совѣтовалъ Павлу Васильевичу не обращать вниманія на злорѣчіе людей, вовсе незнающихъ истиннаго положенія дѣлъ. При этомъ, Императоръ рѣшительно отказалъ ему въ увольненіи и, милостиво убѣждая адмирала оставаться при арміи, велѣлъ ему опять ѣхать къ своимъ войскамъ [148]. Павлу Васильевичу приходилось покориться волѣ Монаршей и стать вновь въ ряды дѣйствующихъ армій. Продолжая послѣ этого командовать своими отрядами, адмиралъ получилъ повелѣніе Императора выступить къ Тильзиту и настойчиво преслѣдовать оттуда французовъ, шагъ за шагомъ. Но по прибытіи, 17 января 1813 года, въ Эль-

---

Котъ»—какъ гласитъ преданіе, подъ щукою Крыловъ разумѣлъ Чичагова, начальника Дунайской арміи, который, будучи посланъ въ тылъ войскъ Наполеона, долженъ былъ преградить ему путь чрезъ Березину.

IV. Одинъ изъ современниковъ, характеризуя адмирала Чичагова, какъ человѣка, говоритъ, что «въ душѣ онъ былъ англичаниномъ, учился въ Англіи мореплаванію и былъ женатъ на англичанкѣ; что съ суровостію моряка, онъ соединялъ въ себѣ надменность англичанина и это сдѣлало его ненавистнымъ для русскихъ; *послѣдній же его подвигъ* (защита Березины), *заставилъ ихъ всѣхъ презирать его*». Записки Академіи Наукъ, т. IV, стр. 165).

148 Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 400; Архивъ князя Воронцова, Т. XIX, стр. 196—198.

бингъ, Чичагову прислано было отъ князя Кутузова новое приказаніе отступить на Прейсишъ—Эйлау и озаботиться устройствомъ правильнаго сообщенія между Торномъ и Позеномъ. Исполняя это порученіе, адмиралу удалось успѣшно блокировать Торнъ и завладѣть большими непріятельскими магазинами въ Бромбергѣ.

Не смотря на успѣхъ по всѣмъ возлагавшимся на него порученіямъ, неудовольствія между нимъ и Княземъ Кутузовымъ все болѣе объострялись и ставили его въ самое тяжелое, отчужденное отъ всѣхъ положеніе.

Утомленный наконецъ не прекращавшеюся борьбою съ враждебною партіею, окружавшею главнокомандующаго, Павелъ Васильевичъ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ пререканій, козней и интригъ, рѣшился возобновить свое ходатайство у Императора объ увольненіи, ссылаясь на свое вполнѣ разстроенное здоровье [149].

Уступая наконецъ и убѣдительнѣйшей просьбѣ адмирала, Александръ Павловичъ согласился отпустить его съ арены военныхъ дѣйствій. Лишь только Павелъ Васильевичъ получилъ желаемое разрѣшеніе, онъ поспѣшно сдалъ 3 февраля 1813 года команду надъ своими войсками генералу Михаилу Богдановичу Барклаю-де Толли и въ концѣ марта прибылъ въ С.-Петербургъ [150].

Для пополненія приведенныхъ уже нами историческихъ данныхъ, хотя и довольно ярко освѣщающихъ картину событій отечественной войны, въ которой такъ достойно, но безъ счастія подвизался П. В. Чичаговъ, мы считаемъ себя почти обязанными привести еще, въ подлинныхъ словахъ, хотя и довольно обширный но чрезвычайно любопытный современный документъ; въ немъ, одинъ изъ тогдашнихъ дипломатическихъ представителей при русскомъ дворѣ, слѣдовательно лице, достаточно близкое къ нашимъ высшимъ правительственнымъ сферамъ, въ офиціальномъ своемъ донесеніи, написанномъ, по собраніи всѣхъ достовѣрнѣйшихъ данныхъ, чрезъ 7 мѣсяцевъ послѣ событія, очерчиваетъ характеристику адмирала Чичагова и весьма подробно описываетъ всѣ обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія злосчатную

---

[149] Дѣйствія П. В. Чичагова въ продолженіи его заграничнаго похода, тогдашнее положеніе его и причины заставившія его желать оставленія арміи, подробно изложены въ дружескомъ его письмѣ къ графу С. Р. Воронцову отъ 25 мая 1813 года. (Архивъ князя Воронцова, Т. XIX, стр. 181—189.)

[150] Н. Ѳ. Дубровинъ.—Отечественная война въ письмахъ современниковъ, стр. 456 и письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Импер. Александра I, стр. 96.

Березинскую переправу. Замѣтимъ при этомъ, что содержаніе этого документа, въ главныхъ чертахъ своихъ вполнѣ согласующагося съ изданными какъ прежде такъ и нынѣ Н. Ѳ. Дубровинымъ новыми свѣдѣніями, тѣмъ болѣе важно, что оно какъ показаніе современника событій, доставляетъ еще большую возможность, съ возстановленіемъ истины, на всегда и совершенно смыть съ памяти нашего умнѣйшаго, честнѣйшаго русскаго дѣятеля тѣ порицанія и оскорбительныя обвиненія, на которыя обрекли его и умыселъ и враждебныя чувства къ нему ослѣпленныхъ соотечественниковъ и наконецъ беззащитность его положенія.

Въ своей офиціальной депешѣ изъ С. Петербурга отъ 2—14 іюня 1813 года, посланной къ министру короля Сардинскаго, представитель его въ Россіи, графъ Іосифъ де-Местръ приводитъ всѣ собранныя имъ свѣдѣнія по отношенію Кампаніи нашей отечественной войны 1812 года. Относительно адмирала П. В. Чичагова, онъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее [151].

[151] Архивъ князя Воронцова, T. XV, стр. 491—503.—«Адмиралъ Чичаговъ есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей въ Россіи. Въ то время, какъ пишутся настоящія строки, нѣтъ ни одного изъ русскихъ дѣятелей, котораго можно было бы поставить не только выше его, но даже и наравнѣ съ нимъ, по уму, быстротѣ соображеній, твердости характера, справедливости, стремленіе быть полезнымъ, гдѣ бы онъ ни находился, по безкорыстію и даже по строго нравственнымъ качествамъ. Но всѣ эти превосходныя достоинства омрачаются двумя большими его недостатками. Первый изъ нихъ, о которомъ, полагаю, можно было бы пройти молчаніемъ при отсутствіи втораго, заключается въ своеобразномъ взглядѣ его на религіозную сторону вѣрованій, взглядѣ не имѣющемъ у него ничего общаго ни съ греческимъ, ни съ латинскимъ вѣроисповѣданіями. Второе пятно въ его характерѣ есть презрительное отношеніе и даже глубокая ненависть ко всѣмъ отечественнымъ учрежденіямъ, которымъ онъ приписываетъ только глупость, невѣжество, грабительство и деспотизмъ. Русскій человѣкъ лучше всѣхъ другихъ націй въ мірѣ понимаетъ свои недостатки, но онъ не легко прощаетъ тому, кто ему на нихъ указываетъ. При желаніи жить съ нимъ въ ладу, не только не должно позволять себѣ выказывать видъ порицанія чего-либо въ его отечествѣ (на что нерѣдко поддаются иностранцы), но напротивъ слѣдуетъ противорѣчить всякимъ нападкамъ, позволяя себѣ развѣ только улыбнуться, чтобы не оказаться въ положеніи обманутаго. Ежели исключить малое число лицъ, близко знающихъ и оцѣнивающихъ достоинства адмирала, то все остальное большинство русскаго общества относится къ нему съ ярою ненавистью, называя его личнымъ врагомъ своей родины. Въ дѣйствительности онъ не былъ таковымъ. Его можно даже считать лучшимъ патріотомъ, чѣмъ многихъ другихъ, потому, что въ немъ вовсе нѣтъ неpріязни къ самой Россіи, но глубоко лежитъ ненависть къ порокамъ и злоупотребленіямъ ее обезчесчиваемымъ; но такое утонченное различіе въ поня-

— «L'amiral Tchitchagoff est un des personnages les plus remarquables de la Russie. A l'époque où l'on écrit ceci, personne ne le surpasse et même personne ne l'égale parmi les gens en place,

---

тіяхъ, мало доступное понятію большинства, нисколько не извиняетъ однакоже желчнаго порицанія и ядовитыхъ насмѣшекъ, расточаемыхъ имъ насчетъ своей собственной родины. Друзья его многократно возражали ему по поводу такого поведенія и онъ хотя выслушиваетъ ихъ съ извѣстнымъ благодушіемъ, но все-таки продолжаетъ поступать по своему. Императору не безъизвѣстны и образъ дѣйствіи адмирала и его увлеченныя рѣчи: тѣмъ не менѣе онъ всегда имѣлъ къ нему особенное расположеніе, которое вредило даже Его И. Величеству въ общественномъ мнѣніи. *Онъ не русскій*—твердятъ всѣ—*онъ не любитъ Россіи и благоволитъ лишь къ тѣмъ, кто ее ненавидитъ.* Во всемъ этомъ справедливо только то, что Императоръ болѣе развитъ, чѣмъ его народъ и, можетъ быть, въ этомъ кроется все его несчастіе. Будь онъ менѣе опередившимъ народъ по своему развитію, его бы болѣе любили соотечественники, потому что въ такомъ случаѣ онъ довольствовался бы, благоволилъ и одобрялъ всю окружающую его среду.

Когда злосчастная война противъ Турокъ, веденная Кутузовымъ далеко не съ первостепеннымъ успѣхомъ, пріостановилась наконецъ по случаю заключеннаго перемирія, то ему даны были широкія полномочія, необходимыя для подписанія мира; но между тѣмъ ничто не кончалось и ежедневно доходившія изъ Молдавіи жалобы на поведеніе русскаго генерала вывели изъ терпѣнія Императора, который отправилъ на замѣну его адмирала Чичагова. Тогда князь Кутузовъ, предупрежденный объ этомъ черезъ особаго курьера, поспѣшилъ приступить къ заключенію мира, на который онъ никогда бы не рѣшился и адмиралъ, по пріѣздѣ своемъ, нашелъ его уже подписаннымъ. Несмотря на то, что Чичаговъ тутъ же заявилъ о нежеланіи своемъ не вмѣшиваться въ это дѣло, ни присвоивать себѣ чужую славу, но онъ поставленъ былъ въ необходимость закрѣпить трактатъ своею подписью въ удовлетвореніе только ограждавшихъ себя подозрительныхъ противниковъ, потребовавшихъ таковой отъ новоприбывшаго главнокомандующаго; въ то же время онъ извѣстилъ Императора, что подпись его была приложена лишь для формальности акта и что онъ признаетъ всю честь мира всецѣло за своимъ предшественникомъ. Нельзя было поступить съ бо́льшею деликатностію, между тѣмъ князь Кутузовъ никогда не могъ простить ему этого.

Адмиралъ остался въ Молдавіи, а Кутузовъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ онъ первоначально былъ въ нѣкоторомъ пренебреженіи; но салонные вопли повліяли сильно на дурно расположеннаго къ нему Императора, который ввѣрилъ Кутузову главное начальство надъ дѣйствующими войсками и менѣе чѣмъ въ два мѣсяца возвелъ его въ фельдмаршалы, графство, въ княжество и наконецъ далъ титулъ «князя Смоленскаго», жена его въ этотъ короткій срокъ должна была трижды перепечатывать свои визитныя карточки.

Императоръ и адмиралъ Чичаговъ полагали первоначально безполезнымъ присутствіе прекрасной Молдавской арміи на большомъ бранномъ полѣ, предназначая ее на задуманный ими другой болѣе широкій, болѣе значительный планъ дѣйствій, въ особенности крайне важный въ интересахъ короля, моего властелина. Но въ сущности они ошиблись и тогда адмиралъ выступилъ со своею арміею, чрезъ Минскъ, къ Березинѣ. Впрочемъ въ этомъ движеніи, адмирала весьма сильно об-

en esprit, en célerité du jugement, en force de caractere, en justice, en amour du mérite partout où il se trouve, en désinteressement et même en austérité de moeurs. Ces belles qualités sont obscurcies

вліяли въ медлительности хода; но спрашивается могъ ли бы человѣкъ, такого твердаго характера какъ Чичаговъ, замедлйвать свой путь иначе какъ только по Монаршей волѣ, въ которой нельзя было не угадать одной, или даже двухъ тайныхъ причинъ.

Въ то время какъ адмиралъ подходилъ изъ Молдавіи, а князь Смоленскій подвигался изъ этого города съ цѣлію соединенія обѣихъ армій при Березинѣ, общественное мнѣніе исподволь подготовлялось къ мысли, что на обязанности перваго лежало—перехватить Наполеона на переправѣ, мысль на подобіе того, какъ ловятъ мышь. Излишне будетъ повторять здѣсь описаніе военныхъ дѣйствій Кутузова отъ Смоленска до Березины; они блестящи по успѣхамъ, но въ нихъ не видно ни одного искуснаго мастерскаго дѣла: онъ бралъ, истреблялъ людей по мѣрѣ того какъ они гибли отъ холода. Онъ подбиралъ пушки, ими же бросаемыя на пути—вотъ все что имъ было сдѣлано. Кутузовъ не сумѣлъ даже взять отъ нихъ въ плѣнъ ни одного фельдмаршала, или какого-либо именитаго генерала; онъ не показалъ даже съ своей стороны, что онъ считаетъ возможнымъ захватить самаго главнаго вождя. Этотъ вождь, отступая раздѣлилъ свою армію на три корпуса: 1-мъ командовалъ онъ самъ, 2-й отдалъ подъ начальство маршала Даву и 3-й ввѣрилъ маршалу Нею. Подъ Краснымъ, русскіе, шедшіе параллельно съ французами, очутились вдругъ (сами того не подозрѣвая и только по случаю неравномѣрнаго движенія колоннъ) между 2-мъ и 3-мъ непріятельскими корпусами. Ней оказался совершенно отрѣзаннымъ и настолько далекимъ отъ своихъ, что когда показался въ тылу русскихъ отрядовъ, то послѣдними было послано узнать кто за ними идетъ—свои или непріятель. Въ ту минуту представлялся превосходный случай нанести блестящій ударъ противнику. Кутузовъ этого не сдѣлалъ; онъ удовольствовался принятіемъ добровольно сдавшихся ему 12000 человѣкъ окоченѣлыхъ и голодныхъ солдатъ съ 27 пушками, тогда какъ въ то же время изъ рукъ его спасся, со 100 пушками и примѣрно 15000 солдатъ, маршалъ Ней, бросившійся нагонять своихъ; увидя Нея, Наполеонъ пришелъ въ полное изумленіе, потому что считалъ его не только неизбѣжно погибшимъ, но внѣ всякаго спасенія. Во всемъ происшедшемъ—спрашиваю я всегда—гдѣ же тотъ великій полководецъ? Этотъ случай далъ мнѣ поводъ, шутя, въ пріятельскомъ кружкѣ замѣтить, что *еслибы Наполеонъ командовалъ тогда Русскими, то непремѣнно взялъ бы себя въ плѣнъ.*

Во время отступленія французской арміи, адмиралъ Чичаговъ подходилъ со своею прекрасною 60-ти тысячною Молдавскою арміею и его переходъ черезъ Польшу, несомнѣнно заслуживаетъ полной похвалы. Въ 12 дней онъ очистилъ Волынь, отбросилъ за Бугъ австро-польскія войска и преслѣдуя ихъ жестоко, вызывалъ на бой. Будучи такимъ же хорошимъ дипломатомъ, какъ и военачальникомъ, онъ сумѣлъ вселить сочувствіе къ своей администраціи, прекратилъ грабежи въ краѣ, пріобрѣлъ для Россіи преданныхъ людей и самъ сблизился съ такими мѣстными вліятельными лицами, которыя сообщали ему обо всемъ.

Адмиралъ разогналъ польскую конфедерацію и оказалъ въ то же время самую существенную услугу своему отечеству и общему дѣлу, главнѣйше тѣмъ, что до

par deux grandes taches: la première, sur laquelle on passerait, je crois, assez volontiers, sans la seconde, est une manière de penser en fait de religion, qui n'est certainement ni grecque, ni latine; la seconde est un mépris et même une haine profonde pour toutes les institutions de son pays, où il ne voit que sottise, ignorance, brigandage et despotisme. Le russe est l'homme du monde qui voit le mieux ce qui lui manque, mais qui pardonne le moins à celui qui l'en avertit. Si l'on veut vivre bien avec lui, non seulement il ne faut pas avoir l'air d'accuser sa nation (c'est un piège qu'il tend assez souvent aux étrangers), il faut le contredire en souriant tout au plus, si l'on ne veut pas avoir l'air d'une dupe. Si l'on excepte donc un petit nombre d'hommes, qui connaissent intimement l'amiral et lui rendent justice, tout le reste lui a voué une haine implacable et l'a signalé comme un ennemi public de son propre pays. Dans le fond cependant il n'en est rien. Il est même meilleur Russe que les autres; car il ne haït nullement la Russie, mais bien les vices et les abus qui la déshonorent; mais cette distinction subtile n'est pas à la portée du grand nombre et n'excuse pas d'ailleurs les critiques amères et les épouvantables sarcasmes qu'il se permet contre son pays. Ses amis l'ont prêché mille et mille fois sur ce sujet; il les écoute on ne peut pas mieux et va son train. L'Empereur n'ignore ni les systèmes, ni les discours de l'amiral; cependant il a constamment eu beaucoup d'inclination pour lui, et cette inclination même a nui à Sa Majesté Impériale dans l'esprit public. *Il n'est pas Russe*, dit-on; *il n'aime pas la Russie et il n'aime que ceux qui la haïssent.* Ce

---

велъ свои побѣдоносныя реляціи до свѣдѣнія Вѣны, и въ особенности до Константинополя, куда, по непростительному невниманію, не доходило никакихъ свѣдѣній о ходѣ компаніи. Увлеченный успѣхами Наполеона и разореніемъ имъ Москвы, турецкій Диванъ, подъ впечатлѣніемъ этихъ событій, обезглавилъ тогда двухъ несчастныхъ братьевъ, бывшаго господаря Молдавіи, князя Мурузи, поставивъ имъ лишь въ вину участіе ихъ, какъ драгомановъ, при заключеніи мирнаго трактата съ Россіею. Диванъ чуть было не отдался въ то время въ руки Франціи, у сторонниковъ которой вскружилась голова отъ необыкновенныхъ ея успѣховъ. Едва только русскій министръ въ Константинополѣ поднялъ голосъ протеста противъ распоряженій Дивана, какъ получены были тамъ депеши Чичагова, которыя благопріятно поддержали нашего представителя и образумили общественное мнѣніе въ Турціи.

Къ сожалѣнію надо сказать, что въ эту бѣдственную эпоху суждено было законнымъ правительствамъ Европы тѣшить только грабительскаго завоевателя взаимнымъ ихъ ожесточеніемъ и тѣмъ помогать ему выпутываться изъ самаго дурнаго положенія. Австрія отплатила тогда Россіи съ лихвою за вредъ причинен-

qu'il y a de vrai en cela, c'est que l'Empereur est plus avancé que sa nation, et peut être que c'est un malheur pour lui. S'il étais moins au-dessus d'elle, il en serait aimé davantage, parce qu'il ne connaitrait, n'aimerait et ne louerait que ce qu'il verrait autour de lui.

«La fatale guerre contre les Turcs ayant été enfin suspendue par un armistice, Koutousoff, qui avait conduit cette guerre avec des succès de second ordre, était demeuré avec les pleins-pouvoirs nécessaires pour la signature de la paix; mais rien ne se terminait, et les plaintes arrivant tous les jours de Moldavie sur la conduite du général russe, l'Empereur impatienté, y envoya l'amiral Tchitchagoff. Alors le prince Koutousoff, averti par un courrier, brusqua la paix, que jamais il n'aurait faite, de manière que l'amiral en arrivant trouva la paix signée. Tout de suite il dit qu'il ne voulait point s'en mêler, ni s'attribuer d'aucune manière la gloire d'autrui, et les gens qui sont soupçonneux, ayant exigé la signature du nouvel arrivé, pour leur sûreté, il l'apposa au bas du traité; mais tout de suite il écrivit à l'Empereur qu'il ne l'avait fait que pour la forme et qu'il entendait que l'honneur de la paix demeurât entièrement à son prédécesseur. On ne pouvait agir avec plus de délicatesse; cependant Koutousoff ne lui a jamais pardonné. cela.

L'amiral demeura en Moldavie, et Koutousoff revint à Pétersbourg, où il fut d'abord assez négligé; mais le cri des salons força la main à l'Empereur, qui était fort mal disposé en sa faveur. Il lui conféra le commandement général, et dans moins de deux mois il fut fait maréchal, comte, prince et prince de Smolensk, de manière

---

ный ей въ 1809 году, когда ей пришлось разобщать свои силы. Но велика была разница между тогдашними и настоящими дѣйствіями; въ то время князь Голицынъ воевалъ съ австрійцами, какъ джентльменъ, едва касаясь ихъ только концомъ своего меча и показывая имъ явно нежеланіе вредить имъ; между тѣмъ какъ нынѣ князь Шварценбергъ, дѣйствуя подобно разрушительному потоку лавы, заставилъ своимъ поведеніемъ жалѣть и предпочитать имѣть дѣло лучше съ французами.

Въ виду этихъ обстоятельствъ пришлось раздробить армію адмирала. Онъ оставилъ 30 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Сакена, для противудѣйствія Шварценбергу, и самъ съ остальными 30-ю тысячами пошелъ на Минскъ, согласно данной ему инструкціи. Князь Кутузовъ писалъ ему: «*надѣюсь, что вы будете въ Минскѣ 12 ноября*». Минскъ былъ занятъ 4 числа, приступомъ взята передовая непріятельская позиція, а полякъ Домбровскій отброшенъ къ Борисову. 11 ноября такимъ же приступомъ адмиралъ овладѣлъ Борисовскими укрѣпленіями. Взоры всей Россіи были устремлены на центральный пунктъ главныхъ военныхъ дѣйствій и даже общественное мнѣніе, подготовленное людьми, хорошо

que sa femme, dans ce court espace de temps, fit graver trois fois ses billets de visite.

L'Empereur et l'amiral Tchitchagoff croyaient d'abord la belle armée de Moldavie inutile sur le grand champ de bataille, et ils en disposaient en spéculation d'une manière très grande, très vaste, très importante surtout pour les intérêts du roi, mon maître. A la vérité, ils se trompaient, et l'amiral partit enfin pour se rendre sur la Bérézina par Minsk. Cependant on l'accusait ici très gravement de lenteur, comme si un homme de son caractère avait pu être retenu par d'autres raisons que celle de la volonté souveraine, dont il n'était pas difficile de deviner un secret et même deux.

Pendant que l'amiral arrivait de Moldavie et que le prince de Smolensk arrivait de cette dernière ville pour se réunir l'un et l'autre sur la Bérézina, on avait accoutumé insensiblement l'opinion publique à croire que c'était au premier à prendre Napoléon au passage, comme on prend une souris. Les opérations de Koutousoff, de Smolensk à la Bérézina, n'ont plus besoin d'être racontées; elles furent brillantes par le succès, mais on n'y voit pas un seul coup de maître; il a pris, il a détruit des hommes à mesure qu'ils tombaient de faim et de froid. Il s'est emparé des canons qu'ils abandonnaient: voilà tout. Il ne leur a pas su prendre un maréchal, pas un général de nom; il n'a pas montré seulement qu'il eût connu comme simplement possible la prise du grand chef. Celui-ci avait divisé son armée en trois corps: le 1-er commandé par lui-même, le 2-d par Davoust, le 3-me par Ney. A Krasnoy les Russes, qui marchaient parallè-

---

понимавшими что они дѣлаютъ, рѣшило, что адмиралъ Чичаговъ долженъ былъ захватить Наполеона.

Чтобы выяснить себѣ положеніе этого военачальника, должно прежде всего обратить вниманіе на численное состояніе войскъ. Наполеонъ вышелъ изъ Москвы съ 125-ю тысячами людей. Не вдаваясь въ подробности, мы ограничимся свидѣтельствомъ, что эта цифра основана на вполнѣ достовѣрныхъ исчисленіяхъ, которыя возможны только при подобныхъ обстоятельствахъ. Съ тою же почти точностію, можно положить цифру потери въ 60 тысячъ человѣкъ *), когда къ остальнымъ его силамъ подошли генералы Викторъ и Магдональдъ, которые доставили ему 30 тысячъ. И такъ Наполеонъ подошелъ къ Березинѣ съ 95-ю тысячами; исчисленіе это тѣмъ болѣе важно, что даже въ Англіи не знали точнаго числа непріятельской арміи и когда адмиралъ, человѣкъ чуждый всякаго самохвальства, показалъ въ этихъ реляціяхъ, что у Наполеона было не менѣе 70 тысячъ человѣкъ, то въ Лондонѣ печатно «*признали эту цифру преувеличенною*—» доказательство того, что даже Англичане были введены въ заблужденіе какими-то лживыми сообщеніями. Несомнѣнно, что показаніе Чичагова грѣшило невѣрно-

lement aux Français, se trouvèrent postés (sans le savoir et par le seul mouvement des marches) entre le second et le troisième corps, et Ney se trouva coupé et si bien coupé que lorsqu'il se montra sur les derrières des Russes, on envoya à sa découverte pour savoir si c'était des amis ou des ennemis. Il y avait là une superbe occasion de faire un coup mémorable. Koutousoff ne le fit point: il accepta 12000 hommes engourdis et affamés, qui se rendirent avec 27 canons; mais le maréchal Ney, avec 100 pièces de canons et 15000 hommes environ, lui échappa et regagna Napoléon, qui tomba des nues en le voyant; car il ne le croyait ni sauvé, ni sauvable. En tout cela je demande toujours où est le grand général? Et c'est ce qui m'a fait dire quelquefois pour amuser quelques amis intimes: *que si Napoléon avait commandé les Russes, il se serait pris.*

Pendant la retraite de l'armée française, l'admiral Tchitchagoff arrivait avec la superbe armée de Moldavie forte de 60,000 hommes, et sa campagne à travers la Pologne mérite certainement les plus grandes louanges. En 12 jours il nettoya la Volhynie et rejeta les Austro-Polonais au delà du Bug, ne cessant de les poursuivre et de leur présenter la bataille. Aussi bon politique que bon militaire, il fit aimer son administration, empêcha les pillages, fit des amis à la Russie et se lia avec des personnages marquants, qui l'instruisaient de tout.

Il dispersa la confédération polonaise et rendit d'ailleurs le service le plus signalé à sa patrie et à la cause commune, en faisant parvenir ses bulletins victorieux à Vienne et surtout à Constantinople,

---

стію, но только не въ преувеличеніи, а въ уменьшеніи численности непріятельской арміи.

Теперь, пусть вспомнятъ приведенное выше, а именно: «*что армія Чичагова была низведена всего на 30 тысячъ человѣкъ*»; битвы, утомленіе, болѣзни и стужа еще болѣе сократили ея численность. По прибытіи въ Борисовъ, у него осталось всего 25 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ 10 тысячъ кавалеріи оказывавшейся почти безполезною, вслѣдствіе особыхъ свойствъ почвы: т.-е. *болота—въ лѣтнее время и гололедицы въ зимнее.* Изъ этого видно, что только отсутствіе всякаго смысла могло допускать заключеніе, чтобы какой бы то ни было генералъ, находясь во главѣ 15-ти или 18-ти тысячъ, былъ въ состояніи задержать таковаго Бонапарте, который располагаетъ 95-ютысячною арміею.

Впрочемъ неизвѣстно, что могло бы произойти, ежели всѣми выполнены были опредѣленныя обязанности; но почти никто изъ нихъ этого не сдѣлалъ.

До битвы подъ Краснымъ (5 и 6 ноября), генералъ Бенигсенъ писалъ Его Императорскому Величеству: «*Медлительность и слабое преслѣдованіе нами непріятеля приведутъ къ тому, что силы адмирала Чичагова окажутся недостаточными для задержанія врага при Березинѣ*». Это предсказаніе всецѣло сбылось

où l'on avait eu de ce côté l'inexcusable inattention de ne faire parvenir aucune nouvelle. Le Divan, stupéfait par les succès de Napoléon et par la destruction de Moscou, avait déjà fait couper la tête aux deux infortunés frères du prince Mourousi, ci-devant hospodar de Moldavie, pour le seul crime d'avoir contribué en leur qualité de drogmans au traité de la paix. Le Divan était sur le point de tomber dans les mains de la France, dont le parti avait la tête dans les nues. Le ministre russe avait à peine parlé lorsque les dépêches de Tchitchagoff vinrent animer et lui et l'opinion publique.

Malheureusement, il est ecrit qu'à cette époque désastreuse, les puissances légitimes doivent s'égorger mutuellement pour amuser le brigand et le tirer des plus mauvais pas. L'Autriche nous rendit et avec usure le mal qu'on lui avait fait en 1809, en l'obligeant de diviser ses forces. La différence néanmoins a été grande, car le prince Galitzine fit alors aux Autrichiens une guerre de gentilhomme, ne les touchant que du bout du doigt et ne montrant que l'envie de ne pas leur nuire, tandis que le prince de Schwarzenberg est parvenu par sa conduite à faire regretter ou désirer les Français: sa marche a été celle d'un torrent de lave.

Il fallait donc partager l'armée de l'amiral. Il laissa 30,000 hommes au général Sacken pour faire tête à Schwarzenberg, et avec les 30,000 hommes restants il marcha sur Minsk, suivant ses instructions. Le prince Koutousoff lui écrivait: «*j'espère que vous serez à Minsk le 12* (novembre)». Minsk fut occupé le 4, la tête-de-pont fut emportée d'assaut et le Polonais Dombrowsky rejeté sur Borissoff.

на дѣлѣ; но чтобы вполнѣ понять смыслъ такого предреченія, необходимо перейти къ объясненію всей печальной истины.

Чувствуя себя рѣшительно неспособнымъ нанести смертельный ударъ Наполеону, фельдмаршалъ до смерти опасался, чтобы такой ударъ не былъ сдѣланъ ему на Березинѣ и, по извѣстнымъ уже всѣмъ нравственнымъ его свойствамъ, онъ тысячу разъ охотнѣе готовъ былъ упустить добровольно Наполеона, чѣмъ видѣть его сраженнымъ подъ ударами Чичагова. Кутузовъ ненавидѣлъ адмирала и какъ соперника, вполнѣ способнаго вырвать долю славы и какъ моряка, хорошо изучившаго воинское дѣло на сушѣ. По этому, онъ сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы только подвести и даже погубить Чичагова. Этимъ разъясняются совершившіяся событія. Преступныя дѣйствія, совершенныя въ этихъ видахъ, заключаются въ слѣдующемъ:

На другой день послѣ взятія приступомъ передовыхъ укрѣпленій подъ Борисовымъ, адмиралъ, перешедшій уже мостъ со своимъ штабомъ, потерпѣлъ небольшой уронъ на своихъ аванпостахъ, по винѣ одного болѣе храбраго нежели опытнаго генерала (Паленъ). Не входя въ подробности этого неудачнаго дѣла,

Le 11 la tête-de-pont de Borissoff fut enlevée de même d'assaut. Tous les yeux de la Russie étaient ouverts sur le point central de toutes les opérations, et même l'opinion, préparée par des gens qui savaient très bien ce qu'ils faisaient, avait décidé que l'amiral Tchitchagoff devait prendre Napoléon.

Pour se former une idée de la position de cet officier, la première considération est celle du nombre respectif des troupes. Napoléon était sorti de Moscou avec 125.000 h. Forcé de supprimer les détails, on se contente d'assurer que ce nombre est fixé avec toute la certitude dont ces sortes de calculs sont susceptibles. On peut supposer avec une égale certitude qu'il en avait perdu 60.000 *, lorsqu'il fût rejoint dans sa marche par les généraux Victor et Macdonald, qui lui amenèrent 30.000. Il arriva donc sur la Bérézina avec 95.000 hommes, et cet article est bien important; car il paraît ignoré même en Angleterre, au point que l'amiral, qui est l'homme du monde le plus éloigné de toute forfanterie, ayant écrit dans un de ces bulletins que Napoléon avait au moins 70.000 hommes, on a imprimé à Londres, *que cette estimation paraissait fort exagerée*: preuve qu'on a été trompé en Angleterre par quelque relation mensongére. Sans doute que l'estimation était exagerée, mais elle l'était en moins.

Maintenant que l'on se rappelle ce qui a été dit plus haut: *que l'armée de Tchitchagoff était réduite à 30.000 hommes*; les combats, les fatigues, les maladies, le froid l'avaient encore diminuée. Il n'avait guère en arrivant à Borissoff que 25.000, dont 10.000 de cavalerie étaient rendus à peu près inutiles par la nature du terrain

---

достаточно сказать, что адмиралъ по переходѣ моста, потерялъ около 30-ти обозныхъ повозокъ и отъ 100 до 150 человѣкъ убитыми или плѣненными. Поспѣшивъ довести объ этомъ Императору, фельдмаршалъ писалъ: «*адмиралъ потерялъ мнѣ 4 тысячи человѣкъ убитыми и 2000 плѣнными; но этого*—пресовокуплялъ онъ—*не слѣдуетъ печатать, во избѣжаніе дурнаго впечатлѣнія, которое произведётъ такое извѣстіе*». Но это еще не все. Графу Витгенштейну приказано было перейти Березину и присоединиться къ войскамъ адмирала на правомъ берегу рѣки, а генералъ Эртель, командовавшій въ Мозырѣ 8-митысячнымъ отрядомъ долженъ былъ подойти на соединеніе съ нимъ еще въ Минскѣ. Эртель прямо и положительно ослушался этого приказанія подъ самыми пустыми предлогами, такъ что адмиралъ поставленъ былъ въ необходимость предать его военному суду, въ рѣшеніи котораго дѣло шло неизбѣжно о его головѣ; но Эртель, рѣшившійся на

---

*) Les rapports officiels de Koutousoff portent cette perte à 56,130; on place au nombre rond.—Въ офиціальныхъ донесеніяхъ Кутузова цифра убыли французовъ опредѣлена въ 56,130 чел.; здѣсь приводятся округленныя цифры.

qui n'est qu'un marais en été et un verglas en hiver. On voit donc qu'il faut avoir absolument perdu le sens pour concevoir la prétention, qu'un général quelconque à la tête de 15 ou 18 mille hommes arrêtât un Buonaparte qui en commande 95.000.

Cependant on ne sait pas ce qui serait arrivé si tout le monde avait fait son devoir; mais presque personne ne le fit.

Avant la bataille de Krasnoy (5 et 6 novembre), le général Beningsen écrivait à Sa Majesté Impériale: «*la lenteur et la faiblesse que nous mettons dans la poursuite de l'ennemi, feront que les forces de l'amiral Tchitchagoff ne suffiront pas pour arrêter l'ennemi sur la Bérézina*». La prophétie s'est trouvée parfaitement accomplie; mais pour la pénétrer dans toute son étendue, il faut partir de cette triste vérité.

Le maréchal, qui se sentait absolument incapable de porter le coup mortel à Napoléon, mourait de peur qu'il ne fût porté sur la Bérézina et avec la morale qu'on lui connaissait, il aurait laissé échapper volontairement Napoléon mille fois de suite plutôt que de le voir tomber sous les coups de Tchitchagoff. Koutouzoff haïssait donc l'amiral, et comme un rival qui pouvait lui enlever une partie de sa gloire, et comme officier de marine instruit dans le service de terre. En conséquence, il n'oublia rien pour le traverser et même le perdre. C'est ce qui explique tout. On va connaître les crimes commis dans cette vue.

Le lendemain du jour où la tête-de-pont de Borissoff fût prise d'assaut, l'amiral, qui avait passé ce pont avec son état-major,

---

ослушаніе Чичагову, понималъ хорошо, что этимъ онъ повинуется другому. И дѣйствительно, *адмиралъ былъ вскорѣ упрошенъ* оставить это дѣло безъ послѣдствій и оно кончилось ничѣмъ.

Такимъ образомъ Чичаговъ, лишившійся и этихъ 8-ми тысячъ войска, долженъ былъ еще испытать новыя противъ него козни. Такъ какъ было неизвѣстно, на что могъ бы рѣшиться этотъ энергическій человѣкъ, хотя и со столь уменьшенными силами, то сочли необходимымъ, оторвать его, во что бы ни стало, отъ береговъ Березины—и вотъ какъ взялись за приведеніе такого умысла въ исполненіе. $^{12}/_{24}$ ноября адмиралъ Чичаговъ получилъ отъ князя Кутузова сообщеніе «*что, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, до него дошедшимъ, ему стало извѣстнымъ, что большая часть французскихъ войскъ направляется на Бобруйскъ* (болѣе 100 верстъ къ югу), *а потому главнокомандующій и поручалъ адмиралу усиленно спѣшить отрѣзать имъ путь.* Нѣсколько часовъ спустя доставлено было отъ графа Витгенштейна предупрежденіе того же смысла. Основываясь на такихъ извѣщеніяхъ адмиралъ поставивъ въ Студянкѣ (отъ 20-ти до 25-ти верстъ болѣе къ востоку, и все-таки у самой Березины) наблюдательные посты вдоль

éprouva un petit échec à l'avant-poste, par la faute d'un officier plus brave qu'expérimenté. On ne le détaille pas, parceque cette relation n'est pas un livre. Il suffit de savoir que l'amiral, en repassant le pont, perdit une trentaine de chariots et 100 ou 150 hommes, tués ou prisonniers. Le maréchal écrivit sur cela à l'Empereur: «*l'amiral vient de me perdre 4.000 hommes tués et 2.000 h. prisonniers; mais ce sont des choses qu'il ne faut pas publier, à cause du mauvais effet qui en résulte*.» Ce n'est pas tout. Le comte de Wittgenstein avait ordre de passer la Bérézina et de se joindre à l'amiral sur la droite de la rivière, et le général Oertel, qui commandait 8.000 hommes à Mozyr devait déjà l'avoir joint à Minsk. Oertel désobéit purement et simplement sous des prétextes en l'air, et l'amiral crut devoir le mettre depuis en justice pour le faire punir suivant les lois militaires, qui demandaient absolument sa tête, mais lorsque Oertel s'était déterminé à désobeir à Tchithagoff, il savait du reste qu'il obéissait à un autre. En effet l'amiral fût bientôt *prié* de laisser tomber cette affaire, et il n'en a rien été.

Voilà donc l'amiral avec 8.000 hommes de moins, mais il devait bien essuyer d'autres tours. Comme on ne savait pas de quoi cet homme était capable, même avec des forces ainsi réduites, il fallait à toute force l'arracher des bords de la Bérézina, et voici comment on s'y prit. Le 12 (24) novembre l'amiral Tchitchagoff reçut une lettre du prince Koutousoff, par laquelle ce dernier lui faisait part que suivant *des renseignements certains qui lui étaient arrivés il savait que la plus grande partie des troupes françaises se portait sur Bo-*

береговъ рѣки, самъ поспѣшно двинулся по направленію къ Бобруйску; но едва только онъ успѣлъ отойти на 20 верстъ, какъ къ нему прискакалъ во весь опоръ казакъ съ вѣстію, что Бонапартъ аттакуетъ всею своею арміею Студянскій отрядъ. Правый берегъ Березины преобладалъ надъ лѣвымъ; вовсе не глубокая рѣка дозволяла непріятельской кавалеріи перейти въ бродъ, посадивъ пѣхотинцевъ на лошадей за спиною всадниковъ. Послѣ упорнаго боя, продолжавшагося до поздней ночи, командовавшій отрядомъ генералъ Чаплицъ вынужденъ былъ отступить; тогда Бонапарте занялъ лѣсъ и, поставивъ свои мосты, открылъ переправу черезъ Березину. Безъ сомнѣнія, рождаются вопросы, почему Витгенштейнъ не повиновался даннымъ ему инструкціямъ и отчего главная русская армія, безъ которой нельзя было сдѣлать, находилась въ рѣшительный и давно предвидѣнный моментъ вдали на сто верстъ отъ мѣста, гдѣ бы ей надлежало стоять на готовѣ? Очень не труденъ отвѣтъ на эти вопросы. Ежели французская армія была бы уничтожена на Березинѣ, то вся честь побѣды распалась между тремя дѣйствовавшими генералами и принадлежала бы исключительно адмиралу Чичагову; между тѣмъ, какъ, оставаясь позади, армія французовъ, въ самомъ дѣлѣ, не могла быть

brouysk (plus de 100 verstes au sud) *et qu'il l'engageait à faire le plus de diligence possible pour leur couper le chemin.* Quelques heures après le comte de Wittgenstein lui fit passer le même avis. L'amiral laissa une division à Stoudiane (20 à 25 verstes plus ou moins à l'Est et toujours sur la Bérézina) des postes d'observation le long de la rivière, et marcha rapidement du côté de Bobrouysk; mais à peine avait-il fait vingt verstes, qu'un cosaque, arrivant à toute bride, l'avertit que Buonaparte avec toute son armée attaquait la division de Stoudiane. La rive droite commandait la gauche; la rivière peu profonde permettait à la cavalerie de passer à gué, portant de l'infanterie en croupe. Après un combat opiniâtre, qui se prolongea bien avant dans la nuit, le général Tchaplitz qui commandait le détachement, fut forcé de reculer; le bois fut occupé, des ponts furent placés, et Buonaparte commença son passage. On se demande sans doute, pourquoi Wittgenstein n'avait pas obéi à ses instructions et pourquoi la grande armée, sans laquelle on ne pouvait rien faire, se trouvait pour le moment décisif et prévu depuis si longtemps, à cent verstes du point où elle devait être? La réponse n'est pas difficile. Si l'armée française eût été anéantie sur la Bérézina, la gloire eût été partagée entre les trois généraux qui auraient combattu; elle aurait même appartenu presque exclusivement à l'amiral Tchitchagoff, au lieu qu'en demeurant en arrière, l'armée française, à la vérité, ne pouvait être arrêtée, mais la faute pouvait être rejetée en entier sur un seul homme, qu'on voulait sacrifier en frappant pompeusement quelques coups sur la queue

---

задержана, но вмѣстѣ съ тѣмъ вину такой неудачи можно было всецѣло взвалить на одного только человѣка, которымъ хотѣли пожертвовать, нанеся его руками нѣсколько громкихъ ударовъ по хвосту хищнаго тигра, вмѣсто того, чтобы самимъ стать усиленно противъ него—чего тогдашніе герои дня никакъ не желали этого сдѣлать. Все свершилось, какъ было задумано. Въ С.-Петербургъ было донесено, *что адмиралъ Чичаговъ пропустилъ Бонапарта* и тотчасъ поднялся со всѣхъ сторонъ крикъ, какъ бы противъ злонамѣреннѣйшаго, уличеннаго измѣнника; пишущій настоящія строки удостовѣряетъ, что онъ въ то время не встрѣчалъ во всемъ столичномъ обществѣ ни одного человѣка, который рѣшился бы поставить вопросы: *какимъ числомъ войска командовалъ тогда адмиралъ?*—между тѣмъ какъ это обстоятельство заслуживало нѣкотораго вниманія.

Не смущаясь такою гнусною измѣною, Чичаговъ стянулъ всѣ свои войска съ намѣреніемъ открыть атаку противъ непріятеля. Въ этихъ сборахъ онъ провелъ день $^{15}/_{27}$. Графъ Витгенштейнъ стоялъ съ 13 числа въ Ракаци *) и не смо-

---

*) Это ошибочно—слѣдуетъ сел. Кострицы.

du tigre, au lieu de s'opposer sérieusement à lui, ce que les héros du jour n'ont jamais voulu faire.

Tout arriva comme on l'avait prévu. On écrivit à S.-Pétersbourg *que l'amiral Tchitchagoff avait laissé passer Buonaparte*, et tout de suite on se mit à crier de tous côtés contre lui, comme on aurait pu crier contre un abominable traître convaincu, et celui qui écrit ceci peut attester dans aucun salon de la capitale il n'a entendu un seul homme s'aviser de demander: *à combien de soldats commandait l'amiral?* Ce qui était cependant une circonstance qui pouvait mériter quelque attention.

Tchitchagoff, sans se laisser déconcerter par cette épouvantable trahison, rassembla toutes ses forces pour attaquer. Ce rassemblement occupa la journée du 15 (27) novembre. Le comte de Wittgenstein était à Rakacy, depuis le 13, et quoique ce village ne soit éloigné de Borissoff que de 25 verste NO., son canon ne se fit entendre que le 15 au soir. Aussitôt, l'amiral communiqua avec lui et lui proposa d'attaquer le lendemain, chacun de leur côté; mais la raison qui avait arrêté ce projet le 13, l'arrêta le 16. Buonaparte occupait les défilés avec une nombreuse infanterie, une quantité suffisante d'artillerie et quelque cavalerie en assez bon état, que lui avaient amené Victor et Macdonald. Si Wittgenstein avait passé la Bérézina le 16, c'eût été avouer qu'il aurait pu la passer quelques jours auparavant; aussi, quoique d'accord avec l'amiral, il ne tint rien de ce qu'il avait promis. Tchitchagoff attaqua de son côté de fort bonne heure, et fort étonné de ne point entendre le canon de

---

тря на то, что это селеніе отстояло отъ Борисова всего на 25 верстъ къ сѣверо-западу, но пушечный залпъ его впервые раздался только 15-го вечеромъ. Войдя съ нимъ въ переговоры, адмиралъ предложилъ ему начать въ слѣдующій день одновременную атаку, каждый самъ по себѣ; но причина помѣшавшая сдѣлать это 13-го числа, удерживала графа Витгенштейна и 16-го Бонапартъ занималъ дефилеи, имѣя громадное число пѣхоты, достаточное количество артиллеріи и нѣсколько довольно хорошей кавалеріи, которая была приведена ему генералами Викторомъ и Макдональдомъ. Ежели бы Витгенштейнъ перешелъ Березину 16 числа, то это служило бы признаніемъ возможности со стороны его перейти рѣку нѣсколько дней прежде; поэтому онъ, вопреки соглашенію съ адмираломъ, не предпринялъ ничего изъ условленнаго между ними. Чичаговъ открылъ съ своей стороны атаку раннимъ утромъ и, удивленный отсутствіемъ пушекъ Витгенштейна, послалъ къ нему приглашеніе ускорить совмѣстныя дѣйствія. Графъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ понтоновъ и адмиралъ немедленно послалъ ему свои, не переставая усиленно наступать на непріятеля. Не перестававшая цѣлый день борьба дала войскамъ Чичагова рѣшительный перевѣсъ надъ врагомъ, и тогда

Wittgenstein, il envoya vers lui pour presser l'attaque en commun. Le comte répondit qu'il n'avait pas de pontons; tout de suite l'amiral lui envoya les siens et continua vivement l'attaque. Après s'être battues toute la journée, ses troupes gagnaient du terrain. Alors Buonaparte, afin de n'être pas gêné par ses bagages, mit le feu à son pont, abandonnant six canons, 10.000 hommes et l'immense bagage. Wittgenstein eut le facile honneur de s'emparer de tout cela, et c'est pour ce grand fait d'armes, qu'on nous fit encore chanter un *Te-Deum*. L'estimable comte eut cependant la faiblesse d'écrire dans le bulletin où il rendit compte de cette journée: «*J'ai forcé l'ennemi à passer la rivière à Stoudenetz*». Sur quoi on a dit fort à propos *qu'il combattait donc l'amiral Tchitchagoff, qui avait ordre d'empêcher ce passage*. Le reste est connu; l'amiral dans cette journée tua ou prit 18.000 hommes aux Français, leur prit 7 canons et deux étendards. Il se mit ensuite à leur poursuite avec une activité dont il n'y a pas d'exemple, passant toutes les nuits au bivac et ne leur laissant pas un instant de relâche. De Stoudenetz à Wilna, en 12 jours, les Français perdirent 40.000 prisonniers, 25 à 30.000 morts et 250 pièces de canons. A Wilna Tchitchagoff demandait 20.000 hommes pour continuer la poursuite, le maréchal le refusa. On s'arrêta, trois semaines sur le Niémen, qui ne fut traversé qu'à l'arrivée de l'Empereur. Les restes de l'armée Française en profitèrent pour s'échapper avec tous les maréchaux, tous les généraux marquants et peut-être 4.000 officiers.

Tout devait périr sur la Bérézina jusqu'au dernier homme. Les

---

Наполеонъ, чтобы не обременять себя тяжестями разнаго имущества, поджегъ свой мостъ, бросивъ русскимъ на добычу 6 пушекъ, 10/т. солдатъ и громадные обозы. Все это досталось въ руки Витгенштейну и въ ознаменованіе его великаго подвига было отслужено благодарственное молебствіе. Между прочимъ достопочтенный графъ, при донесеніи о доставшейся ему добычѣ, имѣлъ неосторожность упомянуть въ своей реляціи по событіямъ дня: «*что онъ вынудилъ непріятеля перейти рѣку въ Студенцѣ*». По поводу такихъ словъ, очень кстати было здѣсь замѣчено, *что стало быть Витгенштейнъ воевалъ противъ Чичагова, которому велѣно было помѣшать такому переходу*. Остальное достаточно уже извѣстно: въ тотъ день адмиралъ положилъ убитыми или взялъ въ плѣнъ 18/т. французовъ, захвативъ у нихъ 7 пушекъ и 2 знамени. Послѣ этого, онъ бросился преслѣдовать ихъ съ безпримѣрною быстротою, проводя самъ всѣ ночи на бивуакахъ и не давая врагу ни малѣйшаго отдыха. Отъ Студенца до Вильно, въ 12 дней, французы потеряли 40 т. плѣнными, отъ 25-ти до 30-ти тысячъ убитыми и 250 пушекъ. Въ Вильнѣ Чичаговъ просилъ себѣ 20/т. войска, чтобы преслѣдовать—въ этомъ отказалъ ему фельдмаршалъ. Произошла трехнедѣльная остановка у Нѣмана, ко-

calculs de l'égoisme et de la jalousie en ont ordonné autrement. Les effets de ces coupables calculs sont déjà graves dans ce moment. Dieu veuille qu'ils ne soient pas funestes.

C'est là une de ces grandes occasions où l'on peut admirer tristement la puissance des préjugés aidés par l'esprit de parti et par l'orgueil national. Cet orgueil voulait un héros, il l'a fait comme on fait une caisse ou un soulier; il voulait une victime chargée de tout ce qui s'est fait de mal, il l'a faite aussi; et qui sait si jamais elle pourra se faire entendre parfaitement? Il n'y a rien de si vulgaire que la campagne de Koutousoff, quoique les éléments se soient chargés d'en faire une époque dans l'histoire. Il a été comblé d'honneurs dans ses derniers jours. Mort à quelques verstes de Dresde, ses restes ont été rapportés ici pour être enterrés dans la cathédrale de Casan—honneur unique jusqu'à lui. Il aura un monument. Cependant si l'on suppose cette homme transporté devant l'un de nos conseils de guerre ou devant une cour martiale d'Angleterre, qui sait si sa tête aurait bien tenu? Tchitchagoff, au contraire, n'a pas fait une faute, s'est trouvé à point nommé partout où il devait être et a porté des coups terribles à l'ennemi de sa patrie et cependant cette patrie le rejette en l'accusant follement d'avoir laissé échapper l'ennemi.

L'amiral a ressenti ces injustices avec la hauteur et l'infléxibilité qui lui sont naturelles. Il a voulu forcer l'Empereur à prendre son parti et à lui rendre publiquement justice. L'Empereur ne le peut pas au pied de la lettre. Il faudrait renverser l'idole de la nation;

торый русскія войска перешли только съ пріѣздомъ Императора. Такимъ замедленіемъ воспользовались въ своемъ бѣгствѣ остатки французской арміи, которой удалось ускользнуть изъ рукъ со всѣми своими маршалами, лучшими генералами и быть можетъ 4-мя тысячами офицеровъ.

Все должно было погибнуть на Березинѣ до единаго человѣка. Но эгоистическіе виды и чувство ревности разрѣшили дѣло иначе. Уже теперь неимовѣрно важны послѣдствія такихъ порочныхъ разсчетовъ. Дай Богъ, чтобы въ будущемъ они не сдѣлались гибельными.

Въ подобныхъ событіяхъ лучше всего можно съ грустію видѣть могущественное вліяніе предразсудковъ, которые поддерживаются духомъ партіи и гордостію народною. Эта гордость желала имѣть героя и она создала его, подобно тому какъ сколачиваютъ ящикъ или шьютъ башмакъ; тому же чувству нужна была непремѣнно жертва, на которую можно было бы взвалить всю вину происшедшаго зла—жертва эта намѣчается; а кто знаетъ, настанетъ ли для нея когда-нибудь возможность быть вполнѣ выслушанною открыто передъ всѣми?

Походы князя Кутузова можно считать самыми заурядными, но отдѣльные,

il faudrait même chagriner Wittgenstein, qui a eu ses moments de faiblesse, mais qui n'est pas moins un excellent homme, avec qui l'amiral même n'a point rompu. L'Empereur, qui est de la race allemande, est bon, plus mûr que son peuple, et il le connait parfaitement. S'il le contredisait dans ce moment et s'il etreprenait de soutenir hautement Tchitchagoff, il s'exposerait certainement à beaucoup. Tchitchagoff ne veut pas comprendre cela; en conséquence, il s'est retiré après s'être *rapporté malade* (c'est la phrase et l'étiquette du pays); il est venu ici, où il est fort à son aise et la tête levée. Il voit quelques amis, qui lui sont demeurés fort attachés. Je ne le vois ni plus, ni moins. Je lui dis tous les jours que je suis inconsolable de voir tant de bonnes qualités rendues inutiles par un caractère indomptable et des propos tout-à-fait déraisonnables. Il écoute à merveille, mais toujours sans se convertir. Il a écrit à l'Empereur *que sa maladie durait toujours*; mais qui sait ce qu'il a écrit encore et qui sait ce qui arrivera de lui?

Au milieu de toutes ces tempêtes des passions, j'admire beaucoup l'Empereur. Il a fait des sacrifices immenses, il a surmonté des difficultés terribles, il a transigé habilement avec les passions les plus intraitables. Je ne doute pas qu'il n'ait fait une infinité de choses contre son inclination et sa propre persuasion; mais c'est cela même que j'admire. Que pouvait il donc faire? On parle beaucoup dans le monde de l'immense pouvoir de l'Empereur de Russie; on oublie que le prince le moins puissant est celui qui peut tout. Rien ne peut corriger le vulgaire de la manie qu'il a de juger la puis-

---

удачно сложившіеся, случаи создали изъ нихъ историческую эпоху. Его осыпали почестями въ послѣдніе дни его жизни. Онъ скончался въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дрездена *), и останки его привезены сюда для погребенія въ Казанскомъ соборѣ—честь, которой никто до него не былъ удостоенъ. Ему будетъ воздвигнутъ и памятникъ. Однакожь если предположить, что этотъ человѣкъ долженъ былъ бы предстать на судъ одного изъ нашихъ совѣтовъ или явиться предъ Англійскимъ военнымъ судомъ—то, какъ знать, уцѣлѣла ли бы на плечахъ голова его? Чичаговъ, напротивъ, не дѣлалъ ни одной ошибки, постоянно являлся во время, куда ему было указано и наносилъ тяжелые удары врагу своего отечества; между тѣмъ эта же родина отвергла его, безумно кидая ему въ укоръ, что онъ выпустилъ непріятеля.

Адмиралъ перенесъ всѣ несправедливости, со свойственной ему гордостью и непреклонностію. Ему хотѣлось вынудить Императора принять его сторону и открыто воздать ему должную справедливость. Но Императоръ не можетъ дать

---

*) Свѣтлѣйшій князь М. И. Голенищевъ-Кутузовъ скончался въ Силезскомъ городкѣ Бунцлау 16 апрѣля 1813 года.

sance des princes *par ce qu'ils peuvent faire*, tandis qu'elle doit être *évaluée par ce qu'ils ne peuvent pas faire*. On voit un sultan, un czar faire décapiter ou knouter un homme, parce qu'il leur plait, et l'on dit: *oh, qu'il est puissant;* il faudrait dire: *oh, qu'il est faible!* puisque le lendemain il peut être étranglé. On prend la violence pour la force: elles différent cependant comme le doux et le fade. Il est aisé de prouver quand on voudra et à qui on voudra que le roi notre maître et ses véritables collègues sont sans comparaison plus absolus et plus indépendants que l'Empereur de Russie, qui très certainement est et sera peut-être encore longtemps dans l'impossibilité de rendre justice à l'amiral, quand même il en aurait la plus sincère envie».

Ознакомившись съ этимъ современно написаннымъ изложеніемъ событій, нельзя не понять, какими тяжелыми ощущеніями былъ угнетенъ въ то время самолюбивый и гордый П. В. Чичаговъ, при отсутствіи всякой возможности разъяснить открыто для всѣхъ истинную причину пережитыхъ имъ и отечествомъ событій.

Такимъ образомъ, рядъ приведенныхъ нами историческихъ документовъ, разслѣдованій, свидѣтельскихъ показаній и наконецъ самое письмо фельдмаршала и главнокомандующаго князя Кутузова къ адмиралу Чичагову, отъ 13 ноября 1812 года, приводятъ къ полному убѣжденію въ несправедливо брошенномъ на Павла Васильевича нареканіи за незадержку на Березинѣ бѣжавшихъ французскихъ войскъ.

ему этого, въ полномъ смыслѣ слова, удовлетворенія, такъ какъ для такого дѣянія онъ долженъ былъ поколебать и низвести народнаго кумира; ему приходилось бы даже, поступая такимъ образомъ, нанести огорченіе Витгенштейну, который, при всѣхъ его слабостяхъ, человѣкъ прекрасный и самъ адмиралъ не разрывалъ съ нимъ своихъ отношеній, Императоръ, нѣмецъ по происхожденію, добръ, гораздо развитѣе своего народа и самъ понимаетъ его хорошо. Еслибы онъ рѣшился въ то время, въ разрѣзъ народнымъ страстямъ, выступить открыто защитникомъ Чичагова, то это отразилось бы на немъ непріятными послѣдствіями. Адмиралъ не хочетъ понять такого положенія и вслѣдствіе этого онъ удалился, *отрапортовавшись больнымъ* (обычный въ странѣ пріемъ и этикетъ); пріѣхавъ сюда, онъ, съ полнымъ довольствомъ не опускаетъ своей горделивой головы, и видится съ нѣкоторыми друзьями своими, оставшимися ему очень преданными. Я вижусь съ нимъ ни чаще, ни рѣже, повторяя ему каждый разъ свое безутѣшное сожалѣніе видѣть прекрасныя достоинства его, остающіяся безъ полезнаго примѣненія лишь по одному его неукротимому нраву и вполнѣ неблагоразумнымъ рѣчамъ. Спокойно выслушивая меня, онъ упорно продолжалъ быть неисправимымъ. Чичаговъ написалъ Императору, *что его болѣзнь донынѣ не прекращает-*

Основываясь на изложенныхъ данныхъ, нынѣ только освѣтившихъ истину, пусть каждый выводитъ заключеніе, опредѣляетъ настоящаго виновника тяжелыхъ событій *14 ноября 1812 года*, положившихъ незаслуженно, 70 лѣтъ тому назадъ, печать осужденія на честнаго дѣятеля, злонамѣренно только оклеветаннаго. Понятно послѣ этого, что у измученнаго въ то время и возмущеннаго духомъ, безпомощнаго П. В. Чичагова, боровшагося всю жизнь свою за правду, благо своего отечества, противъ гнѣздившихся всюду золъ и обезславливающихъ родину злоупотребленій, вмѣстѣ съ личною скорбію, глубоко накипѣло ожесточеніе и даже озлобленіе, которыми и воспользовались только для укора Павла Васильевича враги его, при всемъ ихъ желаніи не нашедшіе другихъ поводовъ приписать ему болѣе вѣскихъ обвиненій. Но, спрашивается, кто же не озлобится, кто не ожесточится при такихъ скорбно сложившихся въ жизни обстоятельствахъ, изъ которыхъ не было выхода, и отсутствовала справедливая защита, ограждение отъ ложныхъ нареканій?

Продолжая ссылаться на свое разстроенное здоровье, Павелъ Васильевичъ рѣшился просить у Государя, въ мартѣ 1813 года, полнаго увольненія отъ всякой службы. Но Александръ Павловичъ не согласился на исполненіе просьбы и въ виду только упорной

ся; но неизвѣстно, чѣмъ онъ еще пополнилъ свое письмо и что съ нимъ станется?

Среди всего этого бурнаго проявленія страстей, я съ восхищеніемъ любуюсь личностію самого Императора. Принеся громадныя жертвы, онъ сумѣлъ преодолѣть необычайныя трудности и ловко обошелся съ неудержимымъ пыломъ бушующихъ кругомъ него страстей. Не сомнѣваюсь также и въ томъ, что ему пришлось во многомъ, ради обстоятельствъ, поступить вопреки своимъ собственнымъ внутреннимъ влеченіямъ и личнымъ убѣжденіямъ; но именно это самообладаніе и заставляетъ меня восхищаться имъ. Спрашивается—что могъ онъ сдѣлать при сложившихся обстоятельствахъ? Вообще въ свѣтѣ много толкуютъ о громадной власти русскаго Императора; но при этомъ всѣ забываютъ, что менѣе могущественный властелинъ и есть тотъ, который въ силахъ все сдѣлать. Ничто не можетъ образумить простонародья въ убѣжденіи судить о могуществѣ власти правителей не потому, *что они властны дѣлать*, а опредѣлять ее тѣмъ, *чего они сдѣлать не могутъ*. Мы видимъ султана или Царя повелѣвающихъ обезглавленіе или кнутобитіе кого-либо, и это, повидимому, лишь потому, что имъ того угодно; основываясь на этомъ, всѣ говорятъ: *О! какой онъ могущественный*; слѣдовало бы, по мнѣнію нашему, сказать: «*О! какой онъ слабый*!,—такъ какъ жизнь этого повелителя можетъ быть въ опасности даже на слѣдующій же день. Многіе ошибочно смѣшиваютъ жестокость съ могуществомъ—свойства совершенно-разнствующія между собою, какъ сладкое и приторное. Вполнѣ легко доказать можно

настойчивости адмирала отпустилъ его въ безсрочный отпускъ, дозволивъ жить въ Россіи, гдѣ пожелаетъ [153].

П. В. Чичаговъ уѣхалъ тогда въ свои деревни, не отказавшись отъ намѣренія возобновить свое ходатайство при болѣе удобномъ къ тому случаѣ.

Въ это время пріятель его графъ С. Р. Воронцовъ, узнавшій о желаніи адмирала оставить армію, въ письмѣ своемъ изъ Лондона отъ 3 марта 1813 года, утѣшалъ Павла Васильевича въ постигшемъ его тяжеломъ испытаніи и, убѣждая дружески не удаляться съ поля брани, совѣтовалъ пренебречь всѣми толками и кознями, отъ которыхъ не избавленъ вообще на служебномъ поприщѣ ни одинъ изъ честныхъ благонамѣренныхъ людей [154]. Когда же адмиралъ окончательно уѣхалъ изъ арміи и оставилъ Петербургъ, то графъ Семенъ Романовичъ во вторичномъ письмѣ своемъ, отъ 15 апрѣля 1813 года, высказалъ ему:

— «Съ крайнимъ сожалѣніемъ, какъ для пользы службы, такъ и для самого Императора, узналъ я, что вы покинули армію и удалились въ деревню. Не касаясь до нынѣ неизвѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ, которыя заставили васъ отказаться отъ командованія корпусомъ, я убѣжденъ, мой добрый другъ, что такое рѣшеніе ваше было основано на честномъ порывѣ, такъ какъ, зная вашъ характеръ, я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы поставлены были, безъ сомнѣнія, въ необходимость поступить такъ только подъ вліяніемъ самыхъ чистыхъ, уважительныхъ причинъ; но отстраняясь добровольно и удаляясь такимъ образомъ отъ Императора, вы лишили его совѣтника честнаго, цѣлію котораго и въ служеніи и въ совѣтахъ преобладало всегда одно неуклонное стремленіе къ настоящей славѣ Монарха и къ благоденствію отечества. Поэтому не могу не скорбѣть, подобно всѣмъ истинно русскимъ людямъ, что такой человѣкъ, какъ вы, разлученъ теперь съ Государемъ. До меня дошли свѣдѣнія, что васъ поссорили съ княземъ-фельдмаршаломъ и что виновникомъ такой ссоры былъ никто иной,

---

когда и кому будетъ угодно, что король, нашъ властелинъ и его истинные сотрудники располагаютъ несравненно бо́льшею властію и гораздо болѣе независимы, чѣмъ Россійскій Императоръ, который несомнѣнно находится и останется еще надолго въ полной невозможности выразить справедливую оцѣнку дѣяній адмирала Чичагова, при всемъ искреннемъ его къ тому желаніи.»

[153] Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 189, 191, 205.

[154] Тамъ же, т. XIX, стр. 287—290.

какъ этотъ низкій интриганъ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, одинаково ненавидящій и васъ и князя-фельдмаршала, противъ котораго онъ не переставалъ интриговать съ самаго начала войны, а по взятіи Москвы—внушалъ даже о замѣнѣ его Бенингсеномъ. Если справедливо, что вы, какъ говорятъ всѣ, оставляете рѣшительно службу, то я этимъ глубоко огорчаюсь. Въ случаѣ же окончательнаго принятія вами такого рѣшенія, слѣдовательно когда вамъ уже нечего будетъ болѣе дѣлать въ Россіи, то я надѣюсь, что вы пріѣдете въ Англію къ милымъ дѣткамъ своимъ [155] и, несмотря на повторяемое мною сожалѣніе, буду имѣть по крайней мѣрѣ личное утѣшеніе опять свидѣться съ вами [156]. Пославъ, еще до полученія этого письма, къ графу С. Р. Воронцову подробное изложеніе всего хода кампаніи и личныхъ дѣйствій своихъ, Павелъ Васильевичъ отвѣчалъ (1)13 іюня 1813 года на сочувственныя слова своего дорогаго друга слѣдующими строками:

«Великимъ утѣшеніемъ въ постигшемъ меня несчастіи было письмо такого друга, какимъ считаю васъ, моего благодѣтеля. Я польщенъ тѣмъ добрымъ мнѣніемъ, которымъ вы меня удостоиваете. Но знаете ли вы, насколько я былъ всегда далекъ отъ дѣйствительной возможности быть полезнымъ Императору своими совѣтами; вы совершенно ошибаетесь, если предполагаете, что я самъ, съ извѣстными видами, старался приблизиться къ Государю. Напротивъ, я никогда не былъ столь удаленъ отъ него, какъ съ тѣхъ поръ, что долженъ былъ стоять вблизи отъ него. Мои совѣты не только не были выслушиваемы Монархомъ, но большею частію вызывали въ немъ неудовольствіе [157]. Ко мнѣ относились даже менѣе благосклонно, чѣмъ къ другимъ и именно за то, что я позволялъ себѣ выражать свое мнѣніе противъ системы репрес-

---

[155] Дѣти П. А. Чичагова воспитывались въ Англіи подъ надзоромъ пріятельской ему семьи графа С. Р. Воронцова.

[156] Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 291—292.

[157] Извѣстно, что адмиралъ П. В. Чичаговъ не былъ допущенъ въ окружавшую Императора извѣстную среду именовавшуюся «*тріумвиратомъ*» (князь А. А. Чарторыйскій, Н. Н. Новосильцовъ и гр. П. А. Строгоновъ): и именно потому, что онъ несочувственно относился къ пылкимъ ея стремленіямъ преобразовать весь строй Россіи на образецъ иностранныхъ государствъ—мысль, увлекшая Александра Павловича, подъ обаяніемъ князя Чарторыйскаго, на путь отмѣны коллегіальнаго начала и замѣны его единоличными властями въ планѣ учрежденія Министерствъ, который былъ всецѣло извлеченъ изъ законодательствъ Европы, вступившей на стезю конституціоннаго принципа управленія.

салій (prohibitif), противъ налоговъ произвольныхъ, нелѣпыхъ и безсмысленно стѣснительныхъ. Скажу вамъ болѣе — я ни разу почти не соглашался съ мнѣніемъ тѣхъ лицъ, взгляды которыхъ имѣли такое громадное вліяніе на Императора. Могу ли я послѣ этого, считать себя годнымъ на что-либо? Я не похожу и не желаю походить ни на одного изъ настоящихъ дѣльцовъ, слѣдовательно самымъ лучшимъ считаю я и для себя и для другихъ — это удалиться отъ всего. Относительно причинъ оставленія мною арміи, я уже достаточно подробно высказался вамъ въ послѣднемъ письмѣ своемъ. Дѣйствительно, во всемъ происшедшемъ — несомнѣнно крылась интрига; но не думайте, что въ настоящее время существуетъ прежній придворный обычай, когда люди высшихъ чиновъ подтачивали положеніе себѣ равныхъ. Прежде бывало, что, напримѣръ канцлеръ интриговалъ противъ фельдмаршала, или генералъ-аншефа. Теперь же это мастерство находится въ иныхъ рукахъ—интригами занимаются преимущественно ординарцы, а изрѣдка и адъютанты, которые, позволяя себѣ дѣлать аттестаціи генералъ-аншефамъ, то поддерживаютъ ихъ, то сшибаютъ (culbuttent) съ мѣстъ. Такъ какъ я всегда съ презрѣніемъ относился къ большинству такихъ личностей, то многія изъ нихъ, считая себя оскорбленными моимъ обращеніемъ, легко могли бы причинить мнѣ большія непріятности, еслибы я не удалился»[158].

26 января 1814 года Павелъ Васильевичъ писалъ опять къ Государю и убѣдительнѣйше просилъ его полнаго увольненія отъ службы. Самымъ благосклоннымъ, дружелюбнымъ отвѣтомъ удостоилъ его Императоръ Александръ Павловичъ въ письмѣ своемъ изъ Шомона отъ 25 февраля 1814 года. Не соглашаясь рѣшительно дать адмиралу Чичагову полное увольненіе, Государь разрѣшилъ ему безсрочный заграничный отпускъ *«до излѣченія болѣзни, съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія»*.

Воспользовавшись такимъ дозволеніемъ, Павелъ Васильевичъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга 10 мая 1814 года и съ того времени жилъ постоянно за границею, гдѣ воспитывались подраставшія дочери его; съ ними онъ объѣхалъ Францію, Италію и Англію, проживая нерѣдко въ Лондонѣ, вблизи своего друга графа С. Р. Воронцова († въ іюнѣ 1832 г.), до конца своей жизни сохранившаго къ нему самыя искреннія дружелюбныя чувства.

---

[158] Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 192—193.

Въ послѣдствіи Павелъ Васильевичъ купилъ себѣ близь Парижа, въ Со (Sceaux) небольшой домикъ, въ которомъ устроившись съ семьею, провелъ остальную часть своей продолжительной жизни, числясь въ Россіи, какъ пользующійся непрерывнымъ безсрочнымъ отпускомъ, по болѣзни.

Кромѣ доходовъ со своихъ имѣній въ отечествѣ, онъ получалъ, оставленное ему Императоромъ Александромъ Павловичемъ служебное содержаніе и орденскія пенсіи [159].

Должно, между прочимъ, упомянуть, что 16 февраля 1814 г. адмиралъ П. В. Чичаговъ былъ избранъ въ почетные члены Императорской Академіи Наукъ [160].

Проходили годы царствованія Благословеннаго, не измѣнившіе ничѣмъ положенія Павла Васильевича въ его внѣ отечественной жизни. 19 ноября 1825 года не стало Императора Александра I и 14 декабря вступилъ на Россійскій Престолъ Императоръ Николай Павловичъ.

Въ «Запискахъ» своихъ П. В. Чичаговъ говоритъ, что онъ узнавъ объ этомъ событіи и сопровождавшихъ его обстоятельствахъ, поспѣшилъ письмомъ принести новому Государю и присягу и вѣрноподданническое поздравленіе свое съ принятіемъ Царства и Престола. Упоминая при этомъ о дарованныхъ ему покойнымъ Императоромъ милостяхъ и разрѣшеніи жить за границею, Павелъ Васильевичъ пожелалъ знать не благоугодно ли будетъ Новому Монарху измѣнить чѣмъ-либо въ будущемъ его личное положеніе. На это, Императоръ Николай удостоилъ его слѣдующими собственноручно начертанными строками [161]:

---

[159] Адмиралъ П. В. Чичаговъ получалъ слѣдующія пенсіи по имѣвшимся у него орденамъ: а) Св. Александра Невскаго—1125 руб., б) Св. Владиміра 1-й ст.—600 р. и в) Св. Георгія 4-й ст.—100 р., а всего 1825 руб. въ годъ.

[160] Въ журналѣ Академической конференціи только занесено состоявшееся 16 февраля 1814 года избраніе адмирала П. В. Чичагова въ почетные члены Академіи большинствомъ 15 голосовъ. Въ предварительномъ же представленіи отъ конференціи въ Академію, подписанномъ академиками Озерецковскимъ, Захаровымъ и Загорскимъ, предположенное удостоеніе таковымъ званіемъ адмирала было мотивировано въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, съ согласія г. министра народнаго просвѣщенія графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, имѣемъ честь представить въ почетные члены Академіи г. адмирала П. В. Чичагова, *какъ любителя наукъ художествъ всѣхъ ученыхъ и всѣхъ художниковъ*». Извлечено изъ подлинныхъ журналовъ Академической конференціи.

[161] Извлеченіе изъ подлинныхъ бумагъ адмирала Чичагова: «я получилъ г.

— «J'ai reçu, Monsieur l'Amiral, la lettre que Vous m'avez «adressée le 18 (30) janvier 1826, et j'ai été sensible aux regrets «qu' elle exprime, comme aux Voeux, que Vous y associez. Les vo«lontés du frère, dant je pleure la perte, seront toujours sacrées «pour moi. Elles ne peuvent donc qu'être invariablement maintenues «dans taut cequi vous concerne. Je vous prie de compter sur cette «assurance et je joins à mes souhaits, pour que votre santé s'amé«liore, l'expression de tous les sentiments qui vous sont dûs.—Ni«colas—St.-Pétersbourg 19 (31) mars 1826».

Такъ прошло еще восемь лѣтъ и Чичаговъ продолжалъ спокойно жить за границею, пользуясь изъ Россіи сохраненнымъ ему правительственнымъ содержаніемъ. Но здоровье начинало замѣтно измѣнять ему; около 1834 года у него ослабло зрѣніе и онъ сталъ плохо видѣть, а съ 1842 до 1843 года совершенно ослѣпъ, доживая въ этомъ состояніи свое угасавшее существованіе. Между тѣмъ и эта, казалось бы, тихая эпоха догоравшей жизни, не осталась чужда новыхъ, прискорбныхъ для него происшествій, оставшихся не вполнѣ разъясненными.

Въ правительственныхъ архивахъ нашихъ, открыты слѣдующаго рода свѣдѣнія:

Бывшій государственный секретарь В. Р. Марченко, сообщеніемъ 13 іюня 1834, года, увѣдомилъ министра финансовъ Е. Ф. Канкрина, что 17 минувшаго мая Его Императорское Величество, разсмотрѣвъ списокъ членовъ Государственнаго Совѣта, соизволилъ выключить изъ состава Совѣта адмирала П. В. Чичагова [162].

17 октября 1834 года состоялся слѣдующій Императорскій указъ Правительствующему Сенату, объявленный и въ приказѣ по флоту:

— «Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе члена Государ«ственнаго Совѣта адмирала Чичагова, всемилостивѣйше увольня«емъ его отъ службы—Николай» [163].

адмиралъ, письмо ваше, обращенное ко мнѣ отъ 18—30 января 1826 г. и былъ тронутъ какъ выраженными въ немъ сожалѣніями, такъ и присоединенными къ нимъ добрыми вашими пожеланіями. Воля брата, потерю котораго я оплакиваю, будетъ всегда священна для меня. Поэтому она не можетъ не быть безъизмѣнно выполненною во всемъ, что до вась касается. Прошу васъ расчитывать на это увѣреніе мое, къ которому присоединяю и свои пожеланія объ улучшеніи вашего здоровья и изъявленіе всѣхъ чувствъ слѣдующихъ вамъ по праву—Николай С.-Петербургъ 19—31 марта 1826 г.»

[162] Извлеченіе изъ дѣлъ Государственнаго Совѣта.

[163] Высочайшіе Указы Сен. Архива, кн. 511, л. 183. *Примѣчаніе.* Должно

Такъ какъ въ увольнительномъ актѣ не было ничего упомянуто о пенсіи, то со времени объявленія того указа прекратился и отпускъ получавшагося Чичаговымъ содержанія отъ правительства.

Судя по документамъ причина внезапной перемѣны лежала въ новыхъ правительственныхъ мѣрахъ того времени.

17 апрѣля 1834 года обнародованъ былъ слѣдующій указъ Императора Николая I:

— «Указомъ Нашимъ въ 18-й день февраля 1831 года, положивъ преграду чужеземному воспитанію русскаго юношества, «Мы признали нужнымъ впослѣдствіи обратить вниманіе и вообще «на пребываніе россійскихъ подданныхъ за границею. Законами «нашими разрѣшены, какъ дворянству, такъ и всѣмъ свободнымъ «состояніямъ отлучка за границу съ установленными паспортами, «но никогда не было разрѣшаемо оставленіе отечества и произ«вольное въ чужихъ краяхъ водвореніе.

«Между тѣмъ изъ свѣдѣній Намъ представленныхъ откры«вается, что были, и нынѣ есть примѣры и случаи, въ коихъ «лица, получившія паспорты на отлучку за границу, остаются «тамъ на жительствѣ на неопредѣленное время и тѣмъ самымъ «дозволенную имъ отлучку произвольно превращаютъ въ пересе«леніе. Послѣдствіемъ сего есть разстройство ихъ имуществъ, «расточеніе доходовъ внѣ государства, обремененіе долгами ихъ «наслѣдствъ, отчужденіе отъ родственныхъ и отечественныхъ со«юзовъ.

«Въ пресѣченіе зла столь очевиднаго, признали Мы нужнымъ «постановить, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, правила «на заграничныя отлучки».

Въ упомянутыхъ правилахъ, между прочимъ, было постановлено, что ежели отлучившійся за границу останется тамъ на жительствѣ долѣе срока (для дворянъ — пятилѣтняго), тотъ въ виду правительства считается безвѣстно отсутствующимъ (п. 1 и 6); наличное имущество такого безвѣстно отсутствующаго лица берется по истеченіи срока въ опеку, а доходы съ онаго, за уплатою долговъ и, за назначеніемъ приличнаго содержанія женѣ и дѣтямъ, отсылаются въ кредитныя установленія (п. 2); по вызовѣ въ отечество, черезъ вѣдомости русскія и иностранныя, безвѣстно

упомянуть, что причины такихъ внезапныхъ распоряженій Императора Николая I-го, остаются донынѣ не вполнѣ разъясненными.

отсутствующихъ, въ Европѣ пребывающихъ—неявившійся въ теченіи шестимѣсячнаго срока считается покинувшимъ отечество и имущество его остается, по смерть его, въ опекунскомъ управленіи (п. 3 и 4); вышеозначенные сроки и правила, воспринимающіе свою силу черезъ годъ для пребывающихъ въ Европѣ, обязательны для всѣхъ русскихъ подданныхъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ лицъ, которыя на дальнѣйшее свое пребываніе за границею получатъ особенное Высочайшее разрѣшеніе, или отсрочку, испрошенныя чрезъ посредство министра внутреннихъ дѣлъ (п. 8 и 11) [164].

Послѣ этого, согласно Высочайше утвержденному 26 іюня 1835 года положенію Комитета гг. министровъ, было опубликовано распоряженіе, что лица, не получившія особаго Высочайшаго разрѣшенія на пребываніе за границею, сверхъ разрѣшеннаго предыдущимъ указомъ срока и не имѣющія на то особаго паспорта, въ случаѣ неявки, лишаются выдаваемыхъ имъ орденскихъ пенсій, обращаемыхъ на богоугодныя заведенія, а по прошествіи двухъ лѣтъ, исключаются навсегда изъ комплекта пенсіонеровъ [165].

Не могла вся Россія и истинные патріоты, хотя бы и внѣ предѣловъ ея проживавшіе по обстоятельствамъ особо уважительнымъ, не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ такимъ высшей степени разумнымъ мѣрамъ. Никому не безъизвѣстно о проявившемся еще съ начала XIX вѣка влеченіи нашихъ соотчичей къ переселенію въ чужіе края, откуда, къ сожалѣнію надо сказать, русскіе люди, питавшіеся тамъ русскимъ наслѣдственнымъ хлѣбомъ, не только раззоряли достояніе своихъ потомковъ, но и съ черствою неблагодарностію за такую матеріальную поддержку, дозволяли себѣ еще надсмѣиваться надъ кормившею ихъ отечественною житницею.

По документамъ министерства внутреннихъ дѣлъ и по перепискѣ нашего иностраннаго вѣдомства видно, что всѣ находившіеся въ то время за границею, и сановныя и несановныя лица спѣшили испрашивать себѣ спеціальное дозволеніе на дальнѣйшее пребываніе внѣ отечества; въ этомъ, за рѣдкими исключеніями, не отказывалъ Императоръ Николай, когда признавалъ ходатайство заслуживающимъ участія.

---

[164] Высочайшіе Указы Сенатскаго Архива, кн. 508, л. 229.—Полное Собраніе Законовъ, 1834 апр. 17 (6994).

[165] Полн. Собр. Законовъ, 1835 іюня 26 (8267).

Но П. В. Чичаговъ, или по ослабленію зрѣнія, или потому, что считалъ себя, на основаніи вышеприведеннаго къ нему завѣрительнаго письма самого Государя, освобожденнымъ навсегда отъ всякихъ новыхъ ходатайствъ на пребываніе внѣ отечества, не позаботился своевременно о выполненіи простой формальности для огражденія себя отъ послѣдствій общей государственной мѣры, которая была оглашена публикаціями нашего правительства и въ иностранныхъ журналахъ.

Въ «Запискахъ» своихъ Павелъ Васильевичъ говоритъ, что онъ, получивъ еще въ предшествующее царствованіе особое дозволеніе жить за границею, которое было подкрѣплено затѣмъ милостивыми словами собственноручныхъ строкъ Императора Николая, считалъ себя избавленнымъ отъ испрошенія новаго дозволенія, а потому ничего и не предпринималъ.

Тѣмъ не менѣе, естественнымъ послѣдствіемъ неисполненія общаго правительственнаго распоряженія со стороны остававшагося жить за границею адмирала П. В. Чичагова, произошло — примѣненіе къ нему возвѣщенныхъ мѣръ, а именно: орденскія пенсіи его поступили на богоугодныя заведенія, а принадлежащія ему имѣнія были взяты въ опекунское управленіе [166].

Такимъ образомъ, лишившись, съ данною отставкою, прежняго содержанія, П. В. Чичаговъ утратилъ для себя орденскія пенсіи и право пользованія доходами со всѣхъ пожалованныхъ ему милостями Императора Александра I помѣстій въ Россіи.

Со спокойнымъ сознаніемъ въ необходимости подчиниться общимъ требованіямъ закона государственнаго, Павлу Васильевичу, и при такихъ обстоятельствахъ, легко было бы исправить вполнѣ свое положеніе однимъ личнымъ, вѣрноподданнѣйшимъ обращеніемъ къ милосердію справедливаго Монарха.

Но Чичаговъ, по своей страстной природѣ и по гордости своего права, усмотрѣлъ въ такихъ естественныхъ послѣдствіяхъ его собственнаго бездѣйствія, какъ бы умышленно направленное противъ него преслѣдованіе и въ запальчивомъ увлеченіи этомъ поступилъ крайне неосмотрительно во вредъ себѣ и дѣтямъ сво-

---

[166] По свидѣтельству потомковъ адмирала П. В. Чичагова, взятыя въ опекунское управленіе имѣнія его, которыя не могли быть отнесены по закону къ выморочнымъ имуществамъ, не были потомъ отданы, по праву на нихъ, ближайшимъ наличнымъ родственникамъ и остались почему-то безызвѣстными, какъ бы потерянными вовсе и навсегда для законныхъ его наслѣдниковъ.

нмъ. Нервная, и дѣйствительно уже озлобленная натура его, увлекла на рѣзкій поступокъ, который нельзя напменовать иначе, какъ «coup de tête», т. е. поступкомъ головы распаленной, не нормальной.

Не говоря уже о невоздержныхъ рѣчахъ, по этому поводу, Павелъ Васильевичъ къ сожалѣнію далъ исходъ своему возбужденію поступкомъ въ прямой укоръ себѣ, какъ со стороны общечеловѣческихъ понятій, такъ и въ особенности со стороны его соотечественниковъ.

Онъ объявилъ себя съ тѣхъ поръ не связаннымъ уже болѣе данною имъ въ Россіи присягою, принялъ англійское подданство и затѣмъ порвалъ окончательно всякія связи со своею родиною.

П. В. Чичаговъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, продиктованномъ имъ 20 мая 1847 года, помѣстилъ, между прочимъ, по этому предмету, крайне любопытное заявленіе, ярко очерчивающее его самолюбивый, гордый, озлобленный до ожесточенія характеръ, занесшагося въ умѣ человѣка. Вотъ подлинныя слова его [167]:

— «En conséquence des mesures arbitraires, par lesquelles l'Empereur Nicolas a privé la noblesse russe de sa liberté individuelle et de son droit de propriété, et moi — même en particulier, de la pension légale, due à mes services et celle, due aussi par les statuts des différents ordres dont jesuis décoré, — j'ai rompu mon allégeance envers lui, et afin de recouvrer les droits de l'homme, je me suis associé à la nation, qui a su conserver le plus de liberté raisonnable, en me faisant naturaliser sujet anglais. En conséquence, on ne doit permettre à aucune autorité russe de se mêler de ce qui me concerne, mais je recommande à mes filles de leur remet-

---

[167] Эта часть духовнаго завѣщанія была напечатана въ 1853 году въ Парижѣ, въ Gasette des tribunaux, № 29, decembre. «Mémoires inédits de l'amiral Tchitchagoff» Berlin, 1855 и «Историческій Вѣстникъ» 1883 г., т. I, стр. 240.

«Вслѣдствіе произвольныхъ мѣръ, которыми Императоръ Николай лишилъ русское дворянство его личной свободы и правъ имущественныхъ, а меня, въ частности, законной пенсіи, слѣдуемой мнѣ за мои заслуги и присвоенной мнѣ по статутамъ разныхъ орденовъ, которыми я былъ награжденъ,—я порвалъ свое обязательство въ отношеніи его, а чтобы возстановить свои обще-человѣческія права, я приписался къ націи, умѣвшей всего болѣе поддержать идею разумной свободы и принялъ англійское подданство. Въ виду этого, никакимъ русскимъ властямъ не должно быть дозволено вмѣшиваться въ дѣла, лично до меня касающіяся, но я поручаю моимъ дочерямъ передать имъ слѣдующіе орденскіе знаки мои: св. Александра Невскаго, св. Владиміра, св. Анны и св. Георгія».

tres les signes de mes ordres suivants: st. Alexandre Nevsky, st. Wladimir, s-te Anne et st. George.

Продолжая жить въ 1840 годахъ преимущественно въ своемъ домѣ въ Со (Sceaux), П. В. Чичаговъ умеръ тамъ *10 (22) сентября 1849 года* и тѣло его погребено въ мѣстномъ кладбищѣ [168].

Адмиралъ Чичаговъ оставилъ послѣ себя обширныя записки, разные наброски съ описаніемъ нѣкоторыхъ историческихъ эпизодовъ и вообще много замѣтокъ по современнымъ ему вопросамъ и дѣламъ, въ особенности же до кампаніи 1812 года относящихся. Извлеченія изъ его записокъ были изданы въ 1855 и 1862 годахъ, въ Берлинѣ и Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: «Mémoires de l'amiral Tchitchagoff, avec une notice biographique, d'après des documents authentiques». Небольшая эта брошюра, за исключеніемъ ея первой части, состоящей изъ описанія послѣднихъ дней жизни Императора Павла Петровича, была издана, въ переводѣ, П. И. Бартеневымъ въ Русскомъ Архивѣ за 1869 и 1870 годы [169].

Всѣ современники адмирала П. В. Чичагова, какъ русскіе, такъ и иноземные, единогласно свидѣтельствуютъ, что онъ былъ человѣкъ обширнаго ума, широко образованный, чрезвычайно способный съ необыкновенною энергіею и трудолюбіемъ, безукоризненно честный, глубоко нравственныхъ правилъ жизни, съ благороднѣйшими порывами и неуклоннымъ стремленіемъ къ порядку, правдѣ и искорененію всякихъ золъ и злоупотребленій. Но при всѣхъ этихъ многостороннихъ достоинствахъ, тѣ же лица удостовѣряютъ, что П. В. Чичаговъ былъ человѣкомъ необыкновенно

---

[168] Въ духовномъ своемъ завѣщаніи, П. В. Чичаговъ велѣлъ похоронить себя на мѣстномъ кладбищѣ въ Со, насколько возможно ближе къ могилѣ погребеннаго тамъ же брата его, Василія, безъ всякой церемоніи, съ приглашеніемъ къ отпѣванію своего тѣла — протестантскаго пастора и поручилъ покрыть себя, сбереженнымъ отъ похоронъ любимой жены, бархатнымъ покровомъ.

[169] Одинъ изъ внучатныхъ племянниковъ адмирала П. В. Чичагова, Л. М. Чичаговъ заявилъ (Русская Старина, 1883 г., т. II, стр. 488—492), что ему, по совершенно неожиданному случаю, досталось громадное собраніе собственноручныхъ историческихъ трудовъ съ подлинными записками его покойнаго предка, а также множество документовъ, которые должны освѣтить еще болѣе жизнь и дѣятельность этого государственнаго мужа и обѣщаетъ изданіе такихъ интереснѣйшихъ матеріаловъ. Будемъ ждать появленія этой обѣщанной въ печати крайне любопытной исторической находки, которая, подобно многимъ коллекціямъ такого рода, тлѣла донынѣ подъ спудомъ неизвѣстности. Благодаря обязательному вниманію Л. М. Чичагова, намъ предоставлены были намъ копіи съ нѣкоторыхъ документовъ, помѣщенныхъ выше въ настоящемъ очеркѣ.

щекотливымъ, самолюбивымъ, страстнымъ, увлекающимся, гордымъ до надменности, рѣзкимъ и несдержаннымъ на языкъ, озлобленнымъ и вообще съ крайне тяжелымъ, неуживчивымъ характеромъ. Хотя многочисленные враги адмирала и старались выставить его, какъ человѣка ненавидѣвшаго будто бы свое отечество, прикидывая къ имени его слово измѣны по отношенію Березинской переправы Наполеона; но подобныя пристрастныя нареканія не выдерживаютъ строго справедливой критики при ближайшемъ знакомствѣ съ фактами и историческими данными, выше нами приведенными. Стоитъ только пересмотрѣть со вниманіемъ предложенное нами перечисленіе всѣхъ его дѣйствій, въ бытность у правленія морскимъ вѣдомствомъ, — и всякій скажетъ, что такъ не поступаютъ враги своей родины. Погромъ, нанесенный имъ французской арміи подъ Зембинымъ предъ выходомъ изъ Россіи, на пути къ Вильнѣ, кромѣ добытой имъ славы, которую старались затмить враги его, еще болѣе убѣждаетъ въ томъ, что онъ никогда не желалъ потворствовать отечественному врагу, а тѣмъ болѣе не омрачаютъ его имени тѣнью измѣнника.

Павелъ Васильевичъ всю жизнь свою на службѣ посвятилъ всецѣло интересамъ и доброй славѣ своего отечества; постоянно углубленный въ трудъ и трудъ усиленный при упорной борьбѣ со зломъ всякаго рода, онъ, своими тяжелыми усиліями, приносилъ честную дань родинѣ, стараясь и поставивъ на надлежащую высоту морское знамя Россіи. Уже этимъ однимъ онъ достаточно убѣдительно доказалъ отсутствіе какихъ-либо враждебныхъ чувствъ къ родному краю и оставался неизмѣнно вѣрнымъ слугою вѣнценосныхъ правителей нашихъ, служа имъ, съ достовѣрностію можно сказать, вѣрою и правдою. Врагомъ онъ дѣйствительно былъ, самому себѣ, вслѣдствіе неумѣренной пылкости, гордости и неумѣстной невоздержности, какъ языкомъ такъ и дѣйствіями, когда видѣлъ кривды или неправды мнимыхъ только отечестволюбцевъ.

Относительно же приписываемаго Павлу Васильевичу озлобленія въ характерѣ, мы позволимъ себѣ, ежели не въ полное оправданіе его, то въ нѣкоторое извиненіе ему, напомнить описанные выше горькіе эпизоды его жизни, когда онъ, невинный, былъ постоянно оклеветываемъ еще въ самой ранней порѣ своего служенія; потомъ, представимъ себѣ время, когда онъ испытывалъ на себѣ незаслуженно, терзанія физическія въ крѣпостномъ равелинѣ, предшествуемыя оскорбленіями нравственными, которыя были подготовлены злобными врагами и его завистниками. Не

говоримъ уже о систематическомъ гоненіи любимаго имъ отца — заслуженнаго моряка, преслѣдованіе, которое и зародило въ сынѣ чувство злобы при видѣ безпомощности русскихъ людей противъ всякихъ клеветъ и обвиненій, доводимыхъ до свѣдѣнія верховной власти. Далѣе, вспомнимъ славный походъ и военныя дѣйствія Павла Васильевича въ отечественную войну, когда брошенный съ враждебнымъ умысломъ, онъ былъ лишенъ всякой возможности выполнить чудную програму кампаніи начертанную рукою самого Русскаго Монарха, отъ правильнаго примѣненія которой только и зависѣла, желанная имъ и всѣмъ народомъ, развязка. Наконецъ, самъ собою возстаетъ, несмотря ни на какія козни противниковъ, блестящій результатъ нанесеннаго, 16 ноября, Чичаговымъ страшнаго пораженія врага на поляхъ Зембинскихъ; но и этотъ успѣхъ былъ вырванъ у него и приписанъ, мимо него, къ славнымъ подвигамъ второстепенныхъ въ дѣлѣ лицъ, воспользовавшихся плодами его энергическихъ дѣйствій. И въ благодарность за все это отъ него отвернулись съ негодованіемъ, незаслуженно заклеймили именемъ измѣнника; наконецъ онъ лишился и защиты въ этомъ противъ несправедливостей и даже возможности оправдаться еще при жизни, чтобы смыть съ себя грязь осужденія.

Принимая все указанное въ соображеніе, не естественно ли было при его свойствахъ, встрѣтить подъ конецъ жизни то гордое озлобленіе, которое привело его къ принятію англійскаго подданства?

Но спрашивается, можно ли бросить въ упрекъ человѣку, хотя бы и чрезмѣрное самолюбіе его, ежели оно не переходитъ въ чувство одного полнаго себялюбія, во вредъ ближнему и въ попраніе интересовъ своей родины?

Пересмотрѣвъ многія страницы исторической хроники того времени, мы нигдѣ не встрѣтили ни малѣйшихъ слѣдовъ того, чтобы П. В. Чичаговъ дѣйствуя исключительно въ видахъ себялюбивыхъ, противуотечественныхъ, причинилъ кому умышленное зло, или оказывался бы несправедливымъ по отношенію дѣлъ и лицъ, съ которыми находился въ соприкосновеніи служебномъ или общественномъ; даже и враги его, которые несомнѣнно воспользовались бы всякимъ поводомъ къ его обвиненію, не разукрасили ничѣмъ подобнымъ списокъ его преступныхъ дѣяній.

Обращаясь къ разслѣдованію причинъ возбужденно-непріязненнаго вообще отношенія къ адмиралу П. В. Чичагову со стороны большинства современнаго ему русскаго общества, мы по-

лагаемъ найти корень такого настроенія въ немъ самомъ и въ сложившихся обстоятельствахъ его жизни.

Припомнимъ во первыхъ, его начальное выступленіе на служебное поприще, когда, какъ извѣстно, во уваженіе заслугъ прославившагося адмирала В. Я. Чичагова, сынъ его, молодой морякъ Павелъ Чичаговъ сталъ быстро выдвигаться изъ среды своихъ сверстниковъ. При строгой соревновательной послѣдовательности въ ходѣ морскаго производства и необходимости для каждаго проходить, часто не безъ тяжкихъ усилій, нелегкія низшія ступени іерархической лѣстницы чиновъ, опереживаемые Павломъ Васильевичемъ сослуживцы не могли не видѣть въ быстротѣ его служебнаго движенія несправедливости судьбы, которая и была зерномъ зарожденія неудовольствій къ нему лицъ безпокровительственно шедшихъ по обще-служебному пути. Такое неблагопріятное для него чувство разросталось постепенно и потомъ, когда Павелъ Васильевичъ, при лучшихъ условіяхъ своей обстановки и благодаря поучительному руководству своего разумнаго отца, имѣлъ возможность болѣе легкимъ способомъ и скорѣе пройти практическую школу морскихъ познаній, которыя сдѣлали изъ него въ кратчайшее время опытнаго спеціалиста своего дѣла; прежде нежели его сверстники могли достичь того же, при болѣе тяжелыхъ личныхъ трудахъ, и отсутствіи подобнаго же руководителя, имъ приходилось, поневолѣ, уступать ему дорогу служебнаго возвышенія.

Далѣе, кромѣ спеціальнаго изученія въ Россіи и за границею морскаго дѣла, онъ былъ энциклопедически образованъ съ юности благодаря попеченіямъ широко образованнаго родителя его, который доставилъ ему всѣ средства сдѣлаться ученымъ и опытнымъ еще въ молодости человѣкомъ; къ этому присоединить надо обильные дары собственной природы Павла Васильевича, необычайное трудолюбіе и горячая любознательность его, которые рано выдвинули его уже окончательно изъ среды всего зауряднаго и поставили далеко впереди его сотоварищей.

Всѣ эти преимущества, хотя и сознаваемыя внутренно его сослуживцами возродили къ нему чувства ревности, зависти, какъ ко всякой преобладающей силѣ, умалявшей всю окружающую посредственность.

Уединеніе же самого Павла Васильевича, отдававшагося всегда и всецѣло своимъ научнымъ работамъ, извѣстная сосредоточенность въ себѣ, замкнутость нрава, а слѣдовательно и нѣкоторая

отдаленность отъ всего происходившаго въ окружающей его средѣ, дали поводъ приписать ему горделивое чувство, которое окончательно поселило недружелюбіе къ нему. Это недружелюбіе, при самостоятельномъ характерѣ П. В. Чичагова, сознававшаго уже вполнѣ свое превосходство надъ сотоварищами, поставило и его въ отдаленіи отъ неразвитыхъ и нетрудящихся завистниковъ.

Наконецъ, когда Чичаговъ, признанный уже за личность выдающуюся по умственнымъ и нравственнымъ своимъ качествамъ, сталъ на начальническій постъ, а затѣмъ былъ облеченъ широкою министерскою властію, сопровождаемою Монаршимъ благорасположеніемъ, то явилась боязнь къ нему за возможность преобладательнаго его вліянія въ высшей средѣ придворныхъ и всякихъ главноначальствующихъ. Эти чувства все болѣе разжигалъ самъ Павелъ Васильевичъ, сдѣлавшись строгимъ карателемъ произвола, злоупотребленій и невоздержно злорѣчивымъ пронизаторомъ всего неблаговиднаго. Система эта, хотя и благонамѣренная, все болѣе увеличивала численность его неблагопріятелей, всячески старавшихся вредить ему при всякомъ случаѣ въ общественномъ мнѣніи. Не смотря на то, что строгое исполненіе имъ долга и присяги было относимо, даже его министерскими собратами, къ донкихотству и осмѣиваемо ими; тѣмъ не менѣе онъ нисколько не обращалъ вниманія на нихъ и продолжая дѣйствовать въ томъ же духѣ настойчиво, позволялъ себѣ, не стѣсняясь выставлять и говорить правду даже самому Императору Александру Павловичу. Такое смѣлое поведеніе, вопреки дипломатическимъ пріемамъ придворной жизни, не нравилось многимъ и разжигало страсти его противниковъ, противъ которыхъ явно шелъ адмиралъ не смотря ни на какія интриги ихъ. Павелъ Васильевичъ, дѣйствуя всегда прямо, не стѣснялся даже высказывать такую правду, которая противорѣчила тайнымъ внушеніямъ ближайшихъ совѣтниковъ Государя, увлекавшихъ его на путь иноземнаго подражанія, мысль отъ которой адмиралъ пробовалъ всячески отвлечь Александра Павловича, но это оказалось невозможнымъ.

Кромѣ того, сознавая свое собственное превосходство надъ современными ему высшими дѣятелями, Павелъ Васильевичъ осмѣивалъ ихъ всегда, нѣсколько горделиво и даже съ презрѣніемъ относясь къ искателямъ фортуны.

Подобный самостоятельный образъ дѣйствій названный высокомѣріемъ и надменностію, при неуязвимости Чичагова, породилъ кромѣ прежнихъ, множество новыхъ тайныхъ враговъ въ

высшей сферѣ общества, которые и позаботились очернить его въ общественномъ мнѣніи при первомъ удобномъ случаѣ.

Впрочемъ къ чести П. В. Чичагова должно сказать, что всѣ его враги, зорко слѣдившіе за нимъ для отысканія повода къ его осужденію, ни какъ не могли выставить какихъ-либо фактическихъ данныхъ къ его обвиненію въ чемъ-либо; а потому, ограничившись лишь голословными обвиненіями въ его тяжеломъ характерѣ они нашли единственный случай сослаться на злосчастную Березинскую переправу—обстоятельство, которое будучи разъяснено вполнѣ историческими документами, явно оказывается несправедливымъ.

Мы полагаемъ, что одною изъ лучшихъ рекомендацій П. В. Чичагова можетъ служить его тѣсная, неразрывная дружба съ извѣстнымъ по уму русскимъ дѣятелемъ, нашимъ знаменитымъ дипломатомъ, честнымъ и благонамѣреннымъ патріотомъ—графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ. Въ сохранившейся перепискѣ ихъ и задушевной бесѣдѣ съ нимъ Павла Васильевича, длившейся съ 20 января 1796 по 6 ноября 1827 года, вполнѣ ярко очерчивается личность и глубоко честная натура нашего достопочтеннаго адмирала, который, не смотря на свои заслуги—по выраженію нѣкоторыхъ современниковъ—«*совершилъ для своего отечества менѣе того, на что онъ былъ способенъ и къ чему былъ призванъ*» [170].

Бывшій адъютантъ П. В. Чичагова, нашъ знаменитый медальеръ, а потомъ товарищъ президента Императорской Академіи Художествъ, графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой, извѣстный своею безпристрастною правдивостію, въ своихъ «Запискахъ», слѣдующимъ отзывомъ очерчиваетъ своего бывшаго начальника:

— «П. В. Чичаговъ былъ человѣкъ весьма умный и образованный. Будучи прямаго характера, онъ былъ замѣчательно свободенъ въ рѣчахъ и, какъ ни одинъ изъ другихъ министровъ, простъ въ обращеніи и разговорахъ съ Государемъ Александромъ Павловичемъ и всею царскою семьею. Зная свое преимущество надъ знатными придворными льстецами, какъ по наукамъ, образованію, такъ и по прямотѣ и твердости характера, Чичаговъ относился къ нимъ съ большимъ вниманіемъ, а въ отношеніи иныхъ даже и съ пренебреженіемъ, за что, конечно, былъ ненавидимъ

[170] Архивъ князя Воронцова, т. XIX. стр. 1—278.

почти всѣмъ придворнымъ міромъ и всею пустою, высокомѣрною знатью; но Александръ Павловичъ и Императрица Елизавета Алексѣевна его очень любили и уважали. Съ низшими себѣ и со своими подчиненными и просителями, которыхъ всегда принималъ безъ малѣйшаго различія чиновъ и званія, Чичаговъ обращался весьма привѣтливо и выслушивалъ просьбы послѣднихъ съ большимъ терпѣніемъ [171].

Нельзя не помѣстить также въ настоящемъ очеркѣ извлеченія изъ «Записокъ» одного изъ нашихъ извѣстныхъ и чтимыхъ всѣми генераловъ, бывшаго ближайшимъ свидѣтелемъ и участникомъ всего происходившаго въ отечественную войну Алексѣя Петровича Ермолова.

Заканчивая свои записки характеристикою нашихъ главнѣйшихъ полководцевъ въ кампанію 1812 года, Алексѣй Петровичъ весьма нелестно отзывается вообще о нихъ всѣхъ, за исключеніемъ только одного адмирала П. В. Чичагова. Вотъ что онъ пишетъ о немъ:

— «Командовавшій 3-ею арміею, извѣстный твердостію своею въ царствованіе покойнаго Императора Павла I, адмиралъ Чичаговъ отличался особенными ума способностями. Я не предполагаю разсуждать о немъ, ибо не довольно его разумѣю. Гордость чувства его высокопревосходительства отдалила его отъ многихъ, еще болѣе отъ меня. Высокія степени, занимаемыя имъ въ Государствѣ никогда не могли его сблизить со мною. Въ 1812 году, нѣкоторое время былъ я вмѣстѣ съ нимъ: замѣтилъ сколько новъ онъ былъ въ званіи начальствующаго арміею; сколько мало уважалъ нѣкоторыя по званію необходимыя обязанности; но не могъ не видѣть превосходства ума его, точности разсужденій и совершеннаго знанія обстоятельствъ. Упругій нравъ его, колкій языкъ и оскорбительная для многихъ прямота сдѣлали ему много непріятелей. Происки двора охладили къ нему Государя и кончивъ отечественную войну, онъ удалился. Я осмѣлюсь думать, что онъ многихъ могъ быть полезнѣе въ продолженіе войны» [172].

Въ заключеніе, приведемъ еще здѣсь нѣкоторые отзывы лицъ враждебнаго Чичагову лагеря.

---

[171] Русская Старина, 1873, т. VII, стр. 44—45.

[172] Извлечено изъ исторической коллекціи генерала Апол. Эрнест. Циммермана (род. въ ноябрѣ 1824, † 6 іюля 1884).

Бывшій министръ народнаго просвѣщенія графъ П. В. Завадовскій говоритъ о Павлѣ Васильевичѣ такъ:

— «Въ нашемъ Нептунѣ я нимало не ошибался; отличныхъ дарованій я не замѣтилъ въ немъ, а уловкою, свойственною іезуитамъ, онъ изобилуетъ; по такой лѣстницѣ не онъ первый достигалъ высоты» [173].

Бывшій государственный секретарь, адмиралъ А. С. Шишковъ пишетъ:

— «П. В. Чичаговъ, нравомъ и свойствами весьма съ отцомъ своимъ различный, человѣкъ надменный мнимыми своими достоинствами, дерзкій на языкъ и ненавидящій свое отечество — Россію [174].

Насколько голословны и пристрастны означенныя два свидѣтельства достаточно очевидно для каждаго и, какъ сказано выше, дѣлаютъ честь адмиралу по своей безпочвенности обвиненій. Судя по нимъ надо полагать, только что они вызваны были насмѣшками и ядовитыми рѣчами Павла Васильевича насчетъ этихъ же государственныхъ мужей.

Затѣмъ, кромѣ князя Кутузова, въ душѣ глубоко ненавидѣвшаго П. В. Чичагова, какъ крайне опаснаго для себя соперника, всѣ прочіе отзывы отечественныхъ и иностранныхъ современниковъ, вращаясь около злорѣчія его отдаютъ должную дань высокимъ качествамъ и уму почтеннаго адмирала и министра морскихъ силъ начала XIX столѣтія.

Пожалѣвъ только искренно о послѣднемъ запальчивомъ поступкѣ П. В. Чичагова, разорвавшемъ безъ надобности и достаточно уважительныхъ причинъ связь свою съ родиною, которая всетаки, скажемъ мы, судя по фактамъ, была ему дорога, намъ остается прибавить ко всему изложенному на этихъ страницахъ что онъ былъ *человѣкъ* и примѣнить къ нему извѣстное изреченіе священныхъ книгъ: *«нѣсть пророкъ безславенъ токмо во отечествіи»*.

От брака своего съ дочерью англійскаго адмирала, Елизаветы Проби (Proby) у П. В. Чичагова было три дочери:

1. Аделаида, род. 12 сентября 1800 г., была въ супруже-

---

[173] Архивъ князя Воронцова, т. XII, стр. 273.
[174] Записки адмирала Шишкова, т. I, стр. 66.

ствѣ, съ іюля 1826 г., съ французскимъ барономъ Бруэ (Brouhet de St. Martin) съ которымъ впослѣдствіи разъѣхалась;

2. Юлію, род. въ февралѣ 1803 г., въ замужствѣ за венгерскимъ графомъ де-Круи (Comte de Crouy—Chanel), и

3. Екатерина, род. весною 1807 года, въ супружествѣ за французскимъ морякомъ графомъ де-Бузе (Comte de Bouzel) [175].

По Сенату, Чичаговъ значится присутствующимъ 1805 — 1809 гг. въ 1 департаментѣ и съ 1809—1834, неприсутствующимъ сенаторомъ.

---

175 Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 90, 165, 264, 267, 274 и 281.

5p–